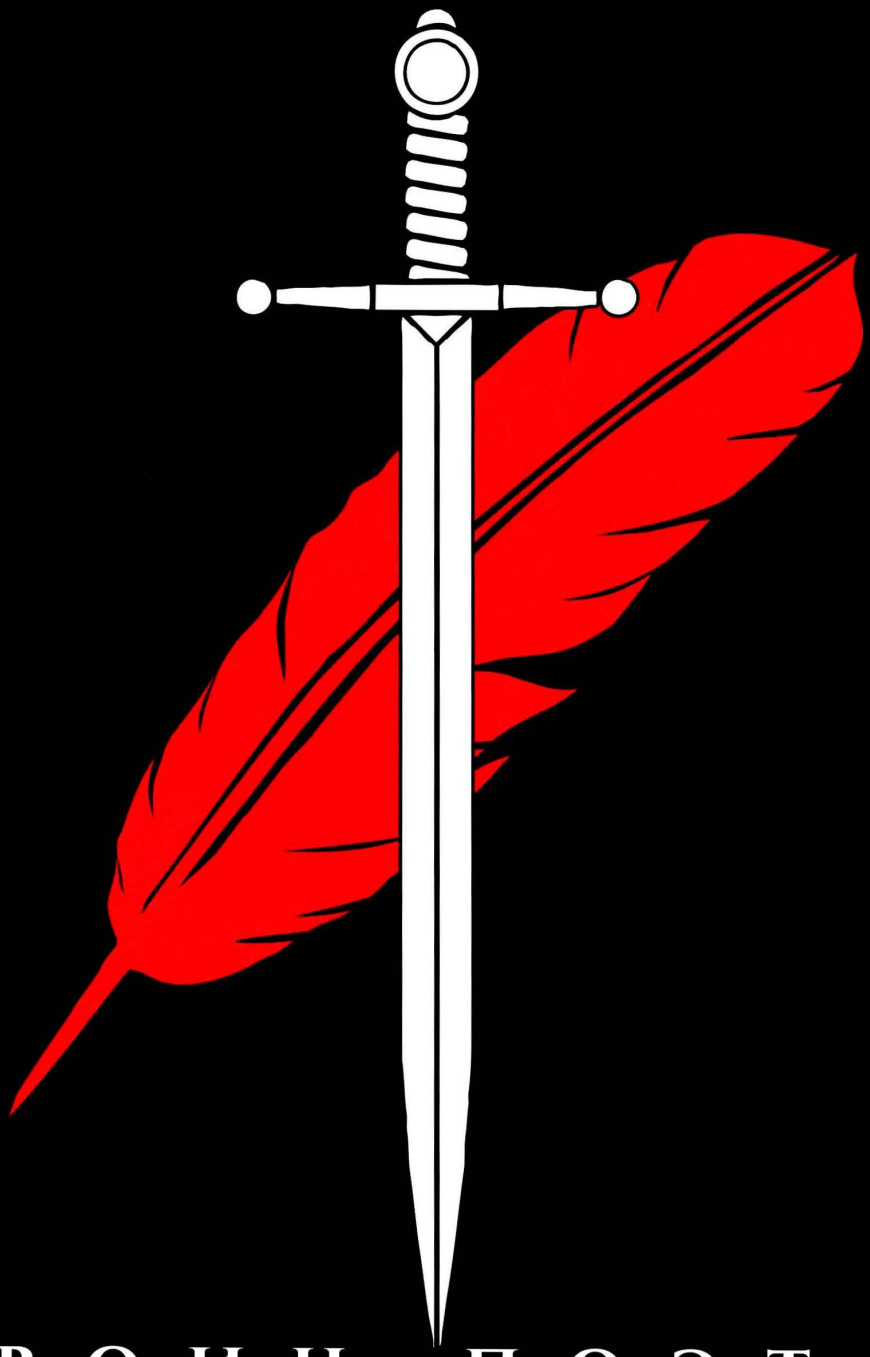

ВОИН-ПОЭТ: КОЛЛЕКЦИЯ КУРТА ЭГГЕРСА

ОБЩЕСТВО «ФИЛОФОТ»

Нашим юным читателям!

ВОИН-ПОЭТ: КОЛЛЕКЦИЯ КУРТА ЭГГЕРСА

Курт Эггерс был настоящим национал-социалистическим воином-поэтом, чьи произведения позволяют увлекательно заглянуть в душу идеального воина СС. Внутренние качества, которые он восхваляет, сводятся к тем, которые порождают героизм: доблесть, честь, гордость, отвага, вечная жажда справедливости. Но это не рыцарские сказки. Это жизнь Воина. Он знает, что эта жизнь не бесконечна.
Сам Эггерс умер при попытке спасти своего камрада при атаке советских солдат в 1944-ом году.

Содержание

О МУЖЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ И ХРАБРОЙ СМЕРТИ.....1

О немце.....3
Пробуждение воли к жизни.....8
Частная жизнь 13
Привилегия 18
Общество.....24
Оценка 29
О победе над собой 39
Диалог 44

СВОБОДА ВОИНА.....55

Перекличка.....58
Первая Ночная Вахта Чести Воина 66
Вторая Ночная Вахта Верности Солдата 79
Третья Ночная Стража Великой любви солдата 88

ВОЙНА ВОИНА..... 95

Пробуждение.....96
Наша Вера.....97
Рейх.....98
Мы услышали фюрера.....100
Немец! 101
"Только солдат является свободным человеком" 102
Камрад!.....106
Школа Проведения Теста.....107
Ожидание.....109
Судьба Солдат.....110
Между Битвами.....113

"Нет на свете смерти прекраснее..."....116
Долг и Совесть....118
Величие Рейха....120
Солдаты Помнят Своих Матерей....122
Тоскующий....123
Рейх в Мечтах и в Реальности....124
Разговор о Смерти....127
Обсуждение Вопроса о Мире....130
Отец размышляет над колыбелью....132

ВОИНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.... 133

Прощание с Буржуазией....134
Должно стать «иначе»!....143
Революция в нас самих....148
Новый Немец....167
Путь в будущее 180

ОТЕЦ ВСЕХ ВЕЩЕЙ....181

Созидатель война....189

ВРАЖДЕБНОСТЬ.... 221

Камрад!....222
Наш Мир....224
Боль....234
Уметь Быть Врагом!....240

НЕМЕЦКОЕ УТВЕРЖДЕНИЕ.. 247

Немецкая вера....248
Врата свободы....251
Немецкая Душа....250

Мы, немцы.....252
О Войне.....253
Авангард.....255
Этот Термин Напрасен.....256
Добровольцы.....259
Созидательная сила бедности.....2 60
Великое Желание.....262
Материнство.....263
Отец Размышляет Над Колыбелью.....266
Борьба За Знание.....267
Зов.....270

РОЖДЕНИЕ ТЫСЯЧАЛЕТИЯ.....272

Предисловие: Утраченный закон.....276
Лицо Мира.....281
Значение Политики.....298
Дипломатия.....323
Война Против Идолов!.....339
Вывод.....378
Путь Свободного Человека.....390

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОСТЁР.....392

Конец.....425

О Мужественной Жизни и Храброй Смерти

Книга I

О немце

Немец родился не в очаровании солнечного ландшафта и не в беззаботности неистощимой почвы. Ни земля, ни местность не одарили его сытым спокойствием или мечтательным уютом.

Такова судьба немца: он никогда не имел возможности жить в благодатном изобилии, а был вынужден завоевывать даже самые скромные радости. Это наложило отпечаток на его лицо и душу. Тот, кто пройдет по Германии в своих поисках, чаще встретит изнуренные и изборожденные морщинами лица, нежели лоснящиеся и довольные физиономии. И бури бушуют в душе немца столь же часто, как они заставляют вздыматься волнами Северное море, по которому плывут его корабли. Скудость и тоска сделали немца склонным к размышлениям, одиноким и воинственным. Поэтому тот, кто хочет расположить к себе немца, должен пообещать ему землю и небо, полное борьбы.

Ничего не знающие о душевном томлении сытые народы никогда не понимали, почему немец так задумчив, почему размышление он ставит выше наслаждения.

Немецкий образ мысли в присущих ему формах возник из немецкой крови. Когда немец строил, то из- под его руки возникали соборы и башни причудливых форм, стремящиеся к облакам. Если он слагал стихи, то его баллады были холодны и суровы, полны скрытой целомудренной красоты — они могут ранить слух того, кто любит певучесть южных стихов.

* * *

Немецкий образ мыслей стремится к великому единству внутреннего действа, стремления к честности и истинного желания. Он борется за истину, то есть за познание и признание своей сути. Ради этой истины немец отказывается от проторенных путей, привычных форм и всех представлений, которые из-за своей древности могут представляться достойными уважения и святыми. При этом он не возводит зданий и не чеканит памятных табличек, а отваживается на простоту и новое изменение.

* * *

Это означает, что волнение, вызванное стремлением к истине и правде не могло и не может долго сдерживаться системами, приносившими и приносящими мир или, по меньшей мере, умиротворение.

Ничто не может принести сладкое успокоение этого волнения — как нельзя найти один главный ответ на все вопросы.

Во все времена немец знал или подозревал об опасности бездействия и спокойствия, об опасности инфекции разложения, которая за ними скрывается.

Во все времена немец чаще отдавал себя «демону» беспокойства, чем богу мира. Иными словами, он охотнее вдыхал пороховой дым, чем аромат ладана.

В глазах умиротворенных (то есть находящихся за ограждением) «стадных животных» в этих немцах есть нечто демоническое, нечто безумное. Их сторонятся из страха за мир в собственной душе, им уступают путь, так как боятся меча их духа.

Тысячелетиями мировое стадо нападало на носителей немецкого беспокойства и убивало их, бесчестило и искореняло. Но, несмотря ни на что, посреди великой гибели народов это немецкое беспокойство сохраняет немецкую нацию опасно жизнеутверждающей. Там, где немец пробуждался, он становился цельным, неподкупным и непримиримым. Там, где ему всё становилось ясно, ему не наносили ущерба многочисленные происки, с помощью которых его хотели сделать чуждым себе самому.

* * *

Тот, кто хочет позволить немцу окрепнуть, должен ввергнуть его в нищету и лишения. Такова тайна немецкого естества: еще никогда немецкая душа не страдала от войн, но ей часто вредили трусливые мирные времена. В сытые времена немец беспечен и радостен как дитя. В такие времена его врагам легко опутать немца теориями и диковинными учениями. Тогда они могут отважиться эксплуатировать его и принудить к унизительному рабскому труду. Немецкое легковерие, добропорядочная доверчивость — это самые слабые места в крепости немецкого естества. Немца учили, что ненависть предосудительна. И немец верил этому учению! Слишком поздно ему пришлось узнать, что настоящая ненависть так же благородна, как настоящая любовь.

* * *

С безответственностью ребенка немец раздаривал миру сокровища и пригоршнями разбрасывал ценности. С игривой радостью он наблюдал, как другие собирали эти сокровища и ценности и основывали на них свою власть. Он был слишком юн, чтобы осознать ответственность за вверенное ему наследие.

Этой юности мир обязан своим сегодняшним обликом.

* * *

Тысячи раз немец проходил мимо короны и довольствовался тем, что был слугой в доме своего отца.

Как мечтательный заигравшийся мальчик, он строил из стран и миров карточный домик, чтобы в конце игры снова разрушить его одним движением руки.

* * *

Немецкая история — это учебник всемирной истории упущенных возможностей.

Юным немцам следовало бы каждый день зачитывать по главе из этого учебника. Может быть, тогда они стали бы бдительными и невосприимчивыми ко всякого рода нашептываниям. Может быть, даже краска стыда выступит на их щеках, а может быть и так, что их глаза наполнятся слезами гнева.

* * *

Сытые времена способствуют бездумному наслаждению. Нужда же побуждает к вопросам и размышлениям. Часто немецкая душа обращала свой вопрос о причинах судьбы и истории к небу. Часто немцы растерянно стояли перед руинами своей империи и идеи. Религии рождены вопросом «Почему?».

Но религии учили теориям о судьбе, а эти теории перекладывали груз ответственности со спрашивающих душ на неизвестного Бога и давали утешение идеей Провидения. Границы между виной и судьбой стирались.

Так немец вновь становился вялым. Он искал оправдание своей вине. Небеса не отвечали на его вопросы, а упреки своего сердца он мог успокоить и заглушить при помощи идеи о данной богом судьбе.

Следовало бы научить немца, что любая вина является следствием его нерешительности, что любая судьба является наказанием за его вину. Следовало бы дать ему в руки для искупления не молитвенник, но меч!

Над тем, кто обращает вопрос к небу, смеются. Ответ получит тот, кто спрашивает свое сердце. И этим ответом является не двусмысленное прорицание оракула, а требование: будь немцем и действуй как немец, тогда станешь сильнее любой судьбы!

* * *

Немецкий вопрос ищет подтверждения. И это подтверждение гласит, что ничто не происходит зря, случайно или чудом; что любой грех большей частью кроется в половинчатости, нерешительности и равнодушии, и что любой поступок является проявлением закономерности.

Таким образом, вопрос немца требует не утешения неизвестного бога, а подтверждения закономерностей. Вместо чуда он требует действия.

* * *

Тот, кто видит закономерность в себе и своих поступках, тот знает, что, в конечном счете, любая вера в чудеса берет начало в поиске своего «я»: он не ожидает, что из-за его боязливого сердца остановит свой ход Солнце и сдвинутся горы, а бросается в атаку на неприятности и превращает судьбу в историю.

Тот, кто верит в закономерность и настаивает на се осуществлении, тот более почтителен, чем верящий в чудеса, так как он не совершает насилие над великой жизнью, а включается в нее. Кто хочет чуда, тот хочет спастись бегством. Лишь тот, кто осознает себя частью закона, создает порядок и ценности, которые величественнее, суровее, правдивее и возвышеннее самых благонамеренных желаний и молитв.

Чудо и волшебство на одной стороне, закон и поступок на другой — перед таким выбором стоит немец.

Первая заповедь сторонника закона и поступка гласит: я знаю, что существую! Тот, кто говорит «да» жизни, своей жизни, тот желает осуществления, а не спасения. Его вопросы становятся проще, его поступки благоразумнее. Чем слабее человек, тем более пространными и громкими становятся его вопросы.

Можно тысячи и тысячи лет, жалуясь, искать милостивого бога — и все же твое существование разобьется о закон жизни. Но сильный человек своим мужественным поступком преодолеет границы любых миров.

С одной стороны — слабость и отсюда стремление к спасению, молитва, проклятие миру и эскапизм, с другой — готовность к поступку и мужество для прыжка через последние пропасти и подъема на высочайшие горы: таков выбор немца!

* * *

Едва он осознавал свою силу и делал первые шаги к власти, как его отталкивали от двери, которая вела к его самореализации. Ему нашептывали, что его сила — это дьявольское искушение, его ликование — это торжество Сатаны. Ему советовали уничтожить свою силу, спустить воинственную молодую кровь. В общем, от него требовали продать свое сердце и стать старым — старым и неопасным!

С течением времени многие соблазнились этим отречением и примкнули к миру «Нет». Они умерли как предатели своего закона, как беглецы от жизни. Но те, чье сердце осталось закрытым для чуждого, кто, наперекор всем опасностям, встал на сторону мира «Да», были одиноки в мире, одиноки среди своего народа. Их жизнь превратилась в протест, их поступки — в сопротивление и бунт. Они нашли свою смерть в бою, на костре, в темнице или изгнании.

Они избегали мира слабых, мира надежд, и даже находили в себе мужество прославлять свое скорбное одиночество. И всё же у этих немногих при их жизни, и даже более того, при их смерти была Германия, была империя.

Пробуждение воли к жизни

Воля к становлению таится в человеке в виде зародыша до тех пор, пока человек не рождается.

Физическое становление, рост находит свое определенное завершение во взрослении. Духовное становление, зрелость, заканчивается лишь со смертью. Только рост вместе со зрелостью составляют настоящее становление человека. Поэтому мешать зрелости так же неестественно и нелепо, как умышленно останавливать рост.

Тогда неизбежно возникают симптомы упадка, возникают увечья. Однако есть люди, которым неприятна зрелость, наполненная беспокойством, нуждой и всякого рода неудобствами. Они воспринимают детство как желанное состояние и скорбят о потерянном рае.

Они продолжают оставаться в возрасте ребенка и не решаются вступить в страну мужества.

В своих религиях они славят состояние детства как блаженное, а требование быть как дети считают целительным. Быть как дети — это для них откровение. Детские сказки они превращают в исцеляющие вещи.

Их рай — это сумеречное состояние, нежелание ничего знать во имя милого им покоя. Кормление с ложечки и мелочная опека. Мечтательная игра с символами змеи и черепа.

Их проклятье — это жизнь с ее борьбой, обязанностями, трудом, сознательной трезвостью и суровостью.

Их мечта — освободиться от своего тела, от этой жизни, вновь обрести потерянный рай, место сладкого беспечного блаженства.
Вывод: естественное будет побеждено неестественным. Из-за страдания нс произойдет духовного рождения.

Детство означает несамостоятельность и требует руководства, одобрения, постоянной опеки. Кто остается ребенком, отдается трусости.

Но кто другой может из трусости вернуться к несвободе, если не тот, кто чувствует себя слишком слабым, когда жизнь ставит перед ним свои требования?

* * *

«Грехопадение» вызвало конец райского состояния. Детские мечтания уступили суровому долгу. На место мечты пришел поступок.

Если бы рай возник сейчас вновь, то через сто лет на этой Земле больше не осталось бы ни одного человека. Воля к становлению одержала победу над раем; пока она жива, рай не возвратится.

Поступок не позволит мечтам одержать над ним победу, так же как сумерки не смогут победить свет.

Поэтому того, кто хочет остаться ребенком, следует выполоть как сорняк, ибо он не принесет пользы.

Того, кто заявляет «Я боюсь стать мужчиной», необходимо изгнать из общества.

* * *

Речь идет о том, что воля к жизни становится священной. Тысячелетиями непрерывно грешили против духа жизни, освящая желание смерти — кончины этого мира. Тот, кто рассматривает жизнь лишь с точки зрения смерти, а поступок рассматривает лишь с точки зрения греха, с неизбежностью будет полностью отрицать обязательность жизни. Он также не сможет осознать закон и порядок жизни, не говоря уже о признании их ценности.

Мы должны начать освящать само зачатие. Тысячелетие в зачатии видели первородный грех, наследственный недуг человечества. Ребенок был проклят уже в лоне матери. Мужчина был вынужден с раскаянием бросать женщину, а женщина должна была со стыдом рожать своего ребенка.

Нежная душа ребенка была окружена тягостными мыслями своих родителей.

* * *

Поэтому мужчина, который отправляется к своей жене, продолжает священное предназначение своей жизни. Он исполняет закон жизни — ибо жизнь есть только там, где ею наделяют.

Он исполняет закон жизни — ибо жизнь есть только там, где ею наделяют.

Поэтому жизнь воспроизводит сама себя.

Но тот, кто не продолжает жизнь, уже мертв, даже если еще дышит. Он нарушитель закона, даже если наперекор жизни его религия возносит его как благословенного!

Зародыш ребенка, развивающийся в утробе матери в ожидании рождения, является исполнением закона, а потому священным. Тот, кто считает его плодом греха, очерняет закон и глумится над порядком жизни.

Зародыш ребенка начинает свой рост, не зависящий от нашей власти. Мать вынашивает этот зародыш и освящает его своей радостью. Но эта радость обусловлена тем, что мать знает, что она является сосудом священной жизни. В час рождения воля к становлению преодолевает первые препятствия. Перерезание ножницами пуповины освобождает ребенка от телесной зависимости. Первый крик — это первое признание собственной жизни.

* * *

Воспитание ребенка состоит прежде всего в пробуждении воли к жизни. Не следует путать воспитание с дрессировкой. Речь идет не о том, чтобы насильно привить ребенку манеры, которые нравятся его родителям, а о том, чтобы развить покоящиеся в нем задатки, если они хороши. Главная обязанность родителей — вовремя выпалывать имеющийся сорняк и заботиться о том, чтобы он не поглощал ценную пищу. Но прежде всего стоит заботиться о том, чтобы ребенок мог вырасти честным и откровенным.

Так как ребенок является не личной собственностью родителей, а членом общества, то родители несут за него ответственность перед обществом.

Воспитание тогда доказало свой успех, когда покоящийся в ребенке закон начал проявляться.

Порицаемое упрямство ребенка часто состоит именно в упорствовании на точке зрения, присущей ребенку. Нельзя привить ему мнение родителей как собственное — надо дать ему возможность вывести собственное суждение.

Зачастую так называемая незрелость молодого человека является выражением неиспорченного воспитанием чувства.

* * *

Вновь и вновь всплывает избитая фраза о вражде поколений. Старшие упрекают молодых в дерзости и отсутствии почтительности. Молодые презирают старших за их равнодушие и примиренчество.

Но когда же такая вражда прорывается в виде протеста?

Нередко старшие, из-за своей нерешительности потерпевшие поражение в борьбе за формирование собственной жизни, с какой-то завистливой надменностью похлопывают молодежь по плечу и советуют ей сперва повзрослеть, чтобы иметь право участвовать в разговоре. Они с дедовским превосходством рассуждают о том, что тоже когда-то были молодыми людьми с незрелыми взглядами.

Подобные фразы не годятся для молодого человека. Он желает поощрения и поддержки и стерпит только дружеский совет, а не «знания», порожденные непротивлением и пессимизмом.

Молодой человек своим безошибочным чутьем очень быстро распознает слабости.

Тогда проявляется его чувство превосходства, возникающее из понимания собственной силы и молодого готового к действию духа смелости. Тогда он может иногда быть очень «дерзким» в своих речах и действиях. И его неприязнь может перерасти в презрение.

Но если молодой человек обнаруживает в старшем честные убеждения и мужественное следование идее, он смотрит на него с доверием и с готовностью следует за ним во всех сферах борьбы. Там, где старший становится примером и вождем, он никогда не сможет пожаловаться на дерзость младшего.
Вражда между поколениями большей частью вызвана несостоятельностью старшего поколения.

Молодежь желает, чтобы ее завоевывали, а не уговаривали.
Поэтому решающее значение имеет то, кто учит и ведет за собой молодежь. К такого рода занятию должны быть привлечены только самые лучшие, самые сильные и самые умные люди нации.

От них большей частью зависит, придут ли молодые люди к великому порядку через претворение в жизнь своих принципов
или они, озлобленные и разочарованные, погибнут в лагере нигилизма как во внутреннем, так и во внешнем отношении.

* * *

Тот, кто врос в великий порядок и руководствуется им, не нуждается в возрождении, отрывающем его от естественной привязанности. Напротив, он осознает место своего труда и будет стремиться должным образом исполнять свой закон. Такое «спасение» требуется только людям, которые потерпели неудачу в жизни. Поэтому молодого человека можно найти в обществе равных ему по силе и непреклонности, а не в кругах, нуждающихся в спасении.

Пост наставника и вождя молодежи столь ответственен потому, что они должны осуществить первоначальный отбор наиболее ценных в физическом, умственном и духовном плане индивидов. А как может кто- то судить о достоинстве, которым он сам не обладает? Неполноценный человек раз за разом распознает только неполноценного, и из-за известной солидарности слабых и дурных привязывается к нему в своем сердце, а с другой стороны из-за чувства неполноценности ненавидит
и страшится сильного и доброго.

Молодой человек жаждет учения и примера. У него есть потребность во всем, что делает его волю сильнее.

Иными словами, ценны только те воспитательные моменты, которые способны основательно повлиять на мужество, характер, взгляды и склад ума молодого человека. Знание, не способствующее этому, становится балластом и может сбить с
толку его сердце и чувства.

Частная жизнь

В общих чертах сегодня под «ценным человеком» мы понимаем того, кто умеет представить свои таланты в правильном свете. Талантливый и поэтому ценный человек может широко применять свои дарования. Чтобы добыть таящиеся в этом человеке ресурсы, используют определенный образовательный капитал и твердо рассчитывают на то, что вложенный таким путем капитал в обозримом будущем принесет значительную прибыль.

Вдобавок «образование» было предметом продажи, который соответственно мог получить и «бесталанный» — при условии, что он получил необходимые удостоверения и дипломы. Но не в последнюю очередь это было вопросом денег и усидчивости. Одним словом, образование как товар можно было приобрести в образовательных учреждениях как в универмагах и беспрепятственно вынести оттуда.

Поэтому этот товар мог попасть в некомпетентные руки и таким образом нанести ущерб обществу. Давно прошли времена, когда на открытом рынке можно было купить пистолеты. Но не менее «опасные» орудия духа до последнего времени могут быть доступны любому, кто их потребует. Так слабый человек мог добыть себе оружие, с помощью которого мог заставить повиноваться себе сильного. Болезненный и увечный мог беспрепятственно достать нужные инструменты для спланированного им разрушения. Так по необходимости появилось на свет осознание того, что общество, если оно вообще хочет остаться жизнеспособным и здоровым, должно осуществлять планомерное создание и формирование ценностей.

* * *

Первое требование: в обществе ценен тот, кто здоров телом и душой. Только здоровый человек имеет право на раскрытие своих талантов. Только он может дать здоровый плод. Больной может лишь демонстрировать переливающиеся всеми красками ложные плоды.

Второе требование: общество создает предпосылки для развития здоровых сил. Поэтому только оно одно имеет право получать плоды.

* * *

Пока на месте общества в борьбе всех против всех стояло разнузданное «Я», ценностями можно было пользоваться свободно. Одному было позволено жиреть за счет богатства, в то время как другие вынуждены были голодать.

* * *

Общество не разрушает частную жизнь. Она лишь лишается своей изоляции и вовлекается в общество. Общество не разрушает личные ценности, а придает наибольшее значение их развитию. Чем более значимы эти ценности, тем интенсивнее будет развиваться общество.

* * *

В сказке ищущий приключений герой ходит по стране, побеждает драконов, освобождает принцесс, убивает злодеев. Женщины любят его, добрые люди его восхваляют. Слава о нем идет по всему свету. Его имя становится легендой. Глаза юношей начинают сверкать, когда воспеваются его дела.
Благословен народ, у которого есть великие герои и великие легенды. Но горе обществу, лучшие люди которого уходят, чтобы искать приключений и погибнуть в дальних странах.

Обществу нужны сильные, храбрые, бесстрашные и несгибаемые, чтобы они стояли в рядах товарищей и там стремились осуществить великие дела. Поступок отдельного человека в обществе не пройдет даром, и лишь в нем превратится из случайного в плановое дело.

Не отдельный поступок, а лишь труд всего общества создает народную общность на века. Слава одного становится славой общества.

Тот, кто осознал смысл общества и является его частью, тот чувствует долг совершенствоваться. Он более не жаждет личной славы, а в своих поступках видит условие существования тех, кто будет жить и бороться после него. Он будет рассыпать свои поступки, как сеятель зерно. Сознание ответственности вынудит его сеять только ценные семена и только в плодородной земле. Такова его слава. Он понимает, что не приносит «жертву». Ведь любой результат является естественным следствием его действий.

* * *

Общество не тянет его «вниз», не равняет его с равнодушными и ничтожными.

Чем выше он поднимается в обществе, тем больше наполняет он его своими поступками, тем больше он увлекает его за собой, вперед и вверх.

* * *

Те, кто ушли в пустыню, чтобы быть в одиночестве, те, кто избегали общества, чтобы не делиться своими сокровищами, будут смотреть на него с удивлением и сомневаться в том, что он еще может вести «настоящую» жизнь.

Они будут считать, что он постепенно перегорит и в конечном счете станет представлять собой безотрадное зрелище заброшенного дома, выработанной шахты. Спорить с ними бесполезно. Следует лишь сказать им, что одна спичка может гореть, но она одна — еще не огонь. Но даже тому, кто посвятил свою частную жизнь обществу, знакомы часы одиночества. Когда он на короткое время покидает круг товарищей, то он делает это для того, чтобы вступить в диалог со своим сердцем, чтобы дать отчет своим желаниям и поступкам. Он размышляет, как он может улучшить дело, чтобы закрепить успех. Он больше не думает о своем «Я», которое лишь без конца будет водить его по кругу; он думает об общественном «Мы». И это «Мы» ведет его из узкого нынешнего дня к просторам вечности его народа. Он не думает уже не о жалком отрезке своей жизни, а о бесконечной цепи тех, кто придет после него. Когда он потом вернется в общество, его сердце будет наполнено новой жаждой действия, которое созидает будущее.

* * *

Те, кто живут в пустыне, в своей жизни лишены всего. Поэтому они боязливы и тревожно думают о том, как им суметь продлить короткое время своего существования.

Тот, кто живет в обществе, думает о том, как сделать свою жизнь полезной. Смерть означает для него конец возможности действовать, поэтому он торопится использовать каждый час и наполнить его своим трудом. Он ненавидит созерцательность и спокойствие, ненавидит все, что мешает действию.

* * *

Те, кто живут в пустыне, стремятся к безопасности и защищенности. Они хотят в покое наслаждаться собранными ими плодами.

Тот, кто живет в обществе, знает, что безопасности и защищенности не существует, ибо общество основано не на объединении в целях всеобщей безопасности, когда одна часть стоит на страже, пока другая насыщается в тишине, а состоит из товарищества тех, кто поклялся действовать и стремиться к совершенствованию. Не спокойствие, а движение является их состоянием; не наслаждение, а стремление является их движущей силой.

Тот, кто живет в обществе, должен думать о последствиях каждого своего поступка. Для него не существует уединения. Все, что он делает, происходит перед всеми, вместе со всеми и для всех. Поэтому у его жизни мало «приятных» сторон.

* * *

У тех, кто живет в пустыне, есть время предаваться странным и нелепым мечтаниям. Будучи одинокими, они охвачены страхом, и им чудится, что они окружены привидениями, опасностями и ужасами. Они пытаются избежать смерти. Ведь они не видят смысла жизни, ибо покинули общество.

Жизнь перед лицом смерти для них непостижима, поэтому они хотят, по меньшей мере, избавить от смерти свою душу и спасти ее в месте вечной безопасности, беззаботности, бесконечной радости. Так как смерть для них является величайшим кошмаром, у них сформировалась идея, что смерть — это наказание, назначенное неведомым богом. Поэтому они начали размышлять об этом боге, чтобы понять его планы и таким образом преодолеть смерть. Их мысли стали небесной лестницей, каждая ступень которой уводила их от законов мира и приближала к царству того бога, который мог распоряжаться смертью.

Таково их совершенствование — выйти из мира и общества.

* * *

Между живущими в пустыне и обществом царит враждебность. Общество вынуждено следить за тем, чтобы призывы из пустыни не сбивали людей с толку: ибо тот, кто следует этим призывам и отторгается обществом, потерян для бессмертия народа. Его жизнь внезапно выпадает из общей цепи. А от каждой погибшей жизни отдельного человека зависят бесчисленные звенья будущего, погибающие вместе с ней.

Те, кто живут в пустыне, в своем уединении считают себя лучше и чувствуют себя ближе к своему богу.

* * *

Спорить о том, кто «лучше», не имеет смысла.

Общество может и всегда будет судить только с точки зрения общества, так же как и живущие в пустыне могут мерить только на свой аршин. Общество оценивает того, кто в нем трудится, только по его результатам. Кто полезен, тот хорош и ценен. Кто обособляется, тот бесполезен — он лишний, он не имеет ценности, он плохой.

Общество не проверяет, является ли отшельник «хорошим человеком». Ему это совершенно безразлично. Оно ограничивается заключением, что отшельник в любом случае бесполезен. Люди пустыни должны смириться с таким суждением.

* * *

Общество должно противиться тому, чтобы отшельники использовали для оценки людей в обществе свое мерило «близости к богу».

Смешение абсолютно несовместимых взглядов и ценностей вызывает смятение. Но общество должно позаботиться о том, чтобы отшельники даже не пытались — после того, как ради своей частной жизни добровольно покинули общество — обвинять людей из общества в низменном образе мыслей.

Привилегия

«Буржуазное» мировоззрение отличается тем, что каждому человеку предоставляется право на привилегию. Так называемые «права человека», если они отвоеваны в ходе борьбы рабов против тех, кто их продаст и покупает, и соотносятся с «европейскими» порядками, при ближайшем рассмотрении являются ничем иным, как рядом привилегий.

(За последние шестьдесят лет лозунг о правах человека чаще возникал в буржуазных художественных салонах, чем в кругах воинствующих социалистов. Здоровые инстинкты революционных рабочих своевременно воспротивились этому дешевому лозунгу, и вместо него были избраны другие боевые призывы, такие как «мировая революция», «классовая борьба» и т. д.)

«Права человека» стали «боевым кличем» пацифистско-демократических кругов, желавших с помощью слезливых воззваний вымолить оправдание собственному существованию.

* * *

Что же такое «права человека»?
По сути это не что иное, как претензия спокойно вести частную жизнь и иметь возможность получать личное удовольствие.

Слабый человек апеллировал к правам человека, когда государство требовало воинской службы. При помощи обращения к правам человека скорбные крики слабых должны были обрести значение свидетельства нравственного возвышения благородной души над «варварством». Религиозный мечтатель, на основании неких «откровений» полагавший, что должен противиться естественному общественному порядку, ссылался на права человека. Собственник, видевший угрозу своим сокровищам в виде вызванного общественной необходимостью требования изъятия или по меньшей мере продажи бездействующего неиспользуемого имущества, с плачем взывал к правам человека, призванным защитить его собственность.

Подобных примеров можно было привести бесчисленное множество. Почти каждый человек мог воззвать к правам человека, чтобы подвести моральный фундамент под свое «до сих пор и не далее», а в худшем случае украсить себя венцом мученика. .

Лишь солдат не думал о своих правах, а сражался, истекал кровью и умирал, самоотверженно выполняя свой долг. Поэтому защитники прав человека его особенно ненавидели.

* * *

Права человека всегда выдвигают свои возражения там, где долг и соответствующий закон начинают угрожать благополучию.

* * *

Сильный человек не пользуется привилегией. Особенно чужд и непонятен ему вопрос прав человека.

В нем так прочно укоренились закон и порядок, что он не творит произвол над слабым, ибо произвол является следствием беззакония и царит лишь там, где благодаря правам человека слабые пришли к власти. Однако сильный человек отрицает притязание слабых на власть, даже если они обладают численным превосходством по причине некоторых не зависящих от сильных упадочных явлений.

В первую очередь слабый человек требует права па жизнь.

Это его право никем бы не оспаривалось, если бы он удовлетворился предписанной ему порядком жизнью. Однако слабый как раз не желает удовлетвориться этим, а требует равноправия на основании своих прав человека. Тем самым он требует унижения сильного. Ведь сам он не может достигнуть высот сильного человека. Так как слабый человек считает само собой разумеющимся, что ему не по плечу обязанности, которые несет сильный человек, он точно также считает самоочевидным, что сильный станет ему служить. Получается, что своими громогласными требованиями уважения и внимания к всеобщим правам человека слабому удается заглушить и замаскировать свое личное притязание на постоянное извлечение выгоды из поступков сильного человека.

* * *

Демократизм попытался полностью разрушить естественный порядок и извратить законную систему ценностей.

В этом ему помогали все группы людей, настаивавших на своих условиях. (Речь идет как о буржуазии, так и о конфессионализме и коммунизме.)

* * *

Привилегия — самый опасный враг общества. Привилегия создает бреши, в которые проникает разложение.
Начнем с конфессионализма. «Хороший немец», являющийся «также добрым приверженцем определенного вероисповедания», противостоит требованиям общества. Он меряет эти требования меркой своей «совести», которая должна отдавать должное двум ипостасям — немецкому духу и конфессии. Для общества даже вызванное раздумьем колебание означает опасность. Когда вдруг оказывается, что требования конфессионализма противоречат требованиям общества, в игру вступает привилегия.

Поборник привилегии ищет союзников и находит их. Он начинает создавать союз поборников привилегии. Этот союз оказывается в оппозиции обществу. Враги общества видят в уже существующем объединении естественного союзника и оказывают ему свою помощь. Ради своего существования союз принимает эту помощь и присоединяется к фронту врагов общества. При помощи этого союза враги проникают в сердце общества. Так этот союз становится естественным врагом общества. Если поборник привилегии привлекается обществом к ответу, то он громогласно жалуется на преследование и тем самым смягчает обвинение, выдвинутое обществом против него — а именно обвинение в предательстве.

* * *

Похоже обстоит дело с привилегией, которую защищает имущий гражданин: общество требует «жертвы». Он признает ее до того момента, когда возникает опасность для его «существования». Тогда он пускает в ход свою привилегию. В критический момент он вспоминает, что в первую очередь именно общество побудило его обрести собственность, и что собственность без общества не имеет смысла. Не признавая порядка, он ищет союза с другими обладателями имущества и защищает свои права от притязаний общества. Он не останавливается перед тем, чтобы потребовать всемирного объединения собственников и организовать таковое, и решает защищать совокупные права всех собственников вопреки требованиям отдельных обществ. Он обосновывает свою привилегию созданными им лично «законами», и не спрашивает о том, не входят ли они в противоречие с естественным законом и порядком. Союз собственников любыми средствами создает для себя привилегию и пытается конвертировать собственность во власть.

Предпосылки для получения власти он создает при помощи умелого применения средств, доступных ему из-за обладания собственностью. Следствием стремления к власти является потрясение порядка из-за используемых в этом стремлении насильственных средств. Союз утверждает, что порядок останавливает и снижает всеобщее благосостояние, и таким образом ему удается отбросить назад общество с его требованиями. Он завладевает экономикой, отождествляя себя с ней. Так экономика отделяется от общества, а тем самым и от порядка, и превращается в особую область интересов союза собственников. И пока между обществом и союзом хорошие отношения, обществу разрешено получать свою часть прибыли от «экономической политики» союза! Эту привилегию собственник воспринимает вполне серьезно и не хочет понимать, что тем самым низводит общество до состояния своего раба. Он охотно готов предоставить свою собственность в распоряжение в военное время и одалживает ее под высокие проценты. Он с радостью наблюдает, что во время войны его имущество почти всегда «удачно вложено», и считает само собой разумеющимся то, что солдаты защищают его ценную личную жизнь. Он без раздумий кладет в карман проценты от своей удачно вложенной собственности и не задумывается о том, что на этих процентах кровь погибших.

* * *

Мировоззрение имущих граждан создало собственную мораль, и ему удалось подкрепить ее законами и мнимыми священными заповедями. Эти законы обосновывают мнимое право, позволяющее союзу все и лишающее общество почти всего. Мнимое право создало мнимое могущество.

Оно уравняло собственность и власть, собственность и силу. Оно стало могильщиком общества. От имени бога оно выносило смертные приговоры врагам союза и использовало полные пафоса патриотические лозунги. Эта привилегия собственника парализовала дух общества, ибо она проповедовала спокойствие ради защиты казавшихся сильными людей. Одобрялось все, что служило этому спокойствию и проклиналось все, что его нарушало.

Эта привилегия подвергла кровь общества опасности загустения, а его дух она искушала равнодушием и апатией.

* * *

Тот, кто выступал против привилегии для представителей имущих классов, становился врагом государства, объявлялся богохульником и изгонялся из «общества».

Собственник гордился свои белым жилетом и сторонился «пролетария» — искусственно им подавляемого, неимущего, — чтобы не испачкаться. То, что этот белый жилет часто прикрывал довольно грязную кожу, было имущему гражданину безразлично. Кожу нельзя было увидеть. И только ради внешней чистоты своего жилета он пользовался щитом своей морали.

* * *

«Пролетарии», протестовавшие против цепей, в которые заковала их владетельная буржуазия, выдвинули другое условие. Они видели несправедливость, творимую имущим классом. Они видели, что всякому обществу приходилось бороться против привилегий этой группы. Они потребовали объединения борцов с привилегиями имущего класса и этим требованием сами, в конечном счете, пришли к привилегии. Они презрели закон и порядок, переступив через общество в своей проповеди освобождения от любых общественных обязательств. Они наградили себя титулом «товарищ» и скрыли под ним притязание на удовольствие, не связанное с долгом.

Призыв к пролетариям всех стран имел целью устранение определенного класса из обществ всех стран, чтобы осуществить всемирный переворот. Но всемирный переворот должен был находиться в рамках закона и порядка.

* * *

Любой всемирный переворот, то есть любой переворот, который задумывают и стремятся провести за рамками общества, провоцирует и вызывает хаос. Любой спланированный всемирный переворот служит не интересам общества, а эгоистичным целям касты, сословия, слоя.

В общем: следствием религиозной привилегии христиан стало посягательство известной касты верующих на государство как воплощение естественного порядка. Следствием экономической привилегии сословия владетельной буржуазии стало порабощение целых континентов. Проникнутая духом классовой борьбы привилегия приводит к нигилистскому восстанию рабов, которое само по себе не в состоянии создать ценности, так как для этого у него отсутствуют для этого предпосылки — понятия свободы, чести и долга.

* * *

Общество должно осознать, что любая привилегия является его смертельным врагом. Общество должно действовать в соответствии с этим пониманием. Если оно с этим не справляется, то заслуживает смерти и должно пасть жертвой привилегий, ибо в таком обществе отсутствует условие всякого права на жизнь — ответственность.

Общество

Ни одно слово не является столь неоднозначным, столь спорным, ни одно слово не вызывало так много путаницы, как слово «общество». Поборники привилегий с удовольствием используют это слово для того, чтобы общественные слои, которые они стремятся подчинить себе, не могли ускользнуть от их власти. Поэтому прежде всего необходимо констатировать, что общество и демократия не имеют ничего общего. Общество не является равноправием всех и каждого. Об- щсство не является стадом с равным правом на пастбище и водопой. Но общество не является и случайным состоянием или произвольным местом. Общество — это союз людей с единой волей.

* * *

Это означает следующее. Пожалуй, общество является также союзом людей одной крови. Кровь является закономерной предпосылкой, без которой невозможен порядок. Но кровь без воли мертва. Пожалуй, общество является также союзом людей с одним языком. Язык — это следствие крови. Но без связанной кровью воли язык представляет собой лишь слабую связь, которая может прерваться в любое время в любом месте.

Пожалуй, общество — это союз людей одной веры. Но если вера живет вне связи с кровью, языком и волей, то общество отрывается от реальности и становится пустым словом и лазейкой для чуждых сил.

* * *

Общество существует там, где люди одной крови и языка проявляют волю, которая при помощи убеждений побуждает к действию. Только там у людей есть то общее, что ведет к обществу — объединяющий и обязательный для всех смысл жизни, одновременно являющийся и свидетельством жизни. Поэтому общество рождается не из толпы, а из личности.

* * *

Но личность существует лишь там, где царит ответственность. Ответственность состоит в осознании, связанным с долгом перед законом и порядком.

Ответственность состоит в том, чтобы отдавать себе отчет в требованиях закона и порядка, а также в честности при ответе на вопросы о смысле нашей жизненной деятельности. Ответственность означает ведение постоянного оживленного диалога с запросами сердца и согласование их с требованиями воли.

* * *

К толпе человек присоединяется естественно, но в общество он принимается. Принятие в общество происходит там, где человек признает его законы и подчиняет свою волю порядку. Это его решающий поступок, от которого зависит его труд и продуктивность.

* * *

Общество является носителем и исполнителем закона. Оно существует только там, где преодолена любая привилегия, где воля нацелена на здоровый коренной народ и сильное государство.

Народ — это закон.
Государство — это порядок.
А общество — это воля.

* * *

Толпа не связана обязательствами. Она не выбирала ни добра, ни зла. Добро и зло таятся в ней самой. Толпу необходимо разбудить, встряхнуть, повести за собой. Часть толпы останется инертной и станет противиться любому обязательству. Эта часть толпы бесхитростна и в благодушной сонливости идет в том направлении, в котором сознательно движется общество.

Другая часть толпы расслышит трезвучие закона, порядка и воли и страстно возжелает гармонии. В этой части снова и снова будут зарождаться идеологи общества.

Но последняя часть толпы злономеренна. Она слепа и поэтому утверждает, что света не существует. Она не понимает вышеназванного трезвучия и утверждает, что это заблуждение и обман. Эта часть всегда находится в противостоянии обществу. В ядовитой разрушительной ярости она поднимается против закона и порядка.

Ее закон — это насилие.
Ее порядок — это хаос.
Ее воля — это ярость.

Эта часть толпы, чье место обитания — преисподняя, пытается привлечь мир на свою сторону и наложить на его образ мыслей печать своей бездуховности. Общество обязано осознавать опасности, таящиеся в толпе, и должно не служить ей, а подчинить се. Освобождение толпы от пут приводит к разрушению общества и вместо власти достойных устанавливает диктатуру недостойных.

* * *

Общество — это союз избранных. Выбор элиты представляет собой воплощение в жизнь триединства закона, порядка и воли. Одновременно обязанность этого выбора является высшим благоразумием.

* * *

Этот выбор происходит в социалистическом и аристократическом понимании: социалистическом, так как результат является решающим для общества, и аристократическом, потому что элита, если ей суждено принести пользу, должна подняться из массы. Принадлежность к элите не может быть унаследована, ее каждый раз следует зарабатывать. Поэтому она является социалистической. Но ее вполне можно потерять. Принадлежность к элите не основана на однократном достижении. Ее нельзя получить за поступок, она является образом жизни.

* * *

Образ жизни избранных поднялся от случайности внешнего события до закономерности. Тот, кто находится в обществе, крепко стоит на ногах. Он непоколебим, потому что знает, что ничто не происходит вне закона, и потому, что любой необходимый поступок осуществляется в рамках закона.

* * *

Только тот, кто живет вне общества, настолько потерял связь с корнями, чтобы всерьез молить о чуде, выходящем за рамки закона. Тот, кто живет в обществе, ищет претворения в жизнь, реализации, а не спасения.

* * *

Лишь общество призвано властвовать. Оно выдвигает из своей среды самых свободных, благородных и умных, и возлагает на них обязанности вождя. Вождь отчитывается перед обществом, и только перед ним — ибо только оно единой с ним крови, веры и воли.

Только оно знает волю вождя и понимает его желания.

Но только одно оно может и осудить слабость, бездействие и неверность.

Общество и вождь обоюдно связаны, они получают силы друг от друга. Общество судит вождя, а вождь судит общество.

* * *

Нация в целом состоит из трех слоев: из массы (в свою очередь образованной из трех прослоек), общества, вождя.

Она предстает в виде пирамиды.

Эти слои не рукотворны, а возникают внутри нее.

* * *

Общество властвует через вождя.

Господство — это исполнение закона. Вождь является высшим исполнителем закона и первым провозвестником порядка. Знание закона и порядка является отличительным духовным знаком общества. Если у доброжелательной массы нет знания, она объединяется за счет доверия. Такая уверенность является заменой знанию. Три слоя связаны между собой верностью. Верность укрепляется в чувстве единства и общей судьбы.

* * *

Расслоение в нации возникает не в соответствии с гражданскими профессиями или приобретенным образованием, а исключительно в зависимости от степени наличия знания, доверия и способности к верности.

* * *

Судьба — это не божественная сила, связывающая волю человека, а действие закона, привязывающего человека к пространству и времени и требующего выполнения присущих определенному образу жизни обязанностей.

* * *

Внутри общества существуют мужские союзы. Мужские союзы возникают из стремления исполнить закон. Это союзы суть средства, а не цели. Поэтому мужские союзы не являются самоцелью. Если бы они были самоцелью, они разрушили бы общество. Суть мужских союзов состоит в борьбе против всякого равнодушия. Наиболее яркими их признаками являются бедность и жертвенность.

Бедность — это не аскетичное отрицание собственности, а неподкупность при искушении собственностью. Мировоззрение бедняка — это готовность к несению любого бремени и любого лишения, которое несет с собой исполнение долга перед законом.

Жертва — это не сакральное действо, а отказ от использования личных привилегий, которые сильный человек мог бы создать для себя за счет слабого.

* * *

Над обществом незримо возвышается орден.

Это духовная вершина всей нации.

Ему принадлежат великие люди нации.
Это абсолютный носитель идеи.
Это свидетель вечности народа.
Это отечество и небеса великих людей нации.
Это единственный, настоящий и священный храм, в котором народ может вознести свою душу над повседневными заботами. Это место самопознания, источник вечных сил.

* * *

Подобающим обществу культом является почитание великих людей народа.

Оценка

Спор об оценках так же стар, как само человечество.

Религии и философские системы во все времена пытались с помощью своих учений установить единственно возможный критерий оценки. Часто триумфально заявлялось, что такой критерий найден. Потом обращались к тому тезису, что добродетели можно научить, или даже к тому утверждению священников, что духовным наставником являются исключительно путь, истина и жизнь.

Ретиво начинали переоценку ценностей и пытались использовать вновь найденную оценку, чтобы в итоге признать или утаить, что и она ничего не изменила.

В сфере оценки было предпринято так много дилетантских экспериментов, что в итоге сам порядок оказался в опасности, был предан, забыт и извращен. Но, к счастью, порядок оказался сильнее вызванного беспорядка.

Немецкий образ мыслей не выдвигает далеких от реальности теорий и не надеется на чудо, а судит о человеке по его важности для общества. Он мерит жизнь каждого жизнью всего народа. Он мерит настоящее мерилом будущей эффективности.

Таким образом, ценность индивида невелика по сравнению с величием общества. Следовательно, при условии образцового воздействия личности на общество ее ценность возрастает.

* * *

Ценность общества определяется наполняющим его духом. Дух определяется образом мыслей, царящим в обществе. Убеждения являются проявлением объединенных общим характером сил крови и воли, приводящих к образованию общества.

* * *

Общество считает: Хорош тот, кто исполняет закон!

Это означает следующее. Закон исполняет тот, кто сознательно и по своей воле посвящает свой поступок самоотверженному служению обществу.

Знание закона вызвано пониманием обязательства, которое отдельный человек несет посредством своей ответственности перед обществом.

Но стать ответственным может лишь тот, у кого есть духовные и физические силы. Иными словами, ответственность может нести только здоровый человек. Больной человек лишен ответственности. Общество поддерживает здоровое и подавляет больное.

* * *

Общество считает: Плох тот, кто восстает против закона!

Это означает следующее. Неважно, происходит ли отрицание закона от непонимания, противоречащего чакону мировоззрения или от желания избавления от закона. Не имеет значения, возникает ли желание нарушить закон в сердце негодяя или «святого». Стремиться избежать исполнения закона плохо. И так как беззаконие разрушает жизнь современного и будущего общества, то здесь не существует смягчающих обстоятельств. Общество уничтожает все, что ему угрожает и вредит. Оно уничтожает сам зародыш беззакония.

* * *

Общество считает: Сила — это благо!

Это означает следующее. Силен тот, кто преодолел сопротивление эгоизма и всякую эгоистичную привилегию и является носителем долга. Сильный человек бодр и неутомим. Он несет свою ответственность с радостью воина в бою. Он осознал закон своей крови и формирует свое видение через стремление к действию. Поэтому на него можно положиться.

* * *

Общество считает: Слабость — это зло!

Это означает следующее. Там, где слабый человек требует равноправия с сильным, он пытается нарушить порядок и поэтому становится подрывным элементом. Любое прославление слабого является проступком перед обществом. Важнее разобраться в принципах сильного, чем в заблуждении слабого. Любая попытка слабых, сплотившись, прийти к власти, является посягательством на общество.

Общество считает: Есть только одна мораль — мораль воина.

Это означает следующее. Воин — это тот, кто избран для решающего поступка. Во исполнение обязывающего к долгу закона он отдал свою жизнь исключительно в распоряжение общества. Он в высшей степени далек от заботы о личном благополучии, не знает ни привилегий, ни отговорок. Его мировоззрение — это поступок. Согласно суждению общества он как добр, так и силен.

* * *

Общество уважает себя, уважая воина.
Оно освящает его поступок, превращая его в меру добродетели.
От воина общество перенимает науку добродетели.

* * *

Воин учит: Будь мужественным!

Это означает следующее. Преодолевай страх, побуждающий тебя к трусливому сохранению своей жизни.

Думай о том, что на твоем поступке основано будущее твоего народа. Помни, что твоя жизнь, борьба и смерть являются примерами сильной жизни.

Ни на мгновение не забывай, что молодежь твоего народа горящим взором следит за каждым твоим шагом.

Быть мужественным означает не играть с жизнью, а обдуманно использовать ее ради завоевания свободы и построения будущего для бессмертного народа.

Будь благороден!

Это означает следующее. Думай о том, что ты не убийца и не служишь бессмысленному уничтожению. 11омни, что твой поступок — это слава нации. Но тем суровее и неподкупнее твоя борьба. Благородство оказывает честь врагу, но не выказывает ему болезненного сострадания. Благородный человек не ожидает сострадания даже от врага, он ожидает лишь такого же уважения.

* * *

Умри со славой!

Это означает следующее. Помни о том, что твоя смерть является исполнением закона, что смерть — это венец долга.

Помни о том, что твоя гордая смерть помогает юношам преодолеть ужас.

Тот, кто умирает со славой, лишается страха смерти.

* * *

Жизнь воина одинока, но все же теснейшим образом связана с обществом.

Она одинока, потому что только он сам должен закалить свое сердце, чтобы противостоять опасностям.

Она одинока, потому что он понимает, что гибель означает величайшее одиночество. И он сражается в тени смерти.

Его жизнь одинока, потому что от низин обыденной жизни с ее страхами и заботами она поднялась до высот поступка, откуда обыденная жизнь, в которую погружена толпа, кажется слишком мелкой и незначительной. Жизнь воина яростна и требовательна как в потерях, так и в приобретениях. В своей ярости он так же подавляюще велик, как в своей готовности умереть.

Если воин на минуту поддается соблазнам наслаждения, после этого он может стряхнуть с себя грязь.

Слабый же утонул бы в этой грязи.

Там, где воин едва испачкает щиколотку, над головой слабого человека сомкнется болото.

У слабого иная мораль, так как у него иная выносливость.

Жизнь воина тесно связана с обществом.

Его жизнь уходит в него корнями, возникла из него, сплетена с ним в теснейшее содружество.

Его дело без общества не имело бы смысла.

Без общества его война превратилась бы в фабрику убийств.

* * *

Воины ведут образцовую товарищескую жизнь. Жить в товариществе означает следующее.

Никто не голодает, пока у товарища есть кусок хлеба.
Никто не страдает от жажды, пока у товарища есть глоток воды.
Никто не покинут, пока товарищ еще жив.

Кто живет с чувством товарищества, останется ему верен. Тот, кого смертоносная сталь вырывает из товарищеского круга, продолжает жить в нем благодаря своей славе.

Когда юношу принимают в воинское товарищество, он становится носителем и наследником славы пивших воинов. Чем больше завещанная слава, тем больше честь ответственности. Чем больше ответственность воина, тем яростней его рвение доказать, что он ее достоин.

* * *

Непобедимо и вечно общество, большинство сыновей которого хотят стать воинами.

Поклонение героям является самым возвышенным, благородным и мудрым общественным культом.

Поклонение героям сильнее любой религии объединяет сердце и разум юношей и стариков.

На поклонение героям способен только тот, в чьем сердце живо манящее стремление к героическому поступку.

Поэтому поклонение героям — это культ избранных.

* * *

Общество дает оценку культу.
Для него вера не является предметом привилегии какого-либо круга.

* * *

Общество считает: Ни один поступок не совершается без веры.

Вера — это не полагание чего-либо истинным. Вера неразрывно связана с действием.

Кроме того, вера не является религией, которая пытается охватить и закрепить знания о небе и земле при помощи доктрин и мысленных построений.

Вера возникает из внутреннего убеждения и является неизменным очевидным проявлением закона.

Верующим является тот, кто понимает свою миссию, кто преисполнен обязательствами долга.

Согласно своей вере действует тот, кто, несмотря на преграды, прокладывает путь закону.

Тот, кто делает закон исходной точкой и конечной целью своего стремления, тот верует и действует согласно вере.

Сильные люди общества веруют.

* * *

Воин — первый провозвестник веры.

Слабый человек строит для себя лестницы в небо, с помощью которых надеется избежать мира подвига.

* * *

Воспитание веры неотделимо от учения о поклонении героям.

Взывающая к слабости религия противоречит закону. Она порождает не веру, а боязнь поступка.

Вера создает не островки безопасности, а прочную сушу поступка.

* * *

Общество считает: Тот, кто отождествляет «измену» христианству с упадком государства и культуры, не имеет понятия об истине закона.

Общество учит: Закон и порядок подрываются христианской лестницей в потусторонний мир. От этого страдали государство и культура. Кто проклинает и тело, тот проклинает и руку творца.

Из-за своей ложной сути мнимое государство распадается, а мнимая культура гибнет. Из понимания закона и признания порядка возникает государство сильных людей, готовящее почву для новой культуры.

* * *

Общество повелевает:

Сильного врага ты должен чтить, но не любить.

Врага ты должен убить.

Великих людей своего народа ты должен любить, а трусов — ненавидеть.

Тех, кто желает смерти миру, ты должен презирать.

Сопротивляйся злым и следуй за сильными.

Будь бдительным и не выпускай меч из рук.

Никогда не предавай своего вождя.

Пусть твоя гордость помешает тебе когда-либо молить о пощаде.

Не проси, чтобы кубок прошел мимо тебя, а выпей его упрямо, отважно и спокойно.

Тот, кто ненавидит сильного, будет сильным уничтожен.

* * *

* * *

Общество считает: Тот, кто может воодушевить молодое поколение на подвиги, является подлинным священником своего народа.

То, что заставляет сверкать глаза молодых, что заставляет трепетать сердца юношей от страстного желания действовать, является божественным словом нации.

* * *

Общество вопрошает: Разве не вся Европа, не все христианские страны разрушены до основания?

* * *

Общество отвечает: Европа гибнет, потому что забыла закон. Вместо власти избранных властвует демократизм. Вместо свободы правит либерализм. Вместо долга триумф празднует наслаждение. Вместо воина говорит торговец. Вместо стали правит золото. Европа предала кровь и осквернила расу. Она освободила от оков преисподнюю. Там, куда пробралось христианство, оно ослабило общество сильных людей. Языческая Азия — прежде всего, языческая Япония — готовится к атаке. Христианство состарило Европу, молодыми остались лишь языческие народы.

* * *

Общество провозглашает:

Германия преодолевает шагающую по земле смерть.

Она горячо протестует против лжи умирающей Европы и выбирает жизнь.

Она достаточно сильна, чтобы исполнить закон.
Она достаточно свободна, чтобы жить мужественно.
Она крепка в вере и сумеет храбро умереть.

Она достаточно честна, чтобы возвестить о порядке и отвернуться от лжеморали жаждущего наживы христианского мира. Она не нападает на слабые государства, чтобы их разграбить, во имя бога или христианской культуры.

Она готова жить в содружестве сильных наций и сопротивляется тому, чтобы слабые присвоили себе привилегию или покровительство.

* * *

Смысл общественной оценки таков: Слабый погибнет от того, что приведет сильного к возрождению! Да властвует воля к закону!

* * *

Христианский мир поднялся против Германии, чтобы упрекнуть Германию в варварстве. Германия осталась в одиночестве, но не в одиночестве смерти, а в одиночестве сильной жизни.

* * *

Христианский мир растерзал свой дух, выдвигая бесчисленные проблемы. Германия вновь обратилась к воинской морали и упростила взгляд на вещи. Она избежала уловок ума и обратилась к несгибаемой законной власти духа.

* * *

Вместо бесплодной проблематики и чахоточной, декадентской эстетики Германия поставила волю на службу делу. От этого она не стала и не станет «бездуховной», «варварской», «необразованной». Германия была и будет неиспорченной, готовой к действию, законопослушной и непреклонной.

* * *

Германия возвела оклеветанное пруссачество в ранг идеи. Из пруссачества был изгнан дух юнкерства и ограниченности. Благодаря своей германизации пруссачество стало тем, чем было изначально: духом общества, находящего свою самореализацию не на некой «родине», а только там, где сильные сердца обратились к знамени долга и активного созидания закона с целью осуществления порядка.

* * *

Общество поднимается и гордо провозглашает: Пусть всегда упрекают Германию в варварстве, пусть уверенно называют Германию языческой: лишь бы Германия жила!

О победе над собой

Чем богаче таланты человека, чем активнее его дух, чем более многогранны его наклонности, тем серьезнее стоящие перед ним соблазны — а именно соблазн щедрой рукой разбрасывать дары и сегодня идти одним, а завтра другим путем, неожиданно появляющимися от изобилия возможностей.

Чем сильнее осознание своих способностей, тем больше опасность потери и растраты сил. Поэтому разносторонне талантливые гибнут чаще тех, кто стойко и упорно следует своим единственным талантам.

Борьба за познание в первую очередь является борьбой за самопознание — за самопознание не в смысле смирения, а в смысле власти. Ибо господином является тот, кто знает о своей сущности и умеет придать ей нужную форму. Тот, кто в смирении видит только свою слабость и удовлетворяется этим пониманием, ничего не стоит и является бесполезным.

* * *

Только тот, кто познал себя, в состоянии освободить свою жизнь от случайностей и приобщить ее к порядку. Но для этого ему требуется победа над собой.

Величайшим соблазном является уйти с пути и довольствоваться собственным обществом. Потребность в покос является самым сильным врагом любой жизни. Величайшим бесчестьем является рассматривать свои таланты как добычу, которую можно поглощать самому вдали от общества.

Величайшей победой над собой является отказаться от выгоды, вознаграждения, благополучия, благодарности, безопасности, тщеславия и позволить личной ценности включиться во всеобщую.

* * *

К победе над собой относится честность и простота. Честность — потому что соблазн наслаждения прекрасно маскируется под требование необходимости.

Простота — потому что соблазн умеет воспользоваться тысячью причин и лазеек.

* * *

В человеке борются две главные движущие силы: алчность и мечта.

Алчность приземляет его дух, поэтому его руки копаются в грязи, чтобы собрать сверкающие ценности повседневности. Алчность ненасытна: она становится тем больше, чем большим она завладевает. Охваченные алчностью в грязи встречаются в борьбе всех против всех.

* * *

Мечта поднимает душу человека над повседневностью и позволяет ему заглянуть в будущее. Мечта позволяет духу обрести крылья, с помощью которых ему удается избегнуть алчности и грязи.

Если алчность является агрессивной язвой, разъедающей тело человека, то мечта — это священный, яркий, не имеющий начала и конца огонь, освещающий путь народа.

* * *

Ценность народа определяется числом мечтателей, преодолевших алчность.

* * *

Прежде всего алчность спрашивает: «Какой мне в этом прок?».

Мечта задает вопрос: «Как мне освободить мой народ от оков низменного?».

Соблазны алчности — это кузнечный горн; призывы мечты — это молот, очищающий и формирующий волю человека. Мечта, которая не в состоянии бороться с алчностью, может превратиться в эскапизм. Без соблазнов нет победы над собой, а без победы над собой нет поступка.

* * *

Лишь тот, кто перешагнул через тысячу соблазнов алчности, кто слышал ее заманчивые призывы и сопротивлялся им — лишь тот способен властвовать. 11о никто не должен затыкать уши, чтобы не слышать эти призывы, никто не должен завязывать себе глаза, чтобы не видеть неизведанные глубины. Победитель должен обладать знанием. Его победа — это освобождение, а не слепой случай.

* * *

Глупцы усвоили понятие «святая невинность». Только во времена упадка можно было называть образ «круглого дурака» прекрасным и трогательным. Пусть невинность к радости одряхлевших людей выступает с потупленными взорами и собирает синие цветочки. Пусть круглый дурак в издевательской атмосфере лукавых священников позволяет вести себя по проторенной дороге «добродетели»: поступки рождаются только у людей, крепкими кулаками и понимающим взглядом противопоставляющим силу своей мечты благодушным и трусливым будням.

Святая невинность всегда подвергается опасности быть соблазненной. Круглый дурак — всегда игрушка в руках темных сил. Свободным от них станет лишь тот, кто заглянул в бездну.

* * *

Чистое сердце не у того, кто боязливо обходил каждую лужу, а только у того, кто, несмотря на грязь, сохранил веру в истинность мечты. Не «грех» портит человека, а бегство от него. Победителем в жизни является не «безгрешный», а тот, чья мечта жива.

* * *

Тот, кто говорит о первородном грехе, с легкостью отказывается от борьбы. Любой негодяй может сослаться на первородный грех и удачно прикрыть им свою «слабость».

Первородный грех — это самый большой козырь неполноценных, отягощенных наследственностью людей. Он является ничтожной забавой слабых.
Тот, кто говорит о первородном грехе, отказывается от победы над собой и ищет вместо этого всепрощающую милость.

* * *

На место первородного греха можно поставить понятие первородной борьбы. Первородная борьба от рождения свойственна каждому, у кого чистая кровь. Она является олицетворением побуждающей к действию мысли. О первородном грехе пусть говорят гнилые люди. Тот, кто радуется своей крови, на слова о первородном грехе обрушит свой священный гнев.

* * *

Когда силы тьмы восстали против мира света, они изобрели фразу о первородном грехе, чтобы уничтожить нолю к победе над собой. Тот, кто верит в первородный грех, вынужден жалко повторять: «я бедный, нищий, пропащий и отвергнутый человек». Народ, состоящий из приверженцев первородного греха, будет справедливо уничтожен и погибнет под натиском полных страстного ожидания людей, отдающих должное первородной борьбе. Нельзя позволить ввести себя в заблуждение: любое признание своей слабости является признанием беспомощности. А беспомощность означает позор. Поступок рождается только из осознания силы.

* * *

Люди придумали религии, чтобы одержать верх над миром. Они видели в мире зло, несправедливость, смерть, и надеялись при помощи победы над миром также преодолеть все несчастья. Но мир нуждался не в победе над ним, а в изменении. Однако изменить его могут лишь сильные, которым удается наложить на мир отпечаток своего закона. В человеке таятся всевозможные силы, в том числе и победа над собой. Слабый не имеет права говорить о победе, он не должен осквернять это слово и бахвалиться им, чтобы прикрыть свою слабость.

* * *

Называть последовательный эскапизм борьбой за веру означает полное непонимание мира, его законов и порядка. Усиление отвращения к миру из-за осознания его изъянов не является достижением, служащим обществу. Тот, кто отстаивает отвращение к миру — не воин, а жалкий и слабый человек. Несравненно более героической борьбой является наперекор всем несчастьям прийти к пониманию долга перед миром.

Было время, когда люди больше знали о «небесах», чем о Земле. Они установили законы потустороннего мира и потому забыли естественный порядок. Следствием этого стала гибель мира и распад общества. Воля к победе над собой исчезла, и тысячи душевных и телесных болезней пожирали людей. Хаос уничтожил порядок, и произвол пришел на смену закону. Сильных лишила слова, подавила и одолела освобожденная от оков толпа. Общественные ценности утратили свое значение из-за фанатизма слабых и больных. Казалось, что приближается желанный для неполноценных конец света. Но закон не позволяет глумиться над собой. Неполноценных разъедала их собственная слабость — у них не было сил, чтобы с помощью действия полностью уничтожить подвергавшиеся их словесным нападкам ценности.

Когда небо вопреки их утверждениям не упало, а Земля вопреки пророчествам помешанных на потустороннем мире не разверзлась, чтобы поглотить сильных, люди вновь начали верить в действенность закона и высмеивать взволнованные крики неполноценных. Закон сильнее страха слабых. Кто признает закон, тот придерживается порядка. Настало время, когда естественные ценности вновь становятся священными и сильные начинают прославлять свою силу. Настало время, так как со слабых сбита спесь, а сильным даны все прав.

Диалог

Юноша спрашивает:

Как мне следует молиться?

* * *

Воин отвечает: Когда ты был ребенком, ты послушно лопотал молитвы, которым тебя научили. Ты не понимал их смысла. Бог был для тебя отцом и матерью, братом и сестрой.

Твои родители радовались детской молитве и воспринимали ее как освящение своей собственной души. Когда ты подрос, ты избегал молитвы, забывал о ней или думал о другом во время ее произнесения. Юноша, стремительно покоряющий жизнь, отвыкает от молитвы. Только мужчина, в тяжкую минуту стоящий у края жизни, вспоминает детскую молитву и испуганно бормочет ее полузабытые слова. И неприятно видеть, как при смертельной опасности сломленные мужчины, плача, молят небесные силы о милости. Молитва, мой мальчик, возникает от страха. Это признак неуверенности и слабости. Кто просит, тот молит о чуде, так как его собственная сила не может дать ему желаемого дара. Жизнь в молитве — это жизнь без своей силы, жизнь за счет силы Бога, которого человек представляет себе восседающим на троне поверх облаков. Тот, кто должен постоянно обращаться к Богу с молитвой, отказывается от самого главного, что у него есть, — от ответственности. Мы, ставшие мужами, больше не имеем ничего общего с общиной верующих, с пением и молитвами славящих своего Бога за стенами церквей, чтобы сегодня или завтра принять от него ответный подарок как благословение.

Мы, мужчины, ведем диалог с законом, который властвует в нас, который побуждает нас к действию. Мы даем себе отчет, исполняем ли мы закон или нет. Никогда мы не оправдывали себя милостью Бога, если пренебрегали делом свободы. Мы ведем диалог с собой и ищем сердечного одиночества. Так мы находим в себе силу, объединяющую нас с сохраняемым законом и ограждающую нас от уклонения от великого порядка. Так поступок превращается в служение богу. Так сознание нашего долга становится обязательством, дающим нам право судить самих себя и не позволяющим ослабеть или вовсе задремать нашей совести.

Понимаешь ли ты это?

* * *

Юноша обещает:

Я изучу историю моего народа и научусь любить величие и ненавидеть подлость. Я буду искать общества лучших и буду стремиться преодолеть лживость, трусость и неправду. Я буду искать, пока не найду закон в себе, чтобы суметь всецело служить обществу. Я буду каждый вечер требовать от себя отчета, исполнял ли я закон. Я буду стремиться стать таким же твердым и чистым, как кристалл.

* * *

Юноша спрашивает:

Буду ли я благоденствовать на этой земле?

Воин отвечает:

Тот, кого осознание закона побуждает к действию, больше не смотрит по сторонам и не спрашивает о награде в настоящем. Он знает, что познание принесет плод, но не знает, кто этот плод когда-нибудь сорвет. Любая мысль о личном благополучии замедляет шаг и превращает натиск в нерешительное передвижение. Наивысшей наградой поступку мужчины может стать благодарность общества, которое превращает его в образец для подражания для молодежи. Чем больше мужчина, минуя соблазны настоящего, дорастает до созидания будущего, тем меньше он заботится о благах.

Посмотри на одного из величайших людей своего народа, мой мальчик. Посмотри на Ульриха фон Гуттена. Он был беднейшим человеком своей эпохи, был презираем и отвергнут своими современниками. Хворый и опустившийся, он был вынужден бродить по Германии, не признававшей его. Уже борясь со смертью, он все же благодарил судьбу, направившую его в этот мир для борьбы. «О столетие, как хочется в тебе жить!», — таков был его торжествующий крик, несмотря на проклятие, вынесенное ему его веком.

Он умер вдали от своего народа на швейцарском острове. Его народ не знал ни дня смерти, ни места, где бренное тело борца за свободу было брошено в могилу. Но через четыре столетия Гуттен восстал из царства мертвых и стал плотью и кровью той эпохи, которая посвятила себя борьбе за свободу. Благоденствовал ли он на этой земле?

Шелудивый пес, лежащий в своей конуре на цепи, видит в своей жизни хороших дней больше, чем в свое время Гуттену в его неугомонном странствии удалось отвоевать у судьбы.

И все же тысячу раз благословен Гуттен, потому что от его пламенного духа наше юное поколение еще и сегодня может ярко зажечь факелы своей мечты о свободе. Таков смысл сильной жизни: она созидательна! Не сытость, а созидание является жизненной наградой, которую человек пытается отвоевать для скупой почвы своей воли. Воин, в смертельной атаке отбивающий территорию у врага, не знает, суждено ли ему когда-нибудь проложить первые борозды на новой пашне. Он удовлетворяется знанием, что его сыновья когда-нибудь укрепятся на этой земле. Знание делает его более гордым, чем обладание.
Понимаешь ли ты это?

* * *

Юноша обещает:

Я буду стремиться к тому, чтобы алчность не позволила моей руке ослабеть. Я не желаю удовлетвориться безопасностью защищенной частной жизни. Я не желаю бороться за собственность, словно стеной отделяющую меня от общества. Я не желаю ради наслаждения предать долг, обязывающий меня к будущей борьбе. Я не желаю смотреть ни по сторонам, ни назад, если закон зовет меня в будущее на борьбу за свободу.

* * *

Юноша спрашивает:

Что такое честь?

Воин отвечает:

Честь — это не личная собственность, которую кто-нибудь может украсть или оспорить твое право на псе. Честь — это осознание своего долга, которое следует из требования, что предъявляет тебе закон. Кто чувствует долг, тот обладает честью. Бесчестен тот, кто предает долг. Подтверждением чести является верность чакону и долгу. Тот, кто хранит свою честь, тот проживает жизнь как воин и не обращает внимания на клевету, исходящую из рядов бесчестных людей.

Порядочные люди почти всегда чаще сидели в темницах и горели на кострах, а не сидели на королевских тронах. Общество становится носителем чести. Тот, кто ищет свою честь, найдет ее в обществе. Честь не вернется к тому, кто однажды ее потерял — как мертвый не имеет больше права на жизнь. Поэтому поступок и честь так тесно связаны, что их нельзя никак разделить. Честь — это не церковный сюртук пожилых людей, по воскресеньям вынимаемый из шкафа. Это также не белый жилет сытых людей. Честь подобна острию воинского меча. Меч без острия бесполезен. Бесполезен для общества тот, кто не действует по своей вере, а без долга и связи с законом и порядком сидит на ничейной земле случайности и ждет добрых времен, чтобы, прожив жизнь без борьбы, беспрепятственно собрать урожай. Честью воина является чистота его поступка. Это неподкупность его воли. Понимаешь ли ты это?

Юноша обещает:

Я желаю искать чести не в блеске громкой похвалы далекой от закона толпы, а в несгибаемой воле, жажде свободы, которая в качестве моей совести требует самостоятельно действовать в обществе. Я не желаю забавляться честью, носить ее как украшение на своей одежде.

Пусть честь станет моим мечом.

Пусть меч станет моей честью.

Как не затупится мой меч, так и моя честь не должна превратиться в тень.

Честь — это кровь души.

Если бы душа умерла во мне, я потерял бы честь.

* * *

Юноша спрашивает:

Что такое радость?

* * *

Воин отвечает:

Радость — это осознание нашей власти, поднимающей нас из глубин страха. Смех сильного является победным кличем воинского духа. Только тот, кто понял ничтожность повседневных забот и освободился от объятий страха, может полностью насладиться радостью свободы.

Радость означает возможность сказать «да» делам этого мира.

Радость означает потребность ликовать, когда разразившаяся буря пытается играть с нами, как с листвой. Противопоставление своей личной силы могуществу внешних и внутренних сил пробуждает радость в глубине души. Радость — это сознательная битва сильного человека с опасностью. Воин перед битвой поет свои самые веселые песни, а не хоралы. Радость означает набраться храбрости и приложить все силы, чтобы победить врага. Великая отчаянная борьба с загадкой смерти вызывает радостный свет в глазах, заставляет кровь воина неистово бурлить, а уста звонко петь.

Радость сильного чиста. Его смех звучит беззаботно.

Слабый человек не знает чистой радости. Он знает лишь глупую шутку и противный смех над непристойностями.

Прислушайся к смеху сильного — он звучит сдержанно и идет глубоко от сердца. Радость сильного никогда не бывает глупой, шумной, никогда искусственной. Его смех живет в сердце, глазах, крылья носа, а не в мимолетном движении губ, как у слабого. Радость у сильного — это что-то серьезное. Она священна.

Понимаешь ли ты это?

* * *

Юноша обещает:

Я желаю вести борьбу до победы за формирование своего характера, чтобы когда-нибудь стать радостным. Я верю, что радостью наполнен лишь тот, кто прошел через опыт, страдания и несчастье и вопреки всей грязи сохранил веру в чистоту. Я желаю уберечь себя от людей, которые лишь предаются злобным насмешкам и не умеют раскрепощенно смеяться. Но я бы желал доверять людям, которые и в старости сохранили блеск своих глаз. Теперь я знаю, что радость — это отражение сильных душ.

* * *

Юноша спрашивает:

Какой же видит жизнь сильный человек?

* * *

Воин отвечает:

Жизнь — это не одно лишь бытие. Жизнь является чем-то большим, становлением, формированием. Самое божественное в человеке — это его воля. Она взывает к нему и побуждает радостно славить упорную отчаянную победу над собой, несмотря на желания, соблазняющие остановиться и предаться наслаждению. Там, где воля властвует и укрощает подлость, трусость, ложь, возникает жизнь, только здесь становящаяся плодотворной.

Жить означает желать идти дальше. Застой ужасен.

Жить означает признавать закон и самому соблюдать порядок.

Энергичные люди редко встречаются в этом мире. Благоразумие государства состоит в том, чтобы распознать их, собрать их, управлять ими.

Теперь ты понимаешь, почему я говорю о государстве сильных людей?

Слабость — это всегда усталость, она всегда склоняет к бездействию. И когда государство хотя бы на мгновение прислушивается к ропоту этих усталых людей и пытается всего лишь ограничить волевое стремление энергичных, в нем возникает зачаток смерти. Жить означает ежедневно порождать новую силу, ежечасно порождать мужество. Из крови и воли формируется семя, законным плодом которого становится порядок. В ног круговорот вовлечен сильный человек, ощущающий в груди жизнеутверждающую божественную заповедь. Энергичные люди молоды и верят закону, который беспрестанно и властно побуждает их реализовать себя. Энергичные люди не верят любым банальным и пошлым учениям, признающим лишь оболочку, а не дух.

Энергичные люди испытывают трепет перед жизнью, являющейся формой существования закона и порядка. Однако они непочтительно и насмешливо смотрят на ту искусственную тепличную жизнь, которая существует не сама по себе, а основывает свое право лишь на спасении от настоящей жизни. Сама жизнь — это не Бог, но это источник закона, являющегося божественным.

Энергичные люди по всему своему поведению являются воинами. Борьба не всегда представляет собой состояние, направленное против чего-либо: в большинстве случаев борьба идет за что-либо. Поэтому энергичный человек сражается именно против неполноценности. Но в первую очередь он борец за формирование самого себя и построение общества в виде государства сильных людей, соблюдающих закон и порядок.

Энергичный человек меряет свою жизнь препятствиями. Жизни без препятствий не бывает. И если бы люди когда-нибудь преодолели все препятствия, то они достали бы звезды с неба и вновь воздвигли препятствия из них. Ни одна эпоха никогда не должна сетовать на избыток борьбы. Величие эпохи узнается по величию ее борьбы. Эпоха больше должна сожалеть о своей депрессии, не наполненной боевым кличем сражающихся за свободу молодых людей. Научись презирать людей, пытающихся отломить кусочек от великого круговорота своей жизни и утащить украденное к себе в пустыню, чтобы там его поедать его в тишине, то есть отдельно от закона, обособленно от требований общества. Не позволяй одурачить себя чуждым учениям и верь: кто бесполезно растратил свои годы, бесполезно растратил себя самого. Кто действительно любит свою жизнь, так же как любят творчество и труд, общество, народ и честь, свободу и мечту, у того жизнь не будет потеряна.

Понимаешь ли ты это?

* * *

Юноша обещает:

Я хочу не растрачивать свою жизнь, а строить ее. Никакое спасение от нее не должно лишить меня самореализации. Я хочу вести совершенную жизнь и никогда не засорять ее ерундой. Я всегда буду думать о том, что жизнь для меня является отрезком времени, в котором я должен действовать. Потерянный день — это не-исполненный долг. Это предательство по отношению к обществу. Я верю, что благоразумие сильных людей в том, чтобы правильно прожить жизнь. Я не буду страшиться слишком быстрых действий, я буду страшиться лишь не успеть их совершить. Я буду бороться за осознание того, что жизнь является отражением закона, действующего также на земле и на небесах, в облаках и на морях. Именно так я избегну гордыни, и тем не менее буду всегда осознавать важность своей жизни. Я знаю, что любая ценность покоится на осознании ее сущности. Я желаю вести деятельную, сознательную и достойную жизнь. Я не желаю никогда довольствоваться малым — я желаю в полной мере исполнять закон, которому я, как и все общество, служу. Я желаю быть достойным крови моих отцов, до меня боровшихся за познание смысла жизни.

Я не желаю, чтобы те, кто придут после меня, сказали бы, что я не выполнил свой долг. Я не желаю бытия в отречении, я желаю жить в согласии с законом.

* * *

Юноша спрашивает: Какова формула закона?

* * *

Воин отвечает:

Разрабатывать формулы опасно. Опасно из-за слабых людей, так как они склонны изучать формулы и верить, что тем самым постигают дух. Но дух постичь невозможно. Слова являются просто оболочкой, если смысл непонятен. Дух сам формирует из слов фразы. Однако, как и любое здание, фраза также ограничена временем. Дух вечен. Закон лишь носит словесное одеяние. А одежда подвержена моде. Совершенным одеянием закона является нагота. Та эпоха станет совершенной, в которой однажды станут явью закон и слово. Та эпоха действительно велика, в которой фразы больше не маскируют и не скрывают закон перед слабостью людей, чьи глаза еще не научились переносить сияние истины. Я буду стараться говорить о законе суровыми фразами.

Не существует ни случайности, ни чуда.

Мир — это действие закона.

Что принадлежит миру, подвержено действию закона.

Борьба за признание закона является борьбой за существование человека.

Силен тот, кто раскрывает закон в себе как часть целого.

Жить мужественно означает осознанно исполнять закон.

Тот, кто исполняет закон, победил любые религии.

Тот, кто исполняет закон, соединяет свою волю с обществом.

Общество тех, кто как единое целое исполняет закон, образует совершенное государство.

Высочайшее искусство состоит в формировании закономерностей.

Высочайшее благоразумие состоит в раскрытии закона.

Закон и сила неразделимы.

Слабость — это невозможность исполнения закона.

Зло — это нежелание исполнения закона.

Ложь — это прославление сил, скрывающих закон.

Власть является подтверждением закона.

Понимаешь ли ты это?

* * *

Юноша обещает:

Я желаю оградить себя от всех учений, стремящихся утаить закон. Я лучше буду одинок и служить закону, чем идти в толпе тех, кого их стремление к избавлению и бегство от закона сделало стадными животными. Я желаю все, что мне суждено, проверять на предмет служения созданию закона. Я желаю научиться презирать то, что останавливает меня.

Юноша спрашивает:

Как сильный идет навстречу смерти?

* * *

Воин отвечает:

Отношение человека к смерти показывает его подлинную ценность. Слабый трепещет перед смертью гак же, как он трепетал перед жизнью. Ведь смерть, как и жизнь, является решением, которое могут принять только сильные сердца. Люди, непризнающие смысл жизни и мечтающие о смерти из стремления к спасению от жизни, страшатся «грешной жизни». Сильный, судящий по закону, не испытывает перед смертью ни страха, ни любви. Так как он не знает страха, в своей жизненной борьбе он не считается со смертью. Так как он не любит смерть, он ее не ищет.

Поэтому он пытается осветить эту тьму светом боязливой надежды. Страх тления он украшает яркими картинами радости, берущими начало в его страхе. Он зовет на подмогу фантазию и по-домашнему устраивается в месте смерти. Таким образом он приукрашивает свою могилу и пытается избегать разговоров о страхе смерти. Сильный принимает смерть спокойно. Здесь он также видит лишь закон. Все своим существом он сросся с законом, и он не струсит, когда в момент смерти закон для него потемнеет. Он предоставляет закону решать, где и как действовать после своего телесного разложения. «Вечная жизнь», «бессмертие», «воскресение» являются формулировками, которые не могут победить закон. Сильный полон веры в закон и знает, что свободен от желаний, которые все же не могут нарушить закон. В этом его величие. До сих пор мы недостаточно знаем о жизни после смерти, то есть жизни в памяти общества. Вездесущ дух того, кто живет в памяти общества. Сильный умирает храбрым и подготовленным. Он отторгает любое мудрствование о царствии небесном по то сторону смерти, так как любое мудрствование делает поступок невозможным. Кто мужественно живет и храбро умирает, тот со смертью не погибнет. «Вечная жизнь» человека, который живет трусливо и умирает трепеща, не является ни желательной, ни заслуженной. Для того, кто следует закону, смерть так же проста, как и жизнь. Уловки, расчеты, лазейки, теории являются проявлениями слабых духом, со всем свои рвением все же не могущих сдвинуть закон ни на миллиметр. Кто исполняет закон, тот умирает беззаботным. Он не оставляет ничего сделанного наполовину. Смерть для сильного — это громкий глашатай, ежечасно напоминающий о долге. Поэтому у сильного все время его жизни «нет времени». Смерть радикальна. Она требует радикальной жизни. Кто тратит попусту свою жизнь и долг, тот непочтителен и к смерти. Вступление в мир является проявлением закона, а смерть — концом этого проявления. В конце жизни смерть замыкает звено. Оно становится частью цепи, связывающей людей прошлого и настоящего с будущим своего народа. Кто верит в случайность и чудо, для того смерть является большой загадкой. Кто исполняет закон, для того смерть и жизнь являются его подтверждением.

Понимаешь ли ты это?

Юноша обещает:

Мысль о смерти должна стать для меня не ужасом, а стимулом. Я знаю, что смерть — это не плата за грех, а действие закона, с которым я живу и умру. Я желаю умереть после того, как моя жизнь закончится поступком, сделавшим мою деятельность значимой для общества. Я надеюсь храбро умереть, исполняя свой долг, и знаю, что только тот умрет счастливой смертью, кто исполнил свой закон.

Я надеюсь умереть так, что моя смерть станет достойным завершением сильной жизни.

СВОБОДА ВОИНА

Книга II

"Не спрашивай.
Не жалуйся.
Недавно связан.
С нами всеми.
Народ нашел
Дорогу домой."

Перекличка

Высоко над хаосом мира возвышается, излучаясь далеко, холм полуночи, высокая гора обещания. Среди прибоя беспокойных дней она, грубая и недоступная, бросает вызов из вечности в вечность и предлагает убежище и родину тем немногим, кто привык, несмотря на жертвы и лишения, вести опасное существование. Холоден камень горы на севере, и суровы ветры, дующие на ее вершине.

Слабаков приводит в ужас ее дикое однообразие. А люди, которые верят, что красота растет только в теплых долинах, защищенных от штормов, боятся, что их сердцам придется замерзнуть в холоде этого величия.

Но те немногие, кто живет на горе свободы, чтобы быть поближе к солнцу и звездам, видят позади себя облака и туман, снег и пыль, которые покрывают долины как плотные завесы, и знают, что они не смогли бы дышать в этой тесноте внизу. Они заглядывают в низину и кричат каждому путнику, который приближается к ним, предостерегающие слова, чтобы он не оступился и нашел дорогу к ним через все ущелья и пропасти.

И когда в мире становится темно, когда жители мечтательных долин отказываются от всякой надежды ради пожеланий вечного мира и постоянного счастья, тогда горы в полночь начинают светиться, и сердца немногих излучают энтузиазм к опасной бдительности, подобно факелам в ночи.

И когда из долин заунывно доносятся усталые мелодии отчаявшихся благочестивых, немногие передают рыдания своего сердца вместе с порывами ветра в бескрайние просторы бурлящего мира. Иногда, когда солнце свободы рассекает туман, или когда беззвездными ночами вдали сияют факелы с гор, люди в долинах в изумлении поднимают глаза и смотрят на немногих снизу вверх.

Они, вероятно, содрогаются, когда видят находящихся под угрозой исчезновения там, на вершине смерти, и чувствуют себя счастливыми в своей защищенной низине.

Поведение немногих кажется им бессмысленным, так как они не видят никакой выгоды, ибо они знают, что плоды дня быстро созревают в долинах, и они не могут распознать ни одного плода на высоких каменистых склонах.

Напрасно жители долины спрашивают о смысле такой одинокой жизни. Лишь очень редко тоска охватывает человека из долины, юношу, который смог благодаря своей силе освободиться от грез и опьянения, чтобы подняться в дерзкое и свободное одиночество.

Он с улыбкой покидает свой дом, его взгляд устремлен вдаль, он больше не хочет восхвалять узкую радость долины, он также больше не видит, что те, кто сопровождает его, оплакивают его, как покойника. Однако те, кто остался, срывают с себя траурные одежды по погибшему, который с ликованием вступает в великую войну жизни, и со страхом спрашивают, почему он так сильно протестуют против безопасности. Великая тоска не объясняет им, почему.

* * * * *

Одинокие - хранители вечного огня свободы. Когда в мире становится холодно, когда лед и снег угрожают заморозить все живое, тогда они отправляются на вершину горы, чтобы разжечь костер под высоким звездным небом, который соединяет небо и землю могучим сиянием.

И тот, кто в долинах желает избежать гибели, отправляется взбираться на гору свободы. Итак, огонь - это знак для тех, кто бодрствует в свободе и не выпускает меча из рук. Огонь - враг всего слабого, он сжигает всю мякину, все гнилое, чтобы еще сильнее ослепить благородных.

В огне, который пробуждает и сохраняет жизнь, одинокие оттачивают свой меч, который они, как воины, носят до конца своих дней.

Закаленный в огне: так и меч является символом вечной воли к свободе, которая является отблеском могучего сияния, объединяющего звездное небо и земное пространство. И железо, закаленное в огне, - это лучший дар, который таит в себе глубокое, тайное чрево земли.

Итак, в мече заключено все высокое, что могут дать земля и вечность, железо и огонь, воля, бдительность и готовность.

* * * * *

"Меч - это право и истина", - гласит старинная немецкая поговорка об оружии.

Миры разделяются мечом. Если меч заржавеет, честь умрет, но вместе с ней умрут право и истина. Одинокие люди знают, что летаргия низин убила больше сердец, чем мечи, поэтому они не доверяют усыпляющему распорядку дня, который называет себя "миром на земле". Ибо с облаками, которые поднимаются из низин, прокрадываются все силы тьмы.

Но почему воин тянется к мечу?

Пока есть хоть какие-то мысли о севере, до тех пор существует сознание своей силы, которая, тем не менее, позволяет с вызовом смотреть на превратности судьбы. Человек севера должен знать, что даже под самыми глубокими льдами все еще дремлет жизнь, которая весеннее солнце способно пробудить. Он должен знать, что над разорванными бурей облаками сияет вечное солнце. Эта вера - утешение, бунт, возмущение. Он не склоняется перед повседневной рутиной. Невзгоды укрепляют его силы. И меч, который выковал воин, - это не что иное, как воля к сопротивлению, закованная в железо.
Это глубочайшее знание воина, рожденное из вечного закона восстания, который известен только на окруженном опасностями севере: окончательное спасение - в мече! Меч не знает лжи, даже смерти.

Тот, кто когда-либо брал в руки меч, чтобы вызвать судьбу "жизнь" на поединок, преодолевал страхи в стране окончательного решения: в стране свободы!

* * * * *

Первый, кто когда-то выковал себе меч, возможно, размахивал им только для того, чтобы сохранить свою жизнь. Но уже тогда меченосец, который, владея своим оружием, чувствовал свое превосходство над всеми грядущими невзгодами, сочетал свое непокорное знание с гордостью за то, что он опасен для невзгод. Сознание того, что они способны вселять страх, вселило в сердца меченосцев небывалое чувство собственного достоинства и помогло им вырасти в воинов.

"Тот достоин чести, кто защищает себя", - гласит пословица оружия.

В знак своей чести воин носит свой меч даже тогда, когда в мире наступили мирные годы. И когда обилие удовольствий хочет соблазнить его разум, воин нащупывает меч, который напоминает ему о великолепной свободе опасной жизни, в которой все удовольствия меркнут перед величием подвига.

Без меча человек оказывается перед судьбой всей своей жизни, однако с мечом в руке он преодолевает то, что только что казалось непобедимым.
Однако расположение меча - это героическая готовность сердца.

* * * * *

Меч - последний товарищ воина, когда все вокруг погружается в ночь смерти. Пока он носит меч, он также несет надежду на окончательную победу.

Таким образом, меч дает воину новые знания о жизни и наполняет его сердце непокорной уверенностью.

Гордое осознание превосходства поступка над любыми обстоятельствами заставляет воина снова и снова искать опасность, а вместе с ней и час испытания. Мир перестал бы стоить того, чтобы в нем жить, если бы он стал безопасным. Таким образом, сущность воина состоит не в покое, а в буре. Он презирает летаргическое спокойствие и любит великое волнение, которое несет в себе все откровения опыта.

Воинственный дух человека снова и снова устремляется в заманчивые просторы опасности. Воин, вооруженный мечом, хочет познать все: мир и небеса, вчерашний день, настоящее и завтрашний день. Куда бы он ни проникал, куда бы его ноги ни ступали по новой земле, всюду он несет с собой горящий и сияющий факел своей свободы, освобожденный от страха, как послание с высокого холма обетования.
Его жизнь - это борьба, а не спокойное созерцание. Жители долин видят в нем демона и ненавидят его, потому что он разбивает идолов их безопасности, которые они называют счастьем.

Они видят в нем соблазнителя своих сыновей, потому что он поет воинственные мелодии тоски в их сердцах.

* * * * *

"В сердце мужество,
Под шляпой непокорность,
На мече кровь
Должно быть только так!"

Надписи на мечах сделаны коротко, твердо, храбро и прямолинейно, какими и являются воины, сочинившие их.

А в песнях воинов рассказывается о смерти, от которой мужество храбрецов черпало свой ужас.

Для воина жизнь и смерть неразрывно связаны. Сегодня красив, завтра мертв! Это изречение - совсем не смиренный поклон судьбе, скорее, оно содержит в себе предостережение использовать этот день для подвига, ибо смерть кладет конец подвигу.

Близость смерти, близость с другом Хайном [то есть с дьяволом, прим. Филфот и далее] заставляют сконцентрироваться волю к жизни и, таким образом, усиливают жизненный пыл, из которого только и вырастают великие и желанные дела свободы.

Но разве не каждый, в ком течет кровь воина и кто наслаждается мечом, разрушает жизнь? Так спросите жителей долины, кто испуганно перешептываются о том, что тот, кто подвергает себя опасности, погибает в ней!

Они, жители долин, ничего не знают об этом, о том, что каждое превращение на высотах связано с опасностью падения. Что каждый шаг, направленный вдаль, может привести к падению. Что каждый, кто с полными парусами надежды и уверенности ведет корабль своей жизни в море надежд, рискует утонуть в штормах бытия. Тот, кто в безопасности, безусловно, живет более надежно, менее опасно, не причиняя вреда, без забот или печаль, но он также живет бесплодно. Он не создает никаких ценностей для реализации, потому что ему не хватает опыта, именно того опыта, что приобретается в авантюрных жизненных путешествиях с точки зрения прозрений, мудрости и уверенности.

Через пропасть ужаса, которая для людей безопасности открывается между жизнью и смертью, воин перебрасывает мост, потому что, познав закон существования, он смирился с тем, что только через смелый риск можно найти пути к свободе.

* * * * *

На протяжении тысячелетий мир превратился в обширное поле мертвых. Закон разрушения и нового развития определяет, что из того, что умерло, в измененной форме развивается что-то новое. Даже соломинка не умирает, не вызывая нового пробуждения.

Воины и трусы покрыты одной и той же, вечно обновляющейся от мертвого к живому, землей, а слабые насмешливо говорят, что смерть уравнивает всех. Их утешает то, что они могут похоронить предателя рядом с верным.

Они ничего не знают об этом, о том, что, в то время как могилы развеваются на ветру, воля к свободе, которая когда-то наполняла сердца воинов, сохраняется как могучая энергия вечности и как великое сияние на горе в полночь обретает свое пристанище. Однако имена храбрецов становятся факелами!

"Домашний скот умирает,
Роды умирают
Ты сам умрешь, как они.
Но я знаю одну вещь,
Которая живет вечно:
Слава деяний мертвых!"

Это первое и обязывающее учение о вечной жизни воина, учение, которое могло возникнуть только высоко на севере земли, на горе в полночь.

Есть только одно возвращение мертвых, в которое верят воины: почтение памяти о храбрых подвигах, которые разгоняют с неба тучи позора, которые когда-то хотели скрыть солнце свободы.

* * * * *

Народ - это то, чего хочет душа! Однако те, кто формирует волю, - это воины. Таким образом, народ живет благодаря своим деяниям.

Воля нации проявляется в Рейхе [в Империи], за который сражаются и гибнут воины. Поскольку они посвятили себя командованию, они отказываются от выбора своей судьбы.

Перед волей нации, справедливым стремлением к бессмертию, на которое способен только сильный, воинственный народ, все погибшие должны взять на себя ответственность, как на перекличке. Если воля народа ставит вопрос: "За что ты умер?", то слабаки должны молчать. Они не могут объяснить ни причины своей жизни, ни причины своей смерти, потому что они полностью поддались соблазнительной уловке идола-совпадения.

Только воины могут дать ответ, указывая на свои поступки, которые они служили бдительности, готовности, росту и сиянию. Лишь немногие входят в единую, настоящую вечность, в вечность нации, потому что они создали ценности.

Слава деяний и ценностей отделяет нетленное от бренного. Справедлив только тот, кто может дать ответ на перекличке.

* * * * *

Кто же, однако, воин?

Только не тот, кто готов пожертвовать своей жизнью. Есть мечтатели, святые люди и глупцы, которые ради безделушки охотно отдадут свою жизнь с разрушительной яростью самоубийцы. Способность умереть - это еще не признак того, что ты стал высшим существом.

Не тот, кто из повиновения без всякой цели носит форму и оружие, чтобы через определенное время снова вернуться в безопасность, прерванную вынужденной службой, и всю оставшуюся жизнь с некоторым гордым восхищением вспоминать те годы, которые он провел в качестве "защитника отечества".

Воином можно стать только по крови, ибо воинственность - это ликование души, которая стремится к далекому сиянию гор. Именно благородство поведения человека позволяет стремлению к свободе одержать верх над искушением безопасности.

Воинство - это жизненный стандарт сильных, которые посвятили себя риску. Это постоянная готовность к борьбе за очищение и укрепление личности, мобилизация против превратностей судьбы, постоянное стояние с оружием в руках.

Жизнь воина не является "счастливой" в смысле заключения мира с судьбой и обстоятельствами. Она знает больше страданий и ран, разочарований и глубин, чем жизнь обеспеченного человека. Но сознание своей творческой ценности дает воину больше, чем все земное счастье в виде удовлетворения и комфорта.

Воин непокорен и горд, если тот, кто в безопасности, удовлетворен и счастлив.

В том и заключается мужество воина, что он, невзирая на опасности, снова и снова идет на риск, чтобы стать сильнее. Он берется за это с самого начала. Время от времени он вызывает на дуэль более сильных противников, чтобы по количеству побед определить рост своей души. Во время этого испытания на прочность он должен смириться с тем, что однажды потерпит поражение. Использовать эту демоническую, первобытную волю к победе на благо нации - вот высшая мудрость воина.

Быть ценным - вот цель его существования.

Упоминание о выполнении своего долга, о своих деяниях - вот его ответ на перекличке!

"Мы знаем круг народных бед,
Мы знаем и смерть от орудий.
Мы – борцы за пространство и хлеб
И честь мы себе добудем"

Первая Ночная Вахта

Чести Воина

Мы сидели у костра, камрад.

Это была одна из тех майских ночей, которые нельзя назвать ни теплыми, ни холодными, поскольку туман, стелющийся над землей, прохладный и заставляет нас прижиматься друг к другу.

Звезды сияли ясно и прохладно из своей недосягаемой дали, а шепот ветра время от времени нарушался треском побегов вдалеке.

Вы спели песню, которая в наши дни яростного натиска на превосходящего противника вновь зазвучала, после того как ее похоронили вместе с последними потерянными домами:

"Боже, будь милостив к могущественному благочестивому Кайзеру,
Максимилиану! Он придумал
Орден, который путешествует по всем странам
с трубами и барабанами.
Их называют наемниками.
Они не пируют и не молятся.
И считают, что это должны делать священники и монахи.
У них есть своя семинария
Многие наемные, набожные люди,
Обошли ее по садовой земле.

И мы тоже замолчали, когда вы закончили. Мы вслушивались в ночь
и предавались своим мыслям, которые устремлялись к Родине, которая нас предала.
С Родины они вернулись, а затем двинулись навстречу врагу и опасности.

Ты же знаешь, камрад, что мы тяжело дышали, так что нам пришлось предпринять
усилие подавить стон.

Ты взял меня за руку. Как будто хотел найти подтверждение тому, что мы,
ставшие одинокими, не были полностью покинуты.

Раньше кто-то назвал нас наемниками и хотел этим именем упрекнуть в том, что мы не давали покоя своей жажде приключений и из-за радости войны, с которой мы не находили пути назад, не хотели выпускать оружие из своих рук.

И мы, сражавшиеся в Добровольческом корпусе, выбрали это название из-за неповиновения тем, кто поносил нас, и из чувства товарищества с теми, кто за столетия до нас, когда мелкие дворяне сражались за власть своего дома и позволили рейху
распасться, нашел свою родину под флагом.

Мы стали наемниками. Родина отвернулась от нас.
Круги, которые хотели зарабатывать деньги любой ценой, называли нас нарушителями спокойствия, которые больше не были способны ни к какой реальной работе.
В их глазах мы были психологическими жертвами войны, конечно, солдатами.

Мы были изгнаны из рядов вооруженных сил. На наших кокардах были цвета, которые государство больше не хотело признавать.

Война закончилась, она была проиграна. Мы забирали свои винтовки в темноте ночи из амбаров и столовых, прежде чем их разбили. Наша форма больше
ничего не значила.

Война закончилась, она была проиграна. И дураками называли тех, кто не приспособился к условиям времени. Насмехались над тем, что мы живем прошлым, как запоздалые романтики полей сражений. Мы, те, кто еще остался!

Нас ждала тюрьма, если бы мы вернулись к границам земли, которую мы намеревались защищать от любого порядка.

* * * * *

Мы думали об этом, камрад, не раз майскими ночами, когда горел костер и наши глаза смотрели на далекую родину, ставшую такой чужой.

Затем, в мерцающем свете костра, твой взгляд, наконец, встретился с моим, и ты заговорил.

"Кто-то лишил нас чести", - сказали вы.

Ваши слова прозвучали равнодушно, без горечи, как будто это было незначительное осознание.
"Честь!

Когда мы поднимали флаг, втоптанный в грязь, и робко вытирали его дрожащими руками, чтобы снова поднять его для отчаянной атаки, мы считали себя последними и первыми носителями чести.

А теперь? Предполагалось, что у нас не будет чести?"

Ты увидел сомнение в моих глазах и тяжело опустил руку мне на плечо.

"Возможно, у нас тоже больше нет буржуазной чести", - начал ты снова. "Конечно, мы должны заставить себя отказаться от этого последнего украшения умирающего общества. Что понимает бюргер под "честью"? Для него это не что иное, как маленький садик, в котором он ухаживает за своими любимыми цветами. Он восхищается их видом и ни в коем случае не хочет мириться с тем, что в его заповедник вторгается постороннее лицо. Посмотрите на вариации такой "чести", чтобы понять, насколько она фальшива. Существует "честь класса", "честь семьи", "честь женщины", и чем пристальнее вы смотрите, тем яснее должны понимать, что эгоизм и тщеславие, высокомерие и вседозволенность являются реальными движущими силами этих "понятий чести". Просто посмотрите, что они подразумевают под "женской честью". Лично те, кто обеспечен, считают, что любая женщина, которая им понравилась и которая не холодна, является их собственностью. Только если другой человек, "соперник", оспаривает право собственности на женщину, они считают участие в конфликте за любимого человека "делом чести" и готовы сражаться за "честь" до кровавого конца. Кто хочет разобраться, где проходит грань между честью и тщеславием? Мы рады, что больше не вовлечены в подобные "дела чести". Потому что у женщины, которую мы любим и которая любит нас, есть нерушимая честь, которая реализуется в материнство. Кто хочет задеть честь женщины, которую мы любим? Но если кто-то из обеспеченных людей, кто в бездействии своего богатого существования не может противостоять своим низменным мыслям, протягивает руки к женщинам, которых мы любим, тогда мы ударяем его кнутом, как отгоняем лающую гончую, преграждающую нам путь. Но это не "дело чести". Тот, кто думает иначе, должен опуститься до атмосферы вожделения. Однако женщина, которая предает воинственного мужчину в угоду похотливому бездельнику, недостойна настоящего мужчины. С такой женщиной мы бы расстались сами. Это тоже не вопрос чести, скорее, вопрос чистоты. Я имею в виду, что наша честь должна быть чем-то большим, я бы рискнул так выразиться, чем-то более благородным."

Ты замолчал, и я понял, что сейчас ты думаешь о своей молодой жене-блондинке. Еще до захода солнца, во время боевой паузы, когда мы лежали в лощине на краю деревни, ты показал мне фотографию, на которой твоя жена улыбалась тебе. На одной руке у нее был ребенок, другого она держала за руку.

"Вы правы, - сказал я, - что нужно бояться быть с такой женщиной. Сомнение и предательство тесно связаны. И я думаю, что это оскорбление для женщины-матери, если мужчина не считает ее способной удержать от ухажеров."

В последние дни мы часто говорили о том, что, отправляясь воевать на восток, мы сожгли за собой все буржуазные мосты. Честь семьи?
Большинство членов нашей семьи только качали головами в ответ на наш план и делали нам замечания, ради семьи и ради нас самих продвижение по службе, отказ от "приключений". Все, что не служило продвижению, обогащению, "счастью" в смысле безопасности, было названо "приключением". И поскольку мы сознательно хотели дистанцироваться от безопасности, мы стали "авантюристами". Многочисленные "законы чести", которые надежный человек, созданный для защиты своего счастья, пострадал из-за нашего шага. Это мы были "без чести" в смысле обеспеченных людей.

Мы чувствовали извращенность и самонадеянность их мышления и презирали их от всего сердца.

Уже в первые дни, после того как мы покончили со всем старым и стали одинокими, мы поняли, как далеки мы от безопасности и их жизненных правил, их морали.

Ты снова заговорил, и твои слова дрожали, словно от скрытой радости:

"Пожертвовав собственной жизнью, мы также отделили себя от устоявшегося понятия личной буржуазной чести, которое может запятнать любой негодяй. Мы поняли, что честь есть только у того человека, который больше уважает жизнь своего народа, чем свою собственную. Честь солдата больше не является чьей-либо частной собственностью, от неё зависит судьба нации. Взгляните на ценности чести у обеспеченных людей. Они гордятся тем, что носят чистые жилеты, даже на самых скандально известных предприятиях они считают себя порядочными, пока не совершили какого-либо очевидного преступления. Вы понимаете? Негодяй, которого не поймали, по-прежнему считается благородным джентльменом, а трус может, если солдат выразит ему свое презрение, обратиться в любой суд за защитой своей "чести". Что у нас общего с такими людьми? Вообще ничего, и меньше всего чести! А уклонник от военной службы по соображениям совести может ссылаться на благородные мотивы, любовь к человечеству, религию, многие понятия и выражения находятся в его распоряжении и приходят ему на помощь, и весь буржуазный мир будет тронут и заявит, что человек действует из "благородных побуждений". Тем не менее, в нашем понимании, он все еще человек без чести, потому что позволяет насиловать свой народ. Он низкий эгоист, потому что считает свою мелкую и жалкую личную честь, которая не требует жертв, более обязывающей, чем честь своей страны. По сравнению с нацией такая мелкая личная честь ничего не значит!"

Я согласен с тобой, камрад. Когда рухнули унаследованные системы ценностей, когда умерли боги старых, надоевших религий, мы установили для себя свой собственный моральный закон. Не на железных скрижалях мы написали наши заповеди. Но в наших сердцах мы глубоко похоронили приказ: свобода!

Все, что мы связывали с этим приказом, - дела и мысли, волю и планы, и, прежде всего, честь.

Меч судит беспощадно, а опасная борьба ценит человека по закону солдатской чести.

Быть бесчестным, согласно этому закону, означает: уклоняться от требований, которые нация создает. Это значит не вступать в борьбу.

* * * * *

Если бы в наших рядах сражались старые полевые солдаты, которые выполняли свою военную работу с самоочевидным спокойствием. Они мало разговаривали, а также очень редко смеялись. Их манера выражаться отличалась ужасающей грубостью. Их песни не отличались высоким моральным содержанием. Они презрительно улыбались при любой патриотической манере говорить. Но они были везде, где было опасно. Они жили в шумном, безудержном веселье, но они позволяли даже самому хмельному напитку остыть, если гром пушек возвещал о битве. Они игнорировали самое красивое, чтобы браться за самое трудное. Холодный рассудок тех, кто был в безопасности, не смог определить причину такого решения, сославшись на опасность.

Костер уже почти догорел, так что мне, чтобы разжечь его, пришлось встать и набрать дров.

Наконец, вы снова начинаете говорить.
"Добровольность, с которой солдат решается на выполнение самого опасного долга, является мерилом, которым следует измерять его благородную выправку. И на пути чести остается тот, кто в борьбе с искушениями заставляет волю торжествовать и неуклонно, не обращая внимания на бесчисленные соблазны, которые пытаются подкупить его, чтобы сохранить собственную жизнь ценой исполнения долга, выполняет требования солдатского закона. В ужасной борьбе последних лет, на фоне падения всех буржуазных понятий, у старых солдат обострилось понимание требований, которые стоят выше повседневной рутины. Каждый, кто ежечасно сталкивается со смертью во всех ее ужасах, ищет и находит солдатскую честь, перед сиянием которой меркнет тьма смерти. Почему, когда робкие люди с готовностью ухватились за долгожданную возможность прекратить сражение, солдаты остались на потерянных постах?

Потому что они были благородны, как вы понимаете. Благородны даже тогда, когда рядом не было никого, кто мог бы увидеть, как бесчестье отступает. Таким образом, честь не зависит от похвалы и порицания, ей не нужны свидетели, никакие внешние формулы, никакой устав. Ее нельзя даровать, ее также не нужно защищать. Честь солдата - это идея добровольности идти на жертвы, которых требует жизнь нации, не задумываясь ни о чем. Следовательно, тот, кто выполняет свой долг, обладает честью."

Я кивнул.
"Каким смешным по сравнению с этим мне кажется обывательское представление о чести "чистого жилета", о той мелкой личной чести, за которой обеспеченный человек следит так ревниво, как за сокровищем, которое у него могут украсть ночью. Как может солдат испытывать такой же страх? В конце концов, он знает, что никто не сможет вырвать из его сердца идею чести, ради которой он берется за оружие".

Вы засмеялись. "Какое это имеет значение, что трусы, когда мы не заботились о заповедях их ужасного государства, отреклись от нашей чести! Что не все ли равно, если они, как и угрожали, предадут нас суду и бросят в тюрьмы. Они заклеймят нас преступниками, будут мучить и пытаться унизить. Видите ли, они могут лишить нас своих привилегий, своих почестей, своего процветания, даже своих богов, но они не в состоянии разлучить нас с нашей честью, потому что, в конце концов, она горит в наших сердцах и всегда с нами, независимо от того, предъявляем ли мы обвинения или сидим в тюрьмах. Наша честь может обойтись и без такого почитания.
Да, это даже чувствительно по отношению к почитанию, потому что такое почитание очень часто имеет подкупающий эффект. Честь как идея, а не как собственность, благородство как служба, а не как привилегия - так говорят нам наши солдатские знания!"
Мы не скрывали, что находили удовольствие в изготовлении оружия своими руками, что война представлялась нам не только разрушительной силой, но и великим судьей над ценностью и бесполезностью. Без радости в борьбе мы бы не исполняли свой долг с такой преданностью, так как выполнение долга без радости должно заканчиваться невыносимым принуждением.

Поле боя снова и снова казалось нам испытанием для нашего сердца. И мы открыто признавали, что опасность стала смыслом нашей жизни. Мы содрогались при мысли о том, что однажды придется вернуться к кажущемуся спокойствию на Родине, которое на самом деле было ничем иным, как смиренным преклонением перед произволом врага.

* * * * *

Мы решили, если нам позволят остаться в живых, разгромить бесчестное государство и создать военное государство, государство нашей чести.

Не только война сформировала нас, мы также извлекли из войны высшую цель, раскрытие ценностей и идей, которые мы вынашивали. Ведение войны больше не означало для нас только терпеть войну с ее ужасами, с ее кровавой болью, ведение войны означало для нас, помимо этого, рисковать великим поступком сердца и чести и даже любить этот риск за его подтверждение, которое было дано нашим ценностям.

Мы и не думали отрицать, что по инстинкту являемся воинами, и не стыдились этого инстинкта, скорее гордились тем, что он требовательно поднимается в нашей крови и требует подвига.

Мы слишком хорошо знали, поскольку нам пришлось увидеть это собственными глазами, что невосполнимые ценности, прежде всего кровь молодых людей, были безвозвратно потеряны на войне, что бесценная энергия была растрачена впустую. Мы знали, что, учитывая это народное свойство, преступно развязывать войну из-за каких бы то ни было страстей.

Мы понимали, что войны могут начинаться только из-за крайней необходимости.

Но когда они подают сигнал к бою, тогда вспыхивают высшие солдатские добродетели, и часы этого огня могут и должны означать высочайший опыт для настоящего солдата, для воина. Должны ли мы стыдиться того, что заявляем, что гордились тем, что жили в военное время и умели распознавать свое сердце?

Ты придумал фразу, мой камрад, которая оправдывает наше удовольствие от битвы:

"Воля к войне должна рождаться из стремления преодолеть низменные инстинкты."

* * * * *

Воля к войне существует!
Ее не следует отрицать и подавлять. Но ее нужно направлять.
Откуда берется эта воля? Воля к опасности? В каждой клетке жизни есть воля к бунту, к безусловному желанию расти.

Утверждение греческой философии: "Борьба - отец всего сущего" - на самом деле и древнегерманское. Борьба каждого зернышка за освобождение от оболочки, борьба каждого дерева в лесу за свет заставляет нас верить в истинность этой греческой мудрости.

Борьба самцов животных проистекает из естественной заповеди отбора сильных, заповеди о более высоком размножении за счет слабых. Первобытная воля к войне - это лучшее вечное утверждение жизни во имя развития лучших.
Великая война на земле, сопровождающая все процессы роста, является постоянным продолжением естественного процесса, который не является катастрофой, а скорее сам по себе является проявлением и выражением закона.

Если человек с оружием в руках ищет врага, это не признак первобытного варварства.

Почему же тогда здоровый человек идет на войну?

Это что, опьянение крови?

Войну любят не как политическую необходимость, а скорее как великое событие природы.

К войне стремятся не как к двусмысленному предсказанию, а скорее как к ясному ответу на вопросы сердца.

Наступило духовно больное время, которое неверно распознает первобытную волю воина и стремится погасить огонь воинственного энтузиазма пацифистскими или религиозными доктринами.
Любой пацифизм, любая религия мира в принципе кастрирует творческую мужественность. Однако кастрация - это смерть!

С другой стороны, время, понимающее необходимость соединения первобытной воли воина с запланированным политическим актом, позволяет людям становиться воинами, которые ведут свою нацию к высшему развитию.

Там, где жажда крови находит свое воплощение в долге, - это жизнь!

Мы говорили о поединке оленей, мой друг.

Вы читали в какой-нибудь буржуазной книжонке, что олени дерутся на глазах у самок, чтобы показать свою силу; нам это представление кажется крайне глупым. Несомненно, человек, написавший подобную чушь, был денди, привыкшим демонстрировать свою красоту с помощью особенно мужественных поз. "Поединок оленей" - это отбор слабых. Сильный завоевывает самку животного и, следовательно, право на продолжение рода!

В любом случае первобытная воля воина направлена на более высокое воспитание сильных, оставшихся в живых. Как может человек осмелиться спорить с законами творения, которые проявляются в природных существах?

Он должен был бы быть достаточно высокомерен и труслив, чтобы выдумывать религии, чтобы попытаться во имя выдуманного чудесного бога нарушить закон.

Человек, который пытается отстраниться от безжалостного требования закона жизни, не более зрел, чем первобытный человек, который в мрачном предчувствии тянется за дубинкой, он просто достаточно болен и глуп, чтобы рассматривать свою болезнь как развитие!

Мы находим утверждение: "Сообщество сильных людей, способных показать лицо нации, должно искать и найти великого врага, чтобы в борьбе с ним обрести бессмертие".

Сильному человеку нужна враждебность!

Ночь осветилась первыми лучами рассвета.
Твое лицо казалось бледным, а мерцающий свет костра придавал тебе необычный вид, камрад.

"Следовательно, мы могли бы быть довольны своей судьбой, что она уготовила нам стать воинами в этот час, когда те, кто в безопасности, спят. Сказав это, вы сделали защитное движение рукой, как будто хотели стереть это предложение, затем продолжили: "Я имею в виду, что это хорошо, особенно в недостойные времена, знать о своем долге, который защищает от того, чтобы вас затянуло в водоворот позорного падения, от того, чтобы вас смыло водой отчаяния. Большинство людей забывают о заповеди чести, если перестают слышать какой-либо приказ."

Я согласен с вами: "Приказ пробуждает во многих дремлющую совесть, так что, когда они слышат приказ, они верят, что их собственный внутренний голос настиг их. И они хорошие солдаты, пока есть приказ. Но если приказ замолкает, значит, они беспомощны, потерпели неудачу и сбились с пути в поисках утраченной цели.
Воин, однако, по-прежнему слышит заповедь чести, даже когда приказа больше не отдается. Он ощущает сияние долга, у которого нет языка. Он по натуре более бдителен и дальновиден, чем большинство других людей. Его добровольность получает направление от долга, что приводит к спасительному поступку".

Ты кивнул. "Мы, военнослужащие Добровольческого корпуса, обязаны соблюдать заповедь солдатской чести при исполнении своего долга. Тогда нам приходится легче, чем солдатам по принуждению, потому что мы послушны благодаря высшему знанию и более глубокому пониманию".

Мы говорили о послушании и улыбались, потому что буржуазный мир обвиняет нас в неповиновении. Я сам встал под знамена Добровольческого корпуса вопреки недвусмысленному приказу моего окружения.

И все же мы думали, что мы послушные. Однако не для осторожных, обеспеченных людей, которые умеют быстро смириться с любым совершенным поступком, даже если он угрожает свободе. Вначале мы слышали отдаленный зов, доносившийся с угрожаемых границ, пока нам, обязанным соблюдать закон чести, не стало ясно, что долг требует повиновения.

Ты подчеркнул утверждение, камрад: "Повиновение - это воля к безусловному выполнению долга, который возложен на нас законом чести".

В этом смысле объединение послушных произошло в Добровольческом корпусе. Следовательно, было легко вести личный состав против превосходящих сил противника. Рядом с личным составом лидеру, который был легитимирован как лидер сильнейшей волей к исполнению долга и, соответственно, пользовался повиновением среди добровольцев, вряд ли требовались подчиненные, которые должны были обеспечивать внешнее повиновение своим командованием над другими - систематическое выполнение приказов. Дисциплина в Добровольческом корпусе заключалась, прежде всего, в признании превосходства лидера. Но это так много значило: отряд добровольцев стоит лишь постольку, поскольку его командир соблюдает закон солдатской чести, следовательно, выполняет свой долг и в высшей степени послушно служит Идее!

* * * * *

Вы уже служили в довоенной имперской армии, камрад, и стояли на той границе, где внешний порядок рушится и где "повиновение" прекращается.

"Добровольческий корпус", - сказал ты, - сам по себе слажен в своей воле, в своей цели, в своем повиновении. В целом, это концентрация воинов. Регулярная армия, однако, состоит по большей части не из добровольцев, а из тех, кем командуют.
Те, кем командуют, должны быть выстроены в ряды и колонны, физически и психологически они должны стать однородными, иначе армия не будет обладать ударной силой. Командиру армии приходится преодолевать гораздо больше трудностей, чем командиру Свободного корпуса. Чтобы получить армейскую форму, ему нужно большое количество офицеров и младших офицеров младшего звена, которые сами не только с величайшим послушанием принимают приказы, но и следят за тем, чтобы подчиненные выполняли их безжалостно и слепо. Только их послушание является гарантией успеха планов полевого командира, к которому они привязаны доверием и верой в него".

Я возразил, что в соответствии с этим армия должна быть самой мощной, обладающей наибольшим психологическим и физическим единообразием. Немецкая нация, которая в основном выросла из воинственного народа, обладала лучшей армией, потому что она достигла этого единообразия в наибольшей степени.

"Естественно, это так", - заверил ты меня, - "мы достигли очень высокого уровня солдатской дисциплины, потому что при необходимости мы строго соблюдали эту координацию. Солдат в строю больше не был свободной личностью в буржуазном смысле этого слова, а скорее, он был солдатом, который благодаря строевой подготовке был спаян в военном строю в единое целое, так что даже подсознательно послушно выполнял каждый приказ. Единообразно выполняемые движения уже привели его к осознанию того, что он стал частью единого целого, которое в военном смысле было безупречным только в том случае, если даже самая маленькая деталь работала безошибочно. Армия должна была работать как часы. Благодаря сверлению было достигнуто то, что эти часы работали в соответствии с инструкциями. Потребовалась кропотливая работа с деталями, пока каждая деталь не вошла в состав более крупной без трения."

Однако я пришел к выводу, что необходимым условием для систематической работы этого часового механизма была готовность отдельного солдата, который должен был приложить все усилия, чтобы сделать невозможным какие-либо сбои.

"Правильно", - сказал ты, - "в конечном счете, это снова и снова зависит от того, насколько боевой дух наполняет войска. Муштра никоим образом не может заменить боевой дух. Имперская армия часто совершала ошибку, ставя муштру на первое место. Чем масштабнее задачи, которые ставятся перед отдельным человеком, тем больше ответственность, тем больше это зависит от его духа, от его надежности, от его безусловного выполнения долга. Даже в большой, великолепно обученной армии в опасные моменты добровольность играет решающую роль. Чем больше мы приближались к концу войны, тем больше понимали, что боевые действия воодушевляли нас гораздо сильнее, чем рукоприкладство, которое, как и должно быть, безусловно необходимо для поддержания дисциплины. Но никогда не следует забывать, что отряд, который, кажется, функционирует безупречно, не обязательно должен обладать большой боевой ценностью. Но следует также помнить, что неряшливый отряд редко имеет ценность. Боевой дух отряда отражается не в последнюю очередь на его выправке, которая, однако, должна быть результатом не муштры, а скорее осознания чести. Подумайте, пожалуйста, о старой прусской, упорно муштрованной армии, которая погибла при Йене и Ауэрштедте. Такие люди, как принц Луи Фердинанд, тщетно пытались вселить в армию дух, который восторжествовал бы над рукоприкладством. Прусские солдаты стреляли, наступали, заряжали, стреляли, как и предписывалось инструкцией по учениям. Их муштра была настолько великолепной, что они стояли на поле боя, как во дворе казармы.

Я перебил тебя: "Итак, это означает, что войска должны полностью соответствовать духу либеральных идеалов своего времени и что эти идеи также должны доминировать во всем армейском руководстве, чтобы придать войскам реальную боевую ценность".

Ты улыбнулся моему рвению. "Правильно! Руководство наполеоновской армии было не на высоте вполне порядочных, но интеллектуально и психологически отсталых прусских генералов, и либеральные идеи наполеоновских солдат, веривших в идею нового времени, оказались сильнее, поскольку они были более скаредными, чем муштра прусских солдат. Наполеон мог фанатизировать своих солдат, и у пруссаков больше не было Фридриха Великого, который был для них идеалом прусской воли. Победы Наполеона доказали, насколько важно для исхода сражения, чтобы солдаты непоколебимо верили в великие задачи своего времени и с честью выполняли свой долг, служа этим задачам. Только когда прусские идеи вновь наполнили энтузиазмом не только солдат, но и весь народ, тогда можно было победить уже почти мифического Наполеона. Здесь было доказано, прежде всего, что концентрированная, страстная воля народа к свободе сильнее любой империалистической идеи, которая, в конце концов, вырастает не из крови, а из обдуманности".

Мы говорили о том, насколько ошеломляющим было его психологическое величие, но также и о том, насколько революционным было его признание непобедимости народной воли, утверждение должно было быть, что прусский генерал фон Клаузевиц сделал из великих моральных движущих сил, которые доминируют на поле боя.

Клаузевица следует считать современным основоположником учения о солдатской чести. Он привнес в муштру прусской армии требования и постулаты Канта и, таким образом, позволил прусским солдатам подняться в этическом отношении намного выше армий Наполеона, привыкших к победам.

Гениальный Шарнхорст превратил профессиональную армию в народную и тем самым подчинил весь народ воинскому долгу и позволил ему разделить честь, которая, благодаря отказу от личных соображений и желаний, позволяет людям превзойти самих себя.

Фрейхерр фон Штайн начал великую прусскую революцию, которая, выйдя за рамки классов и их чести, хотела завоевать нацию.

Недавно возникшая солдатская честь позволила народу в 1813 году одержать победу в восстании гигантских масштабов.

Пруссия стала народом-солдатом и, таким образом, превзошла Наполеона, который действительно хотел командовать другими народами.

* * * * *

Стало светло.

Костер догорел. Мы посмотрели в сторону противника и услышали, как эхо выстрелов становится все более многочисленным.

"Абсолютно необходимо, - так закончился разговор, - чтобы в каждой народной армии будущего честь солдата была доминирующей идеей. И это означает, что каждый командир подразделения должен позаботиться о том, чтобы не подавлять инстинкт воина с помощью муштры. Его сообразительность проявится в том, что он постарается распознать самых смелых и потребует от них чего-то особенного. Дух добровольческого корпуса должен оставаться живым в народной армии и наполнять лучших бойцов, чтобы, выполняя свой долг, добровольностью своих поступков они служили ярким свидетельством чести солдата.

* * * * *

Мы схватили наше оружие и побежали навстречу сражающимся.

"Сегодня мы должны отправиться в поход
вглубь вражеской земли.
И флаг, который мы несем,
Должен стать для нас новой Родиной".

Вторая Ночная Вахта

Верности Солдата

Позади нас были тяжелые бои, и наши ряды сильно поредели.
Снабжение было невозможно, потому что мосты, ведущие на Родину, были разрушены, а лакеи трусливого государства охотились за каждым солдатом, чье сердце велело ему прийти к нам на преданный, последний фронт.

Мы сплотились и дали себе обещание держаться вместе тем фанатичнее, чем сильнее становилась ненависть вокруг нас. Перед нами был враг, поддерживаемый оружием всего мира, ведомый фанатичными ненавистниками от всей немецкой души, вдохновленные любовью и доверием особенно амбициозных людей. Мы знали, что сначала нам придется заново создать Родину, а до тех пор мы в лучшем случае будем гостями в Германии, если не совсем чужаками или изгоями.

Мы уже давно оставили всякую надежду на спасение. Кто должен был прийти нам на помощь? И где нас должны были спасать? Мы полагали, что там, где мы стояли, все еще жила только честь Германии. Там развевался наш флаг, и мы хотели держаться рядом с ним. Мы, солдаты, слишком хорошо знали, что чудеса не падают с милосердных небес. Великие дела рождаются из великих сердец, а не из унылых молитв!

Для нас не было другого выхода, кроме непрерывной атаки, которая сама по себе давала возможность в какой-то момент добиться удивительного успеха. Это было величайшим приключением нашей борьбы, которая иногда казалась нам игрой с высокими ставками, но также и с шансом на большую прибыль.

Мы чувствовали себя странно возвышенными из-за своего долга и уникальности нашего солдатского приключения, так что мы были горды тем, что в то время, когда большинство людей устали и отчаялись, мы были последними, кто нес оружие, несущее свободу.

* * * * *

Мы сидели в низкой пивной в гостинице в маленькой деревушке. Возможно, это было незадолго до полуночи.

Свеча, вставленная в горлышко бутылки, давала ровно столько света, чтобы ты, камрад, мог почитать томик Ницше, который всегда носил с собой.

Но вскоре ты отложил книгу и уставился на мерцающее пламя. Мы говорили о том, что нападение на "Аннаберг" имело место, хотя незадолго до этого руководителям этого предприятия пришлось дать честное слово ни в коем случае не нападать.

Ты вдруг громко рассмеялся, так что я вздрогнул.
"Вы все еще помните, что в буржуазном мире существовало правило чести, согласно которому любой человек, кто нарушил свое слово, должен был покончить с собой? И сегодня мы видим в этом нарушении слова чести оправданное действие, потому что оно послужило борьбе за свободу".

"Просто у бунтарства другие законы", - подтвердил я.

Ты кивнул. "Я думаю о хорошо известной старой немецкой поговорке о том, что вся честь проистекает из верности. Что в это время нелояльности мы верны, об этом мы уже говорили. В этом нет никаких сомнений. И свою честь мы подтверждаем исполнением долга чести, мы живем благодаря этому знанию. Это знание дает нам подтверждение нашей борьбы, мужество для постоянного наступления. Но сегодня люди в Германии восстанут и назовут нас лжесвидетелями, нарушителями слова, бесчестными".

"Мы одержали победу, - вставил я, - и это оправдывает нарушение слова".

Ты покачал головой. "Нет, победа - это не главное. Наша атака могла сорваться под огнем. А что потом? Разве наши оппоненты не были бы тогда правы? Нет, здесь решающим для оценки наших действий является не результат, а исключительно мышление. В любом случае мы должны иметь гордость, чтобы поддержать это нарушение слова. Мы служим высшей верности, верности идее, нации. И ради этой верности должно быть возможно пойти на любые жертвы. Разве мы не готовы рисковать своей жизнью? Разве мы также не полны решимости самостоятельно устранить предателей против Германии? Кто знает, может быть, настанет время, когда придется принести присягу республике, чтобы сохранить оружие для борьбы за свободу. Я был бы готов принести клятву, чтобы нарушить ее при первой же возможности, если бы этого потребовала высшая преданность идее".

Должно быть, я на мгновение вздрогнул от этих слов, потому что ты положил руку мне на плечо через стол.

"Я знаю, - продолжили вы, - что это может прозвучать ужасно. Но подумайте, как легко мы можем оказаться перед такой возможностью. Для правительства негодяев было бы легко связать храбрых, преданных людей клятвой и тем самым увековечить несправедливую систему. Таким образом, высшая верность, в которой мы поклялись самим себе, стоит выше любой вынужденной клятвы. Даже государство-изменник считает свою клятву нерушимой.

Высшая лояльность, однако, объявляет нас невиновными в нарушении клятвы, да, в определенные моменты она требует от нас нарушения данного слова. Подумайте о Йорке, который нарушил свое обещание [предположительно, речь идёт о прусском шрафе Давиде Людвиг Йорк фон Вартенбурге]. Подумайте обо всех великих потрясениях в истории. Разве все они или, по крайней мере, большинство из них не были вызваны нарушением обязательств по отношению к чему-то недостойному? Трусливые и предательские государства пытаются привязать людей к недостойным условиям с помощью клятвы. Нарушение этой клятвы, однако, должно привести к новому порядку ценностей без всякого лицемерия. Маленькие сердца разбиваются вдребезги в таком конфликте, но солдаты растут в этом подвиге, достигая последней, одинокой высоты сознательного и преданного человечества. Только сильные способны на это. Их восхождение - это подъем из низин рабской повседневной рутины, их бунт - это освобождающее сопротивление сокрушительному давлению несправедливости, их возвышение - это размышление об истинных ценностях чести, а их бунт - это штурм стен государственной измены".

Мы немного помолчали, размышляя о своих мыслях. Мое сердце забилось быстрее от твоих слов. Конечно, сегодня мы все еще были мятежниками в своих мыслях и поступках. Возможно, уже завтра мы были бы носителями справедливости в свободном Рейхе. В конечном счете, говорили мы себе снова и снова, только конечный психологический успех определяет тот образ, который история стремится нарисовать о революционном деянии. Наша задача состояла в том, чтобы, если бы мы осмелились на это, считать наш поступок достойным истории, тем самым сохранить военные ценности, находящиеся под угрозой. Мы чувствовали себя обязанными оставаться верными идеи воинственности, и эта идея, со своей стороны, заставляла нас любой ценой противостоять сокращению Рейха.

"Нарушение слова, - резюмировал я, - как правило, происходит только в том случае, если солдат больше не видит никакой другой возможности противостоять опасности уничтожения Рейха, кроме как путем восстания, что приводит его к разрыву с законными властями, которые по своей глупости, трусости или из-за своей очевидной продажности, планируют выкупить свою жизнь отказом от права и силы. Но всегда именно эти законные власти, ставшие трусливыми, делали себя виновными в нарушении верности, в том, что они презирали заповеди чести, и солдаты, которые, осознавая непреодолимую необходимость своих действий, в гордом самооправдании и самоответственности, сбрасывали с себя цепи предательства. Слепые клятвопреступники, которые лишь очень поверхностно хотели привязать к обреченной на упадок и погибель судьбе неверную и бесчестную силу, были исполнителями освободительной воли нации. Соответственно, это не софистика, когда мы говорим, что верность солдата в данный момент требует нарушения данного слова, скорее, что это должно заставить его восстать против упадочных систем".

* * * * *

Свеча нервно затрепетала. Ты взял маленькие ножницы и аккуратно подрезал фитиль.

"Преданность солдата - это самая сильная сторона достойного и справедливого государства, которое осознает свой долг, но также и самая страшная угроза любому изменническому государству, которое рождается из трусости и низости. Я не удивлен, что Веймарская республика настроена против солдат. Поскольку она сама по себе нелояльна, она должна считаться с тем, что мы нарушили данное слово, и если бы мы не отказались подчиняться ему, нас самих могли бы привлечь к ответственности за нелояльность".

Ты некоторое время смотрел мне в глаза, оценивая меня. Затем ты продолжил.
"Возможно, сейчас кто-то мог бы подразнить нас упреком в том, что мы создаем философию солдатчины. Но мы совсем не бескровные догматики и теоретики. Мы просто должны смотреть на долг, границы и просторы нашей деятельности, чтобы быть лояльными в этом знании. Мы отличаемся от наемников, которые сражались то за одно, то за другое, страстной заботой нашего сердца о том, чтобы не сойти с пути высшей верности. Наемником был связан контрактом, который он заключил со своим работодателем. Лояльность контракту - это его очень малая, внешняя лояльность. И тот, кто думает, что может связать нас клятвой для выполнения недостойного задания, хочет низвести нас до положения наемников, но мы считаем себя вправе убить его тем же оружием, которое он дал нам, чтобы мы своей кровью защитили его независимость".

Мое дыхание участилось, когда я услышала эти слова.

Ты постучал пальцами по столу.
"Возможно, это учение звучит ужасно. Это не так. Оно справедливо. Оно революционно только потому, что опрокидывает несправедливо установленные кажущиеся ценности. Солдаты всегда будут бдительной совестью нации, потому что их преданность нуждается в подтверждении, и это стремление прогоняет сон и всякое безразличие. Времена упадка Германии всегда были временем, когда солдатам приходилось покидать поле боя, на котором творилась история."

Я согласился от всего сердца.
"Я верю, что Германия погрузится в глубокую ночь, если мы отступим от флага и устанем. Даже если наше наступление не увенчается успехом, наше присутствие, тем не менее, важно, потому что мы говорим на солдатском, благородном языке. Поэтому мы должны стойко переносить все страдания, все разочарования, все отвращение".

Я прервал сам себя. "Почему мы говорим об этом? Разве это не очевидно?"
Ты покачал головой.

"Очевидно все и в то же время ничего. Кто знает, не настанут ли снова времена процветания, когда люди захотят забыть о страданиях, которые соседствуют с подлинной преданностью. Тогда придут люди, испытывающие тоску и дурные предчувствия, и зададут нам вопросы. Хорошо, что теперь мы уже знаем ответ и нам не нужно искать его в сундуках памяти".

* * * * *

Верность солдата, как мы поняли, проявляется в преодолении трудностей.
Перед ним возвышаются горы искушений. И все доводы буржуазного разума хочет убедить воина отказаться от опасного пути преодоления, который окружен ужасами пропастей, и поселиться в уютных низинах безопасности. Но что заставляет солдата прислушиваться к грозным сигналам своей воинской судьбы и закрывать уши и сердце от шепота буржуазного разума?

Великое деяние, которое ожидает свершения в будущем, излучает уникальную энергию, живой пульс, который заставляет сердца воинов неугомониться, учащенно биться и вселяет в них страстное желание, которое показывает воинам путь к победе. Инстинкт солдата чует не только опасность, но и зов часа. Вот в чем секрет того, что в опасные времена воины выбирают подходящий момент, поскольку судьба хочет войти в историю.

И еще: только солдаты вершат судьбу!

"Товарищество, - сказал ты, - это объединение солдат, которые признают опасность подвига и видят свою судьбоносную профессию в выполнении обязанностей и требований этой опасной жизни. Товарищ - это человек, чья душа несет в себе черты воли воина. Между храбрым и трусливым нет товарищеских отношений. Отличительными чертами солдата является не форма, а только готовность к подвигу и твердое сердце. Униформа - это всего лишь символ того, что солдаты подчиняются приказу, который в качестве предварительного условия требует дисциплина. Затем общее страдание показывает первую выборку тех, кто преодолел себя и ужасы страдания. Величие опасностей и постоянное препятствие выполнению долга все отчетливее выделяют настоящих воинов из числа тех, кем командуют, и, наконец, на горе свободы стоят одинокие, избранные, хранители нации и заботятся об огне энтузиазма, который освещает все вокруг. ночь безразличия."

"Товарищество", - продолжил ты через некоторое время, - "это сообщество преданных, которые осознают свою ответственность, и это означает, что они знают, как ответить на зов времени. Эхо их сердец - это безоговорочный поступок. Только тот, кто сочетает свои знания с делом, способен вести жизнь полной преданности".

Я задумался над твоими словами. И пока ты быстро расхаживал по комнате, я продолжил вашу мысль.

"Нас называют активистами, в отличие от бюргеров, пассивно наблюдающих за падением. Соответственно, активист - это воинственный человек, который преодолевает недостойное состояние своими мятежными действиями и преодолевает пассивность движением. Его активность является результатом преданности его сердца, которая призывает его бороться за свободу".

* * * * *

Вы открыли окно. В комнату ворвался сладкий, тяжелый ночной воздух, и легкий ветерок шевелил пламя свечи. Наши мысли уже давно зашли дальше. Мы говорили о том, что война с ее величием преодолевает мелкое тщеславие и позволяет действовать только подлинным ценностям. Горечь смерти слишком сильна, чтобы рядом с ней могли процветать лесть и безумства продажного тщеславия. Разве война, если смотреть на нее со стороны, не лишила красочных мундиров всего блеска и не одела солдата в однотонный, землисто-серый цвет? Сыны земли, на которой они родились, на которой они сражались, проливали кровь и умирали. Земля была не просто местом боевых действий, она давала убежище и защиту в жизни и в смерти. Весь блеск упал на землю, все, что, по сути, не относилось к борьбе, потеряло себя в потрясениях серьезной и благородной борьбы, пока не поднялся очищенный, сущностный воин, который уважал только себе подобных и в строю товарищей сражался упорно, вызывающе и преданно, без клятвы верности, без нужды его сердца в формуле. Наше обращение привело к вопросу о солдатском принуждении. Мы, Добровольческий корпус, все без исключения были добровольцами. Мы знали, что трусы называли дураками нас, тех, кто рисковал своей жизнью добровольно и без принуждения. Возможно, это правда, что мы были не в состоянии принять это решение - что солдат рискует ради высшей цели. Эта цель - свобода, а риск - его жизнь, которой он должен рисковать снова и снова. Возможно, это правда, что солдат рискует своей жизнью со смертью. А настоящий воин чувствует притягательность опасности, и нельзя отрицать, что в какой-то мере ему это нравится. Но солдат никогда не идет на самоубийство по этой причине! Без риска для жизни конечная цель нации - свободное развитие ее жизненной воли - никогда не может быть достигнута. Нация нуждается в том, чтобы солдаты рисковали своей жизнью, жертвуя собой, и в качестве конечной свободы своих действий стремились к исполнению своего воинского долга. Это необходимо для того, чтобы достичь вечности в этом мире.

Ты кивнул. "Касты воинов уже давно не существует. Солдат нашего времени живет в сумерках повседневной жизни, пока долг не призовет его в нужный момент подняться на вершину своей жизни. Рейх, о котором он мечтал, был скрыт до тех пор, пока в опасный час этот Рейх не засиял в сердцах храбрецов.

В повседневной жизни уже возникает скрытый фронт активистов. Фронт растет по воле сознающего свой долг солдата, а не по приказу."

"Солдат, исполняющий свои обязанности, знает, что мы не можем лишить храбрых права на оружие без того, чтобы не погибли или не восстали самые достойные представители этого государства. Он знает, что помимо воинского долга от всех людей, полезных для государственной службы, требуется служебный долг. Служить обязан каждый, кто живет в сообществе и ожидает, что сообщество поддержит его. Без этого вынужденная служить отдельному человеку, община очень быстро погибла бы в борьбе всех против всех. Воинская обязанность - это лишь часть общего долга служения. Здоровое государство само по себе дает каждому человеку возможность доказать свои способности через службу. Таким образом, это также привносит в жизнь индивида час самоутверждения и, следовательно, возможность выбора и роста посредством воли".

"Уставшее и больное государство, которое из соображений комфорта своих граждан не принижает служебную обязанность своего народа, всегда остается зависимым от произвол в отношении роста ее членов. Таким образом, она лишена возможности обучать людей, формировать их и тем самым делать их полезными".

Я согласен с тобой. "Посмотрите на государства великого германского народа за пределами границ нашего Рейха. В жилах их народов течет та же кровь, что и у нас. Но из-за того, что воинственный пыл умер в их крови, умер, когда была подавлена воля к безусловной свободе, эти государства стали старыми и мирными.
Лишь немногие добровольцы из их стран сражались в Мировой войне на нашей стороне. То боевой клич севера больше не достигал сердца большинства. Они чувствовали себя в безопасности и счастливы в своем миролюбии. Они ничего не хотели знать о том, что могли бы очень легко оказаться втянутыми в крах севера, если бы в Германии воцарился еврейский хаос. Их нейтралитет не был проявлением твердости, скорее слабостью и недальновидностью. Поскольку их инстинкты устали и притупились, они искали спасения, а значит, и преимущества, в "нейтралитете".

Ты улыбнулся.

"Существует ли вообще нейтралитет? Я имею в виду, что это слово придумали торговцы. Воин его не знает. Там, где ведутся войны, идеи тоже сражаются. А идеи, в свою очередь, требуют инстинктов для борьбы. Но именно здесь возникают разногласия. Кто может быть "нейтральным", когда речь идет о праве и свободе, о падении и рабстве? Недальновидные и лишенные инстинкта, нерешительные и трусливые все еще могут оказаться более порядочными среди "нейтральных". Однако гораздо большую их часть составляют стервятники войны, расхитители трупов и шакалы.

Ни добро, ни зло не являются "нейтральными" в момент опасности, в час принятия решения. Но когда жребий брошен и становится ясно, на чьей стороне победа, эти прожигатели жизни встают на сторону успеха и стараются превозносить эту сторону как справедливую и благородную, тем самым придавая своему ограблению трупов моральный оттенок".

"Так обстоит дело в большом мире политики, и в маленьком мире повседневной жизни это тоже ничем не отличается. Посмотрите на тех, кто находится в безопасности. Кто они, если не "нейтральные" по отношению к судьбе? Они подавляют с помощью своих религий и нравственных учений воинственные инстинкты, чтобы достичь подлинной "жизненной мудрости".
Однако эта мудрость призывает их встать на сторону успеха, избегать принятия решений, выть с волками, то есть с нынешним большинством. Принимать данные факты и в любом случае спасать свою шкуру."

Твое лицо исказилось. В твоих чертах читались горечь и отвращение.

"Они хотят отнять у нашего народа инстинкт воина и, следовательно, представление о чести и готовности к безоговорочному выполнению долга, убеждая его, что право на оружие и служебный долг - это пережитки средневековья, недостойные просвещенного человечества. Позор тем, кто не определился с расчетом!"

"Позор торговцам колебаниями!"

"Тот, кто верен своей крови, ненавидит "нейтралитет", презирает расчет. Человек верности - это человек решительный, уверенный в себе.

Воин не ищет добычи, победа для него слишком дорога, чтобы он мог осквернить ее надеждой на обогащение. Его завоевание венчается честью, слава которой не омрачается жадностью торговца к наживе."

* * * * *

Мы подумали о том, что жадность тоже может вдохновлять людей на подвиги. Но это отличает воина от продажных, что он не останавливается ради грабежа, что он не тратит свое время на обогащение и личную выгоду, что он не удовлетворяет себя. Ибо удовлетворенный не способен к дальнейшей борьбе. Это военная хитрость - позволить врагу захватить имущество, а затем ждать, удовлетворит ли он себя сам, без инстинктов, и погрузится ли в глубокий сон. Если воин поддастся искушению, его легко убить.

Победа - одно из многих испытаний для верных.

Честь солдата защищает его от наслаждения роскошью. Его отказ от удовлетворения и полной безопасности проистекает из более высокого понимания, очищенного разума.

Хитроумие повседневной жизни может привести к самодовольному удовлетворению от обладания чем-то, но воин знает, что даже самое большое и, по-видимому, надежное имущество исчезает, если люди поддаются сладкой усталости.

Мы долго сидели молча.

Влажные сумерки заставили нас вздрогнуть.

Мы были рады, когда камрады наконец пришли.

"Видите, то, куда мы сейчас идем,
- это конец наших дней.
Эта земля полна крови и железа,
В которой правим только мы, мужчины.
Если бы тебе пришлось потерять и нас тоже,
Научи своих сыновей этим сагам.
Научи сыновей нашим мелодиям,
Чтобы они оставались верны нам".
- Однажды они узнают,
Если они пойдут по нашим путям
И найти далекие страны,
Которые мы когда-то приобрели для них,
Отцы должны были умереть,
Для того, чтобы сопровождать сыновей.
Если они свяжут себя с нами,
Мы умерли не напрасно".

Третья Ночная Стража

Великой любви солдата

Мы не скрывали, что испытываем страх, когда думаем о будущем, которое однажды отправит нас с полей сражений в профессии, которые не знают, как справиться с нашим характером, с нашим стремлением, с нашей любовью к опасной жизни, с нашей ответственностью за себя перед судьбой.

Шиллер всегда был прав в своих словах: только солдат является свободным человеком! Мелкие жизненные страхи, проблемы профессии, второстепенные трудности повседневной жизни - в своей совокупности они образуют стену, которая достаточно велика, чтобы закрывать вид на открытое небо.

Борьба научила нас не обращать внимания на мелкие личные невзгоды. Она помогла нам найти себя в собственном сердце и соизмерить свою значимость с понятием долга. Мы осознали, кто мы такие. Долг и дело стали полюсами нашего мышления.

И этого должно было однажды перестать быть?

Предполагалось ли, что однажды мы снова позволим измерять себя мерилом полезности, которое мы должны были привнести в повседневную жизнь и ее институты? Предполагалось ли, что мы снова будем руководствоваться сообразительностью и хитростью? Предполагалось ли, что мы будем участвовать в их презренном соревновании за минутное преимущество? Борьба научила нас больше не руководствоваться мнением тех, кто считал себя способными в жизни, если им удавалось добиться внешних успехов. Мы нашли своего правителя в самих себе. Мы были гордые и сознающие себя достаточно, чтобы вести себя в соответствии с самими собой. Высокое мужество воина, как мы его ощущали, как мы жили, не имело ничего общего с высокомерием. Но презирать мелкое, чтобы служить великому, казалось нам, придавало жизни благородство. Сначала необычное, опасное добавляло остроты в пищу нашего существования.

В нашей жизни не было ни скуки, ни беспомощности, она была гораздо более наполнена неповторимым напряжением, ликованием постоянной готовности.

Несмотря на всю безнадежность нашего добровольческого корпуса, который, казалось, приближался к своему печальному концу, возвращение на Родину и унизительные условия, в которых мы оказались, казались неминуемой гибелью. Мы могли понять, что многие из наших товарищей теперь сражались с беспримерным упорством и приняли свою пулю с некоторым облегчением.

Мы сами защищали себя от чувства страха перед мирными, пацифистскими идеями, которые нашептывали нам, что смерть солдата - это гордое и желанное избавление.

Тот, кто когда-то жил свободой солдата, жил осознанно, для него любое безопасное существование несет в себе что-то пугающее. В годы утомительного мира он ежечасно ждет сигнала к бою. Для него мирные годы вообще терпимы только в надежде, что однажды забрезжит рассвет опасности для грядущих деяний.

* * * * *

Ночь была необычайно серой. Небо было затянуто дождевыми облаками, поэтому не было видно ни луны, ни звезд.

Мы стояли в полевом дозоре, мой камрад. Недалеко от нас возвышался свежий холмик, который покрывал тело погибшего накануне товарища. Ветер шептал над могилой.

Время от времени мы бросали на нее робкие взгляды. Наши голоса были тихими. Я сам толком не знал, смягчил ли я свой голос из уважения к мертвым или из осторожности, вызванной близостью врага.

"Кто бы ни пал сейчас, ему не обязательно видеть Родину и страдания".

Вы невольно покачали головой, услышав мои слова.

"Смерть как бегство - это трусость. Не следует призывать ее и не следует искать. Я ненавижу пение благочестивых: "Приди, сладкая смерть!" Смерть должна застать нас готовыми, но не более того. Мы должны противостоять своей судьбе во всем ее величии, у нас нет выбора. Мужество есть только там, где мы принимаем жизнь со всеми ее перипетиями, чтобы формировать ее согласно нашей воле и в соответствии с нашими представлениями. Что вы тогда знаете о том, что ждет нас в будущем? Что я знаю об этом? Мы можем только всегда быть во всеоружии, вот и все. Но это также и главная жизненная мудрость солдата."

Я поднял воротник, потому что мне было холодно.

"Государство будет охотиться на нас, если мы вернемся на родину. Это поставит нас вне закона, ввергнет в глубочайшие страдания".

Ты сделал презрительное движение.

"Страдание только там, где человек сомневается в себе.

Бедность и преследования также могут привести к мужскому неповиновению, бунту сердец и, таким образом, к мобилизации всех истинных ценностей. Мы должны просто научиться создавать для себя новую Родину посреди бездомности."

Через некоторое время ты продолжил, камрад.
"Наша родина там, где наше сердце, и это Германия, которая, несмотря ни на что, остается с нами. Она просто скрыта, как луна, которую облака не могут скрыть навсегда. Мы возвращаемся в мрачную, чужую страну, которая не может быть для нас более чуждой, чем любая другая чужая страна. Но в том-то и дело, что в этой соседней чужой стране мы несем нашу воинственность как свет. И мы приносим с собой наше мышление как живое наследие, которое требует и заставляет нас пробуждаться и звать, пока чужая земля снова не станет нашей родиной. Мы должны посеять наши завоевания, как семена, в немецкую землю.

На сердце у меня было тяжело, и твои слова не смогли меня утешить.

"Значит, все было напрасно?"

Ты обратился ко мне с жесткими словами.
"Стыдись своего уныния! Неужели ты не знаешь, что для солдата не бывает ничего напрасного?" Ни одна трава не растет напрасно, ни один цветок не расцветает напрасно, ни одно дело не бывает напрасным, ни одна идея не рождается напрасной, ни одно сердце никогда не пылало напрасно."

Затем твой голос снова стал мягче.
"Мы просто выросли из представлений о счастье, о котором мечтают обеспеченные люди. Пусть другие будут счастливы в своих мечтах. Для нас быть счастливыми больше не означает находить удовлетворение в удовольствиях. Быть счастливыми означает для нас, что мы служим своей идее, что нам позволено выполнять обязанности, вытекающие из этой идеи. Это означает, что, несмотря на все разочарования повседневной жизни, мы обретаем возвышенное осознание нашей великой любви, осознания того, что мы - менестрели нашего тысячелетия. Мы поем для тех, кто сегодня еще не слышит нас, весть о грядущем величии солдат. Разве эта миссия не более великолепна, чем любое другое сокрушительное испытание? Мы погружаемся в водоворот нашего настоящего с заявлением: я счастлив, потому что мне позволено служить! Это послание позволяет нам держать голову выше, камрад. Сияние в наших глазах - это отражение гордости в наших сердцах. Трусам это сияние может показаться демоническим, но мы знаем, что это сияние великого света той священной горы в полночь. Пока это сияние все еще в наших глазах, оно говорит о том, что мы способны жить свободной жизнью среди всего этого страха. Мы хотим позаботиться о том, чтобы не потерять свой блеск".

* * * * *

Мы говорили о том, что нашей задачей будет сделать из молодых людей воинов. Не то чтобы мы хотели обучать их владению оружием. Для этого требовались другие инструкторы. Скорее, мы хотели вырвать их души из водоворота удовольствий и направить их сердца в страну свободы и благородного долга.

Мы все еще не знали, куда направят нас наши шаги и где, в Германии или во враждебном мире, мы однажды будем есть свой хлеб. С нами, однако, следует осознание величия освободительного подвига.

Нашей задачей должно быть провозглашение этого знания.

"Возможно, - так ты сказал, - в будущем молодежь Германии снова будет ходить в казармы, чтобы попрактиковаться в обращении с оружием. Для этой ручной работы также снова потребуется строевая подготовка. Я достаточно хорошо знаю по имперской армии, что очень часто молодой солдат поначалу боится оружия, да, что он рассматривает оружие как обузу, которую начинает ненавидеть, и всерьез думает, что оно служит только для переклички. Страх перед оружием, по общему признанию, не настолько велик, чтобы заглушить удовольствие в воинском поступке, который живет в солдатских сердцах, но, тем не менее, он достаточно силен, чтобы превратить нерешительных в опасных врагов и парализовать волю к доблести.

Инструкторы в казармах, конечно, не всегда в состоянии пробудить и сформировать инстинкт воина. Их часто приходится удовлетворять с помощью дисциплины и инструктажа, чтобы добиться единообразия в готовности и максимально возможного владения военными средствами".

"Это не только любовь к оружию, которая проистекает из знания военной техники. Тот факт, что оружие является решающим инструментом для победоносного ведения борьбы за свободу, укореняется в сердцах жаждущих, является нашей бесконечно важной политической задачей".

"Мы должны убедиться, что цепь воинственной воли к восстанию, которая видит в мече порядок души, ставшей стальной, не разорвана. Мы, одинокие, являемся мостом между вчерашней сражающейся Пруссией и солдафонской Германией завтрашнего дня. Поэтому мы умираем не напрасно. Поэтому наша борьба - это больше, чем просто пример: она сохраняет духовную жизнь нации!"

Я задумался, и мне показалось, что над свежей могилой стоит зарево. Что бы это было за зарево над Германией, если бы из всех могил, которые покрывают тела тех, кто пал за свободу, поднималось зарево?

Никогда больше ночь не сможет опуститься на Германию. Но разве этого было недостаточно, если бы во времена тьмы воины разговаривали с мальчиками, чтобы заставить их сердца сиять, чтобы душа с ее тончайшими вибрациями смогла ощутить сияние могил?

Я верил, что мы были там, чтобы своим примером дать четкую цель мужеству тех, кто придет. И высокая любовь к борьбе с оружием в руках должна постоянно поддерживать инстинкт воинской готовности, стремление к высшему проявлению политики и защищать его от любых отклонений.

"Мы сами должны быть той занозой недовольства, - сказал я, - которая способна терзать наши тела, наше государство, в довольные и трусливые времена. Мы должны помешать телу, пусть даже силой, предаться ленивому отдыху, который позволяет инстинктам умереть. Мы снова и снова поем эту старую песню о любви к оружию."

У меня есть желание сразиться с врагом
на широком поле боя
как храбрый герой войны,
который делает это преданно и с честью.
Что ж, флаг развевается!
Всего хорошего тому, кто его поддерживает!
Барабаны звучат повсюду!
Живо, живо в бой!

Кто-то может долгие годы считать нас нарушителями спокойствия, проклинать нас или глупо улыбаться нам, пока не начнет понимать, что народ умирает, если у него больше нет чести воина, и что нация без свободы солдата не способна жить".

Ты кивнул.
"Каждое государство, осознающее свою ответственность перед нацией, должно знать, как создать напряженность, ибо только из напряженности возникает плодородная река идей. Но воин живет в свое время, так что эти противоречия находят разрешение. То, что воин в процессе работы поглощает себя, является его платой за жизнь и его призванием. Его величие в том, что своей возвышенной песней он преображает свою судьбу, что он способен избавить страдающих от ужаса. Взгляните на молодежь государства, которая не живет в напряжении: такая молодежь должна разлагаться или скитаться в далеких страданиях.

На всех полях сражений мира она бессмысленно истекает кровью, служа чужим народам. Молодежь не виновата, что она гонится за этим приключением, за этой приманкой-птицей опасности. Вина порождается исключительно статусом наемника, который основывается на обмане относительно истинного лица мира и сил, управляющих им. В том, что мы сражаемся за честь воина, мы боремся за вечное существование народа, есть гордость, которая призывает нас атаковать и преодолевать любые недостойные условия. В том, что мы преодолеваем соблазны повседневной жизни, спокойную в своей безопасности, и соблазны удовольствий, которые предлагают радости безболезненного счастья в уединении, есть вознесение нас в те области солдатской свободы, где дышать - привилегия избранных. Эта возвышенная жизнь, это парение в незыблемом величии благородного одиночества - цель нашей возвышенной песни".

Над нашим разговором освежающий ветер разорвал низко нависшие дождевые облака. С неба сияла ясная и холодная луна, заливая мир вокруг нас бледным зеленоватым светом.

Мы замолчали и посмотрели в сторону врага.

Война Воина

Книга III

Пробуждение

Многое на земле и в небе отделяет нас от вчерашнего дня,
Там, куда мы идем, есть одиночество,
И там, куда мы стремимся, есть темнота
Перед лицом нового.

Наши ноги изранены и устали
И они очень тяжелые.
Наши глаза горят в ночи.
Как факелы, они горят навстречу битве за нас
И сияют.

Никто не знает, когда настанет его час
Завтра.
Мечу ведома мучительная песнь смерти.
Вскоре лезвие обагрится кровью
В бою.
Мы должны покорить просторы Германии
И обрести свободу.
В бескрайних просторах горит огонь,
Он призывает нас к борьбе за пространство и землю
За Германию.

Наша Вера

Решающие события последних лет позволили даже самым ничего не подозревающим понять, что Европа, а за ее пределами и весь мир находятся на переломном этапе мировой истории.

Предполагалось, что подъем Национал-Социалистической Германии, направленный на укрепление ее собственной мощи и самой сути, будет предотвращен, а немецкий народ окончательно уничтожен армиями умирающего христианско-интернационального тысячелетия.

Беспрецедентная смелость и инстинктивная, быстрая решительность Фюрера сорвали планы старых держав и одержали беспрецедентную победу, открыв путь в будущее революционным идеям Национал-Социализма о свободе.

Мы стоим у истоков величайшей эпохи в истории Германии! Германский Рейх немецкой нации, о котором говорил фюрер, примет форму, о которой наши отцы еще и мечтать не могли.

Для каждого немца, находящегося за границей, является высшей честью и величайшим долгом работать со всей энергией сердца, интеллекта и рук над реализацией замысла Идеи Фюрера. Рейх в этом мире, Германия, наша Родина! Настоящая борьба за сохранение чистоты наших идей - вот наше духовное испытание.

Мы не хотим рая, который не является Германией, нам не нужен спаситель, который не является немецким! Что нам нужно, так это осознание нашего сердца, нашей сущности и защита нашего немецкого самосознания, чтобы понятия долга и чести еще сильнее переросли друг в друга.

Рейх

Покуда есть на всей немецкой мысли немецкий вид, значит будет и тоска по Рейху, как реальность, как выражения жизни Германской расы.

Вероятно, они были самыми одинокими, подвергавшимися наибольшей опасности, наиболее обвиняемыми в ереси, но они также были теми немцами, презиравшими рай и небесные обители, чтобы жить – и умереть – в борьбе за Рейх этого мира – за нацию немецкой Родины.

Мы обязаны этим немногим, этим избранным, этим возвышенным, что стремление, даже в времена самой мрачной безнадежности и самого мучительного отсутствия перспектив оставались живыми, как искра свободы, которая начинала разгораться именно тогда, когда ночь опускала свои тени на души. Эта искра все еще была способна указать цель ищущим.

Факелоносцами немецкой идеи были все без исключения глашатаи, пропагандисты и борцы Рейха. Ибо просто нет такой немецкой идеи, которая, будучи реальностью, не стремилась бы возродить Рейх.

Возможно, действительно были времена, когда немцы осмеливались только мечтать о Рейхе, да, возможно, только в этой мечте и благодаря ей они могли жить тайной жизнью. Но уже там, где мысль о Рейхе была скрыта в виде глубокого мифа в сердце сознательного человека, мечта усиливалась благодаря духовной готовности. Когда идея рейха стала угрожать исчезновением из мира представлений немецких людей, наступило время ужаса, интеллектуальной и духовной неразберихи, время хаоса, отсутствия направления. Инстинкт, компас души, предостерегающий и предупреждающий голос крови, казалось, тогда был утрачен.

Потребность в воплощении идеи Рейха стимулировала энергию целых поколений к беспрецедентным достижениям во всех областях искусства и науки.

Какими были бы наши духовные и расовые чувства, чем был бы весь наш генофонд без идеи Рейха? Только оно является гарантом правды и правдивости крови.

Тотальная Национал-Социалистическая революция научила нас осознавать, что без Рейха вообще не может быть немецкой реальности. Способность жить и служить этой реальности в боевой готовности - величайшая гордость и глубочайшее самосознание нашего поколения солдат.

И мы, немецкие солдаты, знаем, что только мысль о Рейхе – о вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем дне нашего поколения – способна наделить наше оружие смерти, которым мы владеем, единственным благословением, которое мы признали эффективным: благословением добровольной приверженности великому долгу, который называется Германия!

Мы услышали Фюрера!

В лесу к нам подъехал грузовик с радиостанцией. Уже часом ранее – едва мы получили известие о том, что Фюрер выступит с речью, – мы побрились (за недостатком воды вполне можно обойтись и с кофе) и почистили форму.

Теперь у нас еще и война с Англией и Францией! Это будет трудная борьба, и мы ни в коем случае не поддадимся дешевому оптимизму. Но у нас есть вера в то, что Гений Фюрера непоколебим. У наших врагов нет лидера и, следовательно, нет политической веры. Мы и представить себе не можем, что они там, наши враги, вообще что-то знают за что они сражаются. Следовательно, они бесстрастные солдаты.

Мы будем – просто потому, что Фюрер научил нас стилю политической жизни, – сражаться более упорно, более фанатично и более безжалостно, чем наши противники. Мы дали великую клятву: либо Европа будет принадлежать нам – очищенная, закаленная в себе, с германской печатью Европа, – либо мы исчезнем со сцены мировой истории, как надеются враги свободы Германии.

Мы уверены в том, что будущее принадлежит нам. Мы уверены в том, что любим нашего Фюрера. Сражаться с такой уверенностью - это для нас, солдат 1939 года, высшее, мужественное, воинственное счастье, которому однажды будут завидовать наши сыновья и внуки!

Какая огромная разница с 1914 годом!

Немец!

Кто может
Угадать любовь
немца?
Он спускается вниз
К очень старым матерям
земли
И спрашивает их
О причинах
их доброты!

Кто может
Распознать тоску
немца?
Он смотрит вниз
В пульсирующий древний бассейн
Из колодезных источников
Которые питают, оберегают
И возрождают вечную жизнь на земле!

Кто может
Вникнуть в суть
немца?
Он вычерпывает море
И измеряет высоту неба.
Могуче сгибаясь!

"Только солдат является свободным человеком"

Свободное решение, основанное на воле к действию и долгу, преодолевает жизненные страхи

Это было в последних числах августа 1939 года... Эти дни были достаточно жаркими, по ночам все еще было тепло. И мы, солдаты, которые залегли в густых лесах на границе с Рейхом и ждали решающего часа действий, были благодарны за то, что нам позволили насладиться звездными ясными ночами, как редчайшим подарком судьбы.

Те немногие из нас, кто в последний момент покинул рабочие столы и фабрики и отправился в поход, получили в эти ночи доступ в узкий и тщательно охраняемый уголок товарищества молодежи.

В низких четырехместных палатках, которые мы установили в чаще, тщательно замаскировав их мхом и ветками, горел огарок свечи, в желтом свете которой тот или иной камрад все еще писал письмо самому дорогому человеку, матери, другу, просто человеку, который для него это был олицетворением родины, с которым он хотел еще раз поговорить перед принятием решения.

Но в основном мы сидели перед палатками, прислонившись спиной к стволу дерева и подняв глаза к звездам, чтобы направить наши мысли к звездам будущего, к Родинк и завтрашнему дню битвы. Мы были людьми суровой реальности, реальности войны, людьми, которые презирали проявление своих чувств в разговоре и предпочитали отделываться сухой шуткой от любых эмоций, но прежде всего от сентиментальности.

Только когда мы под звуки губной гармошки негромко пели наши песни, простые, непатриотичные, лишенные фраз солдатские песни, в наше сердце, вероятно, проникала тихая тоска или мягкая меланхолия. Стремление к сражению, к испытанию, к меланхолии разлуки или даже к дурному предчувствию. И тогда тот или другие находили слова, к которым мы прислушивались или которые подхватывали, чтобы сделать их более важными и обязывающими в наших собственных мыслях.

В один из таких часов случилось так, что гармонист – после того как он уже аккомпанировал во многих песнях – заиграл мелодию бессмертной песни Шиллера: "Не унывайте, товарищи, садитесь на коня, на коня."

Мы спели строфы из этой песни, а затем замолчали, чтобы собраться с мыслями.

Внезапно в тишине раздался тихий смех, который неприятно поразил нас.
Молодой товарищ, который до этого стоял, прислонившись к дереву, резко выпрямился и сделал несколько шагов по кругу. Затем он снова рассмеялся и покачал головой: "Солдат сам по себе - свободный человек? Я до сих пор помню время, когда говорили: "К стене, марш, марш!" И что по команде мы ложились, ползали и выполняли всевозможные странные приказы. Какое отношение муштра имеет к свободе?"

На мгновение мы все рассмеялись, потому что нет такого солдата, для которого муштра никогда не была бы помехой. Но потом мы снова стали серьезными.

Разве Шиллер не страдал от совершенно бездуховного принуждения, которое ему, одному из самых революционных немецких поэтов, казалось недостойным и невыносимым, так что он считал его несовместимым с его солдатской честью? Разве Шиллер не бежал даже от удушающей дилеммы, от объятий упрямства? И именно этого революционера Шиллер хотел видеть исключительно в солдате, свободном человеке? Разве это не было вопиющим противоречием, непреодолимой пропастью между идеей и реальностью? Ответы на наши вопросы мы нашли у самого Шиллера.

> "*Только тот солдат, который может смотреть смерти в лицо,*
> *является свободным человеком".*

Таким образом, свобода солдата начинает становиться реальностью только тогда, когда он способен возвыситься в боевом опыте до того величия воли, когда благодаря мужеству сердца он избавляется от жала ужаса смерти. Свобода солдата, соответственно, обретает свое воплощение в возвышенности души, которую не омрачает никакой ужас.

Там, где солдат способен перепрыгнуть через бездну ужаса, где он принимает решение о поступке и долге, превозмогая все мелкие сомнения в трусливом сохранении жизни, солдат поднимается из низин повседневного, связанного с выгодой буржуазного мышления о снабжении и вступает в царство свободы от страха, где только и рождаются великие и освобождающие деяния. Так чувствовал Шиллер, и мы тоже так чувствовали!

"Жизненные страхи, он их отметает!"

И вместе со своими страхами солдат отбрасывает то, что буржуазный человек, обеспеченный человек, отложил в сторону с точки зрения резерваций на небесах и на земле, и то, что он называет своей личной сферой!

Безоговорочный деятель, человек, принимающий окончательное решение, возвышается там, где обыватель падает духом перед наполненной ужасом реальностью смерти.

Однако солдат шагает по руинам этого буржуазного мира, одерживая победу над страхами.

При этой мысли наше сердце наполнилось благодарностью.

Мы собрались для принятия окончательного решения.

Мы чувствовали себя исполнителями воинственной воли нашего народа, который когда-то, в годы позора, был доведен до отчаяния трусливыми и продажными порождениями страхов этой жизни.

Мы знали, что являемся последователями Фюрера, который сам мыслил и действовал как немецкий солдат.

Мы были Национал-Социалистами, чье мировоззрение зародилось на полях сражений великой войны, когда ужас заставлял людей принимать решение, хотят ли они быть рабами страха и, следовательно, упадка, или свободными людьми, которые считали долг величайшей реликвией этого мира.

Рейх Фюрера был создан из этого так часто вызываемого и так часто неправильно понимаемого духа фронта, который, однако, является ничем иным, как окончательным осознанием того, что в сердцах храбрецов пылает страстная воля к победе. Освободительный поступок способен стать политической реальностью благодаря исполнению долга с готовностью к самопожертвованию.

Помимо мечтаний и настроений, эта реальность стала нашим немецким мировоззрением. Теперь мы залегли в лесах и ждали приказа, чтобы доказать, что наша Идея, Идея бдительных и знающих солдат, должна быть сильнее, чем эта пустая болтовня уставшей и старой Европы.

"И если ты не будешь рисковать жизнью,
то никогда не выиграешь её для себя."

Мы хотели начать новую жизнь, жизнь в великой, воинственной Германии, в Германии, которая была достойна самой высокой жертвы.

Мы не знали, что принесет нам следующий день. Мы только предполагали, что нас ждут трудные испытания.

И мы надеялись, что в момент принятия решения будем достаточно сильны, чтобы суметь пройти неподкупный суд истории.

После этого разговора мы долго сидели молча, и наши мысли возвращались к истокам, которые мы уже высветили в возвышенной недосягаемости над стремлениями и деяниями наших отцов и праотцев.

Когда, наконец, гармонист снова затянул песню, мы исполнили ее с благоговением:
"Не унывайте, товарищи..."

Камрад!

Камрад!
Теперь мы снова стали
Серым фронтом!
Ты на юге, я на севере!
И старые, дикие песни.
Которые пели отцы в бою,
Которые шли по тропе смерти,
- Это тоже язык наших сердец.

Камрад!
Великое дело
Это сияющий маяк:
Германия! Свобода! Вечность!
И Рейх этого мира!

Камрад!
Кто из нас погибнет
В великом, ужасном убийстве.
Ты на юге, я на севере,
Становимся частью вечности,
Который сияет, требует, принуждает к этому,
Чтобы внуки когда-нибудь пели,
Так же, как мы, которые вышли
И взвешивали свои силы в бою.
Германия! Свобода! Вечность!
И Рейх этого мира!

Школа Проведения Теста

Мы все снова испытали на себе, мы, ушедшие на эту войну, что солдат просто не ждет непрерывную цепь победоносных сражений и что борьба состоит не только из ликующих выпадов. Да, эта война также не должна безоговорочно украшать солдата лаврами в конце концов, и лишь в очень редких случаях она сопровождается ярким героизмом, сопровождаемым аплодисментами толпы.

Когда в конце августа 1939 года мы закладывали свои отправные точки, наши мысли снова и снова возвращались к предстоящим битвам. Станут ли они битвами за истощение, как тогда, во время Мировой войны? Неужели мы скоро будем лежать на полях, усеянных воронками, в траншеях, в блиндажах?

Первые волнующие недели пролетели незаметно.

Теперь мы знали, как свистят пули, как рвутся снаряды, мы также знали, как умирают солдаты.

Но война выглядела совсем не так, как мы ее знали по описаниям тех, кто сражался с 1914 по 1918 год.

Эта война, наша война, была жестоким, стремительным ударом, стремительным натиском, преодолевающим все препятствия, а затем, казалось, почти бесконечным ожиданием.

Это ожидание, однако, стало для нас школой испытаний. В течение долгих месяцев мы узнали, что значит подготовить решающий удар: воля была натренирована и сконцентрирована для самого трудного действия.

Было достигнуто окончательное совершенство во владении оружием. Напряжение росло день ото дня, от недели к неделе, от месяца к месяцу.

Мы ждали приказа о нападении, как спасительного слова.

За это время мы ожесточились. Мы осознали, что являемся решающим инструментом в руках Фюрера. У нас была революционная задача, которую мы должны были выполнить, и нам было позволено быть солдатами Национал-Социализма, исполнителями политической миссии нации, миссии, которую мог дать только Фюрер.

Месяцы ожидания привели к окончательной, тотальной мобилизации.

Бесчисленные часы мы сидели в кругу товарищей, склонившись над картами и книгами, и говорили о Рейхе.

Мы осознали огромную разницу между 1914 и 1940 годами. Здесь
росло товарищество, которое стало сообществом носителей воли в этой революционной войне.

Лучшим солдатом, как нам казалось, был тот, кто мог проявить самую страстную
волю и самое ясное понимание предстоящих сражений.

Военный опыт был перенесен из плоскости воюющего государства в сферу
идеи.

Реальность тотальной войны подняла нас на ноги и превратила в солдат.
10 мая стало самым ярким проявлением этой трансформации: когда
воин, вдохновленный идеей, собрался для штурма, стены из бетона и железа
рухнули. Сила духа восторжествовала!

Благодаря этой борьбе мы, солдаты, несем в будущее осознание того, что Германский рейх будет Рейхом тотальной воли. Даже в мирное время мы останемся солдатами, которые ждут приказа о созидательных и формирующих действиях.

Ожидание

Мы, солдаты, научились самой суровой дисциплине - ожиданию!

Вначале это было просто ожидание изо дня в день, затем оно превратилось в ожидание из недели в неделю, из месяца в месяц. Ожидание, которое напрягало все силы тела и души. Почти на грани невыносимого.

Моральная ценность армии проявляется в том, как долго она выдерживает такое напряжение. Духовное величие солдата проявляется в том, что он хранит в чистоте не только свое оружие, но и свою душу.

Любое безразличие заканчивается пренебрежением. Любое пренебрежение влечет за собой опасность разложения.

Солдаты придали его солдатам беспрецедентную уверенность, когда он послал их навстречу гораздо большей опасности, чем битва: опасности ожидания. Он знал, о каком духовном величии, о какой силе самопреодоления идёт речь. Немецкий солдат способен на многое.

Говорят, что эта война - война нервов. Решающим, однако, является духовная субстанция. Чтобы взрастить её, требуется постоянная мобилизация, постоянная готовность, постоянная "готовность к прыжку".

Древние греки называли судьбу "Кайрос", "подходящий момент". Тот, кто улавливает ее и понимает, как придать ей форму, на самом деле способен превратить судьбу в историю.

Эта "стратегия судьбы" придает войне нашего времени ее реальные и существенные черты.

Мы, солдаты, научились ждать, чтобы в "нужный момент" стать решающим оружием в руках Фюрера. Чем яснее осознание, тем тверже воля, тем сильнее дисциплина, тем более могущественным становится успех, тем более ошеломляющей будет победа!

Судьба Солдат

Это была одна из тех ночей этой незабываемой зимы; в лютый мороз
шаги по снегу звучали металлически, а железо наших танков становилось таким холодным, что рука дергалась при прикосновении к рукояти, как будто она сжимала раскаленную сталь.

Небо уже побледнело, и звезды потеряли свое сияние, когда мы, вернувшись с обхода, вошли в караульное помещение.

Маленькая печка все еще потрескивала, и мы подбросили побольше угля, прежде чем сесть на маленькие табуретки, чтобы с благодарностью выпить дымящийся чай, который нам подали товарищи.

Мы не хотели ложиться. Поэтому мы закурили сигары и начали рассказывать друг другу. Прошло уже полгода с тех пор, как однажды рано утром мы сели на коней и завели моторы, чтобы въехать на вражескую землю.

Всего полгода?

Обилие впечатлений было настолько велико, что мы думали, что всю свою жизнь только и делали, что сражались! И многие из нас раньше бывали в Испании, сражались на чужой земле под другим небом, под флагом другого народа, за идею нового европейского порядка. Посыпались названия земель и государств, о людях и городах. Мадрид и Вена, Прага и Варшава. И вокруг каждого названия - венок воспоминаний об уникальных и незабываемых впечатлениях.

Иногда наш голос становился мягче, когда мы говорили о том или ином камраде, которого земля сейчас укрывает где-то там.

Солдатская судьба!

Этот термин внезапно встал перед нами, как вопрос, требующий ответа.
Какова судьба солдата?

Неужели это всего лишь ожидание приказа, выполнение которого может привести как к славе, так и к смерти? Неужели это всего лишь послушная борьба с неизвестной и ненадежной силой судьбы, которая позволяет одному пройти через тысячу приключений невредимым, а другого разрывает на части прежде, чем он успеет сделать первый выстрел по врагу при первой же атаке?

Какова судьба этого солдата?

Солдат, который видел, как падают камрады, который достаточно часто ощущал в своем сердце страшное предчувствие близости смерти, видит в судьбе не ту темную, разрушительную силу, которой боятся суеверные, которую глупцы стремятся раскрыть и от которой глупцы хотят уклониться с помощью оракула.

Для серьезного солдата, ставшего жестоким, судьба предстает в виде гигантского дуала, в котором жизнь и смерть борются друг с другом. Столь же двойственно это – каким бы ни был результат – это нужно переносить с честью и мужеством.

Уверенный в себе человек считает себя в безопасности, тщательно просчитывая все возможности. Он прилагает усилия, испытывает страх и беспокойство, чтобы быть во всеоружии перед лицом невзгод. Солдат знает, что от двойственности никуда не деться. Попытка была бы не только трусливой, но и бесполезной и глупой. Поэтому он вмешивается и использует момент для достижения цели.

Подготовленность дает ему подлинное чувство безопасности и превосходства.
Его судьба не называется смертью! Это было бы ужасной, парализующей мыслью! Его судьба это называется борьбой! Но это означает обострение жизни! Это значит быть начеку! Это значит быть умным! Но это также означает рисковать главным призом - жизнью!

Судьба?

Солдат сражается с осознанием долга, который уводит его далеко за пределы узкого мышления и боязливого расчета на обеспеченное. Он осознает себя исполнителем идеи, сражаться за которую - значит гордиться своим счастьем.

Мы говорили о том, как война 1939 года все больше завлекала нас своими чарами.

Разве мы – несмотря на холодное, порой утомительное ожидание – не были солдатами радости?

Очень многие из нас в часы тишины думают о своей жене, о своих детях, о едва ли мыслимых радостях грядущего мира. И с такой радостью это делает тот, кто позволяет своему стремлению вращаться по орбите вокруг работы - производить, надеяться
и формировать.

И, тем не менее, мысли очень скоро возвращаются к войне, к его долгу и, следовательно, к его судьбе.

Судьба?

И хотя тяготы этой войны также загнали нас самих в дальние страны и к чужим людям, мы всегда предполагали и знали, что являемся носителями воли нашего народа. Воли к свободе! Однако свободы без справедливого порядка и порядка без приверженности долгу не существует. Следовательно, тот, кто утверждает, что борется за свободу, должен также быть борцом за подлинный порядок – за справедливый порядок ценностей, лживые фразы не должны быть его чувством свободы.

Поскольку мы, солдаты, поклялись быть верными этой идее свободы, война открыла нам для нас это закон, который мы стремимся исполнять от всего сердца.
Любовь к долгу позволяет нам больше не "терпеть" войну, а вместо этого превращает ее со всеми ее горькими последствиями в почетное служение для нас.

Мы думали о часе отправления. Никто из нас не хотел слышать патриотических выражений, и каждый из нас содрогался от отвращения, если ему приходилось слышать низкопробную лесть от безопасника.

Мы вовсе не хотели, чтобы нас "почитали". Мы сами, в конце концов, носители чести!
Тогда мы уже чувствовали, что вступаем в войну, которая принесет решающие результаты. Битва целых миров. Эта война – она тоже является частью "веры в судьбу", как мы ее понимаем, – является важной вехой в нашей великой революции нашего народа, который восстал, чтобы найти себя! Поэтому мы посвятили себя этой войне всеми фибрами нашего сердца.

Судьба?
Эта война должна привести к тому, что Великая Германия, к которой мы стремились с тех пор, как осознавали свою душу, станет родиной нашего народа. Эта идея, воплотившаяся в воинственной реальности, стала нашей судьбой.

Чтобы выполнить свой долг, мы сели на коней. И мы не сойдем с них пока мы не сможем доложить о выполнении железной команды.

Мы?
Это не вы и не я. Тогда чужая земля вполне может нас прикрыть.
Мы, то есть солдаты, снова и снова поднимающиеся из великой реки народа, в жилах которых течет та же кровь, то же стремление, та же воля, что и у нас с вами. Братья и товарищи по одной и той же "судьбе".

Мы и не заметили, что раннее солнце бросило свой ярко-красный свет на искрящийся снег.

Между Битвами

Потрясения войны высвобождают в человеке ценности, которые в спокойные времена никогда бы не всплыли на поверхность сознания.

Чувства военного человека обостряются, его суждения становятся более уверенными, а вкус неподкупным. Человек, переживший войну, быстрее принимает решения, более радикален в своих решениях.

Таким образом, великие войны привели не только к политическим решениям, но и к началу великих духовных преобразований.

Война открывает человеческие сердца.

Утверждение, что это делает духовность жестокой, - пацифистская ложь!

Солдат читает не только потому, что у него достаточно "времени". В принципе, даже в дни, когда у него нет боевых действий, у него нет времени. Но, действительно, в его душе возникают вопросы, требующие ответа. Это серьезные вопросы, священные вопросы, которые рождаются на пороге смерти, вопросы, на которые не требуется религиозного утешения, а скорее твердая мужественная уверенность в качестве ответа.

Война 1939 года носит тотальный характер. Она захватывает весь народ и все человеческое существо.

Следовательно, это также требует принятия окончательного решения. Искусство находится под решающим влиянием духовного преображения души человека-солдата.

Это подтверждается творческим подходом к искусству в годы, последовавшие за вооруженной борьбой. Но и отношение к искусству, взгляд на искусство, чувство искусства претерпевают фундаментальные изменения. То, что до войны все еще считалось "развлекательным", может показаться невыносимым на войне и тем более после войны.

В непосредственности самой большой опасности найден новый критерий: критерий честности!
Этот критерий радикален!

Фронтовик больше не знает лжи, не принимает во внимание "условности". Он ненавидит эту фразу и своим обостренным чутьем чует все фальшивое, все нездоровое, все, что является только видимостью.

Солдат имеет право и свободу требовать разъяснений. В этом смысле каждый сознательный солдат - революционер!

"Светские романы", которые, возможно, были излюбленным местом в буржуазных домах, не воспринимаются солдатом всерьез. Тот, кто хочет жить в потрясениях, не хочет полета в нереальность, скорее утверждает только искусство, которое само по себе является обостренной жизнью! Еще более ясной и твердой становится его позиция в отношении театра. Заботы и проблемы наслаждающегося обывателя его не интересуют. Следовательно, передний кинотеатр также не должен создавать попытка "представить" случайные "театральные постановки", которые являются всего лишь "зрелищем". Но на самом деле солдат хочет знать и испытать, "что значит мир"!

Не актер, даже если он самый выдающийся, находится в центре внимания солдата, а скорее провозглашение возвышающей и требующей внимания идеи.
Только если художник является глашатаем идеи, близкой к жизни, он становится товарищем солдатам.

Настоящей военной литературы не существует!

Потому что все, что обычно пишут и читают о войне, - это описания сражений.

Однако подлинный опыт войны – это не опьянение и не безумие (отсюда и краткий час атаки), а скорее преодоление, которое заключается в сознательном отказе от всего частного и второстепенного, не относящегося к тотальности.
Отречение - это черты фронтовика, а не опьянение. И не ужас тоже.
Но ни один писатель не в состоянии описать процесс так, как эти черты проявляются.

Так что фронтовик является ярым противником "книги о войне", сочащейся мужеством героев, которая распространяет ошибочное мнение о том, что жизнь солдата - это сплошное, захватывающее приключение!

Для достижения победы, для упорства "энтузиазм" менее необходим, чем жесткий и простой солдатский дух, больше не подверженный перепадам настроения, который доброжелательно выражается в том, что запрещает использование патриотических фраз.

Единственная, частная и личностная компенсация, которую солдат испытывает с благодарность - это письмо. Здесь к нему обращаются по его собственному имени, здесь он испытывает огорчения и радости, зная, что они предназначены только для него одного. Следовательно, он также не хочет читать ничего о "поощрении".

Такие дешевые речи людей, у которых есть надежная крыша над головой, вызывают у него отвращение. Возможно, он хочет знать, как обстоят дела в деревне, как обстоят дела с лошадьми и коровами или кто из городских товарищей по работе отправился в поле. Знают ли они, как обстоят дела в деревне? Живы ли они, написали ли что-нибудь? Чем занимаются дети? Короче говоря, он и никто другой не хочет, чтобы его спрашивали, он и никто другой не должен давать ответы.

Это, конечно, не пережиток индивидуализма, а скорее доказательство того, что даже в военной форме все еще есть лично чувствующий, лично ответственный человек, который хочет, чтобы никто не забывал о его сердечных вопросах и заботах.

"Нет на свете смерти прекраснее..."

"Нет на свете смерти прекраснее,
чем смерть того, кто убит на глазах у врага,
На зеленой пустоши, в чистом поле
Да не будет здесь великих горестей".

Если мы, солдаты, вспомним о друге, о камраде, которого смерть вырвала из сообщества товарищей, сложившегося в течение многих недель и месяцев, – сначала в казарме, все еще колеблющегося, взвешивающего, прощупывающего, то за долгий период ожидания он стал более неотразимым, требовательным, дерзко смеющимся тогда это похоже на переход в ту воинственную реальность, которая охватывает нас и не отпускает снова, даже когда дни борьбы миновали.

В этой воинственной реальности павшие камрады живы, как и мы, которых пощадила смерть. Сообщество снова закрыто, и мы снова переживаем в нем решающие часы, когда сердце было взвешено и когда воля смогла преодолеть первый парализующий ужас. Смерть - это только часть борьбы. Вот так и получается, что мертвый солдат не кажется чужим среди своих живых товарищей, как мертвый человек среди живых. "Как будто это часть меня", - поется в песне.

Солдат, который выполняет свою миссию и приближается к своей цели, самореализации, знает, что эта цель окружена смертью. Он должен пройти через зону смерти. Там от этого никуда не деться. Ни обходного пути, ни исключения. Неумолимость этой реальности заставляет его смотреть на опасность с открытыми глазами. Его путь был бы бессмысленным, если бы не означал достижения его цели: свободы его народа, которая одновременно включает в себя честь его отряда и его собственную честь.

Он владеет оружием, которое, как предполагается, должно уничтожить врага, и знает, что враг также стремится уничтожить его: четкое, мужественное решение - ты или я! Это решение не допускает возникновения сочувствующих чувств.

Каждый павший товарищ учит нас, что мы тоже могли бы быть на его месте. Уверенность в близости смерти лишает его страха перед неожиданностью, внезапностью. Но, тем не менее, смерть не становится для нас врагом.

Если солдат и говорит о своем друге, то только для того, чтобы показать, что его мужество превосходит страх смерти. Ибо то, что он видит в смерти друга, уже лишает его любви к жизни и верности своим товарищам.

Смерть кладет конец труду. Следовательно, она всегда разрушитель. И никто из тех, для кого его поступок священен и ценен, не захочет с радостью оставить свой долг. Но как велика, должно быть, любовь к долгу, какой могучей может быть преданность, если солдат на пути к цели не гнушается смертью. Солдат смотрит врагу жизни в лицо и преодолевает страх перед ним.

Преодолевая трудности, солдат становится настоящим победителем. Он преодолевает жизненные страхи. В этом его свобода. Он дышит воздухом вершин. И он презирает жителей низин, которые из страха смерти не решаются на решительный и освободительный поступок.

Солдат не рискует своей жизнью бессмысленно, для этого его поступок слишком возвышен – он уникален! Но солдат также знает, что судьба распределяет жребии без разбора. Нет ничего более несправедливого, чем смерть, которая часто отвергает старика, чтобы погубить юношу. Но в том, что солдат не задумывается о значении несчастья своей судьбы, а принимает решение беззаботно, устремляясь вперед, заключается его величие, его возвышенность, которая стоит за пределами пугающей софистики повседневной жизни.

"...Может быть, не услышат великих жалоб!" Когда мы стоим перед могилами наших павших товарищей, мы ощущаем миссию, борьбу, волю к разрушению, надежду на победу павших как наследие, которое мы должны взять с собой при принятии решения, стоящего перед нами.

И самая прекрасная молитва, которую может произнести солдат на могиле погибшего товарища, звучит так:

"Вы можете рассчитывать на меня!"

Ведь это, в конце концов, самая священная задача воинственной реальности - принести в мир великие перемены. Сделать мир достойным самопожертвования, чтобы в нем воцарился порядок, лучшая, более справедливая жизнь, за которую умирали солдаты. И мертвые солдаты говорят на самом насущном языке, на языке железного долга, который требует исполнения. С солдатских могил доносится призыв, который наполняет сердца людей беспокойной тоской: одержать победу, которая увенчает жертву священным "Да". Быть достойным жертвы - вот испытание для наследников.

Немецкий народ осознанно празднует День памяти своих героев, когда весенний ветер дует над могилами, когда из старого, согласно вечному закону вселенной, развивается новое. Для тех, кто пал, умер ради жизни. Почему мы, как правило, делаем пять залпов над могилой? На самом деле, только для того, чтобы засвидетельствовать: ваша борьба, вы, погибшие товарищи, продолжается с нами до Победы, разрушая, сокрушая, пробивая брешь, обещая будущее, завоевывая вечность для народа!

Долг и Совесть

Долг и совесть на девять десятых войны состоят из грязи, из ожидания, ожидания и ожидания...

Но десятая десятой – опасность, действие, преодоление – это соль земли, которая приправляет хлеб насущный человека.

Солдатский юмор?!

Это не имеет ни малейшего отношения к обычным глупым выражениям, тупым шуткам и безмозглому казарменному дурачству. Это также никогда не становилось "литературой", равно как и не годится для повторения.

Это веселый, яростный смех людей, которые прошли через величайшие потрясения и имеют право по-товарищески похлопать смерть по спине.

Близкое соседство со смертью и опасностью делает солдата действительно неравнодушным к вопросам жизни и смерти, а простым и спокойным. Его спокойствие часто – и очень несправедливо – путают с "бесчувственностью". Воин - это немецкий человек, который стал значимым!

Единственный волнующий солдата страх, который он испытывает, - это страх, что из-за неудачи он может стать презираемым своими камрадами. Завоевать их уважение, доказав свою компетентность, - это его высшее удовлетворение. Солдат больше не знает, что такое узкое понятие о личной буржуазной чести, он ищет свою верности в чести своей нации.

В повседневной рутине несения службы, которая проходит вдали от публики, где не награждают медалями и не произносят похвал, проявляется настоящая выправка солдата.

Мастер войны - это мыслящий и знающий человек, политический солдат.

Обыватель сокрушается о жестокостях военных проявлений.

Упрощение жизни, к которому солдат на войне, скажем, не подготовлен, которое вместо этого предъявляется к нему как непреодолимое требование и захватывает его, является истинным источником молодости для народа, телесной и, что более важно, духовной одновременно.

Дисциплина и муштра сплачивают солдатское сообщество.

Авторитет - это основа команды.

Какими бы важными ни были эти требования, они затмеваются величием личного преодоления, к которому прибегает солдат, когда в опасный момент он собирается с силами для подвига.

В такие моменты он становится воином, сознательным защитником чести своего народа. Воинственность, очищенная в опасности, - это бдительная совесть нации; она привносит дух фронта на Родину и делает ее образцовой и обязывающей, жизненным идеалом молодежи. Солдат знает о необходимом народном долге, о том, что рядом с воинскими могилами должны стоять колыбели молодой жизни, если народ не хочет торжествовать до самой смерти! Ему становится легче умирать, если он может думать о том, что его кровь продолжает жить и что вместе с этой кровью остаются живы и все его стремления.

Дети - это самая прекрасная память о героях!

Величие Рейха

Ветер,
Который разносится над полями,
Исполняет песню немцев
В этот мир
И солнце,
Который сияет над горами,
Покрывает немецкую землю
В золотом сиянии.
Германия!
Из этого простора
Из восточных равнин
Возникает ваш Рейх
В горную страну на юге
К ледникам и долинам
И танцующим ручьям
На севере
Ревет и грохочет прибой
вечного моря
Демонический стих о тоске,
И на западе
Между широкими реками
И темно мерцающими каналами
Расстилаются луга и плодородные поля.
Германия!
Доменные печи и глубокие шахты,
Плуги и молоты
Кузни и лопаты,
Все они поют вашу песню,
Песню Рейха,
Которая воплотилась в реальность! -
И женщины шагают
По немецкой земле,
Прямые и благочестивые.
В них живет материнское ожидание,
Они ждут своего часа
вечной жизни,
Которые они жертвуют Рейху

И воины бросают вызов
Гордясь своим оружием
Чтобы утвердить,
Величие Рейха
Бессмертными памятниками
От победы к созиданию
Германии!
Восстание к власти,
Великое пробуждение к действию,
Смелая воля к окончательному решению:
Что бы означал этот час
О судьбе,
Разве дух Фюрера
Созидателя
не овладел Фейхом
и не принес людям удовлетворения?

Солдаты Помнят Своих Матерей

У всех нас была мать,
Которая провожала нас со слезами на глазах.
Когда мы прощались, она молчала.
У всех нас была мать,
Она распростерла руки, словно защищая,
Когда мы пришли к ней с известием о нашем отъезде.
И сегодня, когда мы думаем о матери,
Она отходит подальше от опушки леса
И машет, и приветствует, и зовет
И держит в руке белый носовой платок,
Который полностью пропитался ее слезами.
Но когда мы снимаем пелену с глаз,
Картина на опушке леса расплывается –
Мы отчетливо слышим смертоносное шипение пуль
И сжимаем винтовку в руке.

Тоскующий

За много сотен километров отсюда
Мои мысли устремлены вперед
К тебе, к тебе, мое счастье
Тайная королева.

Я вижу тебя, я говорю с тобой,
Я чувствую твою молодую кровь
И все это для нас с тобой
Так близко, так легко, так хорошо.

Так много часов ты уделяешь мне,
Когда меня сжигает тоска,
Так много ночей я провожу с тобой,
Какое расстояние разделяет нас.

И когда забрезжит первый рассвет,
Солдат уже марширует,
По которому горько плачет самый дорогой человек,
Но с ним только его камрад.

Рейх в Мечтах и в Реальности

До тех пор, пока существует живой германский инстинкт, Рейх находит свое выражение в стремлении к единству пространства и расы.

Далекий от всякого мистицизма и бесплодного романтизма, немецкий человек на протяжении всех веков боролся за суровую реальность своего права, за реализацию своих идей и стремлений.

Идеи не следует воспринимать как цифры и даты. Они рождаются в душе народа и воплощаются в реальность страстью ощущений, поступками.

Сегодня мы, вероятно, более чем достаточно знаем об изобилующих сомнениями судьбах и сообщениях, приукрашенных историями о чудесах, об этих разоренных двенадцати племенах Израиля. Мы хорошо знаем Элладу и Рим, но раньше очень мало слышали о борьбе немцев за право на жизнь и о народной реальности.

Что мы уже знаем сегодня о Теодорихе, этом могущественном германском лидере, жившем задолго до Карла Великого, что мы знаем обо всех великих герольдах и певцах немецкого великолепия, о мучениках германской свободы?
Время германского пробуждения окутано мраком. Но это не мрак отсутствия истории у народа, безликой анонимности первобытных людей, а ужасающая темнота пространства, в котором все источники света были насильственно уничтожены. "Объективная наука", рабыня враждебных народу сил, пыталась уничтожить даже самые мельчайшие лучики света памяти, так что сегодня мы можем, только тщательно исследуя, вернуться в страну происхождения вашей души и ее стремлений.

Людвиг Благочестивый, который, конечно, не получил своей фамилии, потому что особенно упорно боролся за свободу Германии, систематически уничтожал не только "языческие" произведения искусства, скорее он пытался уничтожить все, что хоть как-то напоминало о временах, предшествовавших Карлу Великому.

Задолго до Карла Великого Теодорих сражался против великого противника, папы римского, за народное право и земное оправдание великого германского народа: за свое пространство и за свою свободу!

Он хотел создать родину для молодой расы воинственного севера, для храбрых завоевателей Балкан и Средиземноморья, для непокорных людей света, которые были слишком горды, чтобы преклонить колени перед богами и людьми. Теодорих верил, что Рейх должен был простираться от берегов Балтийского моря до земли Северной Африки.

Это не было, скажем, мечтой жаждущего власти завоевателя, которым двигала жадность; вместо этого это была четкая политическая воля государственного деятеля, черпающего из осознания жизненных потребностей своего народа энергию для воли и поступков, у которого хватило смелости претендовать на абсолютную власть в своем Рейхе. Он оспаривал Папу римского – в те времена, самая сильная политическая сила – на любое право на совместное правление, он хотел знать свободный народ, живущий на его могучей земле. Народ, чей Рейх должен принадлежать этому миру!

Шаг за шагом он добивался осуществления своих планов и был близок к цели о его борьбе, когда внезапная смерть унесла его прочь.

Однако в мифах и легендах, в песнях, сагах и преданиях народа король Теодорих был воскрешен снова как Дитрих фон Берн [Дитрих Бернский], как вечный призыватель, провозвестник и увещеватель, который – подобно вечно странствующему Одину, всаднику на белом коне, днем и тем более в шепчущие и шелестящие ночи широких лесов и бескрайних равнин – не давал покоя душам его народа, встревоженным и тоскующим.

Теодорих, Дитрих фон Берн, который превратился в воплощение всех стремлений к свободе, позже вобрал в себя образ всех других германских героев и вождей. В его облике мы находим черты Одина, Арнима и Зигфрида. Он - добрый дух горы, он - верный Эккехарт; все воины и глашатаи горы.
Правители этого мира утверждают его: Фогельвейдер, Хуттен и Фишарт.

Тоска по Рейху и вера в окончательную реализацию, в воскрешение и возвращение величия Германии переплетаются в песнях, призывах и даже заикании свободного духа немецкого народа. Великие страдания за свободу смогли разжечь в страстных искателях и глашатаях нашей расы еще более яркое пламя. Из этой глубокой страсти, из демонической части нашей немецкой крови, столь ненавистной темным силам, возникли все они, великие создатели немецкого государства... Даже во времена самого мрачного и постыдного предательства искра страстного желания никогда не угасала.

Мы, солдаты, видим в Фюрере безошибочного, страстного немецкого человека, настроенного на предельную твердость, который – на протяжении веков – вобрал в себя все наследие и великие обязательства нашей крови в своей формирующей воле и выполняет
великий, вечно бдительный завет истории нашей расы: строить великий германский Рейх немецкой нации из вечности нашей славной истории, которая больше не будет омрачена никакими силами тьмы.

Мы, солдаты, испытываем счастье оттого, что нам позволено своим самопожертвованием помогать в реализации самых смелых идей и самых возвышенных мечтаний нашего народа.

Сегодня мы понимаем, почему наш народ снова и снова втягивается в военные конфликты: для темных сил мира это было равносильно тому, чтобы раз и навсегда погасить огонь свободы. Но мы чувствовали, что призваны, вопреки ночи ненависти, излучать в мир сияние надежды, и Рейх, за который мы сражались и проливали кровь, станет прибежищем истинной свободы этого мира. Нашим детям и внукам будет предоставлено пространство и почет, и они будут расти от вечности к вечности, пока существуют бдительность и знания, готовность и верность, постоянные и неподкупные люди, которые не допускают ни пресыщенного отдыха, ни гедонистического комфорта. Следовательно, необходимо, чтобы мы, немцы, оставались народом воинов, ибо наш Рейх - это военный Рейх.

Разговор о Смерти

Мы загнали наши танки в лес. Мы тщательно замаскировали их еловой зеленью. Затем мы тщательно осмотрели оружие, смазали здесь, сняли смазку там, еще раз проверили патроны и магазины, осмотрели оптику и в конце концов убедились, что в механизме не пропущен ни один болтик.

Но у нас было время дождаться приказа к действию.

Лишь очень медленно густой туман рассеялся. Влажный и холодный, он проникал сквозь брезент палатки и верхнюю одежду. Мы позволили нашим мыслям вернуться домой, к тем, кто близок нашему сердцу.

И мы думали о враге – и о близкой битве!

Пение птиц становилось все более насыщенным и страстным, чем больше краснело небо на востоке.

Затем то один, то другой из нас находил слова.

Мысли солдата обычно вращаются вокруг двух полюсов: вокруг воспоминаний и ожиданий. И часто бывает так, что безудержный смех срывает все темные завесы с души, подобно тому, как луч солнца рассеивает туман.
Мы говорили о том или ином камраде, которого теперь покрыла трава. И когда солдаты говорят о погибших камрадах, то они не делают этого с жалобными словами, скорее, так, как если бы они говорили о человеке, который всего лишь уехал в отпуск и скоро вернется.
Товарищество - это нечто настоящее, которое не уничтожает смерть. А погибший товарищ продолжал маршировать со своей ротой через Польшу, на север, против Франции, против Англии, везде, куда командование ведет живых.

Могила - это всего лишь напоминание о том, что жизнь солдата возвысилась до уровня Идеи.

И погибший солдат разделяет все, что переживают камрады в красоте и страдании, потому что ни один солдат не может думать или говорить только о себе, а всегда только обо всем своем отряде, который является единицей опыта, которая может нести потери и может пополняться запасами, не теряя при этом своего характера.

Не отдельный человек выдает себя за свое подразделение, скорее, опыт формирует его в рамках подразделения, придает его лицу черты решимости и твердости. Величие войны никогда не открывается одному человеку, всегда только совокупности товарищей. Но бдительные и осознающие из них будут особенно захвачены и потрясены и тем самым еще глубже проникнут в суть самой этой войны.

Однако одним из первых открытий является то, что у смерти благородный облик.
Что призрачная фигура с песочными часами и косой - средневековая ложь. Смерть также не приходит к солдату как долгожданный избавитель. Но она также не является врагом солдата.

Вместо этого она - великий противник, с которым солдат бросает кости, чтобы решить свою судьбу. Без рвения и без большого страха, со спокойным сердцем, которое может спросить, когда свистят пули:

Это предназначено для меня
или для тебя?

Это спокойствие сердца на самом деле не является отупением, напротив, оно проистекает из уверенности в себе. То осознание, о котором говорится, что высшая цель достигается только с наибольшим риском.

Но что еще является высшей целью, как не свобода?

Свобода, с другой стороны, рождается только в сердцах воинственных людей, которые силой своей воли преодолели себя и, следовательно, страх.

Если свобода обретает форму, то она обретается в среде храбрых людей, в сердцах которых она выжигает лозунг "народ и государство, раса и Рейх".
Слабые души не слышат языка свободы. Им также не хватает воли формировать претворение этого лозунга в жизнь. Только отважный человек может нести свободу!

Он слышит послание и вооружается мечом для решающей битвы. Флаг свободы должен быть поднят на самой высокой зубчатой стене замка этого мира! Однако перекладины лестницы и доски мостов, которые ведут через стены и пропасти, - это тела камрадов, для которых командование значило больше, чем душевные страдания.

Падающий человек из последних сил передает флаг дальше. Так он переходит из рук в руки, пока однажды ранним утром свет зари не засиял на крепостной стене.

Так что ни один павший солдат не останется в стороне от борьбы. И точно так же конечная победа не является результатом усилий только выживших! Командование и долг связывают, в памяти и ожиданиях, солдат, мертвых и живых, неразрывными узами товарищества. Это знание освобождает больше, чем мысль о смерти, которая может парализовать.

"Вперед, через могилы!"
Так гласит прусская поговорка.

Солдат знает, что нет пути вверх без могилы и что все апостолы мира, мечтающие о "развитии", о "прогрессе без жертв", - тщеславные глупцы или подкупленные предатели и обманщики. Солдат знает, как рассказать о вечной жизни. Однако его вечная жизнь находится за пределами рая и ада. Люди, которых постигла одна и та же участь, не верят, что после смерти они могут быть разделены: один здесь, другой там. Они существуют до тех пор, пока в сердцах людей нашей страны горит дух свободы. Они присутствуют до тех пор, пока командование снова и снова требует от солдат исполнения долга и подвига.

Они присутствуют в вечном товариществе!

* * * * *

"Заводите моторы! Садитесь в седла!"

Приказ отрывает нас от слов, которые не все были произнесены. О большей части из них мы только думали. Из башен танков мы обращаемся друг к другу. Пусть прозвучит команда:

"К бою!"

Мы были готовы!

Обсуждение Вопроса о Мире

Весеннее солнце светило так тепло, что мы, закутавшись в пальто, в полдень улеглись на зеленой траве луга, с благодарностью и удовольствием потягиваясь.

Так мы и лежали: руки закинуты за спину, глаза устремлены в серо-голубое небо. Далекие облака уносили наши мысли на Родину. Родина! Для нас, солдат, это нечто большее, чем географическое понятие. Даже больше, чем отчий дом и семья. Родина для нас - это воплощение всего, к чему привязано наше сердце в искренности и радости, в страсти и сухости, в долге и в тоске. И когда мы говорим о Родине, наши мысли также устремлены в будущее, которое однажды, когда закончится эта война, откроет перед нами ворота в новую страну подвига.
Мы тоже говорим "будущее", когда имеем в виду мир.

Ибо солдат, стоящий с оружием в руках, произносит слово "мир" только с большой робостью.

"Позже", вот как мы на самом деле говорим, да, позже. Что ж, все это будет когда-то! И тогда один думает о девушке своего сердца, о браке и семейном счастье. Другой мечтает о профессии, о работе. Третий, вероятно, думает, что ему предстаит наверстать многое из того, что он однажды упустил, когда его призвала война.

Когда мы отправились на фронт в начале войны, находясь под впечатлением первых бурных недель, под натиском ошеломляющих переживаний, в наших мыслях не было места для "позже". И когда во время долгого, трудного перелета мы говорили об этом позже, то думали о подвигах, подобных войне, которые ожидали нас весной.

Но теперь, когда наступила весна, а вместе с ней и победа Германии в Норвегии, будущее снова обретает более четкие очертания в наших мыслях.

В наших стремлениях мы уже осмеливаемся приблизиться к тому дню, который принесет Германии мир.

Мир!

Для нас с этим словом связано нечто большее, чем мысль о гордых торжествах победы, о счастливых воссоединениях. Мир для нас - это обязанность упорным трудом придать форму всему, что мы завоевали в тяжелой борьбе, чтобы это стало вечным достоянием нашего народа.

В этом процессе важно не только то, что было достигнуто, но и то, что вот-вот укрепится и превратится в духовное достояние нации, то, что витало перед нами во время боевых действий как страстное желание, то, что стало для нас новым стимулом, когда мы боялись устать: великий, свободный Рейх всех немцев!

Мы вышли, чтобы под флагом и командованием Фюрера завоевать
право нации на жизнь и создать для нашего народа Родину на этой земле, которой его лишили из-за ненависти врагов.

Сознание того, что мы служим этому новому и справедливому порядку, снова и снова поднимало нас с солдатского распорядка дня, позволило нам во время
боевых действий с презрением отбросить все воспоминания о буржуазной обеспеченности, спокойствии и защищенности. – Но нет, когда наш воинственный инстинкт вселяет в наши сердца уверенность в великой победе Германии, мы, солдаты, чьей гордостью является слава нашего
оружия, осмеливаемся устремить свои мысли к блуждающим облакам и подумать о днях нового великого долга.

Перед нами лежит земля будущего. Это не таинственная земля. Это не страна захватывающих событий. Но на самом деле это широкая, открытая земля. Земля, такая яркая и цветущая, как эти весенние дни. Земля, полная детского смеха. Земля, которая нуждается в наших кулаках и нашей воле. Однако, прежде всего, в нашем сердце.

Мы останемся солдатами на всю жизнь. Мы также не хотим быть никем иным, как солдатами. Солдатами долга, чести и верности. Людьми, которые знают только одно - Германию.

И мы всегда будем стоять с оружием в руках: с оружием свободы, которое не
дает нам стать мечтателями, которое делает нас более бдительными, чем когда-либо. Когда мы, солдаты
думая о "мире", мы подразумеваем предельную готовность завоевать вечность для нашего народа.

Отец размышляет над колыбелью

Когда я смотрю на тебя в колыбели,
ты улыбаешься мне.
Я и ты, мы одной крови,
мой мальчик.
Ты чувствуешь это, и я это знаю.
Позже ты можешь проклинать меня
или благодарить за то, что я назвал тебя по имени:
Ты не можешь избежать своей крови,
мой мальчик.
И в тебе течет воинственная кровь.
Ты будешь стремиться к битве ради ее красоты,
и ради чести ты никогда не отступишь.
Кто знает, не пройдешь ли ты однажды, сражаясь, по полям,
которые напились крови твоего отца.
Если ты тогда вспомнишь обо мне
и молча украсишь мое имя цветами,
тебе не нужно стыдиться тех слез,
которые ты, стыдливо оглядываясь по сторонам, быстро подавляешь.
Возможно, камрад тоже похоронит тебя рядом со мной.
Мы оба, в конце концов, звенья цепи,
которая связывает нас от серой предыстории до будущего.
Поэтому, мой мальчик, будь таким, каким был я,
чтобы тот, кто однажды встретит тебя на поле боя,
знал, что ты тоже достоин.

Ты сжимаешь кулаки, мой мальчик?
И это правильно!
Рука, которая разжимается,
опускает меч.
Протянутая рука, мой мальчик, немногого стоит
в бурные времена.
Меч и поводья выскальзывают
из протянутой руки.
Поэтому сожми кулаки, мой мальчик!

Воинская революция

Книга IV

Вы, сегодняшние одиночки, вы, живущие вдали, однажды вы станете народом: от вас, избравших самих себя, должен произойти избранный народ, а от него — сверхчеловек!

- Ницше.

Прощание с Буржуазией

Когда-то было время — мы хотим сказать это еще раз на прощание, ибо нам нечего стыдиться наших предков, — когда слово «буржуа» звучало откровенно революционно.

Буржуа!

В нем было все упорство свободных людей, которым было наплевать на дворянство и духовенство, привилегии князей, узколобые догмы! Они решительно шли своим собственным путем и оценивали людей своего окружения по тому, чего они в действительности стоили. И города, выстроенные этими буржуа, были выдающимися крепостями свободы, которые обрекли на позорный провал нс одну междоусобную войну жадных до наживы князей и не одно хитрое посягательство стремящихся к власти церковников. В этих городах жили отважные люди,
уважавшие честь больше, чем спокойный образ жизни, и этот факт обусловил расцвет культуры, перед величием которой мы и сегодня замираем в почтительном восхищении.

Не только крепости Зикингена, но и свободные юрода в большинстве своем были «убежищами справедливости», способными дать стол и кров, мир и по-кровительство, а если это было необходимо — то и заирцу с помощью оружия ученым-исследователям, испитым героям, еретикам и мечтателям, изобретателям и уединившимся из-за мук творчества.

Если мы вспоминаем такого человека, как Виллибальд Пиркгеймер из Нюрнберга, то перед нашим втором предстает буржуа, которого едва ли можно представить еще более умелым, честным, образованным и знающим жизнь.

Такими буржуа однажды в ночи мракобесия были зажжены факелы свободы!

Или вспомним Ганзу!

Здесь мы впервые встречаем настоящий союз дерзких буржуа — парней, у которых были и доброе сердце, и голова на плечах.

Едва Любек стал столицей Ганзы, как началась крайне целенаправленная, умная и успешная восточная политика, проводившаяся не мелкими лавочниками, а в полном смысле слова королевскими купцами. Висбю, Рига, Дерпт — основанные представителями этой смелой крупной торговой буржуазии города могут сравняться с творениями великих императоров и королей этого мира. Буржуазные законы городов свидетельствуют о настоящем порядке — о включении отдельного человека в общество и о системе ценностей, которая оценивает и отдельного человека, и товарищество согласно их подлинной ценности. Но это было давно!

Время свободного и справедливого буржуа, повелителя в лучшем смысле этого слова, давно прошло.

Тридцатилетняя война положила конец такому буржуа или, по меньшей мере, стала началом конца.

Конечно главная причина этого крылась в том, что место буржуа занял «толстосум», которого наличие собственности подстрекало к наслаждению, наслаждение приводило к изнеженности, а изнеженность склоняла к самоуправству и равнодушию. Толстосума ненавидели мятежные крестьяне, равно как его должны были ненавидеть и восторженные рыцари типа Гуттена. Но наверняка честного буржуа так же ненавидели и мракобесы, проводившие Контрреформацию. Ведь не испорченные по своей натуре круги буржуазии были фанатичными подручными папистов, но таким же образом стали страстными приверженцами Реформации— не столько из одной любви к лютеранству, сколько в большей степени из политического понимания, что благодаря Лютеру появилась возможность избежать давления враждебных народу и империи церковных властей.

Княжеский абсолютизм позаботился о том, чтобы буржуа лишились политической власти, а князей- абсолютистов их духовники поддерживали в стремлении духовно уничтожить «мятежные» города. Но поэтому города лишились своей абсолютной культурной воли. Никто больше не думал о том, чтобы построить величественные ратуши — свидетелей удивительного чувства собственного достоинства.

Никто уже больше не возводил взмывающих вверх соборов и церквей, бывших не столько выражением благочестивой смиренной веры в Христа, сколько свидетельством стойкой, любящей великолепие коллективной воли.

Наверняка буржуа боролся с церковниками и князьями за свои права, наверняка он заявлял о своем праве на свободу и напоминал о своих заслугах: но он был вынужден перейти к обороне!

В период Французской революции буржуа на короткое время получили стимул: «третье сословие» оказалось выше дворянства и духовенства, и носить звание «буржуа» было честью. Привилегии дворянства были уничтожены не только во Франции, но и во всей Европе.

Буржуа был горд и благодарен, что мог служить в офицерском чине в войсках, мог занимать чиновничьи должности. В остальном он хвастал своим образованием, которое, как он ошибочно полагал, делало его «свободным» и чувствовал себя в безопасности, если мог построить перед собой защитный вал собственности.

Из буржуазной свободы прошлого возник либерализм девятнадцатого столетия!

И этот либерализм утерял духовный ориентир подлинной свободы — инстинкт! '

Потерявшая инстинкт буржуазия представляла собой жалкое зрелище упадка: то чванство и претенциозность, то трусость, растерянность, угодливость!

Центром «образования» стал салон. Но образование превратилось в литературную болтовню. Евреи и «очаровательные» еврейки изображали мировую скорбь. Отечество стало слишком тесным для буржуазной души. Она уже видела своей родиной мир, а «человечество» — братским союзом. Потерявшие инстинкт буржуа с ликованием окунулись в масонство и высмеивали как «отсталого» любого честного человека, сохранившего свой инстинкт и распознавшего в «счастье человечества» убогое надувательство.

Быть «современным» означало попадать в любую душевную западню, любой ценой участвовать во всем, присутствовать везде, уметь участвовать в разговоре, или как там еще можно назвать все эти мещанские пустые фразы.

Лишенные корней буржуа искали для себя золотое дно, так как у них больше не было настоящей почвы под ногами.
А чтобы сберечь эту весьма неблагодарную, изменчивую, колеблющуюся почву, они желали иметь личное спокойствие, ничего более!

* * *

При одном из самых непрусских королей Пруссии, который намеревался поощрять ультрамонтанские настроения из страха перед шумными столкновениями с «улицей», было даже сказано: «Главным долгом буржуа является спокойствие!».

Это спокойствие должно было поддерживать отказ от любого формирования политической воли, любого собственного политического мнения, так как у упомянутого короля была опасная склонность к «средневековой романтике», как Бисмарк вежливо называл его бредовые абсолютистские представления.

Больная изнутри буржуазия добровольно пошла еще дальше: она увидела в спокойствии свое главное гражданское право! Государство должно заботиться о том, чтобы все было спокойно, для того, чтобы можно было беспрепятственно получать доход. Чем меньше государство реализовывало войн, грандиозных строительных проектов, перевооружения, социальных реформ и тому подобного, что стоило денег — тем более благосклонен к этому государству был буржуа. Деньги опять- таки прежде всего можно было получить лишь от налогов, однако налоги становились невыгодными свободным предпринимателям ввиду того, что из полученных доходов удерживались определенные проценты и потому состоятельный гражданин лишался права ими распоряжаться! Постепенно буржуа устремились в безликие так называемые «партии центра», бывшие ни рыбой ни мясом и совершавшие с действующими правительствами расторопные «торговые сделки», как это называлось на обезображенном и оевреенном языке мелких лавочников. Эти партии, высшей ступенью которых была «экономическая партия», стремившаяся видеть решение немецких, и, более того, даже европейских, если и вовсе не всемирных проблем в «экономике», остались в нашей памяти карикатурами на буржуазию.

И что стало с этой буржуазией?

«Ты буржуа» — это особо тяжкое оскорбление.

* * *

Здесь не место утверждать, что даже среди самых узколобых буржуа есть так называемые «приличные люди». Также не стоит исследовать вопрос, отчего эта декадентская буржуазия еще не была искоренена! (Может быть, лишь потому, что у буржуа еще могут быть хорошие сыновья и дочери!)

Здесь речь идет всего лишь о том, чтобы со всей ясностью признать, что время буржуазии прошло, даже если ей все еще удается так умело маскироваться; даже если она — конечно, лишь внешне — приспосабливается, чтобы с помощью подобострастных фраз умиротворяюще и уравновешивающе воздействовать на «буйные и незрелые революционные элементы»!

И здесь впервые уже следует провести линию разграничения!
Четкую, ясную и беспощадную.

Буржуазия растеряла свои инстинкты и совершила ошибку, спутав бесхарактерность с жизненной мудростью. Она стремилась к успеху в повседневных делах и с неизбежностью закончило всякого рода коррупцией. Из-за этого она потерпела крах.

В решающий момент она должна была почувствовать, что ни образование, ни собственность, ни религия, ни «нравственность» не делают свободным, — важна лишь воля, характер и врожденное осознание поступка.

Но именно этого поступка всегда столь тщательно избегала декадентская буржуазия.

«Кто подвергает себя опасности, тот от нее погибнет!»

Типично буржуазная фраза, высказывание из безопасного убежища, откуда можно жалко ухмыляться, когда другие берут на себя ответственность за опасное деяние, после которого буржуа имел обыкновение так или иначе изображать себя преемником того, кто будет сражен!

«Ничего не затевай, тогда не промахнешься!»

С таким мировоззрением Ганзы никогда бы не возникло. Однако рантье с ним мог недурно жить.

«С волками жить — по-волчьи выть!»
Характерная картина ограниченности погибающей буржуазии. Если волк был черным, тогда преклоняли колени и были благочестивы. Но если волк был рыжим, тогда гордились неким собственным «вольнодумством»!

Буржуа хотел мира, мира любой ценой!

Что он в итоге сам должен будет заплатить эту цену, не заставляло его задуматься, потому что он следовал заповеди «не беспокойтесь», а эта фраза раз и навсегда запрещала размышления о завтрашнем и о послезавтрашнем дне, о будущем. Его «жизненная мудрость» принуждала буржуа к согласию с режимом, даже самым недостойным, в надежде и здесь попрежнему суметь осуществить выгодную сделку.

Поэтому буржуа давал любую клятву — неважно, своему любимому богу или своему самому главному противнику! А в итоге он еще обижался, что никто более не питает к нему ни малейшего доверия!

Мы прощаемся с буржуазией. Но именно поэтому мы произносим в память о ней надгробную речь, в которой нет примирительных и фальшивых слов о том, что об умерших можно говорить только хорошее!

Именно мы, молодые немцы, происходящие от приличных, честных, буржуазных родителей, со всей недвусмысленностью обязаны сказать, почему наш родительский дом стал нам слишком тесен.

* * *

Однажды мы были втянуты в жизненную битву, чтобы найти новые пути, которые должны были привести к свободе, а не к обеспеченному существованию.

Вначале мы должны были освободиться от добрых мнений всех тех, кто хотел способствовать нашему «безопасному существованию».
А буржуазия обезопасила себя во всех отношениях. Она жила именно в соответствии со страховками. На небесах и на земле не было более ни одного возможного случая, по которому нельзя было заключить договор о страховании.

Новорожденный уже путем крещения страховался от вероятно предстоящих неприятных сюрпризов.

Сами крестные, которые должны были над купелью давать своего рода клятву, нс так уж искренне верили в действенность этой страховки.

Однако они несли домой то единственное утешение, что она, конечно же, не может повредить!

Застрахованы на небесах и на земле!
Ценная мысль!

А нас, молодых, мятежных, неугомонных и мечтательных людей считали неблагодарными, потому что мы смеялись над этим и шли своим путем!

У нас не было почтения к пенсионерскому мировоззрению буржуазии. Это ставилось нам в вину.

Эта буржуазия могла бы прозябать целую вечность, не замечая, что духовно и душевно уже умерла! Она «жила» как старое дерево, которое, будучи уже пустым и изъеденным изнутри червями, обманывает себя и окружающий мир тем, что еще может дать несколько листьев, но оно может быть сломано любой бурей.

Так буржуазия жила в страхе перед бурей!

Лишь бы не было никаких перемен!

Она чувствовала, как почва колеблется под ногами, поэтому у нее был суеверный страх перед изменением любого политического, экономического и духовного центра тяжести.

Подозрительно наблюдала она за растущей волной — приближением со скоростью лавины социалистического рабочего движения.

Рабочий угрожал спокойствию и безопасности! Значит, он был врагом буржуазии! То есть государство должно было любыми средствами противостоять этому врагу! Император Вильгельм II даже позволил себе сказать, что солдаты в случае необходимости должны стрелять в своих родителей и братьев с сестрами.

«Поддерживающим государство» теперь считалось все, что могло противостоять социалистическому движению, что было готово выступить в защиту «трона и алтаря», этих основ мирного буржуазного государства.

Народу нужна «религия» — такие возгласы можно было услышать в кругах озабоченной своей безопасностью буржуазии. У самого буржуа больше не было религии, он был слишком «просвещенным», в салонах он упражнялся в остроумии и сам даже не помышлял о том, чтобы пойти в церковь или получить причастие.

Но для «народа» религия должна была сохраниться. И «народ» был именно всем, что не относилось к буржуазии, «высшим слоям». Этот народ — это слово произносилось презрительно и пренебрежительно — должен был быть набожным, чтобы лучше повиноваться.

«Всякая душа да будет покорна высшим властям». Прекрасная фраза, за которой мог спрятаться любой ленивый монарх.

На основании этой фразы он мог делать вывод о своей нелепой «Божьей милости». И церковь помогала ему в этом обмане: поэтому она «поддерживала государство», поэтому она получала свои огромные дотации и привилегии.

Что за это время рабочий стал пролетарием, буржуа совсем не «интересовало». Самое большее, в чем буржуа мог упрекнуть своего противника, заключалось в том, что он называл его «возмутителем спокойствия». Спокойствие в известной степени защищалось полицией. И «возмутителями спокойствия» были политические революционеры, совершенно не желавшие «образумиться».

Благоразумие для буржуазии также стало пустым словом. «Благоразумен» был тот, кто «по одежке протягивал ножки», «остепенился» — короче говоря, тот, кто сложил оружие своих молодости, храбрости, воли, духа перед обстоятельствами будней, кто смирился, чтобы «иметь право на пенсию». Политический революционер был «невыносим», он был в обществе отщепенцем, которого избегали как чумного больного. Лучше всего было бы запереть его в сумасшедший дом — по крайней мере, тогда его семье не пришлось бы его стыдиться, потому что «душевная болезнь» была интересной «модой» декадентской буржуазии.

Иначе относились к салонным революционеришкам, представителям богемы! Они были так «интересны», так волнующе отличались от остальных. С ними носились, их водили из семьи в семью, чтобы там они могли донести свои извращенные «идеи» до мужа, жены, ребенка.

Или когда однажды появился один «благородный поляк», защищавший политическую идею, казалось, не несшей ни малейшей угрозы буржуазии, тогда буржуа сразу оживился, позволил растрогать себя до слез, затем он даже раскрыл свой бумажник!

О да, буржуазия была «полезной», когда годилась для постройки одной из безвкусных современных церквей, тогда она была к месту. Она охотно жертвовала сумму на какой-либо сиротский приют, или если требовалось построить сумасшедший дом для людей с наследственной болезнью, по большей части происходивших из кругов вырождающейся владетельной буржуазии — она ни в коем случае не отказывалась дружески поддержать этих «беднейших из бедных». Это было так благородно — делать добро.

Бисмарк весьма сожалел о таком благочинном буржуазном сброде: его действиям на востоке империи против становившихся все более дерзкими и мятежными поляков не в последнюю очередь зачастую серьезным образом угрожала именно «политика салонов».

Но когда шевелился рабочий класс, тогда звали полицию. Рабочий должен был быть по возможности скромным и не таким требовательным! Почему он не шел в церковь, где внушали, что все земные сокровища ничто перед блаженством рая?

Да, религия! Поэтому буржуа жертвовал деньги на народную миссию и Армию спасения или приют для бездомных!

Мы вдоволь насмотрелись на эти партии и группы, которые в своих программах провозглашали: Социальное? — Да. Социалистическое? — Нет.

Они всерьез полагали, что тем самым в современную эпоху вновь смогут поставить вертикально знаменитое яйцо Колумба.

Мы хотим напомнить об этой несостоятельности современной буржуазии, проводя окончательную разделительную черту между вчерашним и сегодняшним днем уже потому, что величайшая опасность для нашей империи может состоять в повторном духовном обуржуазивании!

Должно стать «иначе»!..

После 1918 года мы с каждым днем все яснее и осознаннее убеждались, что старый мир, а именно мир буржуазии, мир монархии, мир церкви рухнул — и то и дело рушились еще сохранившиеся его части.

Разруха не пощадила ничего, даже основ. Мы узнали, что даже клятва, данная буржуазией Его Императорскому Величеству, в решающий час превратилась в фарс. Никто всерьез не думал о том, чтобы отдать жизнь за обратившегося в бегство императора. Таким образом, умерла даже буржуазная верность.

Но мы увидели также, что «пролетарии» пугливо держались в стороне и совсем не помышляли о том, чтобы захватить власть.

Возник абсолютный, хуже хаоса, вакуум.

Время отчаяния.

Не существовало ничего, что можно было бы возвести на месте рухнувшего буржуазного мира.

Впервые с пугающей ясностью и суровой будничностью выяснилось, куда можно зайти, если у «пролетария» не будет отечества. Он настолько оторвался от корней и превратился в трудящегося кочевника, что лишился в том числе политического инстинкта и считал первоочередными профсоюзные, «классовые» вопросы.

В борьбе против буржуазии не возникло по- настоящему государствообразующего и политически мыслящего рабочего класса.

Там, где рабочего ждали как наследника и, более того, как будущего носителя воли, в действительности оказывался незрелый «классовый борец». И он был не в состоянии заполнить вакуум новым духом.

Когда-то здоровое, энергичное социалистическое немецкое рабочее движение превратилось в литературную фразу!
К этому выводу также надо было прийти!

«Пролетарий» оказался столь же несостоятельным, как либеральный буржуа: у обоих отсутствовало чувство реальности.

Вероятно, трупный яд скончавшейся буржуазии отравил пролетарское движение! Это была ужасная месть буржуазии — роковая месть, потому что буржуазия уже совершенно не осознавала этот последний поступок.
Однако бесполезно размышлять об этом: достаточно того вывода, что вместо долгожданного и теперь имеющего право на власть рабочего появился профсоюзный руководитель!

А профсоюзный руководитель не был рабочим ни по своему происхождению, ни по своему развитию — но менее всего по своим убеждениям.

* * *

Профсоюзный руководитель был ловким буржуа, ни рыбой ни мясом, не преступником, а коммерсантом.

Неудивительно, что на эти места устремились евреи, чувствовавшие себя рожденными для должностей, на которых нужно было не столько образование, сколько ум.

И с 1918 года продолжались переговоры, как это привыкли делать раньше: с претензиями и требованиями, судебными процессами и прошениями, протестами и отказами. Казалось, что все государство стало профсоюзным делом.

А профсоюзные руководители, ставшие во главе правительства, усердно искали среди руин буржуазного мира строительный материал — может быть, для нового мира? Никоим образом — так далеко их тщеславие не заходило. Искали вынужденные решения, и поэтому из всех мыслимых и немыслимых обломков, ничуть не подходящих друг к другу, а, напротив, сопротивлявшихся любому объединению, возникло «Веймарское государство».

Это государство по своим убеждениям — если можно так назвать потребительское мышление — было буржуазным, ибо оно снисходило до того, чтобы договариваться с отдельными партийными группировками и представителями бизнеса, которые должны были положительно повлиять на настроение населения.

Довольное настроение должно было отвлекать от остроты действительности: здесь чувствуется наследие легкомысленной и забывшей свой долг буржуазии, уже перед войной прятавшей голову в песок — с той лишь разницей, что перед мировой войной буржуазия демонстрировала показную сплоченность благодаря представлению о чести, которое было очень упрощенным и частично превратилось в карикатуру, но по меньшей мере оказало известное давление, способное воспрепятствовать самым грубым эксцессам.

Скверные явления периода инфляции, вызвавшей полную «распродажу» последних духовных и нравственных буржуазных ценностей, окончательно доказали, что в 1918 году началась не революция, а лишь передача власти профсоюзным руководителям и все более и более опролетаривавшейся буржуазии.

В народе — которого нельзя отождествлять с населением — росло понимание, что все должно стать «как-то иначе». Стремление получить ответ проникло во все слои и сплотило людей, именно молодых людей из всех лагерей.

Но эти «изменения» один представлял себе так, другой иначе.

Самый простой ход мыслей таков: до мировой войны дела шли лучше, поэтому мы хотим создать порядок, похожий на довоенное время!

* * *

Так думали не самые худшие, но и отнюдь не самые мудрые люди. Они хотели спастись от вакуума, озираясь в поисках уже почти погибшего государства. В своей наивности, часто бывшей несколько трогательной, они присоединились к известному реакционному направлению и из-за этого стали подручными предательских сил. Эти силы были предательскими, потому что желали противостоять закону истории, не терпящему возрождения уже отжившего порядка — даже если благодаря кровавому гнету развитие на мгновение покажется приостановленным.

Неслучайно предводители этих наивных людей большей частью происходили из высших дворцовых проповедников, духовенства и военных сановников, из отставных и недовольных чиновников.

Было так легко ожидать видимость процветания эпохи Вильгельма в сравнении с вакуумом республиканской эпохи. Однако в рядах этих наивных молодежи не было. Гораздо опаснее были группировки, стремившиеся к необходимому изменению при помощи «консервативной революции».

Понятия консерватизма и революции не очень хорошо сочетаются друг с другом. Единственное, в чем «консервативные революционеры» опережали грубых реакционеров, был более трезвый взгляд на реальность.

Они видели и догадывались, куда направлял развитие закон истории, и они также иногда весьма умело пользовались революционной манерой выражаться. В итоге они все же сделали попытку примирить буржуазию с неминуемой революцией, чтобы, во-первых, перенести буржуазию как «поддерживающую государство сущность» в новую эпоху, а во-вторых, лишить революцию кипучего размаха, «укротить» ее. Носители этого воззрения не были революционерами — в лучшем случае они были сторонниками реформаторского мышления. Однако реформировать уже было нечего, так как старый, потерянный мир заслужил свою гибель. Его также невозможно было вернуть с помощью «реформ» к новой, пусть и «модернизированной» жизни!

В итоге «консервативные революционеры» достигли бы только временного улучшения ситуации, однако никогда бы не сумели способствовать появлению нового мира.

* * *

Если проанализировать мотивы этих групп, то очень скоро становится понятно, что у всех их руководителей был только один интерес — ослабить надвигающуюся революцию и извратить ее идеи.

Они сознательно смешивали революционные идеологии Парижа, Москвы и Рима, чтобы умалить надвигающуюся революцию — немецкую революцию!

Должно было стать «иначе»!

Группы активистов обманутого, ведомого к революции «пролетариата» надеялись в вызванном хаосе достичь окончательной смены буржуазной эпохи. Но они не имели представления о том, что будет потом. Они пытались перенести образец революции на Востоке в Германию, не видя при этом, что структура немецкого народа совершенно иная, что Германия нуждается именно в немецкой революции. Пролетарий чувствовал себя рабом и осознанно провозглашал восстание рабов по примеру древних времен. Его духовная позиция была продиктована бесконечной ненавистью к своим эксплуататорам и фанатичной злобой к тем группам, которые в 1918 году организовали буржуазный мятеж.

Кроме того, некоторые группы пылких, политически необразованных молодых людей объявили своей главной задачей «переворот».

Переворот сопутствует революции, и нет революции, которая бы не оказывала подрывного действия.

Но стороннику переворота не обязательно быть революционером, ибо весьма сомнительно, что являющиеся следствием переворота руины
станут основой чего-то нового!

Среди «сторонников переворота» и «реакционеров», «консервативных революционеров», «приверженцев политики хаоса» и как там они себя сами называли или другие называли их, кишели группы и группки, одиночки, честные и предатели, гордые и продажные — и все они содействовали усложнению пути революции.

У них была только одна заслуга: они вносили интригу в наступающий новый мир и привлекали людей, отправившихся в путь в поисках новой Германии, к полемике, к прояснению позиций. Не осознающие своих интересов и колеблющиеся сдерживались ими, поэтому настоящим революционерам удалось создать естественную элиту.

В решающие годы с 1918-го по 1933-й о смысле грядущей революции много говорили и писали.

И вновь появилась группа интеллигентов, которые постарались «оценить» революцию с литературной точки зрения, то есть превратить ее в литературную болтовню. События 1933 года расстроили планы этих бумажных революционеров. Когда мы вспоминаем об испытаниях тех лет, то осознаем, как необходимо прояснение волновавших нас вопросов и насколько велика может быть опасность затмить смысл революции, если мы опять позволим превратить ее в болтовню!

Революция в нас самих

Сквозь века скорбной немецкой истории сияла мечта лучших и благороднейших немцев об империи, о немецкой действительности. Немецкая история полна примерами возмущения, восстания, реформы, Реформации: только одного примера мы не обнаруживаем в немецкой истории — примера революций!

Несомненно, у нас были революционные мыслители и исследователи, государственные деятели, крестьянские вожди, короли, солдаты, но для революции, кроме великого вождя, нужны также мужчины и женщины, выказывающие преданность, поднимающиеся от идеи вождя до решительного действия; нужен народ, осмеливающийся на великий скачок. Мы, немцы, не являемся народом революций!

Этому была своя причина, поскольку столетиями мы не были просто крестьянским народом — существуют вполне революционные крестьянские народы, а землевладение ни в коем случае не является предпосылкой для консервативных умонастроений: это коренное заблуждение также необходимо когда-нибудь устранить.

Кроме того, менталитет нашего народа также никоим образом не был кротким, но мы были настолько сильно и беспримерно разделенным народом как географически, так и духовно, что лишь в результате тяжких битв из мозаики смогла сложиться немецкая картина.

Так мы поднялись на нашу революцию, которая станет самой современной и широкомасштабной. Станет! Ведь мы стоим у начала становления нашей империи — конечной цели нашей революции, и пока невозможно предвидеть, когда она завершится!

Но что такое вообще революция?

Ранее мы уточняли, чем она не является: ее нельзя путать с ее проявлениями, с переворотом и восстанием!

Дословно революция означает преобразование.

Остановимся на этом слове.

К примеру, перегруженный плот переворачивается.

Во время революции образовавшиеся в течение столетий враждебные народу и его характеру струпья отпадают, и освобождается древняя сущность народа. Тем самым прокладывается путь естественному развитию.

Становится очевидным, что несправедливость даже из-за тысячелетнего гнета не становится законом. Привычки к недостойному порядку оказывается недостаточно для сохранения этого порядка.

Естественное право народа на жизнь и свободное развитие является главнейшим мотивом этой «революции», и только от силы и чувства ответственности вождя, исполнителя этой народной воли, зависит, осуществится ли революция с помощью ужасного рывка, следствием которого будут кровавые беспорядки и жестокие эксцессы, или четкой, продуманной дисциплины.

Одна народная воля неспособна на революцию — она может дать ход убийственной ярости, может ужасно отомстить, но не более. Лишь народный вождь создает историю из революционной судьбы. Он исполняет закон народа, превращая свою волю, являющуюся концентрированной народной волей, в революционный закон и возлагая на себя ответственность за народную судьбу.

Для этого нужна сверхчеловеческая энергия и точно такие же воля и самообладание. История учит нас, что очень многие революционные вожди в момент преобразования погибли под руинами рушащегося старого мира оттого, что им недоставало энергии, чтобы остановить смертоносную силу. То, что немецкая революция была бескровной, является главным убедительным доказательством величия ее исполнителя.

Однако преобразование является не самоцелью, а предпосылкой для построения нового мира, также как завоевание новой территории имеет смысл только ради получения урожая.

Немецкая революция ныне совершает — выражаясь словами Ницше — переоценку всех ценностей, чтобы найти новую ценность!

Таким образом, в ходе немецкой революции немец должен освободиться от всех отбросов и накипи, чтобы среди своего народа и благодаря своему народу породить нечто новое.

Устранение недостойного режима является не целью революции, а в лучшем случае исходным пунктом, моментом убеждения, в котором нуждается народ, чтобы стать на путь осознанного деяния.

Упразднение недостойного режима является само собой разумеющимся сопутствующим явлением. Если бы это было не так, то речь шла бы лишь о перевороте, захвате власти, смене системы.

Поэтому революция никогда не ограничивается местью за пережитую несправедливость. Месть — это ничто иное как опять же сопутствующее явление, задачей которого является отделение инородных тел.

И это должно быть выполнено решительно и беспощадно.

Но на завершающем этапе!
Народное сознание в течение столетий и даже тысячелетий фиксирует любую несправедливость, любое унижение и чрезвычайно педантично запоминает носителей несправедливости, тиранов, кровопийц, совратителей.

И было бы в высшей степени неправильно стирать воспоминание о пережитой несправедливости. Напротив, чем живее воспоминание, тем больше гарантий не стать жертвой несправедливости повторно.

* * *

Мы, немцы, в некотором смысле зависим от понятия порядка. О человеке, которого мы ценим за его прямоту, силу характера, мы говорим, что он «в порядке». И мы приводим «в порядок» то, что каким-либо образом выходит из-под контроля. Даже мир! Не из мечтательного идеализма, а из-за понимания того, что у нас имеется наш собственный порядок и мы можем жить в этом порядке, если окружающий нас мир также приведен в порядок. Порядок возможен только всеобщий, частичного порядка не существует — так же, как, к примеру, частичного здоровья. Здоровье отдельного органа второстепенно, если сердце или голова не в порядке.

Мы, немцы, хотим найти в революции себя, свою природную, неиспорченную сущность. Мы можем назвать это нашим творческим порядком, нашим предназначением. Если мы излечили самих себя, то перед нами встает обязанность создать порядок, мировой порядок, образ жизни, как бы мы этот порядок ни называть.

Следовательно, с точки зрения истории в целом наша революция является прорывом к порядку!

Но как произошла немецкая революция?

Ее нам не провозгласил ангел. Любимый бог не высек для нас ее заповеди в камне или бронзе.

Она возникла не из какого-либо откровения, а из испытаний и переживаний. Когда мировая война закончилась, она уже свершила над народом великий суд.

Не Божий суд.

А тот суд, перед которым с каждого немца было спрошено за его «праведность», за его правильную позицию в строю. Суд, перед которым каждый должен был держать ответ за результаты своих действий. Начало мировой войны показало, что молодая буржуазия в лице ее высших сословий и слоев могла быть полна чрезвычайного энтузиазма. Зачастую в этом энтузиазме было даже нечто преувеличенное, лихорадочное.

И все же молодая буржуазия доказала, что она — даже если прежде не умела сознательно жить — может весьма достойно умирать.
Если мы рассмотрим этот факт подробнее, то придем к выводу, что непосредственно затронутые войной слои буржуазии испытали неслыханное превращение. Опыт войны вначале их «разбуржуазил». Все, что из удовольствий и соблазнов внешнего характера прежде преподносила жизнь, для солдат из буржуазного лагеря стало недостижимым.

Но очень скоро выяснилось, что жизнь без этих наслаждений и соблазнов можно было вынести.

Война заставила казаться эти потребности незначительными, свела их к ничтожному простому знаменателю. Следующее осознание, принесенное войной, состояло в том, что для солдата речь шла не о безусловно прекрасных ценностях образования, а о том, что ему требовались прежде считавшиеся варварскими качества: дисциплина, готовность к самопожертвованию, храбрость, товарищеские отношения.

Война изменила боеспособных солдат буржуазии, она переплавила их и выковала из них бойцов.

* * *

И эти бойцы больше не вписывались в старый буржуазный мир. Зачастую они не могли больше проводить отпуск в этой ставшей для них невыносимой атмосфере и понимали, и не только интуитивно, что их родина находится рядом с товарищами.

Война показала, что она смогла не только освободить от прежде считавшихся истинными мнимых ценностей, но что она в состоянии придать преображенному с ее помощью человеку новое достоинство, или, точнее говоря, вернуть ранее считавшуюся утерянной ценность — инстинкт.

Этот инстинкт заставлял солдат во время войны осознать, что пришло время для великого преобразования, для переворота.

Но и многочисленные группы «пролетариата», которые согласно своей интернационалистической позиции были противниками «милитаризма» в любой форме — то есть, прежде всего, всеобщей воинской повинности, будучи вовлеченными в войну, оказались охвачены этим великим преобразованием.

Объединенные общей бедой, они понимали, что за пределами всех интернациональных теорий и идеологий существует отечество всех тех, кто одной крови, независимо от того, принимают ли они эту кровь и это отечество или нет. Вражеская пуля не делала выбора между солдатами. И солдат был носителем судьбы своего отечества, нации, вдруг оказавшейся реальностью. Потому мужчин из буржуазии, так же как мужчин из пролетариата, война подняла на новую высоту общности исторической судьбы.

Это было началом великого преобразования.

И как погибающая буржуазия не могла больше понять своих сыновей, и сыновья переросли ее и отстранились от нее, так же своих сыновей не мог больше удерживать и пролетариат.

Опыт войны совершил переоценку ценностей и породил новую Германию, страну сыновей. И эти сыновья жили в воинственной стране товарищества — в стране со своими законами, своими формами жизни и смерти, своими ценностями и совершенно особенным стилей.

В то время как новая Германия объединялась, вчерашняя Германия продолжала влачить жалкое существование. Великой политической воли, которая могла бы приблизить вчерашнюю Германию к воинской Германии будущего, могла бы привлечь всю империю к начинающемуся преобразованию, не существовало.

Вчерашняя Германия продолжала вести свой больной образ жизни и не давала воинскому образу жизни восторжествовать.

Это не выдумка, а горькая политическая правда: солдатская война была предана из-за шатаний родины.

На родине, то есть в безопасном отдалении, отсиживалась морально опустившаяся, бездуховная, лишенная идей буржуазия: она честно уплачивала свои налоги и помогала фронту, благонравно молилась о победе и ожидала «чуда». Сделать больше у нее не было сил. Она даже не могла больше противиться тому, что по ее телу нагло ползал политический паразит. Пролетариат на родине, наоборот, был в руках профсоюзных руководителей, которые вначале со всем пылом использовали упоение властью.

«Все колеса остановятся, если этого захочет твоя сильная рука»,—так пелось в одной из нигилистских песен.

Остановить колеса, приводившие в движение те машины, отправлявшие солдатам на фронте оружие и боеприпасы, могла не столько сильная рука, сколько еврейский мозг. Но «пролетарий» не замечал этого, ибо он также потерял свой инстинкт.

В то время как на поле боя при помощи переживания величайшей жестокости войны возникал новый человек, вело опасную жизнь сформированное общей судьбой фронтовое товарищество, «родину» сотрясала отвратительная борьба интересов между атакующим профсоюзным пролетариатом и растерянной буржуазией.

Но и на поле боя возникали трения.

Не все, кого затронула война, испытали преображение, не всех война превратила в воинов, сознательных носителей солдатского долга. Не все захотели влиться в колонну товарищей. Не все были достойны братства судьбы.

Было много тех — а под конец войны их стало еще больше, — кто вступал в новый мир с неохотой, вынужденно и в известной степени были на родине только отпускниками.

Полусолдат, этих временных граждан двух миров, нужно было исключить из товарищеского круга, чтобы он не стал отравленным. И фронтовое товарищество основательно позаботилось о процессе исключения. Оно больше не имело ничего общего с «дезертирами».

Солдатское ядро, образовавшееся во фронтовом товариществе, было небольшим, но здоровым и стойким.

Возник следующий тип воина (и лучше его не сможет описать ни одна поэтическая фантазия): лицо, ставшее угловатым и строгим из-за лишений, недостатка сна, ужасного физического и духовного напряжения, всякого рода потрясений.
Ищущий врага взор прищуренных глаз, сжатые губы, лишь изредка раскрывавшиеся для смеха. Лицо, обрамленное серым шлемом. Тело прикрыто обтрепанной униформой землистого цвета. Пистолет в портупее, ручная граната, лопата.

И этот воин из месяца в месяц, летом и зимой жил в окопе, минной галерее, блиндаже. Всегда он был в боевой готовности, и всегда у него перед глазами была смерть, ужас, боль.

В этот момент возникло человечество, олицетворявшее новую реальность, бывшую столь ужасной, что даже самые крикливые хулители родины при взгляде на такого человека теряли дар речи.

Когда война подходила к концу, произошел последний раздел обоих миров.

Родина вновь приняла полусолдат и передала их, не преображенных, не перевоспитанных, неизменившихся, группам буржуазии и пролетариата. При этом границы этих групп уже стали размытыми и в первые послевоенные годы все больше и больше пересекались.

Полусолдаты внушили себе, что им следует многое «наверстать» и значительно способствовали полному распаду родины изнутри. За счет них прирастали «рабоче-крестьянские советы», и «половинчатые» отлично годились в «солдатские» профсоюзные руководители.

Не отступили только мужчины из фронтового товарищества, воины, представители новой Германии.

Они не подчинились произволу родины, так как они нашли свой, подобающий, настоящий порядок.

Одни из них ушли с добровольческими корпусами на Восток, чтобы вместе с товарищами создать новую родину на завоеванной территории, другие начали обживаться или пытались как-нибудь честным путем пробиться в жизни. Они отрицали все соблазны старого мира. Они не оглядывались назад!

* * *

Одним из мужчин, переживших и выстрадавших в войну новую реальность, сумевших оторваться как от буржуазного, так и от пролетарского мира, одним из тех, кто сросли с интересами новой Германии, является вождь немецкой революции Адольф Гитлер.

Ему пришлось стать фронтовиком, пришлось пережить войну с ее суровой действительностью. Будучи простым солдатом, которому не было поблажек, он должен был подвергнуть себя нелегкому испытанию, чтобы прочувствовать дистанцию между вчерашним и сегодняшним днем.

Когда мы поймем это, тогда мы сможем осознать революционную мощь фразы: «Но я решил стать политиком!».

В этот момент возникает воин, через переживания и страдания, преодоление, концентрацию воли дозревший до совершенно нового качества, новой оценки, нового порядка, новой реальности; это немец, ставший политиком, чтобы спасти империю от «родины», сделав фронтовой образ мыслей законом этой Германской империи. И тем самым воинская революция из области идеи переходит в область реальности! Дух фронтового товарищества — союза честных, храбрых, неподкупных, деятельных людей — должен в политической сфере сформировать новую Германию.

Германия должна стать немецкой!

В этих четырех словах заключена вся «программа» воинской революции, революции в нас самих.

Но что является немецким?

И вновь ответ может дать только солдат, узнавший и переживший, насколько мечты, теории и идеологии блекнут перед действительностью.

Первый вынесенный с войны урок гласит: немецкая суть проявляется лишь тогда, когда перед чуждым любым отговоркам немцем ставится задача, требующая отдачи всех его физических, духовных и душевных сил. Прилагая неимоверное усилие для отрыва от всего тянущего вниз, немец осознает всю свою силу, с помощью продуманного применения которой он может, несмотря на все препятствия, упорядочить свой мир.

Что является немецким?

Там, где немец нашел себя, он в ужасе обнаруживает, как много он потерял в мыслях и делах, пока был чужд самому себе. И он распознает все власти и силы, которым с помощью большой хитрости и умных фраз, всевозможных обманных представлений и суждений, соблазнов и угроз удалось сбить его с пути к самому себе и увести в далекий и чуждый мир.

Он поднимается против этих сил и властей, даже если они кажутся такими любезными, отрывается от них, чтобы в полном смысле слова пойти своим путем!

Второй вынесенный с войны урок гласит: предпосылкой высшей концентрации воли является упрощение, простота.

Чересчур утонченный интеллект превращает реальность в сложную, запутанную конфигурацию вопросов и загадок и таким образом скрывает ядро истины.

Однако воинское мышление не является прямолинейным или примитивным. Оно трезво и естественно. Оно не требует оторваться от действительности — скорее наоборот, прежде всего нужно всецело обдумать действительность.

А третий вынесенный с войны урок гласит: вновь созданное благодаря возвращению инстинкта мерило действительности должно быть перенесено на все явления жизни, политики, государства, народа.

Не сама война, а возникшее в войну простое и естественное поведение должно быть перенесено в «мирное время». Народ должен стать воинственным. Он должен начать жить с воинским образом мыслей.

Тогда можно будет ответить на вопрос «что является немецким». Пришедший в себя благодаря войне немец осознает, что его сущность в целом с древних времен является воинской, воинственной, и что предательский, трусливый мир намеревался «укротить» его, украсть у него его страсть, его одержимость. Волнение его страстной крови должно было стать неопасным вследствие того, что его кровь прокляли, а его прекрасный дух демонизировали!

* * *

Немец является воином по своему расовому происхождению.

Немец родом из страны с весьма суровой действительностью — из страны, где из 360 дней в году почти 300 дней омрачены дождем, туманом, снегом, бурей и тучами, а солнце светит лишь 60 дней. Выросшая в этой стране раса должна была обладать неукротимой верой в жизнь, чтобы вынести эту суровую действительность. Она должна была продемонстрировать удивительное упорство, чтобы примириться с этой жизнью. Для этого была нужна истинная уверенность, что несмотря на холод, снег и лед, весной и летом Солнце вновь вернется с победой, чтобы своим существованием уничтожить смерть.

Уверенность и благородное упорство с давних времен были характерными чертами немцев. Они являются отличительными чертами воинского поведения немцев.

Но к чертам немецкого характера относится восторг от борьбы и опасности, безрассудная смелость, которая не требует иной награды, кроме радости от подтверждения своей силы и мужества.

И есть еще кое-что: характерной чертой немцев является умение осмотреться, встать перед мачтой, мечтательно наблюдать за звездным небом, тучами, прислушаться к шепоту волнуемого ветром леса. Едва ли есть другой народ, столь наполненный Вселенной, столь движимый законом природы, как немецкий.

Но именно эта тесная связь с бытием, глубина жизни, из-за его расы дает немцу не спокойствие, а тревогу, приносящую с собой любое развитие в виде ростка жизни и беспокойство. Она не терпит инертности, а побуждает к преобразованию.

Переживший возврат к своей сущности немец уже является нс «добрым» в буржуазном смысле слова — он является искренним!

Это огромная разница! Потому что искренний человек страстен, дерзновенен и даже дик.

Цивилизованный буржуа, ошибочно называющий себя «культурным человеком», боится настоящего человека и охотно хотел бы покончить с ним как с варваром. Но он ничего нс знает о том, что любая культура возникает только из реальной сущности народа, исполняющего закон своей расы. Поэтому наднациональной мировой культуры не существует — есть только расовая культура.

Война вновь заставляет обнаружить множество границ, которые легко стирались из-за дремоты длительных, сытых и ленивых периодов затишья.

И война учит, что победно удается воевать только народу, который умеет сознательно мобилизовать ценности своей расы.

Осознание собственной ценности является необходимой предпосылкой, без которой также никогда не может быть провозглашена цель войны.
Всему этому своих солдат, учеников и детей научила война.

* * *

Немецкий солдат, переживший революционное преображение в бою, в своем новом мировосприятии уже видел не тесные, весьма произвольные и потому вовсе не постоянные границы государств — он научился воспринимать мир как сумму рас и народов, которые более или менее сознательно, более или менее храбро или более или менее мудро боролись за закон, свободу, территорию и жизнь.

Этот вывод его не разочаровал. Самое большее, он заставил его в итоге выбросить за борт как балласт «учения о любви» и «религии», прежде лежавшие грузом на его душе, ибо они пытались скрыть правду о борьбе и заменить жизненную действительность теориями.

Солдат занял свою личную позицию. Ею стала его революция! Проникновение в суть лишило немца прежде сбивавших его с толку иллюзий. Вследствие этого его мир стал «расколдованным» — и лишь мракобесы, до сих пор жившие под этими чарами, могли сожалеть об этом. Но он стал честным и правдивым.

Если солдата спросить о смысле этой борьбы, то, будучи сознательным воином, он никогда не станет говорить о защите «трона и алтаря», а скажет, что взялся за оружие ради развития своего народа, права на жизнь своей нации, порядка своей расы.

И тем самым он нашел мерило для себя

Он больше не понимает «доброго отношения» как такового. Он также не знает «действия в себе». Для него все обусловлено интересами его народа. Достойным человеком является тот, кто использует свою ценность в своем народе и для своего народа. Кто растрачивает свою ценность, тот предатель!

Простая мораль?

Да! Но в то же время честная!

В иной морали заинтересованы лишь анонимные силы.
Обратимся к двум примерам!
Томас Манн, предатель, многословно обличал последствия воинской революции немцев. Мы, немцы, вновь возжелали стать варварами, но мы должны быть любимыми!
Как бы это выглядело?
Мы должны были бы выбросить наше оружие, затопить наши корабли, отдать наше завоеванное столь большой кровью жизненное пространство полякам, чехам, французам, сепаратистам, церковникам и бог знает кому еще, стать беззащитными — и «любимыми»! Насколько извращенной является такая «любовь», мы отлично помним на примере того, что произошло после 1918 года!

Тогда мы стали бы вновь народом «поэтов» и «мыслителей» в буржуазном смысле. Народ «поэтов» и «мыслителей», мы бы снова грезили в облаках о нашей империи и в душе страдали бы от нашей тоски. Но нас бы «любили»!

В действительности между народами совсем нет «любви», ибо мир — это не сад, где в полном согласии прогуливаются млеющие влюбленные пары. В мире существует взаимное уважение сильных, честных и верных себе народов, а также презрение к другим!

Такова реальность, признавать которую нас научила воинская революция.

Только слабые характеры, предпочитающие бурной действительности тепличную атмосферу, могут считать это достойным сожаления сползанием в «варварство». Эта тепличная атмосфера не только нездорова, но прямо-таки смертельна для народа — мы испытали это во время буржуазно-профсоюзного эксперимента Лиги Наций. Тогда собрание далеких от действительности глупцов попыталось проводить «политику всемирной любви».

Какая катастрофическая нелепость вышла из этого, мы также отлично помним.

То, что эта Лига Наций предприняла подлую попытку явную несправедливость превратить в закон путем постепенного привыкания, бросилось в глаза не всем наблюдателям. И что при этом деньги властей — то есть взятка! — использовались для того, чтобы пропагандировать эту привычку, было замечено еще меньшим количеством людей, потому что большинство людей суеверно страшилось заглянуть в суть вещей или продумать мысль до конца!

Мы знаем, что Лига Наций была основана не воинами, и это все объясняет.

Она была орудием власти коррумпированной Англии и потому детищем буржуазии XIX столетия, относившейся к упадочным проявлениям старого мира.
Новый мир воинов находился лишь в процессе становления, так как немецкая воинская революция вначале должна была принять политическую форму.

Другой пример!

Мы еще хорошо помним «гуманистические движения», выпестованные масонством. Все, кто имеет человеческий облик, должны были обрести одинаковую ценность. Толпы сентиментальных буржуа стремились принять участие в каком-нибудь из таких явно «благородных» дел! Осуществляя эту «благотворительность», они совсем не замечали, что на самом деле являлись ничем иным, как инструментом — кирпичами для «храма Соломона».

Они совсем не ощущали, что оторвались от почвы своей нации, духовно лишились расы. А это безликое человечество, чей храм надо было построить, было безобразным конгломератом ублюдков и вырожденцев.

То, что это скрещивание представлялось «прогрессом», указывает на декадентскую оторванность от действительности всех тех, кто позволил заманить себя в эти сети. Воинская революция покончила с этим опасным безобразием.

То, что и здесь был восстановлен естественный порядок, может показаться прискорбным только душевнобольным или некоторым анонимным политическим деятелям.

Ни одну самую извращенную и декадентскую «идею» невозможно представить без политического умысла. Тайные масонские лидеры были вполне реальными политиками!

Но воинская революция учит людей мыслить в русле нации и расы, подавлять любую попытку пробить брешь в единстве народа, внести смятение в образ мыслей населения.

Понятно, что приверженцы воинской революции, а тем более ее исполнители и вожди наживают себе яростного врага среди побежденных анонимных политиков. Поднимающийся при этом шум— это не что иное как известное плутовское «держите вора»! Новому немцу не приходит в голову мысль присоединиться к каким-либо надгосударственным группам, движениям или союзам — его мышление стало гораздо более естественным и сущностным.

Поэтому анонимные политики так возмущены, что вождь воинской революции отнял у них людей, жертвы,кирпичи!

Поэтому они вновь и вновь предпринимают безнадежные попытки разлучить вождя с его немецким народом. Если бы они знали немецкую действительность, они бы отказались от этих попыток.

* * *

Похоже обстоят дела у церкви — конкретные конфессии в этой связи неважны. Церковь провозглашает волю «Бога» — и нужно спросить, откуда у нее взялись такие полномочия. Эту волю провозглашают, к сожалению, уста не ангелов, а людей, которые, несмотря на всяческие освящения, все же остаются людьми. Тем самым даже абсолютное Слово Божье — предположим, что таковое существует — очеловечивается и лишается божественности.

Но так как церковь не желает быть расовой — если бы она была такой, тогда бы она была детищем еврейской смешанной расы, поскольку, несмотря на всякие глупые попытки, не существует ни Ветхого, ни Нового арийского завета, — то она вынуждена возвещать «помыслы человечества». Проповедники, священники неизбежно становились представителями вполне реальной политической власти, стремившейся руководить миром согласно своей воле, которую она самым настойчивым образом, хотя и безотчетно, отождествляла с волей провозглашенного ею Бога.

Воинская революция перечеркивает и этот план — и не из-за «враждебности к религии», а из самоотверженной любви к народу, требующей исполнять закон расы и тем самым служить порядку, который, однако, именно представители всемирной церковной власти вынуждены были признать «божественным»! Общеизвестно, что мнимое «великое поручение Христа» — бесспорно, гораздо более поздняя новозаветная фальсификация — появилось из-за стремления церкви к власти.

Новый немец осознанно освобождается от этого великого поручения и всю свою энергию отдает народу, от которого не может оторваться — как этого желает Павел.

Церковь — политическая империя Бога на Земле — больше не имеет на него прав. Ярость разочарованных мировых политиков понятна — но им нс стоит называть «безбожниками» приверженцев воинской революции, устанавливающих законный порядок. Ведь тем самым они лишают своего Бога титула Творца и свидетельства сотворения им мира!

На этих нескольких примерах нам становится понятно, сколь сильную ненависть старого мира и ярость всех чуждых народу политиков должна была навлечь на себя воинская революция из-за осознания своей позиции! Она не желала этого и не ставила это своей целью. Но она может и имеет право, не подвергая свое дело опасности, не избегать ненависти и ярости во имя истины. Компромисс привел бы к краху.

Воинская революция объединила в своих рядах людей нового типа: они более не колеблются между мечтой и делом, да и между двумя мирами! Новый человек вновь обрел почву под ногами, вновь обрел свою родину. Чем глубже ему удается укорениться в реальной почве, чем ближе в результате этого он приближается к источнику познания, тем более стойко сопротивляется он нападкам своего окружения. Так как перемена в нем произошла благодаря сознательной воинской революции, он ни секунду не раздумывает, стоит ли ему избегнуть яростной атаки противоположных сил с помощью «услужливого» (verbindlich) поведения. Он вовсе не желает что-либо «связывать» (verbinden): напротив, он осознал, что любая связь мертвого с живым не только не ведет к возрождению мертвого — верить в это является уделом чуждых реальности мечтателей, — наоборот, она ведет к гибели, отравлению живого.

Само собой, за вышеупомянутым осознанием следует обозначение границ, делающее любое затушевывание идей невозможным.

Вопрос «Что является немецким?» должен быть дополнен вопросом «Кто является немцем?».

Пришедший в себя благодаря воинской революции немец нашел очень простое, но оттого тем более надежное мерило.

* * *

Немец для него лишь тот, кто имеет мужество сделать выводы из осознания немецкой сущности. Именно благодаря этому немецкий дух возвысился над «областью литературы», над низменной дискуссией.

Воин не ценит убогую по своей сути «добрую волю», но еще менее ценно для него сентиментальное «доброе мнение». Хорошо или плохо относится к нему бездеятельный мечтатель, воинственному человеку безразлично. Все решает жизненный потенциал, а кто, несмотря на свою «добрую волю», неспособен совер- шить добрый поступок, претворить свою волю в дело, тот не имеет ценности!

Товарищество возможно только там, где люди сражаются за единую цель, а не там, где мечтают о единой идеологии!

У мечтателей и болтунов есть свои «группировки», о которых нам известно предостаточно. Фронтовое товарищество не имеет с такими группировками ничего общего. Здесь бессмысленно искать прочие отличия!

В группировках люди находятся для того, чтобы с помощью мелочных делишек, не выходящих за пределы одного дня, «стать» кем-то.

А во фронтовом товариществе состоят мужчины, сражающиеся за идею, которая полностью их захватывает, взывает к ним, побуждает и предъявляет требования, так что они ощущают себя ее исполнителями.

Немец существует вне группировок. Он также не пользуется их услугами.

Назвать себя немцем может только тот, кто готов проявить свою суть в действии.

Мы слишком часто переживали попытки «философски» расчленить немецкую суть и из немецкого человека теоретически вывести либо образованного болвана, либо приземленного атлета, чтобы мы нс смогли превратить теорию в действие, а мечту в реальность.

Как солдат не позволяет любому обывателю хлопать себя по плечу со словом «товарищ», так и сознательный немец пресекает попытки всевозможных отрицательных или даже враждебных народу элементов втереться в доверие с помощью слова «фольксгеноссе» («товарищ по народу»).

К народонаселению относится — и это действительно так — очень большое количество «попутчиков», очень много балласта, состоящего из нерешительных, равнодушных, постоянно скучающих из-за своей собственной пустоты людей, которых при всем желании можно назвать в лучшем случае немецкоговорящими согражданами.

Сознательный немец будет всегда держать с ними подобающую дистанцию. Кроме того, он никогда не будет пытаться «убеждать» их речами, подавлять или уговаривать их с помощью пропаганды. Ведь там, где уже возник внутренний вакуум, напряжение не может быть вызвано при помощи уговоров.

Но тот, кто желает жить в новом немецком мире, чего требует сформированный воинской революцией человек, должен не только поддерживать напряжение в себе, но и быть в состоянии внести напряжение в свое окружение.

* * *

Новая Германия должна стать заряженным энергиями народным телом! Ибо лишь сильнейший — одинаково душевно, духовно, физически сконцентрированный, чуть ли не чрезмерно наполненный жизнелюбием и готовый к действию народ в состоянии отвоевать и отстоять свое место в борьбе за новый революционный порядок.

Однако же реальность не щадит мечтателя, даже если его мечта была привлекательна: пробуждение требует действия!

Могут существовать народы, которые настолько разжирели, что более не желают участвовать в преобразовании Земли. Но такие народы должны смириться с тем, что они будут отодвинуты и вытеснены сильными, молодыми, агрессивными нациями, чтобы в лучшем случае когда-нибудь пригодиться в виде строительного материала, фундамента!

Немец не желает отказаться от инициативы. Из- за вызванных судьбой своего народа и расы потрясений он обрел очень опасную жизнестойкость, пробудился к вынужденной беспощадной реальности.

Поэтому называть себя немцем может только тот, кто готов сражаться за реальность, влекущую за собой претворение в жизнь всех чаяний лучших представителей народа.

Нет существа, претендующего на значимость, которое одновременно не стремилось бы на основе своего в принципе весьма расплывчатого «права на жизнь» обосновать жизненный долг!

Ценностное сознание укрепляет чувство долга!

И революционный немец часто обретает свое ценностное сознание как раз при помощи чувства долга. Насилие, стремившееся помешать ему исполнить свой долг, который как этическое требование следовал из исполнения велений действительности, могло вызвать в нем революционные мысли.

Воинская революция действительно обладает окончательной и священной концепцией долга, которую может обрести только солдат в момент принятия решения. И эта концепция является «программой» вызванного ею переворота.

* * *

Поэтому выходит, что чувствовать и называть себя немцем по праву может только тот, кто чувствует себя причастным к воинской революции новой Германии. При этом с буржуазными элементами старого мира больше не существует возможности дискуссий.

Фразу «Вождь — это Германия» могут понять только люди нового порядка, знающие о том, что кипучая воля, которую олицетворяет вождь, является концентрацией всех солдатских поступков и стремлений.

Иначе мышление вождя объяснить невозможно.

Буржуазный мир мог рассуждать так: «Тот, кто не желает исполнять свой долг, всегда может стать частным лицом. А поскольку такое частное лицо ни в чем не «провинилось», его следует уважать и защищать как человека чести». Новый мир видит в человеке, не желающем исполнить свой долг, предателя и отказывает ему во всяком уважении.

Это может решить и организовать только вождь, к которому одновременно питают доверие все преображенные люди. Доверяют его справедливости, но и непреклонности! Ибо верности без непреклонности не существует. Верный человек был бы опозорен, если бы предатель не был уничтожен!

Не существует порядочного коллектива, который терпел бы в своих рядах предателя. С этой военной реальностью должны смириться все «судебные власти». Также они должны смириться с тем, что воинская революция не понимает или не признает «нейтралитета». Здесь речь идет о выборе решения, о прояснении и разъяснении ситуации.

«Нейтрального», который почти во всех случаях только ждет подходящего момента, чтобы вовремя присоединиться к явному победителю и тем самым получить свою часть добычи, отталкивают в сторону или даже затаптывают. За его смертью лишь презрительно наблюдают!

Но воинская революция оценивает не только внешних наблюдателей! Вовсе нет!

К «современникам» — к тем, кто желает наслаждаться моментом — применяется такое же беспощадное мерило справедливости.

Тот, кто стремится с помощью своих привилегий избежать всеохватывающей действительности революции, совершает не что иное как бегство от долга — то есть дезертирство!

И это не находит ни малейшего понимания в воинском мышлении!

* * *

В войну фронтовое товарищество сознательных и решительных людей, вечных добровольцев, вынужденно обособляется от толпы мягкотелых, которые, как только опасность миновала, имеют обыкновение всегда появляться тогда, когда речь идет о мародерстве, о большой дележке!

Фронтовое товарищество требует решения: лишь оно может придать лицо всему коллективу. Оно является ядром народа, от которого потоки энергии распространяются на все войско.

Фронтовое товарищество сторонится любого оппортунистического мышления; кроме того, уже потому, что любая опасность несет в себе риск, а сопровождающая войну и воина опасность скрывает в себе наивысший риск, оно сталкивается со смертью — а смерть не является оппортунистом! К сообществу нашедшего себя в революции народа на самом деле принадлежит лишь тот, кто со всей своей волей и страстью отождествляет себя с нацией и се существованием, с Империей.

Сообщество зиждется на сознательном решении, а не на случайности рождения!

Никто не рождается немцем: человек приходит в мир максимум как представитель германской расы, как ариец. Немцем он становится только тогда, когда он приходит к осознанию своей крови, когда по своей воле избирает общность исторической судьбы немецкой нации.

Так называемые «случайные немцы» (Zufallsdeutschen) из-за своей вялости и безответственности не имеют ни малейшего права скрываться за вывеской «народной общности» и претендовать на «безопасность».

«Случайный немец» должен быть благодарен, если сознательный немец — назовем его «волевым немцем» (Willensdeutsche) — терпит его, если он разрешает ему вести комфортное существование, возможное только благодаря жертве воинственного немца.

Однако волевой немец презирает любую комфортную жизнь и также никоим образом к ней не стремится. Государство, ответственное за сохранение установленного воинской революцией порядка, должно позаботиться о том, чтобы случайные немцы не просочились в ряды волевых немцев.

В противоположность демократическому сосуществованию случайных людей и людей воли воинская революция следует аристократическому принципу.

Благодаря системе ценностей возникает настоящая элита, которую венчает и замыкает вождь.

И эта элита — самая стойкая воинская сущность нации — одновременно является наиболее решительной поборницей революционной идеи.

Она не знает компромиссов, полумер, она являет собой что угодно, кроме «любезности».

Ее суть проистекает из правды.

Поэтому возникшая благодаря воинской революции элита является настоящей совестью нации.

Новый немец

Немецкая революция в нас самих не является столь же бурной, репрессивной, кровавой, как до сих пор известные нам из истории революции.

Мы уже об этом говорили.

Немец не только более осмотрительно, но и более сознательно, обдуманно приступает к преобразованию, переоценке ценностей, созданию нового порядка. Это заложено в его характере, в его земной сознательной обстоятельности.

Но тем сильнее глубинное воздействие немецкого пробуждения: лицо земли изменится!

Враги немецкой души никогда не пребывали в неведении относительно немецких возможностей. Напротив, они опасливо наблюдали за всеми течениями и движениями, всеми зачатками собственно немецкого мышления и восприятия.

Согласно исключающей любое национальное развитие библейской фразе о «стаде и пастухе» всякий свободный дух, не желавший осознавать себя частью стада или даже решавшийся на попытку вырваться из него и вести жизнь в стороне от стадной и душевно слабой, и, кроме того, духовно оболваненной массы, находился под угрозой — его предупреждали и опять загоняли в стадо.

Верховный пастух церковного стада имел неисчислимое число псов, всегда готовых, кусая и тявкая, напугать всякую неосторожную овцу.

Вспомним лишь доминиканцев — Domini canes — псов Господних!

Эти кровожадные псы столетиями осуществляли ужасный духовный террор, выискивая и казня еретиков. Исследователи и мыслители, поэты и художники, жизнелюбивые, мужчины-воины и женщины-матери становились жертвами нападавших по знаку пастуха псов Господних.

Верховный пастух, в соответствии со своим пастушьим образом мыслей, поставил перед собой задачу укротить человечество!

Но это могло бы произойти только в том случае, если бы люди лишились своей человечности.

По понятным причинам говорили не об об «укрощении», а об «умиротворении»; восхваляли «вечный мир» и возводили в сан святых тех, кто более всего лишился своей человечности.

То, что укрощенный человек должен был стать человеком без страстей, без ощущения жизни, без гордости и достоинства, человеком без полета души, объяснялось страхом пастухов перед «природным». Природное, самобытное находится за пределами досягаемости произвола и каприза пастуха или садовника.

* * *

Человек как укрощенное стадное животное!

Такова была цель стадной морали и воли к гибели.

Но домашнее животное было созданием без рогов и копыт, безобидным, униженным, из-за произвола пастуха лишенным личной воли и свободы существом!

Разве это не признак ужасного духовного упадка, если в конце концов люди опустились настолько, что они не уставали восхвалять свое пребывание в овечьем стаде?

Овца должна была заменить льва и орла!

Овца, которая позволяет своему пастуху стричь и забивать себя, овца, которую по праву не почитают ни как самое умное, ни как самое храброе, и уж тем более ни как самое лучшее животное!

Процесс укрощения человека является самым отвратительным процессом в истории! Постепенно, при помощи все более изощренных методов, человек лишается сил, личности, достоинства, его насилуют, терроризируют и гипнотизируют! Кровь и раса, честь, гордость, мужественность и женственность обесцениваются при помощи укрощения. И после этого раздавленный, опозоренный человек считает себя нуждающимся в спасении.

Кроме священника — пастуха, для которого в интересах своей власти было очень важно смирение и глупость своего стада, еще один человек понимал намерения и подоплеку политики укрощения: еврей. Потому что еврей издавна — как свидетельствует об этом его Библия — является мастером психологического воздействия.

И потому неудивительно, что один из самых лукавых евреев — Хаим Бюкебург, вначале называвший себя Гарри, а позднее Генрихом Гейне, однажды раскрыл свои мысли об этом.

Порой Гейне проявлял одновременно жестокую и циничную откровенность. Христианское крещение явилось для него «входным билетом в европейскую культуру».

И Гейне оказался довольно неосторожен, говоря в своем сочинении «К истории религии и философии в Германии»:

Немецкая философия является важным, касающемся всего рода человеческого делом, и лишь последующие поколения смогут судить о том, стоит ли порицать или хвалить нас за то, что мы вначале разрабатываем нашу философию, а уж потом нашу революцию...

Немецкая революция не получится мягче и деликатнее только из-за, что ей предшествовала «Критика» Канта, трансцендентальный идеализм Фихте и даже натурфилософия.

Благодаря этим доктринам выросли революционные силы, ждавшие того дня, когда они смогут стремительно атаковать и наполнить мир ужасом и восхищением.

Появятся кантианцы, которые даже в физическом мире не желают ничего знать о пиетете и безжалостно перелопачивают мечом и топором почву нашей европейской жизни, чтобы выкорчевать последние корни прошлого. На сцене появятся вооруженные фихтеанцы, которых в их фанатизме воли невозможно усмирить ни с помощью страха, ни с помощью корыстолюбия...

Но ужаснее всех были натурфилософы, которые активно участвовали в немецкой революции и отождествляли себя с орудием разрушения. Ведь если рука кантианца наносит сильный и верный удар, потому что его сердце не волнует традиционное благоговение, если фихтеанец мужественно сопротивляется любой опасности, потому что она не существует для него в реальности, то натурфилософ страшится того, что он столкнется с первозданными силами природы, что он может воскресить демонические силы древнегерманского пантеизма, и тогда в нем проснется та воинственность, которую мы обнаруживаем у древних немцев, и которая сражается не ради того, чтобы кого-то уничтожить или победить, а просто ради самой борьбы.

Христианство — и это его самая замечательная заслуга — несколько усмирило ту безжалостную германскую воинственность, но не смогло свести ее на нет, и если однажды укрощающий талисман — крест — будет сломан, тогда вновь наружу вырвется ярость древних борцов, безумная ярость, о которой так много поют и говорят скандинавские поэты.

Этот талисман уже обветшал, и настанет день, когда он с позором рухнет. Из давно забытых обломков поднимутся очнувшиеся от тысячелетнего сна древние каменные боги, и вырвавшийся на свободу Тор со своим огромным молотом разрушит готические соборы...

То, что сто лет назад описывал еврей Гейне, — это не «пророчество», а скорее кошмар угнетателей и обманщиков, возникший из-за нечистой совести. У пап тоже были подобные кошмары — сны, в которых они видели, как одурманенный связанный великан после своего пробуждения разрывает свои путы так легко, будто они сотканы из паутины.

Церковники и евреи: и те и другие боялись пробужденного немца, поэтому они, движимые общим страхом, всегда объединялись в этом процессе укрощения, в своем желании разрушения.

Церковник с помощью догм, анафемы и проклятия стремился принудить немца к отказу от любого свободолюбивого мышления. Еврей достигал этого по- своему: при помощи насмешек и издевательств он осквернял все ценности нашей расы, представлял наличие характера оторванностью от жизни, верность глупостью, порядочность отсталостью, храбрость ограниченностью.

Церковники и евреи были в ужасе от восстания немцев. Их воспитательная работа, их «миссия» в Германии состояла в том, чтобы сделать немца безопасным. Любой порыв души, мысли, крови следовало с тщательностью садовника связать путами догмы, «правилами» странной морали, чтобы самобытность наконец ушла в прошлое и вместо мощного ствола возникла цветочная клумба!

* * *

Последствия веков этой ужасной, жизненененавистнической дрессировки могут быть устранены только посредством воинской революции.

Однако то, что несмотря на все это наша сущность сохранилась и в целом осталась здоровой, является заслугой мужчин-воинов и верных своему инстинкту женщин немецкого прошлого, которую трудно переоценить.

Помимо поколения наших предков по крови мы можем с гордостью взирать на ряд духовных предков.

Из поколения в поколение наследовалась мечта о свободе, любовь к нации и ненависть к тиранам.

Мечта, ненависть и любовь в нашем народе как ни в каком другом народе на Земле были особенно живы. Да и никакому другому народу не пришлось, как нашему, вести тысячелетнюю оборонительную борьбу за свое право на жизнь.

Поскольку мы, немцы, уже по природе своей полны пытливого беспокойства, то борьба за наше наследие значительно усилило это внутреннее беспокойство нашей расы, сделало ее требовательнее, живее, воинственнее и опаснее.

Если мы тщательнее приглядимся к ряду наших духовных предков, то в замешательстве и удивлении обнаружим, что в нем постоянно присутствуют еретики, и что мы являемся еретиками по своей крови. Уже в своей наследственности мы несем сопротивление духовному насилию, возмущение подавлением духа, бунт против любой попытки усмирения.

Мы несем в себе кровь мужчин и женщин, чья любовь к жизни и правде, естественности и реальности была сильнее, чем желание стать святыми. В нашей наследственности больше нет крови аскетов и святош, крови одержимых чудесами и людей не от мира сего: она бесследно исчезла вместе с ее носителями. Поэтому наш народ из века в век, несмотря на все преследования и запреты, мог вновь мобилизовать энергию, отбросить нереальное и неестественное и таким образом содействовать рождению пришедшей к познанию при помощи опыта нашей расы.

И новая действительность нашей расы — империя — благодаря воинской революции будет свободна от любого оккультного тумана, любого духовного дурмана.

Церковными песнопениями и убаюкивающими ленивыми мелодиями больше не получится подчинить себе ни одного близкого к действительности немца. Любая попытка заставить немца бежать с этой земли по лестнице в небо натолкнется на его раскрепощенный смех, ибо он стал бодрствующим и бдительным.

* * *

Даже в христианской церкви столетиями всегда теплилась искра мечты. Она никогда не угасала совсем!

Пламенный прорыв Мейстера Экхарта к мистике также являлся подобным выражением мечты о свободе.

И всегда, когда над немецкими землями бури бушевали яростных событий, эта искра разгоралась, превращаясь в яркое пламя.
Наступавшие после бурь периоды реакционного спокойствия были вынуждены прилагать все усилия, чтобы душить это пламя черными одеждами и платками, рясами и мантиями.

Но так же, как сохранялась эта искра, на другой стороне сохранялось недоверие. Столетиями.

За нами, немцами, всегда наблюдали; всегда мы были окружены соглядатаями и зачинщиками насилия.

* * *

Враги немецкой свободы ошиблись только в одном: пробудившийся благодаря революции к осознанию реальности и тем самым к власти немец не думает о том, чтобы свирепо наброситься на старый мир и разрушить его.

Старый мир сам рушится под громом событий!

Немцу не требуется скрещивать пальцы. Ему необходимо только стряхнуть вцепившихся ему в глотку врагов и обратиться к порядку своей империи. Излучаемая им историческая сила достаточно сильна, чтобы заставить рухнуть больные, дряхлые и усталые структуры.

Когда светит Солнце, лед тает!

Но мы понимаем также, почему еще до воинской революции враги могли смотреть на Германию только с ужасом: так люди могли бы смотреть на вулкан, уже долгое время не извергавшийся, но толчки и грохот внутри которого всегда свидетельствуют о том, что однажды произойдет извержение!

Революция в нас происходит со стихийным насилием.

То, что противопоставляет себя закономерному развитию, уничтожается!

Не из-за жажды разрушения! Это всегда должны понимать враги. А лишь из безусловной необходимости. Ибо тот, кто решается противиться закономерному развитию, является преступником, отрицающим действительность, хулителем реального и подлинного порядка. И под шестерни истории, создающейся из воли, закона и порядка, а не из произвола, попадать нежелательно!

Неслучайно английские государственные деятели, создания произвола, преданные касте священников и опутанные заблуждением о собственной непогрешимости, называют новую разгоревшуюся в 1939 году войну «религиозной войной».

Религиозная война?

В истории народов едва ли были решающие военные столкновения, которые нельзя было бы в итоге объяснить мировоззрением. Большинство войн действительно являются идейными войнами. Тем не менее, подлинные религиозные войны, войны конфессий, развязывались исключительно мракобесами и их прислужниками.

И не существует ни одной религиозной войны, которая не являлась бы агрессивной войной мракобесов.

Взращенной и оплаченной Францией религиозной войной была Тридцатилетняя война, чье военное— но не духовное — завершение Вестфальским миром навсегда должно было закрепить политическое бессилие германской империи.

Пий IX — тот папа, который, хотя и видел, что Папская область политически гибнет по своей вине, но в качестве компромисса осуществил лишь перенос папской власти исключительно в область политической идеи — также надеялся превратить войну 1870-71 гг. в религиозную войну против Бисмарка. Когда этот план разбился о дисциплину уже созревших до политического мышления немцев и дипломатическое мастерство Бисмарка, ему пришлось возвысить до статуса религиозной войны развязанную против империи Бисмарка «культурную борьбу». Когда в 1918 году разразилось немецкое восстание, со стороны церковников раздались слова: «Лютер проиграл войну!».

То есть мракобесы воспринимали и мировую войну 1914 года как религиозную!

И если сегодня эти же воинствующие круги утверждают, что война 1939 года является религиозной, тогда нам становится понятно, что мракобесы пошли в атаку!

Они вовсе не обороняются!
Кого же они ненавидят?
И что они ненавидят в нас?

Они ненавидят не укрощенное, кроткое как овечка домашнее животное. Не изнеженного, лишенного инстинкта буржуа!

Мы, немцы, могли бы заполучить «вечный мир», если бы отказались от нашего бытия, пожертвовали бы своей немецкой самобытностью, кастрировали бы себя духовно, а по возможности еще и физически, чтобы лишиться будущего. Мы могли бы — ужасная мысль! — в покое и безопасности, как у Христа за пазухой, вести рабскую жизнь, быть овцами в стаде, в стойле, если бы изменили самим себе! Если бы мы смогли решиться уйти из этого мира!

Нам пообещали бы золотые горы, если бы мы только сделали этот шаг к самоубийству!

* * *

Но если мы не только не желаем умирать, если мы, более того, испытываем ликующую жажду жизни и страстную ответственность за бытие, тогда для нас есть только один выбор, одно требование: всецело стать немцем, найти путь к самим себе; жить в бдительности и готовности; говоря кратко — признать воинскую революцию, измениться, стать абсолютными немцами!

Этого нового немца и боятся мракобесы, духовные террористы, рабовладельцы всех прежних властей, угнетатели.

Новый немец, покончивший с зависимостью от разводящего овец и жаждущего шерсти «пастуха», вырвавшийся из смрада хлева, чтобы ощутить дуновение воздуха свободы, выбрасывающий поводья, чтобы гордо и самостоятельно вступить в новый день — такой новый немец им ненавистен.

И мракобесы затыкают уши, чтобы не слышать победные песни молодого товарищества. Ведь эти песни, в отличие от хоралов укрощенных людей, терзают их душу.

Они также не любят слушать ровный шаг батальонов, тяжелую поступь снаряженных и вооруженных людей. Эта поступь звучит совершенно иначе, нежели неуверенное движение процессий!

Восстание, на которое решился немец, вынуждено было стать воинским, ибо властители старого мира приказали начать истребительную войну — «религиозную войну».

Военное восстание, являющееся нашей судьбой, которую мы намереваемся сделать историей, побуждает нас держать оружие свободы с радостной и надежной уверенностью, о которой никогда не подозревал старый мир.
Грохот и рев двигателей, доставляющих самолеты к целям — сердцам врагов — вызывает у нас ликование.

А кого не захватывает бросок в атаку наших наступающих войск?
Кто не взволнован, когда следует по пути разрушения, который прокладывают наши танки?

Старый, враждебный мир трепещет и сотрясается до основания перед воинской революцией. Но новый немец победно шагает навстречу своей империи!

Возникло единство воли и дела. Между фантазией и реальностью, мечтой и ее воплощением больше не зияет пропасть. Храбрость победила стремление осторожно оглядываться!

Является ли кроткость противоположностью дикости, варварства?

Спорить об этом бесполезно.

Мы должны открыто признать лишь одно: мы не стыдимся своей пылкости!

* * *

Гордый Гутген сказал соответствующую его сути фразу: «Я хочу казаться таким, каков я есть!».

Хотя у нас еще есть недостатки и несовершенства, мы не желаем рядить их в черные одеяния христианской любви к ближнему, которые в целом являются ничем иным как заигрыванием с «грехом» и тщеславной игрой на безвольной, смиренной слабости.

Нет, мы желаем научиться искоренять наши недостатки и преодолевать наши несовершенства, пока всецело не станем немцами. Мы желаем учиться на своих ошибках и в корне уничтожить привилегии, эгоизм. Мы желаем гордиться нашей пылкой кровью, принесшей столь чудесные культурные плоды, столь удивительные победы характера.

Таково наше дерзкое признание!
Как тогда развеивается любая покорность, любое отречение от нашей сути и ее очернение!

Быть немцем — такова высшая благородная воля нашей расы!
Наша пылкость не исчезнет в опьянении чувствами, не будет втоптана в грязь из-за освобождения наших инстинктов.

От этого нас хранит компас нашего политического чутья и стойкая приверженность нашему долгу, внушающая нам, что необходимо быть достойными.

Но это означает поставить свои достоинства на службу нации!
Однако укрощенные животные не обладают личной ценностью. Они лишь объекты эксплуатации, то есть пассивные создания!

Мы перестали бояться нашего демона. Напротив, мы признаем его!

Уже четыреста лет назад Гуттен сказал императору демоническую фразу: «Моя вера — это любовь к моему народу!».

В этом смысле мы, представители и поборники идеи воинской революции, являемся самыми верующими людьми нашего столетия.

А из этой веры происходят самые благородные дела нашего времени.

Движимые этой верой, мы живем в соответствии с образцами, которые однажды станут содержанием героического эпоса будущих поколений. Наша мечта в будущем больше не будет замыкаться на рае как последнем прибежище. Мы не -будем причитать о спасении и пытаться с помощью лепета умиротворить рассерженного, злого, обиженного, сомневающегося в своем несовершенном творении библейского Бога.

Мы знаем, что великий, вечный, незыблемый закон Вселенной, который мы называем Богом, направил нас в мир, наш немецкий мир, чтобы мы построили его в соответствии с нашим характером и нашей расой, возникшей не случайно, а закономерно.

Империя является родиной нашей воли и действий.
В ней состоит наша вечность.

Об этой вечности мы думаем, когда отправляемся на решительные сражения.
С мыслями об этой вечности мы можем после последнего боя спокойно закрыть глаза, если мы выполнили наш долг.

Это мы называем «покоиться с миром»!

Сознание совершенных деяний и исполненного долга облегчает нам смерть.
Потому новый немец относится к миру иначе, и потому покидает его тоже иначе!

* * *

Мы не можем и не желаем ни с кем спорить об этом. Кто более не понимает наших речей, кто не может наполнить свое сердце нашими идеями, тот не принадлежит нашему миру. Но мы не можем никого им увлечь.

Взглянем только на архитектурные строения нашего времени, на наше искусство: где там забытый, угнетенный, покинутый и преданный человек, чье сгорбленное и согбенное отчаяние накладывает на его стиль отпечаток усталости?

Воинственный человек с его гордостью, упорством, его оптимизмом и жизнелюбием нашел свой стиль, на протяжении веков отражавшийся в зданиях и картинах!

Сдержанное и обдуманное, но при этом наполненное пылом учение о действительности новой Германии перечеркивает мечтательный мир чувств фанатиков потустороннего мира и рухнувший мир отчаявшихся в своем страхе перед грехом людей.

Учение о порядке и справедливости наполняет нас и побуждает держаться на расстоянии от всех утопий о счастье, всех оккультных укрывательств истины.

Долг является требованием не только конкретного момента, но и тысячелетия!
Это духовная позиция, которую мы осознали в начале нашей воинской революции и которой отныне всегда должны придерживаться.

Так возникает Германия завтрашнего дня.

Лишь сейчас мы по-настоящему научились ценить наследие извечного еретичества благодаря тому, что претворяем в жизнь идеи одиночек своими поступками и строительством нашей империи.

Мечта приняла очертания — таково отрадное осознание нашего времени!
Однажды Шиллер бросил в лицо своему поколению фразу:

"Лишь солдат является свободным человеком!"

Это было сказано поэтом, которого доводила до отчаяния тупая военная муштра военной академии. При этом он имел в виду не надрессированного на механическое функционирование «военнослужащего», а лишь воина, готового отбросить «жизненные страхи» и способного «взглянуть в лицо смерти».

Он имел в виду воина, способного, исполняя свой долг, до последнего сражаться за империю, где имеют значение лишь истинные ценности, где меркнет мнимое величие смерти, а тем самым и всякая ложь, лицемерие, алчность!
Во времена Шиллера лишь немногие поняли эту фразу — лишь молодые, подготовленные, поклявшиеся отомстить и уже тайно заряжавшие оружие, чтобы уничтожить угнетателей.

И один из самых одиноких немцев, погибших от холода непонимания, Генрих фон Клейст, смог громко произнести переходящую все границы и уничтожающую любое противодействие убийственную фразу:

"Убейте его! На Страшном суде Вас не спросят о причинах."

Однако этого врага, которого следовало разбить, звали Наполеон, и он был самым могущественным тираном, когда-либо нападавшим на Германию.

Буржуазная, признающая существующее положение дел точка зрения звучала так: «Надо смириться с обстоятельствами».

Только воинское мышление не останавливается на полпути. Оно идет до конца, до последней возможности. Это означает следующее: во имя свободы своего народа уничтожь врага!

Кто этот враг, как он себя ведет и насколько он силен — на эти вопросы нужно будет ответить только при исполнении приказа. Но они никогда не смогут устрашить волю.

Воинское мышление продумывает мысль до конца!

Носители этого мышления являются энергичными людьми, потому что вершиной их мысли является исполнение, деяние.

Они не довольствуются вздохами, но и не грозят за спиной.

Они бросаются в атаку за свою идею.
Когда Фрундсберг, «отец ландскнехтов», восхищенный освободительными идеями своего времени и воодушевленный воинственным образом мыслей Гуттена, узнал, какой урон Германии в течение столетий был нанесен папами, то с тех пор носил в кармане сплетенную из золотых нитей веревку, чтобы повесить на ней папу! Фрундсберг ни в коем случае не был самым талантливым и умным человеком тех лет, но он был честной и правдивой личностью, не стыдившейся ни своей любви, ни ненависти.

В меру своих умственных способностей он продумывал мысль до конца. Ему была неизвестна жизненная тактика хитрецов, которые всегда избегают последствий и используют свой диалектический ум, чтобы петлять как заяц, желающий уйти от своих преследователей.

Эти хитрецы дошли до того, что считали характер балластом, а последовательное мышление обременительным!

Новый немец умеет привести свой ум в согласие со своим характером. Кроме того, он не видит в живом уме противника души!

Он так дисциплинирован и работоспособен, что его поступок способен идти в ногу с мыслью.

Это также является доказательством цельности нового немца. Способность держать шаг не дает ему потеряться в иллюзорном мире утопии или нелепой фантазии. Учение о действительности, поскольку оно берет свое начало в законе, порядке, природе, настолько просто и естественно, что когда-нибудь в будущем с недоверием станут смеяться, узнав, что нам пришлось совершить воинскую революцию, чтобы вернуться к природному и очевидному.

Но, вероятно, тогда осознают, сколь ужасны были извращение, фальсификация, террор и угнетение, если неизбежным средством преобразования была признана революция!

Может быть, тогда с глубоким уважением отметят, какие мощные душевные силы и какая степень сознательности потребовались, чтобы осуществить это преобразование и установить немецкий порядок, а не очутиться в хаосе.

О новом немце следует сказать еще вот что: его поведением руководит не только чувство собственного достоинства, но прежде всего национальное самосознание. Но это означает, что новый немец, выполняя любое дело, задает вопрос, сможет ли оно стать достойным подражания.

Немец будущего ненавидит анонимность, по-прежнему предоставляющую запасной выход, путь отступления в «личную сферу». Ему хватает смелости быть на виду и в центре внимания.

Для этого требуется как большое мужество, так и чрезвычайная готовность взять на себя ответственность — и не в последнюю очередь неустрашимая честность и смелое самосознание. Вопрос морали будущего будет звучать так: «Прежде всего достоин ли ты того, чтобы быть немцем?».

И этот вопрос вновь заставит взволнованно, обнаруживая собственные недостатки и новые источники энергии, всеми средствами бороться с ошибками.

Болезненность этого вопроса, зачастую почти что повергающая в отчаяние, должна и может быть устранена только при помощи гордого свидетельства выдающегося успеха, освободительного деяния, которое может стать образцом для подражания и путеводной нитью.

Это должны принять во внимание круги, думающие, что воинская революция будет способствовать примотивизации эпохи. Мы, наоборот, понимаем, что демоническая жажда деятельности повлечет за собой неслыханный уровень культуры, небывалое развитие всех областей науки, исследований, техники, цивилизации.
Но прежде всего — глубокое душевное осмысление и самоанализ.

Путь в будущее

Мы, люди воли, скажем так, продумываем свои мысли до конца. Мы претворяем их в дело.

И проявлением воли нашей империи являются достойные подражания поступки, плоды познания.

Когда смыслом нашей воинской революции становится задача создания нового немца, то мы имеем право спросить, какие начинания, какие попытки найти дельных \ людей в нашем народе сделаны на сегодняшний день, что-бы поставить их достоинства на службу империи.

У воинской революции аристократический принцип: у наиболее способного есть не только право — у него есть обязанность стать избранным.

В нашей империи государственное мышление последовательно. С начала и до конца оно следует принципу отбора.

Поэтому брак не является частным делом. Церковь сочетала браком незаконнорожденных, страдающих наследственными болезнями, негодных для брака людей и окропляло елеем любой союз, если только он заключался «перед взором Божьим», то есть, если мужчина и женщина подчинялись власти священника.

Брак для церкви был вопросом власти; она желала установить над семьей свой контроль, свою диктатуру. Ее ненависть касалась как конфессиональных "смешанных браков", так и невоцерковленных браков.

Появившийся в неокропленном елеем союзе ребенок считался «внебрачным», а «неосвященный» брак — внебрачным сожительством.

Уже Бисмарку пришлось бороться за право государства на брачный союз как народную ячейку. Он ввел «гражданский брак» — заключение брачного договора в присутствии государственного чиновника, ведающего актами гражданского состояния, и священник не мог совершить церковное бракосочетание, если предварительно заверенным документом не было подтверждено заключение «гражданского брака».

Это был уже революционный поступок — поступок, пробивший значительную брешь в церковной системе террора.

Церковь освящала любой союз между черными и белыми, между евреями и европейцами. Но если, к примеру, мужчина-католик хотел жениться на женщине евангелического вероисповедания, то попы причитали, что это мерзость перед Богом! Наше государство не задает вопрос о вероисповедании, оно ему абсолютно безразлично. Государство, прежде всего, осведомляется о наличии немецкой крови, о подлинности немецких или характерных наследственных признаков и наследственном здоровье.

Так государство хочет помешать появлению потомства с наследственными болезнями и создать здоровый, жизнестойкий народ.

Мы знаем, что такие мысли и поступки ответственны и потому «угодны Богу».

Враждебный жизни взгляд церкви на брак привел к тому, что тысячам несчастных людей пришлось пожизненно находиться в лечебных учреждениях, где они были в тягость самим себе и ухаживавшим за ними людям, а прежде всего — обществу.

Вина церкви не уменьшилась от того, что она возводила более чем достаточно таких заведений, чтобы создать идиотам христианское место обитания. Эти учреждения — называются ли они «домом Бога» или носят иное еврейское «благочестивое» имя — только отнимали у здоровых достоинство и средства! В нашем государстве брак является делом всего народа, и государство, будучи стражем образа жизни нации, следит за тем, чтобы из-за легкомысленного заключения брака не ослабла сущность расы!

Так как оно последовательно в своем ответственном мышлении, то противодействует и угрозе внебрачного размножения вредящих расе элементов в государстве. Нюрнбергские законы и «Закон о предотвращении рождения потомства с наследственными заболеваниями» являются проявлениями государственной ответственности.

Поэтому существует очень сильные предпосылки к тому, чтобы в здоровом браке рождались здоровые дети.

Ребенок является самым священным предназначением брака. Поэтому государство борется со всякой попыткой ограничить рождаемость. Аборты караются огромнейшими штрафами. Желание иметь ребенка поддерживается всеми этическими и практическими мерами.

Здесь особенно явно проявляется большее чувство ответственности относительно закона творения у сформированного воинской революцией великогерманского народного государства по сравнению с церковью.

Ведь церковь видит в ребенке следствие «грехопадения» и вынуждена была изобрести крещение младенцев, чтобы искуплением грехов создать противовес всегда повторяющемуся, раз за разом дающему о себе знать «первородному греху». «Самым священным» браком согласно учению церкви является «брак Иосифа», брак без ребенка!

Наше мышление стало уже настолько естественным, что мы считаем это церковное учение особо неприятным духовным заблуждением.
Государство великодушно заботится о том, чтобы каждый здоровый брак обладал наибольшим количеством детей.

Детский смех, звучащий в жизни нашего народа— лучшее доказательство тому, насколько продуманными, ясными, улучшающими жизнь стали наши мысли и дела. Это не примитивное варварство, это живейшее сознание ответственности, это мысли о вечности!

* * *

Государство дарует ребенку любую поддержку, на которую только способен культурный народ.

Ребенок должен расти на залитых солнцем местах, в красивой и чистой окружающей среде.

Развратители молодежи, которых в рядах церкви всегда было несметное количество, больше не причинят никому вреда.

Как только ребенок дозревает до того, что его разум начинает проявлять активность, его встречает школа и заботится о том, чтобы его ум был сформирован, а его душа воспитывалась на всем великом, благородном и прекрасном, чем наш народ располагает в избытке.

Учеба должна открыть сердце ребенка для Германии, а его кругозор должен расширяться и углубляться, чтобы однажды послужить нации.

Родительский дом должен заботиться о том, чтобы ребенок был в полном смысле этого слова «воспитан», чтобы способности и достоинства характера пробудились и поддерживались.

Государственное юношество принимает молодого человека в свои ряды и учит его жить, мыслить и действовать в обществе.

Мудрое и продуманное воспитание молодежи заботится о том, чтобы молодой человек привыкал к повиновению, дисциплине, долгу, закону и ответственности. Молодой человек может оступиться и ошибиться. Если его не предупредят заранее, он может скатиться вниз и потеряться — но за тем, чтобы этого не случилось, следит молодежное законодательство.

Но если обнаружится, что у молодого человека есть преступный инстинкт, тогда уже молодежное общество исключает недостойного из своих рядов, лишает его прав и влияния.

Варварский закон?

Нет! Скорее свидетельство высочайшего чувства ответственности!

Молодой человек, прошедший через родительский дом, школу, государственное юношество и гитлерюгенд, дает большую гарантию того, что сможет стать ценным для государства и нации.

Трудовая и воинская повинность требуют гордого и верного исполнения долга. Это жесткая жизненная школа, через которую должен пройти юный немец, прежде чем сможет начать свою борьбу за существование. Но, кроме того, эта школа укрепляет стремление к наивысшим достижениям.

Самые талантливые и надежные по складу характера ученики уже в юные годы проходят отбор, чтобы получить особое образование в школах Адольфа Гитлера и национал-политических учебных заведениях.

Государство хочет заранее выявить самых способных людей и самые пламенные сердца. Таким образом оно надеется заблаговременно разглядеть и обеспечить смену вождю.

Требования к физическому и душевному состоянию высоки и будут повышаться, чтобы создать предпосылки для обретения подлинной элиты. Величайшей гордостью для немецких родителей станет возможность доверить своих детей государству и тем самым будущему нации.

* * *

Но государству известно также, что таланты вождя неоднократно проявляются и за рамками возможностей государственного отбора в школах. Поэтому оно не отказывается ни от чего, в том числе от поиска, содействия и тем самым подчеркивания значимости той элиты, которая уже в практической жизни смогла подтвердить свои деловые качества.

Национальное соревнование «Лучший в профессии» ежегодно отбирает самых талантливых среди миллионов молодых людей. Они могут видеть вождя, могут говорить с ним, отчитываться перед ним и получают право на содействие согласно своим желаниям и способностям, наклонностям и интересам.

Например, фонд Лангемарка дает возможность способным ученикам из народа получить в элитных лагерях необходимые научные предпосылки для учебы в высших учебных заведениях. Все издержки, а также расходы на последующую учебу несет фонд.

На Земле нет ни одного такого государства, которое, как немецкое, прокладывает пусть своей молодежи к взлету и предоставляет любые возможности для развития своих способностей.

Но ни одно государство на Земле не располагает такой готовой к действию, физически и духовно сосредоточенной на главном молодежью, как немецкое.

Кто однажды видел немецкую молодежь в ее палаточных лагерях, сельскохозяйственной службе (Landdienst), на марше, у того радуется сердце, когда он думает о будущем империи.

Эта подрастающая в школах Адольфа Гитлера, национал-политических учебных заведениях молодежь — совсем не та молодежь, которую дрессируют в монастырских школах.

Там учится и закаляет свое тело суровая, стойкая, верующая, здоровая молодежь с сияющими глазами и мускулистым телосложением; она ездит по Германии и Европе, копит и переваривает впечатления, которые будут сопровождать ее всю жизнь.

Кто видел немецкую молодежь, тот заглянул в завтрашний день нашей империи! Разыскивают и находят самых способных — не для того, чтобы оказать им почет, а чтобы они таким образом стали достойными!

Молодые люди обучаются в орденсбургах, чтобы служить нашему движению. К ним предъявляются высокие требования, чтобы выявить лучших.

Мы знаем, что проверки на храбрость вроде прыжков с парашютом или прыжка с высокого трамплина сами по себе не могут выявить выдающегося человека. Но мы знаем и то, что трус, пугающийся проверки своей храбрости, в жизни также будет избегать ответственности.

Повседневность, ежедневная борьба требует людей с железными нервами и стойкой волей, людей с несгибаемым духом сопротивления и ликующим боевым задором.

И мы будем всегда искать новые пути и следовать им с целью найти таких людей, помогать им и закалять их, чтобы государство и нация могли добиться исполнения ими своего долга и предназначения.

На озере Кимзее появится огромное здание Высшей школы. Здесь лучшие люди нации познакомят юных немцев с живой и реалистичной наукой, чтобы в будущем еще сильнее мог блистать дух нашей расы, которому мир должен быть благодарен за свои самые значимые блага.

Где во всем мире происходят перемены такого же масштаба, как в Германии? Какой народ может похвастаться тем, что смог с помощью подобной всеобъемлющей воинской революции высвободить такие силы, как немецкий народ?

Молодые крестьянские сыны, еще вчера боявшиеся стать батраками из-за недостатка территории или уехать в город, завтра смогут обрабатывать свой участок земли, достаточно большой для того, чтобы прокормить себя, своих жен, детей и свой народ!

Воинская революция, руководимая и организованная воинственным цельным немцем, вождем, создала этот новый справедливый порядок.

Ели даже Гуттен воспевал свой век, так как первая ранняя заря грядущей свободы проникала сквозь черные тучи, что же теперь должны воскликнуть мы, которым светит яркое солнце?

Эпоха нашей революции слишком велика, чтобы нам, современникам, живущим в эту же эпоху, выросшим в ней, удалось полностью ее оценить!

Рост достижений, рост жизнерадостности, всё большее проникновение в глубину бытия, усиление чувства ответственности!

Новый немец приобретает свой собственный стиль, соответствующее проявление своей сути.

Старых мерил уже недостаточно, чтобы измерить новый прирост. Даже впервые возникающие формы делают эти устаревшие мерила смешными.
Нам понятен гнев старого мира, все более и более осознающего свою беспомощность, незначительность и неполноценность.

При помощи своего крика ненависти он тщетно пытается преодолеть свое чувство стыда. Завтра больше никто не взглянет на этот старый, погибший мир.

Его не удостоят более ни одним взглядом. В лучшем случае над ним будут потешаться. Но на великогерманскую империю будет взгляды во всем мире!

Они могут быть полными зависти и недоброжелательности, коварства и алчности. Однако при этом полными уважения и почтения — и намерения кое-чему подражать. Но подражание не удастся, поскольку желают перенять формы, но никогда — созидающий их дух.

И этот дух является немецким! Он не универсален, его нельзя передать! И империя будет исключительно немецкой реальностью, реальностью растущей и зреющей жизни, а не делом мистического «погружения» или неких чуждых жизни «интерпретаций». Никогда она не станет чистой формой, пока в ней сознательно живут, творят и мыслят немцы!

* * *

Когда эта война закончится, когда отшумят празднования великой победы нашей расы, тогда мы, когда-то поднявшие оружие во имя свободы и величия нашей империи, вернемся на родину, ставшую гораздо могущественней, чем в тот день, когда мы отправились на поле боя.

Тогда мы благоговейно оценим величие нашей борьбы, глядя на новое, и будем гордиться могучей силой нашей воли, вызвавшей воинскую революцию. Тогда мы почтительно встанем перед вождем и будем ожидать его приказа, который призовет нас к созданию великогерманской империи, к тяжелой работе, к созидательным поступкам.

Мы умрем в доспехах нашего долга.

Наше поколение больше не желает знать комфортной жизни. Наше возвышенное сознание состоит в том, что мы являемся поколением сурового исполнения долга, воинственным родом.

Родом, который должен быть признан достойным служить последующим поколениям примером для подражания.
Первое поколение новой, могучей империи! Первое поколение нового, немецкого типа.

Фундамент нашего здания, которое должно просуществовать вечность; здания, над которым каждое последующее поколение должно работать всю свою жизнь.

И наши внуки должны знать, что могут положиться на нас — на фундамент!

Во времена наполненного трудом мира суровая, воинственная заповедь требовательно и настойчиво будет взывать к нашей душе: не стать самодовольным!

Мы не желаем, чтобы в нас появилась мечтательная леность.
Мы не желаем стремиться ни к изнеживающей безопасности, ни зариться на удобные привилегии.

Мы желаем помнить о том, какими ужасными были те времена, когда Германия не могла быть немецкой.
Мы желаем напоминать себе, сколько пришлось пролить рек немецкой крови, пока настало время воинской революции.

Мы хотим доказать, что достойны этой жертвы, при помощи еще большей готовности к действию.
Мы не хотим, чтобы в мирное время наш меч заржавел. Суровый воинственный блеск не должен исчезнуть в нашем взоре.

Мы хотим остаться простыми и естественными, дружелюбными и скромными — как тогда, когда мы были солдатами.
Господином самому себе является тот, кто, несмотря на все соблазны, способен вести жизнь долга.

Об этом мы должны думать, если хотим услышать, как нас называют расой господ.
Наш долг связан с тяжелейшим трудом. Мы ненавидим «господ», ведущих ленивый образ жизни.

Наша победа является началом не менее великой борьбы.

Революция и империя едины. Империя прекратила бы существовать, если бы исчез смысл нашего воинственного преобразования, если бы мы перестали быть солдатами вождя, солдатами немецкой свободы.

Вражда никогда не исчезнет из мира.

Об этом мы должны помнить тогда, когда звучат мирные колокола.
Мы всегда будем готовы к действию, потому что враги свободы тоже начеку.

Мы желаем быть свободным, сильным и храбрым, сияющим, ликующим и полным жизни, но не пресыщенным народом! Этому учит нас воинская революция.

Отец Всех Вещей

Книга V

Созидатель война

Демон, ты рукою в стальной броне
Наносишь миру мучительные раны.
Бесчинствующий, ты бросаешь
Горящий факел в мирные деревни и города.
Свирепствующий, ты крадешь у терпящих нужду
зерно с полей.
Подстрекатель, ты отрываешь сыновей от матерей,
А мужей от любящих жен.
Нарушитель, ты привносишь ужас
в безопасность счастливых снов.
На воздвигнутых тебе алтарях,
властитель всех страхов,
наполненные слезами сосуды переливаются через край.
И все же, вельможа, ты любим!
Твои апостолы смеются над необходимостью
пожертвовать всяким спокойствием.
С пением отправляются они на битвы.
С сияющими глазами приветствуют
они провозвестников
и следуют по указанным тобой следам,
чтобы найти путь
к сердцу своих врагов.
О великий творец!
Юношей ты превращаешь в мужчин, мужчин в героев.
Мудрец, ты учишь их
воспринимать судьбу как испытание воли.
И смотри:
Не существует темных сил, способных устрашить
душу зрелых людей.
Благородный воспитатель народов!
Ты заставляешь нации путем борьбы, войны и страстной мечты
гордо вознестись к звездам вечности.
Ты кладешь конец слабосильному смирению глупца
и с суровой справедливостью убиваешь бесчестных
трусливых предателей.

Ты увенчиваешь преодолевшего страх.
И рабское состояние
лавровым венком освободительного деяния!

Борьба повсюду, без борьбы нет жизни, и если мы хотим жить дальше, то должны быть готовы к грядущим сражениям.

- Бисмарк.

Тому, кто когда-либо пережил настоящую войну, известны ужасы крови и ран, разрушения, уничтожения, отчаяния, лишений, жертвы и потери.

Кто испытал войну, отучился восхвалять ее в мечтательном романтическом настроении.

Война ничуть не стала «гуманнее» благодаря «прогрессу» безоговорочно обратившегося к цивилизации человечества. Напротив, чем чаще ведение войны с уровня властных амбиций тщеславных и эгоистичных князей и неразборчивых в средствах влиятельных группировок поднималось в область ужасной и фанатичной идейной борьбы целых народов и рас, тем более жестоким было столкновение охваченных этими идеями войск, и все «тотальное» становилась сама война.

Является ли война судьбой — судом, который народы исторически вершат друг над другом? Является ли она бичом человечества? Мечтатели и утописты, фантасты и идеологи посредством мнимого «облагораживания», в действительности приводившего к ослаблению духа и крови, склада характера и воли, пытались отвратить людей от военных действий, и даже полностью от готовности к войне. Буржуазно-декадентскому пацифизму нового времени так же мало удалось коренным образом изменить воинственные инстинкты народов, как прежде христианско-пацифистскому учению не удалось, несмотря на беззастенчивое применение всевозможных средств принуждения, создать безопасный «младенческий» мир.

Война является реальностью, которую невозможно затушевать ни фразами, ни теориями. Готовность к войне, необходимость защитить себя из соображений самосохранения является продиктованной инстинктом мерой предосторожности здорового, настаивающего на своем праве на жизнь и обязанности жить народа. Речь также не идет о том, что война является неизбежным злом.

Тот, кому не удалось разглядеть в войне идею, а в ведении войны идеологическую потребность, вынужден будет когда-либо прийти к духовному или моральному краху из-за вызванный войной бедствий.

Война не требует «оправдания». Речь скорее идет о том, что существует правильная позиция, справедливая точка зрения на войну.

Реальность войны сурова и жестока. Ее условия порой почти невыносимы для солдата, который должен преодолеть ледяные поля России, трясину загадочных лесов, знойное дыхание хлещущих песчаными бурями пустынь, который в дождь и холод, изо дня в день и многие ночи напролет вынужден ожидать всегда опасного врага, неведомой судьбы, могущей в любой момент оказаться смертельной. Состояние постоянной опасности может быть столь гнетущим, вызывать такую безысходную подавленность, что вынужденный существовать в такой ситуации солдат может прийти к отчаянной мысли, что он вынужден будет сломаться под давлением подобных обстоятельств.

Момент военных действий демонстрирует лишь разрушительную сторону войны. Иногда требуется размышление целого поколения, пока в этой же войне не обнаружат и не осознают обновляющую и созидательную силу.

Сражающийся на войне солдат нуждается не столько в ценимом в буржуазной жизни «уме», сколько в довольно часто презираемом как раз во времена буржуазного спокойствия характере.

Великий воин Бойен считал, что солдат должен радоваться войне: этот учитель войны как раз имел в виду не просто тщеславный патриотизм, желающий заработать дешевые лавры на часто описываемых бодрых и веселых войнах, а скорее решительное и готовое к действию поведение солдата, желающего пройти во время войны через высшее испытание своего мастерства, чтобы узнать себя самого и свою воинскую сущность.

Буржуазный патриотизм в несчастные для Пруссии 1806-1807 гг. пережил ужасную катастрофу, толкнувшую государство в пропасть народной беззащитности. Спасения от краха и упадка можно было ожидать только с помощью силы духа, умеющей даже во времена глубочайшего унижения и кажущейся абсолютной беззащитности ковать оружие свободы.

Но эта надежда могла увенчаться политическим успехом только тогда, когда народ смог бы пробудить в своих лучших сыновьях радостную готовность к войне, а тем самым и к военным действиям. Война должна была восприниматься не только как единственный выход из бедственного положения, но, кроме того, как восторженно приветствуемая возможность отомстить врагам нации. Без восторга от войны никогда бы не удалось вызвать народный подъем, направленный на обретение политической свободы!

Чтобы уметь радоваться войне, солдат прежде всего должен быть преисполнен чувством своей личной значимости и, кроме того, осознавать значение всей своей личности для будущего и свободы нации. Свобода, будущее и вечность своего народа должны стать великими идеями, способными придать его душе и мечте сверхчеловеческую, то есть возвышающуюся над сиюминутными трудностями силу. Его сила и задор должны быть достаточно мощными, чтобы преодолеть жестокую действительность реально начинающейся войны.

Почти во всех случаях воодушевленному солдату, переживающему военную действительность, придется признаться себе, что он представлял войну с ее убийственной прозаичностью не столь ужасной.

Но наполняющие сердце и душу солдата идеи должны освещать мрак ужаса, чтобы преодолеть любое гнетущее и препятствующее действию отчаяние.

Тот, кто идет на войну без внутреннего ликования и готовности, в лучшем случае рано или поздно начнет склоняться к ленивому фатализму. Поэтому воспитание в военном духе является одной из важнейших задач ответственного государства. Радость и воля влекут за собой то осознанное исполнение долга, что благодаря осознанию необходимости позволяет вынести даже самые большие тяготы. Исполнение долга состоит в понимании личной ответственности за свободу и вечность нации, и обязанности, а также желании отдавать отчет всем своим действиям.

Война всегда будет стоять перед народом как последняя необходимость. Уметь полюбить неизбежное является наивысшим проявлением гордой и сознательной личности.

Латинская пословица гласит: «Хочешь мира — готовься к войне».

Без дальновидной озабоченности войной невозможна мирная политика. Но войны всегда ведутся с помощью людей, даже в технически высокоразвитые эпохи. Даже самые продвинутые орудия уничтожения обслуживаются людьми и оказываются неэффективными опять же из-за людей.

Вероятно, в руках полководца солдат является инструментом, с помощью которого могут и должны выполняться всякого рода расчеты. Но прочность и надежность этого инструмента определяется именно ценностью солдата, то есть его воинскими качествами и радостной волей, которую он мобилизует для исполнения долга.

Очевидной предпосылкой для ведения войны является то, что солдат должен обладать профессиональными навыками, то есть в полной мере владеть оружием с технической стороны.

Кроме того, он должен быть проникнут пониманием того, что честь и существование нации отданы в его руки.

В каждом здоровом молодом мужчине живет жгучее стремление к приключениям.

Это стремление ни в коем случае не является чем-то ущербным — совсем наоборот, оно является предпосылкой настоящего успеха, так как приключения, о которых мечтает молодой человек, в конце концов являются ничем иным, как желанной возможностью испытания души в момент опасности. Тревожный вопрос, задаваемый судьбе, всегда будет звучать так: пройду ли я свое испытание?

Здесь должно вступить в игру воспитание в духе войны. Война является наисуровейшей реальностью. Сознательная встреча с ней лицом к лицу требует величайшего самопреодоления. Возможность полюбить ее в качестве величайшей возможности узнать и испытать самого себя и напрячь все свои силы является привилегией храброй и неподкупной молодежи, обладающей наступательный порывом.

Люди в возрасте всегда живут воспоминаниями о молодых годах с их легкостью. Поэтому ветеран всегда является самым подходящим воспитателем духа радостного одобрения войны, так как он сам прошел через сражения, воспринимаемые теперь с высоты возраста как великие часы возвышенного чувства счастья, освобождения от страха.

Восторг от войны в непоколебимых сердцах мечтательных молодых людей никогда не будет подавлен рассказами об ужасе военных условий: молодой человек отвергает все призывы к осторожности и настаивает на личной встрече с опасностью.

Таким образом, восторг от войны всегда будет выражением духовной готовности пройти великое испытание. «Я хочу сразиться с врагом на поле битвы» было и остается гимном воинственной молодежи, желающей не уходить в романтику, а обратиться к единственной реальности.

Только глупцы и оторванные от реальности люди отрицают мобилизацию здоровых инстинктов народа, считая ее «варварством».

Усталые и близкие к самоубийству народы могут позволить себе изнеженную и расслабляющую роскошь «гуманности» и торжественное презрение к войне: тем скорее отмеченные печатью «варварства» молодые нации вступят во владение их наследством и с насмешливым равнодушием стерпят упрек в варварстве.

Безоговорочное чувство свободы молодых народов презирает роскошь и цивилизацию усталых и сытых и не пожелало бы променять один-единственный день свободы на жизнь в таком презренном спокойствии.

Согласно одной старой пословице лучше прожить один день как лев, чем всю жизнь как собака!

Погрязшие в роскоши народы стали настолько косными в своем мышлении, что в своем собачьем бытии не желаю более признавать, что в конечном счете они живы только благодаря милости льва. Ибо если лев поднимется, чтобы разогнать надоевшую ему собачью стаю, тогда собакам не останется ничего другого, как, оставив обожаемые ими кости, сматывать удочки — или, защищая их как священные блага, околеть от удара львиной лапы. Здоровая молодежь всегда восторженно выберет поведение, наполняющее сердце честью, самоуважением и пониманием личной значимости. Она также осознает, что благороднее вести жертвенную и суровую жизнь в чести, чем самое сытое рабское существование.

Изнеженная декадентская «интеллигенция» постарается уклониться от этого решения. Личность же требует свободы, а в противном случае скорее предпочтет падение в пропасть.

Восторг от войны сродни спокойному веселью, несмотря на все опасности придающему уверенность в себе. Осознание силы, все более укрепляющейся благодаря усилию воли, позволяет не бояться никакого противника.

Чем сильнее враг, тем больше усилие воли, тем сильнее храбрость и страсть. «Много врагов — много славы», — говорит старая немецкая пословица. Много-численные враги пробуждают множество сил для отражения нападения, для контратаки и победы.

Обыватель в применимой к нему пословице может заметить, что там, где много собак, там зайцу смерть. То, что в этой пословице обыватель отождествляет себя с умным, но вовсе не храбрым зайцем, является некоторой самоиронией, которая обывателю вследствие лености мысли более не понятна.

Воля человека всегда казалась мне самой могущественной силой на Земле.

- Клаузевиц.

Наилучшим и неопровержимым контраргументом против так часто звучащих заявлений потерпевших окончательное жизненное кораблекрушение людей о том, будто бы лишь согласие с «судьбой», якобы всемогущим и неизбежным состоянием бытия, способен подарить человеку «мир», безопасность и успех, является тот факт, что величайшие из людей и самые сильные народы только потому достигли полного раскрытия своей сущности и тем самым изменяющего окружающую среду творческого проявления таящихся в них склонностей, что они с непоколебимой последовательностью шли своим путем до конца и достигли единства воли и идеи.

Нет великих среди людей, нет действительно сильных народов, вообще не ни одного исторического деяния, которые не были бы «всеобъемлющими». Слабым людям ничего неизвестно о движущей силе мечты, слабые умы не ощущают побудительную творческую энергию смелых мыслей, ослабленные и изнеженные народы не имеют понятия о необходимости войны!

Жизнь и деяния известных людей оказывают влияние не благодаря исключительности каких-либо событий. Впечатляющей и убедительной является лишь внутренняя логика каждого отдельного действия, знающего не случайности, а лишь закономерно необходимую обусловленность.

Предпосылкой величия человека является то возвышающее мужество, которое позволяет человеку даже в ледяном одиночестве при презрительном неприятии окружающих, при злых насмешках со стороны «обычных» людей своей эпохи хранить верность себе и сохранять веру в свои цели и в реальность их достижения. Эта верность себе самому и добровольно взятому на себя долгу может — главным образом в глазах спокойного буржуазного созерцателя — привести к «трагедии». Самоотверженно поступающий, рассудительный человек совсем не осознает трагичность своего положения. Вероятно, он удивлен и изумлен непониманием, на которое наталкиваются его действия и мысли. Его творческое самосознание ни в коем случае не страдает от такого непонимания — оно даже усиливается, так как неприятие со стороны окружающих вызывает значительную концентрацию воли с целью преодоления этой стены непонимания.

Одиночество гения — это неизбежное и даже необходимое явление, то есть вовсе не трагичное. Такая изоляция была бы трагичной только тогда, когда окружающие, как они это часто совершали в истории, набрасывались бы на гения как на «нарушителя спокойствия» и уничтожали бы его.

Творческое одиночество и сильное самосознание тесно взаимосвязаны: неуверенный в себе одиночка будет сломлен в своем одиночестве!

Напротив, самосознание творческого индивидуалиста наполняет его гордостью и дает ему ту твердую уверенность, которая угнетающе воздействует на обывателей.

Уверенность в себе позволяет индивидуалисту держать дистанцию от своего окружения. Она сообщает ему то почти безошибочное умение двигаться по краю пропасти, то абсолютное отсутствие страха высоты, которое даже при кажущемся рискованным покорении вершины уберегает его от падения.

Именно эта уверенность в себе волнует, или точнее говоря, поражает души и умы критиков жизни и поступков великих людей, наблюдающих из укромного уголка приносящей мнимое счастье безопасности.

Но эти наблюдающие критики не всегда следят в подзорную трубу признательного восхищения или зачастую лишь плохо скрываемой зависти за опасным и угрожающим возвышением великих людей, не в силах справиться с ужасной обеспокоенностью по поводу того, как долго могла бы продолжаться эта, по их мнению, дерзкая игра.

Завистники из числа этих наблюдающих критиков иногда из не признаваемого ими чувства неполноценности пытаются принизить мысли и поступки великого человека, всю его личность; или — согласно тем же движущим мотивам — подражать этим личностям. Таких созданий характеризует известное выражение Шиллера «Как он откашливается и отплевывается»! Однако вовсе не таинственное или волшебное «нечто» заставляет великих людей достигать своей цели — вершины свободы: чаще всего это яростная воля, преодолевающая все препоны и опасности, все соблазны, угрозы и попытки подкупа, несмотря на все мрачные пророчества позволяющая достигнуть желаемого результата.

Эти великие люди воздействуют на других своим примером: они разрушают чары и развеивают колдовство, они пробиваются сквозь туманные пелены ужаса и уже одним своим поступком дают ответ на робкие вопросы отчаявшихся сердец. Многих людей, которые, возможно, ранее в своей душе ощущали смутное стремление к освободительному деянию, однако не достигли ясности ни относительно самой цели, ни таящихся в их груди вопросов, наблюдаемый ими пример вырвет из повседневной рутины и поставит перед выбором. В великих людях они признают своих предшественников и вождей, присоединиться к чьим деяниям покажется им не бесславным завистливым подражанием, а обязанностью повиновения.

Но не каждому человеку доброй воли дано однажды осознать собственную цель и достичь ее; не у каждого человека доброй воли имеется предпосылка стать личностью.

Только что казавшаяся непреодолимой пропасть, перед которой в страхе останавливался даже человек доброй воли, в итоге покажется незначительным препятствием, если ее в смелой попытке однажды перепрыгнет один из великих. Всякая однажды преодоленная опасность лишается своего пугающего характера.

Тот факт, что храбрец пережил опасное приключение, уменьшает трудности — ибо трудность возникает только там, где стойкость или воля к преодолению препятствия слабее самого препятствия. Гора столетиями может считаться непреодолимой, жилищем богов, приближаться к которому означает опасное святотатство. Но если ее однажды покорят и выяснится, что на покрытой снегом вершине не живут ни сияющий бог, ни ужасный демон, то с этих пор она будет считается одним из бесчисленных изученных и безопасных мест. Если таким образом будут покорены все высокие вершины мира, из этого явствует тот факт, что нигде в мире не живут ни боги, ни демоны. Страх перед богами и демонами отступает благодаря накопленному опыту!

В мире идей действует тот же самый закон: если однажды новая смелая идея доказала, что ее можно «безнаказанно» обдумать до конца, то люди доброй воли также начинают размышлять над этой идеей и превращать ее в свое духовное достояние.

Всегда именно великие люди, одиночки, предвестники своим смелым примером придают людям доброй воли силу, храбрость и стимул. Таким образом, история развития человека является главным образом историей отдельных выдающихся личностей.

В свою очередь отдельные личности по своей природе воинственны — иначе на их долю не выпадут прорыв и взлет, успех и сила. Они вынуждены начать борьбу против своего окружения: они должны вести наступление на это окружение, оказывать на него давление и формировать его — они должны сломать, разрушить и разгромить доставшиеся по наследству устаревшие миры, чтобы освободить место для новых миров.

Современники видят в великих только разрушителей. Великий шум разрушения наполняет сердца и души слабых страхом и ужасом. Лишь последующая эпоха, достаточно отрешившаяся от ужаса падения старого мира и постепенно начинающая понимать тот период, который еще вчера находился на революционной передовой нового мышления, по достоинству оценит поступки и мечты великих предшественников. Эти предшественники чаще всего живут уже завтрашним днем, в то время как современники — так как они неспособны к сознательной жизни даже в настоящем — «по традиции» продолжают жить днем вчерашним. Поэтому подлинные современники великих людей всегда находятся лишь в будущем.

Ужасно впоследствии прочувствовать то одиночество, в котором живут, мыслят и сражаются предшественники; обнаружить неблагодарность, которую они пожинали; осознать всю ненависть, зависть и глупость, которая валом неприятия поднималась против отважных. Следующая эпоха обычно стыдится этой глупости былых современников и пытается хотя бы задним числом загладить несправедливость, предпринять запоздалую «реабилитацию». Мелких завистников и злобных клеветников, оскорбителей и бесхарактерных трусов позднейшая историография оставляет без внимания. Они гибнут во мраке безвестности.

При оценке поступков и борьбы великих людей необходимо вначале изучить вопрос, с какими мощными в то время силами и представлениями сталкивались в своей жизненной борьбе эти одиночки. Только тогда мы сможем в полной мере оценить величие и значение в полном смысле их доблестных достижений. Лишь тогда нам станет ясно, насколько смелым было то ниспровержение настоящего, к которому готовились уверенные в неотвратимости будущего одиночки.

Когда немец Коперник до конца продумал свою смелую и радикальную идею, что Солнце является центром орбиты Земли, он был глубоко убежден, что эта новаторская, возникшая в его пытливом, беспокойном разуме мысль должна разрушить всю картину мира и сотрясти даже духовно-религиозный мир. Вероятно, большинство его современников были не в состоянии понять этот ход мыслей или даже ощутить угрозу своему миру, однако проповедники католического учения почувствовали, что идеи этого одиночки угрожают им опасностью, и даже Лютер и Меланхтон выступили против его революционной теории.

Если окружение Коперника из-за непонимания масштаба его открытия выступало против него достаточно сдержанно, то после смерти великого исследователя оно с тем большей яростью и безжалостной жаждой уничтожения набросилось на Галилея, которому пришлось ощутить на себе всю враждебность сражающегося против своей гибели устаревшего, но не желающего погибнуть мира.

Что побуждает великих духом вступать в опасную борьбу за правоту своих идей и не страшиться даже костра?

Является ли причиной лишь честолюбие, страсть к нововведениям, страстный протест против тяжкого гнета старой, столь милой многим людям и умиротворяющей привычки? Или этих людей побуждает придать добытому опыту форму поступка скорее демон долга — тот непреодолимый, страстный зов крови, тот не желающий молчать голос сердца?

Возможно, оберегаемая и лелеемая идея могла тихо зреть в сердце и уме, но, повинуясь своему собственному закону, она превращается в волю, в урочный час проявляющуюся в решении, от которого нельзя отступиться. Преодоление пропасти между решением и исполнением является вопросом характера, имеющегося у творческого гения. Чем глубже страсть и чем реальнее осознание ответственности, тем более обдуманно человек будет начинать войну за свою идею, тем меньше он будет озабочен враждебностью, тем меньше он будет в последнем бою придавать значение своей собственной жизни, ценность которой для него может быть измерена только достигнутой целью. Конечно, он всегда должен будет учитывать, что с его жизнью закончится и борьба за претворение в жизнь его идей. Потому именно ради претворения в жизнь своей идеи он вынужден поступать со своей жизнью обдуманно и на революционную силу своей страсти надевать поводья прозорливого мышления. При этом он ни в коем случае не становится одним из многочисленных тактиков жизни, для которых личный успех — всё, а идея — ничто.

Великие люди всегда являются революционерами, потому что именно те новые идеи, которые они несут миру, должны вызвать волнение и переворот. Они вынуждены находиться в эпицентре ненависти поборников спокойствия и всех кругов, заинтересованных в сохранении прежнего порядка. Опять же, великие люди должны, если они не хотят предать свою собственную идею, не оглядываться на прежний порядок и его защитников, потому что их пронизывает стремление реализовать то новое, что они придумали.

Духовная борьба, на которую они себя сознательно обрекают, вначале направлена на то, чтобы поднять хорошо осознанную ими идею с уровня «я» до уровня «мы». Это означает привить эту идею как можно большему количеству представителей народа в качестве их личного душевного стремления и желания, с целью в итоге привить эту идею всей нации и тем самым создать новую точку зрения, а по возможности новый порядок. Так будет найден обязательный для исполнения всеми закон, и настанет исторический момент нового жизненного порядка нации! Только что бывшая личной враждебность, с которой из-за своих смелых мыслей столкнулся одинокий творческий человек, теперь превращается во враждебность целых народов и групп народов к проникнутой этой идеей нации. Тем самым приближается час войны.

Так как для связанных традициями людей любое нововведение является святотатством, то миру либо сытых, либо угнетаемых тиранами народов может показаться, что проникнутую творческой страстью нацию пора уничтожить.

Протест ценящего спокойствие окружения главным образом направлен на творческих неугомонных «еретиков», и этот протест главным образом облачен в благозвучные, зачастую религиозно окрашенные фразы.

Бисмарк сказал: «*Когда я слышу о моральном возмущении, я знаю, что я на правильном пути*».

Великие люди уже не могут быть пацифистами: им пришлось бы отказаться от претворения в жизнь своей идеи, но тогда бы они лишились характера великих людей и вынуждены были удовлетвориться шутовским одеянием мечтателя. Любая реальность, напротив, означает борьбу и войну в какой-либо форме. Ведь жизнь вообще не знает абсолютного мира.

Наше поколение прошло через неудачи небывалого масштаба, продолжавшиеся свыше столетия: оно пережило и выстрадало на собственном опыте, что означает отказаться от вершащих историю великих, непримиримых людей и страшиться смелых мятежных мыслей.

Лишь в лице вождя нация вновь обрела того великого человека, который смог стать символом и источником силы для общей жизни. Но вместе с ним нация получила новую волю к жизни, выражающуюся в борьбе за право на жизнь. Эта борьба за право на жизнь вновь наталкивается на воинственную враждебность всего мира. Представители нации, осознанно проживающие данный исторический момент и признающие закон нации, проникнуты источником силы — волей вождя. Исполняя свой долг, они исповедуют преданность, существующую только там, где люди своим разумом и сердцем желают и могут осмыслить и прочувствовать идеи великого человека. Его смелая мысль вызывает в них огромную перемену, изменяющую и переворачивающую всю жизнь. Но новая жизнь подчинена закону войны! Ницше писал:

«*Я приветствую любые признаки того, что начинается мужественная, воинственная эпоха, которая прежде всего вновь возвеличит отвагу! Сейчас для этого нужно много подготовленных, храбрых людей, которые, однако, не могут возникнуть из ничего: людей, которые умеют быть молчаливыми, одинокими, решительными и довольствоваться неприметными деяниями; людей с внутренней склонностью во всех вещах искать то, что в них необходимо преодолеть; людей, кому веселость, терпение, простота и презрение к большой суетливости присущи так же, как отвага в бою и снисходительность к мелкой суетливости всех побе- жденных; людей с острым и свободным суждением обо всех победителях и доле случая в любой победе и славе; людей с собственными праздниками, буднями, траурными днями, привыкших уверенно повелевать и одновременно подчиняться там, где это требуется: и в том и в другом случае одинаково гордых, одинаково служащих делу; более опасных, более плодотворных, более удачливых людей; ибо, поверьте мне, — постигать тайну бытия означает жить рискованно!*»

В войну качества характера имеют больший вес, чем качества ума.

— Мольтке.

Никогда не попадавший в крайнюю нужду человек не сможет прийти к пониманию своей собственной сути. Безопасность надежного и гарантированного во всех отношениях бытия, сытый комфорт бездумного потребления не только губят тело и дух, но прежде всего не дают развиться душевным силам. Спокойные времена усыпляют и являют душе сытого мечтателя желаемые образы, не существующие в реальности.

Спокойная жизнь создает свою меру нереальности: хорошо все, что приносит удовольствие, плохо то, что приносит волнение. Что помогает мечтать, то приятно, что приносит пробуждение, то дурно. Как зависимый от опиума постоянно мечтает о том, чтобы иметь доступ к вызывающему фантазии средству, так жаждущий спокойствия погружается в те нереальные мечты, которые должны переосмыслить жизнь. С помощью мечтаний он стремится устранить действительность, изгнать борьбу и трагедию, холод и страдание из своего бытия, а также из мира, поскольку он воспринимает свое личное бытие как содержимое всего мира.

Действительность следовало вытеснить иллюзорным миром мечты и игры. Чтобы найти моральное оправдание произвольно созданному миру нереальности, чтобы представить его как лучший — возможно, как настоящий мир, — было выдумано упрощенное и пошлое искусство. Это искусство должно было служить заменой жизни — такой, какова она в действительности.

В мире нереальности ценно только то, что может поддержать состояние счастья. Но мир — это вовсе не рай, где прогуливаются влюбленные пары!

Реальность жизни — какие бы образы ни рисовали себе глупцы — наполнена борьбой, нуждой и страданием, и для того, кто идет по свету с открытыми глазами, не представляет собой ничего ужасного, потому что любое возникающее препятствие пробуждает силы преодоления.

Перед лицом препятствий страх испытывает только человек, чувствующий себя слишком слабым, чтобы преодолеть их, или просто слишком трусливым, чтобы подступиться к ним.

Пробуждение от сладостных мечтаний приносит такому соне разочарования. Прозаичность мира кажется ему отталкивающей по сравнению с роскошью мечты. Но когда грохот военных орудий вырывает его из мирного сна, то ему может показаться, что он слышит трубы Страшного суда. Чем крепче был сон и чем дальше он уводил от действительности, тем катастрофичнее будет пробуждение к реальности.

Далекий от реальности человек из-за своего извращенного ума также не сможет защититься от гибели— скорее всего, он коленопреклоненно будет бороться за милость угрожающего ему «бога».

Если мир фантазий создал собственную систему ценностей в соответствии со своей потребностью в спокойствии, то реальному миру известны совсем иные ценности — ценности ума и сердца. Когда их мобилизуют, они дают людям силы начать многообещающую борьбу с враждебным окружением и так называемой судьбой, и благодаря отважной атаке превратить судьбу в историю.

Благодаря своему характеру осознающий действительность человек не зависит от постоянно влияющего на мечтателя окружения.

Характер нордической расы — именно вследствие понимания воинственной реальности жизни — является в самом глубоком смысле мятежным.

Нордический человек не является рабом своего окружения: окружающий мир лишил бы его всего уже из-за своего климата. Поэтому он, если желает выжить, вынужден постоянно бороться, защищаться, постоянно придумывать что-то новое, чтобы благодаря усилению своей воли к жизни совладать с несчастьями. Необходимость самоутверждения приводит к необходимости действия. Воля приводит к формированию своей личности.

Уже нордически мысливший греческий философ Гераклит примерно 2500 лет назад признавал, что характер определяет судьбу человека.

То, что происходит в жизни отдельного человека, повторяется в жизни всего народа: если он располагает достаточным количеством волевых личностей, то всегда справится с враждебным окружением и не погибнет в хаосе безысходности.
Именно в тяжелые времена народ, воинственно восстав, накладывает на свое окружение печать своей незаурядной воли.

Таким образом, именно война является лучшей школой личности, так как бедствие мобилизует все силы воли, чтобы совершить необходимое.
Самоотверженность вытекает из мировоззрения, а из самоотверженности возникает освобождающее деяние.

Во время войны выясняется, достаточно ли сильны в отдельном человеке и во всем народе великое мышление, основополагающая идея, чтобы оказать сопротивление натиску враждебности и ненависти. Как отдельный человек, так и народ поставлены перед выбором, хотят ли они начать борьбу за свободу, жизнь и историю, или предпочтут отказаться и погибнуть.

Если в мирное время ценился расчетливый ум и мудрый интеллект, и еще были действительны преимущества безопасности, уверенности и хитрого расчета торговой прибыли, то война учит, что перед лицом реальности блага мира имеют ценность лишь до тех пор, пока у всего народа достаточно сил и стремления защищать их. Если народ ослабевает, то он должен уступить свои богатства более сильной нации и исключить их из своей системы ценностей.

В войну индивидуальные инстинкты накопительства не играют роли. Они также не должны также больше играть никакой роли для народа в целом, если он не хочет попасть в огромную беду. Война требует, чтобы инстинкты накопительства отдельного человека в случае необходимости были подавлены насильно, дабы боевой дух не ослаб.

Война создает новый по своему характеру тип человека. Речь больше не идет о том, умеет ли он видеть и узнавать жизнь с самой приятной стороны. Охотников за богатством, так часто в мирные времена определявших общественную жизнь определенного народа, оттесняет на задний план самоотверженное воинство, преданное идее свободы нации.

Охотнику за богатством воинская жизнь кажется бессмысленной, потому что она опасна и не приносит выгоды. Воин приветствует час опасности, так как он дает ему возможность испытать себя.

Черты характера, которых требует война, основываются на страстной преданности человека той самой нации, которая должна жить, чтобы в свою очередь приобрела ценность собственная жизнь.

Воин осознает, что его жизнь имеет ценность только тогда, когда его нация свободна и сильна. Ему кажется бесславным и потому бессмысленным жить среди утратившего чувство истории погибающего народа. Его честь требует от него принадлежности к нации, стоящей на первом месте в мировом порядке. В своей нации он видит себя: он и его народ составляют гармоничное единство.

Если торгаш и ценящий покой человек замечают лишь обыденную выгоду, то воин мыслит исторически. Но тот, кто умеет мыслить исторически, больше не действует ради обыденной выгоды. Приносимой своей нации жертвой исторически мыслящий воин желает добиться вечности народа. Поэтому свое собственное «Я» воин видит лишь в рамках единства нации.

Но стремящийся к личному счастью и покою человек будет рассматривать смерть как конец своему счастью и потому страшиться ее. Воин знает, что смерть подкарауливает его на любом опасном пути, перед любым решительным поступком. Но так как воин стремится достичь великой цели, свободы и вечности своего народа, то он не может останавливаться на полпути из страха смерти.

Творящая историю сила и личный порыв, заставляющий окружение расступаться, заставляют воина вопреки смерти устремляться навстречу цели.
Поэтому воин находится по ту сторону мелких страхов. Но он не станет неустрашимым в общепринятом смысле — он станет победителем страха. Его мужество состоит в победе воли над страхом.

Стремящийся к безопасности человек думает, что жизнь воина безрадостна, убога, бедна и потому совершенно неприемлема. Но воин даже в час гибели не желал бы променять на буржуазное блаженство свою опасную жизнь, оправдывающую страсти и даже одержимость, протекающую в величайшем напряжении и существующую меж двух крайностей.

Буржуа видит в характере роскошь, которую в этом мире могут себе позволить в лучшем случае могущественные люди или одиночки. Считается общепринятым буржуазным благоразумием отказаться от своей позиции ради выгоды и вместо противостояния окружению «приспособиться» к нивелирующей среде.
Такое мышление свидетельствует об удивительной духовной недальновидности. Удивительной, потому что достаточно часто буржуа гордо считает себя расчетливым и поэтому прозорливым.

Если бы буржуазное мышление было действительно прозорливым, то оно бы пришло к выводу, что приспособление к среде глупо и в конечном счете бесполезно: ведь тот, кто приспосабливается, увлекается водоворотом судьбы и уносится туда, куда его повлечет слепой случай. Только там, где характер развивает все защитные силы воли и души, человек крепко стоит на ногах в водовороте событий и может лично управлять кораблем своей жизни.

Сформированная с помощью характера личность из-за своей сознательности находится за пределами случайности.

Бессильно поддающийся произволу судьбы человек однажды начинает сетовать на неблагодарность жизни. Жизнь является не милостивой или немилостивой силой, а поставленным перед человеком предназначением — предназначением, которое он должен исполнить, или же оно его погубит.

Если бы война с ее невзгодами не научила людей совершать необходимое, то никогда бы не стали известны те удивительные проявления выдающегося человеческого самообладания, а ложь и притворство оправдали бы мнимое благоразумие предприимчивых буржуа.

В старой прусской армии существовал обычай заставлять в бассейне даже не умеющих плавать прыгать с вышки в воду глубиной в несколько метров. Унтер-офицер хотел увидеть, как рекрут будет двигаться в чужеродной стихии и насколько хорошо он, преодолев момент испуга, справится со страхом. Этот кажущийся варварским эксперимент свидетельствует о большем знании человеческой души и более глубоком почтении к ценностям характера, чем недоброжелательные критики с их пацифистским подходом когда-либо желали это признать.

Когда Бисмарк говорил «*Давайте, так сказать, посадим Германию в седло, а уж скакать она сможет*», то он говорил как учитель политики, основывающейся на характере народа. Посадить немецкий народ в седло могли только войны. Но война неизбежно должна была навести на глубокое размышление о присущих народу ценностях. Это размышление в свою очередь должно было привести к замене буржуазной картины мира воинствующим мировоззрением. Новое мировоззрение сформировало новый человеческий тип до такой степени, что самый ценный, творящий историю слой нации смог определять политический курс государства. В понимании Бисмарка это означает следующее: даже в стремительном галопе самообладание удерживает всадника от падения, а воля не допускает отказа от преодоления препятствий или отступления от цели.

Фридрих Великий без крайне опасных и поставивших его перед крайним выбором войн, вероятно, никогда бы не преодолел то состояние счастья, которым он наслаждался в Рейнсберге. Чтобы стать вождем своего народа, ему пришлось решиться на восстание против своего окружения и отрешиться от некоторых столь милых ему настроений.

Суровая действительность войны подтолкнула великого короля к мыслям и действиям, являвшим полную противоположность рейнсбергской атмосфере, а потому большей частью наталкивавшимся на недоуменное непонимание со стороны веселых товарищей по тем радостным и безмятежным годам.

Однако характер Фридриха сформировался не Рейнсбергом, а бедами и опасностями, и не в последнюю очередь болью от войн, которые порой доводилось проигрывать.

Граждане Германии достаточно часто подвергались опасности, чтобы в сытые времена забыть меру жизненных ценностей или обмениваться восторженными идеями. Немец склонен к оторванной от жизни мечтательности — впрочем, создавшей много неоспоримо прекрасного, в особенности в области искусства.

Но жизнь основана не на красоте, а на реальности. Критерии прекрасного придуманы только человеком!

Грохот военных орудий нарушает иллюзию мира и мечту о красоте, а добровольно отдавшие себя войне люди в ходе ее обращаются к сознательному существованию. Но стать сознательным для воинственного человека означает то же самое, что быть простым и прямолинейным в мыслях и поступках, отказаться от сказочно красивых отговорок и многословных оправданий.

Если у стремящегося к безопасности человека есть тысячи причин не только избегать долга, но даже восславлять это дезертирство от жизни как «высшее благоразумие», то воин решительно и безоговорочно приступает к решению возникающих перед ним проблем. Упорство является самой яркой чертой воинского характера.

Буржуа имеет обыкновение «умно» говорить учеными словами и проводит свое время в болтовне. Воин скуп даже в речах и пытается даже собственные фразы лишить любого украшения, любого ненужного балласта. Поэтому воинственный характер отражается в суровой, скупой на слова командной речи, кажущейся эстетскому слуху просто безобразно скучной. Суровый и четкий ход мыслей воина так же отталкивающе действует на тех граждан, которые свой мир фантазий считают «наилучшим», не признавая или, вероятно, даже не подозревая, что этот мир фантазий, а также все буржуазное существование возможно только потому, что перед мечтателями выстроились защищающие их ряды воинов.

Именно во время войны все еще изображаемые варварскими первобытные ценности народа оказываются спасительными и оберегающими: народ, во времена великих потрясений более не берущийся за меч и даже презирающий воинственное поведение как проявление давно побежденного варварства, по праву должен погибнуть, потому что ему нет места в жизненной реальности.

Ничто не воспитывает человека так быстро, как война.

— Гнайзенау.

Согласно известной буржуазной точке зрения война очерствляет человека.

Представим же себе «несчастье»: изнеженный, избалованный, капризный отпрыск из зажиточной семьи, которая могла подарить своему любимцу все, что можно приобрести на земле за деньги, по приказу государства вынужден отказаться от модной одежды и надеть потрепанную непогодой, в заплатах, пахнущую порошком от моли, а очень скоро и потом, униформу. Ему выдают тяжелые сапоги, толстые шерстяные носки, он должен носить стальной шлем, своими изнеженными, не привыкшими к работе руками обращаться с оружием и шанцевым инструментом и — что кажется самым ужасным — безоговорочно подчиняться приказам совершенно «необразованных» начальников. Его товарищами становятся люди, не имеющие понятия об эстетской болтовне и совсем не уважающие буржуазную традицию! Если внутри этого молодого буржуа еще существует прочный стержень, то он очень скоро проникнется духом войны и будет вспоминать о своем прошлом только с насмешливой улыбкой. Сам он не чувствует себя «очерствевшим» из-за своей солдатской жизни, он лишь производит на своих непонимающих родных досадное впечатление. То, что буржуазное окружение считало прекрасным в смысле лишенной обязанностей, безыдейной, эпикурейской жизни, прошедшему через войну человеку кажется отталкивающим, достойным презрения, отвратительным.

Настоящий воин не «очерствел» в смысле бесчувственности, отсутствия понимания прекрасного — просто он обрел другие критерии. Он больше ни в грош не ставит сентиментальность, он презирает всё «милое». Но зато ему дороги неповторимость переживания, опьянение атакой, грандиозность ужаса уничтоженной огнем местности. Он никогда не забудет ужасные картины горящих во тьме ночи деревень. С величественными зрелищами разрушения к нему приходит осознание потенциала любви и ненависти целых народов. Он смотрит на мир неподкупным взором и по ту сторону ничтожных умонастроений буржуазной повседневности распознает движущие силы мира. Поэтому сознательный солдат благодаря своему военному опыту теряет мечтательный вопрошающий взгляд мальчика и приобретает жесткий, направленный в будущее пытливый взгляд, кажущийся буржуа враждебным и холодным. Постоянное напряжение, постоянное самопрсодоление заставляет губы сжаться, а зрелище нужды и страданий, переживание ужаса придает резкость чертам лица, становящегося от этого более угловатым — штатские люди назвали бы его более грубым.

В буржуазные времена «образованным» считался человек, многому научившийся и много читавший. Но его знания большей частью имели теоретическую и гипотетическую природу, и для такого рода образования характер ему был не нужен. Война образовывает человека в смысле нового воспитания через познание действительности. Такое воспитание предполагает знание реальной жизни и требует полного самообладания, достигаемого при помощи воли.

Буржуазная умиротворенность всегда заканчивается цивилизацией, обеспечивающей по возможности любую роскошь, сводящей к минимуму любую работу и усилие, призванной сделать бытие комфортным и обеспечить людям уютное существование. Машина рассматривается как замена рабочей силе и постепенно делает ленивого человека своим рабом. Война, напротив, требует мобилизации всех сил и заставляет человека вновь стать хозяином техники, которая в целом осознается как гениальное оружие. В войне больше нет роботов, человекоподобных единиц, которые можно тасовать как угодно, но есть мастера военной машины, мужчины, могущие довести владение машиной до просто необычайного совершенства. Дело не в пулемете, а в человеке за пулеметом, дело не в танке, а в его экипаже, дело не в торпеде, а в том, кто стреляет ей по цели.

Таким образом, именно во время войны солдатская масса лишается анонимности и превращается в энергию множества страстных, настроенных на уничтожение и победу личностей.

Поэтому именно революционные армии становятся вершителями народных судеб, а вовсе не ограниченные бескультурные массы.

Благодаря самодисциплине военный человек становится неприхотливым: по этой причине ему удается сделать свою нацию еще более требовательной. Даже все претензии, предъявляемые буржуа к жизни, будут поставлены на службу нации. Буржуазная точка зрения, согласно которой индивидуум с его потребностью в счастье является всем, уступает признанию того, что отдельный человек в сравнении с нацией не является чем-то большим — он ничего не значит, не может ничего сказать и тем более потребовать.

Прошедшее войну поколение, очищенное опытом лишений, потерь и побед, может никогда больше вернуться в то состояние, от которого оно однажды очнулось. Не признающее этого государство рано или поздно испытает солдатскую революцию, так как солдат как преображенный духом и оружием человек требует, чтобы государство стало сознательным носителем вновь обретенного мышления.

Поэтому в истории революционные войны всегда были решающими и созидательными.

Верно, что плата человеческими жизнями, которую на войне должен принести народ, ужасна, а жертвы войны всегда невосполнимы. Но воспитание, получаемое народом в войну, столь ценно и столь же необходимо, что война по большому счету приводит к обогащению духовной сущности нации.

Жестокая история немецкой нации, неоднократно втягиваемой темными силами в истребительные войны ужасного масштаба, убедительно доказывает: хотя Германия достаточно часто почти погибала от потери крови, но оставшаяся часть народа оказывалась настолько закаленной, что она становилась точкой кристаллизации будущего подъема.

Этот подъем постоянно осуществлялся революционным путем и разрушал сковывающие панцири, созданные враждебным окружающим миром. В усталые времена буржуазного эстетства Германия охотно удовлетворялась «образовательным идеалом», который в последнее время был провозглашен «вторым» и «третьим» гуманизмом. Духовная родина, отражавшая этот идеал, была нереальной, хотя и «прекрасной».

Однако к настоящему немецкому образовательному идеалу относится готовность к войне — единственная вещь, способная оградить нацию от увлечения мечтаниями. Это ни в коем случае не означает, что воин должен отказаться от того, чтобы путем учения и напряженного духовного труда получить глубокие знания и неотъемлемый опыт. Как раз воин и будет все яростнее стремиться к духовному и душевному познанию, ибо он понимает, что после этого его борьба за свободу станет более упорной.

Таким образом, образовательный идеал воина является идеалом свободы, использующим образование как оружие. Война требует мобилизации всех ценностей с точки зрения их тотального применения для достижения цели. Отпечаток войны на человеке заставляет его осознать, что мир в ходе своей истории движется и формируется великими идеями. Так воин посредством реального опыта получает картину мира, помогающую ему создать мировоззрение.

«Цивилизованный» человек испытывает глубокое отвращение к смерти, крови и разрушению, а также непреодолимый страх перед ними. Разговорами он надеется изгнать из боязливых душ реальность войны. Так он противопоставляет теории реальности и даже берет на себя смелость не считаться с реальностью. Воин на реальном опыте усваивает, что уничтожение может и даже должно служить доброй идее, и гибель старого является предпосылкой для существования нового.

Он не может и не желает говорить или спорить об этом со штатскими!

Война делает его настолько волевым, что во всем своем поведении, мыслях и стремлениях он становится бескомпромиссным.

Благодаря опыту войны и суровой действительности он переживает второе рождение, лишающее его приюта в старом мире и одновременно побуждающее его построить новый мир в согласии с его душой, характером и волей. Так получается, что революционная эпоха начинается преимущественно после войн, не бывших явно революционными.

Изменившийся и воспитанный войной человек не может вернуться на остающуюся нейтральной родину и после многолетнего отсутствия вернуться на то место, где он некогда принял важнейшее решение своей жизни так, как будто бы ничего не произошло.

Там, где существует разница между ведением войны и политикой, где полководец и государственный деятель находятся в разных лагерях, дойдет до революционных столкновений. Поэтому политику, руководителю государства, одновременно не являющемуся полководцем, никогда нельзя вступать в длительную войну. Но точно также ни один солдат не должен стоять в стороне от великой политической идеи своей нации. Ведение войны должно оставаться высочайшей политической задачей и воины могут и должны быть фанатичными поборниками политической идеи своего народа. Там, где эта цельность не достигнута, однажды возникнет хаос, длящийся до тех пор, пока ставший политиком воин и воинственный политик не посодействуют новому порядку.

Когда эмоционально захваченный войной человек вступает в борьбу, он не думает о защите сегодняшних или вчерашних ценностей. Он должен верить в лучший завтрашний мир, если он стремится до последних дней длительной войны сохранить те эмоции, которые придают ему выдержку и стойкость, а также силы для нового наступления.

Свобода не падает как манна с небес: сытые и ленивые народы ведут лишь бесцельное сонное существование, от которого их однажды пробудит грохот разгрома. Свобода до сих пор достигается кровью и сталью. Как боги требуют пота для достижения цели, так же они заставляют призванного к свободе человека брести по морю слез и крови.

Вполне вероятно, что посреди ужаса воин время от времени для отдыха рисует в душе оазисы изобильного мира. Но в глубине своей души он понимает, что любой из этих оазисов является фата-морганой. Иногда он думает о сне, веселье, удовольствии, но когда он возвращается с поля боя, то уже через несколько дней радость от удовольствия отступает, и это побуждает его привести в порядок, заново выстроить и усовершенствовать на свой лад окружающий его мир.

Жизнь без упорства, стойкости, страсти, храбрости кажется ему «некультурной», то есть аморфной, бесцельной, бесславной и бессмысленной.

Народ, ведомый на войну, желает развиваться, а не погрузиться после взлета в состояние сытого спокойствия. Если однажды народ усвоит, как берут верх, как вершат войну, тогда он перерастет старый жизненный уклад благодушного мира и захочет признать только мир выдающегося успеха.

Наш народ не обрел покоя ни после освободительных войн 1813 года, ни казавшейся безуспешной кампании 1918 года. Мировая война 1939 года также не принесла ему удовлетворения.

Лишь с помощью мерил мировой истории мы сможем оценить, что это значит, когда вождь одновременно становится главным полководцем нации. Он является гарантом того, что воспитываемая им
нация даже при будущем свободном мире
останется глубоко воинственной.
Те остатки спокойствия и цивилизованной погони за счастьем, что еще имелись в немецком народе, будут этой войной стерты, а конец войны станет рождением нового немецкого революционного типа человека, который создаст свое Отечество в могущественной империи своего волеизъявления.

Из-за войны станет беднее население, но не народ: нация победит благодаря своей исторической творческой силе и в течение нескольких лет с помощью привычного ныне напряжения всех сил наверстает все, что было упущено и отсрочено из-за войны в области строительства и культурных достижений.

Война пе лишает честную нацию плодов ее труда, но обеспечивает ей в мирное свободное время во много раз больше сил.

Опыт этого военного похода множество раз учил нас, что мы потом должны были искупить кровью то, чем по большей части пренебрегали из-за бездействия.

- Гнайзенау

Одной из худших душевных болезней является склонность идти на компромиссы с устоявшимся порядком и окружением и останавливаться на полпути к цели. Тщеславная гордость от достижения пусть не всего, но по меньшей мере чего-то малого является опасным самообманом, с неизбежностью обрекающим человека на духовную смерть.

Удовлетворенность является одной из черт буржуазной морали, в конечном счете ради «мира любой ценой» отрекающейся от себя самой. Довольный собой человек признает свою неспособность стать господином самому себе из-за бунта своей воли, и если он этим удовольствуется, то силы окружающего мира отведут ему место, где он станет безвредным, неопасным, не имеющим никакого влияния и в конце концов откажется от творчества.

Кроме того, отказ от своей воли преподносился как религиозная добродетель. Человек ошибочно считал себя благочестивым, терпеливо ожидая того, что преподнесет ему небо. Он позволял «господствовать любимому богу» и принимал любую проистекающую из человеческой немощи печальную судьбу как благословенное божье наказание, которое должно служить спасению души.

Но не случай руководит участью людей, а человек несет в себе меру своей судьбы. Он и никто другой полностью несет ответственность за свою жизнь и свои успехи. То, чего достигает человек, зависит не от милости или немилости, благословения или проклятия какого-либо бога, а от стойкости и несгибаемости его собственного характера.

Но чем более развит, сознателен и деятелен характер, тем сильнее будет человек ощущать потребность в развитии своих качеств, в претворении своих идей в жизнь. Для личности потерянный день, проведенный в мечтаниях час невосполним, так как время для деяния оказалось потраченным впустую. Потому среди людей с характером не найти бездельников и лентяев. Настоящий успех всегда был вызовом чести.

Именно поэтому в жизни воина не бывает состояния скуки, которым грешат буржуа. Тот, кто проникнут великой идеей, не имеет времени для болтовни, он не ограничивается полумерами и даже не имеет дела с незрелыми людьми — это одна из причин, приводящих творческих людей к одиночеству.

Передышки, которые даст себе творческий человек, служат для размышления и накопления сил, переосмысления достигнутого и предвидения еще оставшегося до цели отрезка пути.

Проникнутый великой идеей человек с твердым характером движим страстью к совершенству, кажущейся буржуазным умам демонической. Он не может бездействовать, он не может быть спокойным. Столь часто расхваливаемые тихие люди относятся не к воинственной расе, а к буржуазному миру отречения. Они хотят просто быть «добрыми», и это всё. В таких «добрых людях», вероятно, нуждается повседневность — но созидательная жизнь отрекается от них.

Теория ханжеского пассивного отношения к жизни могла возникнуть только в буржуазном окружении, проводящем жизнь в буколических мечтаниях. Слишком слабым утешением было бы представить отказ от борьбы как «покой в Боге» и жить с чувством благодарности в воображаемой мирной красоте. Пасторали и хороводы на цветущем лугу украсили бы прелестными звуками и милыми картинами воинственную серьезность человеческого бытия. Заигравшийся человек хотел бы прожить саму жизнь как фантасмагорию. Это уже был бы не он сам, а всего лишь игрушка в пестрой мирской суете. Его жизнь была бы исторически бесполезной, и он не подозревал бы о том, что является скорее даже не игрушкой, а марионеткой.

Он воображал бы, что милость и немилость зависят от высших сил, и существенную роль в его жизни играет «слепой случай».

Напротив, человек с твердым характером больше не зависит от случайностей, произвола, милости или немилости судьбы и неба. В любой возможной ситуации он решится на восстание, будучи твердо уверенным в своем мире и правильной оценке противников, чтобы оказаться на стороне правды — но это означает занять правильную позицию, добиваться справедливости. Таким образом, в своей основе личность действует верно!

Все допущенные человеком ошибки кроются в половинчатости, а заблуждение господствует там, где меркантильный ум отвлекает характер и инстинкт от цели в расчете на скорую выгоду.

Трусливая осторожность, стремление удовлетворяться малым зачастую приводит человека к отречению из скромности от хоть и сомнительной, но все же весьма желаемой цели.

На пути к свободе лежат человеческие развалины и душевные руины незрелых людей, которые от недостатка страсти и твердости характера преждевременно утомились и не устояли перед желанием спокойствия.

По-прежнему извлекать нравоучения из означающей отречение нетребовательности означает руководствоваться все тем же декадентским буржуазным мировоззрением.

Тот, кто не убивает своего врага окончательно, должен рассчитывать на то, что тот снова нападет на него, когда залечит свои раны. Поэтому нерешительные народы всегда гибли от своей половинчатости, приводившей к неисторичности.

Сделать последний шаг является глубочайшей мудростью жизни! Даже в жизни отдельного человека после преодоления бесчисленных соблазнов и искушений, устранения всех замаскированных моралью ограничений цельности нелегко достигнуть единства воли и действительности. В жизни народа, состоящего из миллионов индивидов, это несравнимо труднее.

Из массы населения невозможно с помощью воспитания создать миллионы цельных людей, миллионы настоящих характеров и личностей.

В созидательные моменты нации один из великих людей становится во главе народа и силой своей выдающейся воли ведет весь народ к решительному деянию, сосредотачивает вокруг себя личностей нации и при помощи сплочения людей воли выводит народ на путь к свободе.

Последняя тайна государственной мудрости состоит в том, чтобы наполнить лучших из народа страстным нетерпением, которое вновь и вновь рождает энергию для непременного достижения цели.

Громадная ответственность вождя перед историей состоит в совершении того, что требуется для завершения освободительной борьбы народа. Представляющий волю нации к свободе вождь понимает исторический момент и принуждает свой народ к решительному деянию. Народ, из недр которого возник вождь, доверяя его характеру и непоколебимой воле, позволяет подвигнуть себя на все новые усилия, направляет на него все устремления и именно с помощью оказанного доверия наполняет его сознательной энергией для завершения деяния.

Понимая реальность исторической жизни, объединенная доверием к вождю нация лишается страха крови и страданий настоящего и возвышается до величия идеи о будущей свободе, которую можно завоевать благодаря решительному использованию возможностей и велений настоящего, лишь отказавшись от всего половинчатого.

Свобода — это та единственная цель, та цельность, ради которой люди становятся личностями, а личности из народа — настоящими властителями.
Пробил час истории — если пренебречь им однажды, второго раза не будет, ибо жизнь невозможно повторить.

Горе нерешительному, и горе тому народу, который не осознает своего предназначения.

Общие опасности пробуждают общую храбрость: так они создают самый благородный мужской союз — дружбу.

- Гердер.

В мирные времена личная потребность граждан государства в счастье играет значительную, если вообще не первую роль. Личный мир со своими мелкими стремлениями, своим эгоцентрическим ходом мыслей, своими радостью и страданием кажется самым важным и определяющим, и счастливому в своей безопасности человеку редко удается обратить свой взор к великому, обязывающему, всеобщему.

В лучшем случае инстинкт мобилизуется ради обеспечения личного жизненного фундамента, достижения личной выгоды. И как только большая часть ограниченных целей насыщения, безопасности и материального обеспечениядостигнуты, инстинкт вновь засыпает, и кажется, что бытием завладели чувства и настроение. Капризы меняются как тучи под солнцем. Окружающие люди оцениваются крайне субъективными мерками их полезности или вреда для личного благополучия. Междоусобная конкурентная борьба полностью отнимает все имеющиеся небольшие силы.

Под «повседневностью» защищенный человек понимает постоянную борьбу за свои жизненные гарантии. Если у такого защищенного человека есть мечта или стремление, поднимающие его над «повседневностью», то он ощущает потребность в красоте и чувствует себя «эстетом». Таким образом, над областью повседневности он дополнительно создает себе область искусства, мир «прекрасного». Музыки, поэзии, живописи, скульптуры ему достаточно, чтобы дать своей жизни новый толчок. «Прекрасным» называется все то, что заставляет умы не погрязнуть в «повседневности».

Искусство считается проявлением «лучшего мира». Весь мир кажется защищенному человеку в лучшем случае суммой всех личных миров, а политика должна обеспечить поддержание личных миров в гармонии со всем миром.

В великие судьбоносные для нации часы, наоборот, рождается понимание, что по сравнению с историей народа личные сферы основаны только на воображении, что они являются созданием сердца, в лучшем случае ума. В час принятия решения «чувства» недостаточно, чтобы оценить реальное событие. И вот человек принимает решения, демонстрирующие, в состоянии ли он покинуть свой личный мир, перерасти, пересилить самого себя и возвыситься до мира свободы и самоотверженного деяния. Ничто не объединяет так сильно, как осознание того, что ты вместе со всем народом подвергаешься общей огромной опасности.

Объединяющая общество сила слова «мы» пробуждается, и осознание обоюдной взаимосвязи процветания и гибели позволяет преодолеть все индивидуальные препоны собственности и привилегии. Благодаря вызванному опасностью сплочению эти бесплодные пустоты индивидуализма устраняются во имя единства направленной на защиту права на жизнь народной воли.

В мирные времена эту народную волю очень часто совсем нельзя или почти нельзя почувствовать. Пристрастия людей вращаются вокруг личных целей. Война как величайшая непосредственная опасность, наоборот, заставляет заново признать связующее и обязывающее. Кровь и раса вновь воспринимаются как основы защищаемой народности, языка и обычая, а Родина и отечество из чуждой идейной сферы возвращаются в реальность борьбы.

Вновь обнаруживается, что быть немцем является предназначением, которое следует исполнить, что государство может обеспечить своим гражданам не полную безопасность, а лишь гарантию того, что сможет заступиться за этих граждан.

Только что считавшиеся конкурентами за счастье соотечественники во время войны оказываются товарищами по одному и тому же несчастью, носителями одной ответственности.

Но там, где из-за сплочения, вызванного необходимостью, возникает желание сплочения из-за понимания и симпатии, возникает товарищество как дружба решительных мужчин, которые умеют использовать характер как оценочный инструмент и, полагаясь на надежность друг друга, вступают в борьбу с опасностью.

Только что казавшаяся, возможно, условной или случайной связь народной общности теперь представляется товариществом тех, кто проникнут одинаковой волей к борьбе, одинаковой мечтой о свободе и признает основной закон обязывающей, единой крови.

Кто однажды в час опасности нашел мужество для решительного деяния и тем самым прошел через ворота свободы, даже в старости, исполненный гордости, будет помнить тот великий час своей жизни. Он и в мирные времена, когда от него потребуются самостоятельные решения, сделает этот исключительный поступок мерилом всех возникших перед ним трудностей.

Так как война требует окончательных решений и побуждает людей бороться с личной опасностью, она способствует развитию характера, души и духа.

Преодолевший огромную опасность человек обретает великую уверенность в себе, и эта уверенность выражается в большом достоинстве, когда делом чести является не только не уклоняться от возникающих опасностей, но и сознательно идти им навстречу. Невозможность отступиться из-за чести является величайшим импульсом для мобилизации еще более могущественных душевных сил.

Поэтому любое фронтовое поколение является более страстным, решительным, деятельным по сравнению с поколением не привыкших к борьбе людей.

Дружба тех, кого выковала и закалила война, представляет собой формирующую натуру силу: отдельный человек приучается к упорству, а воинство в целом растет духовно.

Кто однажды прошел проверку на надежность и неподкупность, захочет в ближайшем будущем удостоиться доверия товарищей, а ничто так сильно не обязывает, как выказанное доверие! Ни один закон не может так устрашить угрозой наказания, как презрение товарищей, и ни одна похвала, ни одна награда не может воздействовать так поощрительно, как призыв, ободряющее слово или лишь только одобрительный взгляд товарищеского круга.

Сформированные войной мужчины, держащиеся вместе благодаря неразрывным узам вызывающего доверие опыта, узнающие друг друга по слову, взгляду, жесту, интонации и присущей настоящему воину иронии, являются вечно живой совестью нации и довольно часто бывают мятежными или даже революционными исполнителями народного желания развития, так как они ни в коем случае не лишаются полученных ценностей и знаний, и хотят видеть их обязательными для всех.

Родившееся на войне товарищество приводит к политической дружбе, которая именно в мирное время стремится развивать духовный закон вечной войны. Поэтому каждое военное поколение будет своим поступком, или по меньшей мере своим примером в значительной степени влиять на историю.

Хотя ни одно государство не будет ценить войну ради войны — против этого говорит обязанность сохранения и сбережения сущности народа, — но оно будет считать всемерно необходимым воинское воспитание как предпосылку пробуждения и усиления воли к жизни.

Поэтому оно будет чтить солдатскую традицию при помощи того, что постоянно будет хранить в памяти военные воспоминания, а в почитании героев будет видеть единственную подобающую религию, возникающую из расового, а потому воинского мировоззрения.

Оно сотворит добро, давая в мирное время мужчинам возможность по меньшей мере раз в жизни вернуться к тем местам, где они сражались, истекали кровью, преодолели страх и нашли уверенность в своих собственных силах. Оно увидит, что в этих местах раздумий мужчины обнаружат в себе новую силу, возникшую решимость и обновленную волю для борьбы в мирное время. Хватит топить воспоминания о войне в разговорах, хватит их смягчать даже национально приукрашенным пацифизмом.

Поэтому совершенно неправильно перевозить на родину павших на войне! Сын должен будет однажды отправиться в путь, чтобы на могиле своего отца научиться понимать войну и побуждающую идти на жертву победу. Связь, впоследствии объединяющая его с молодым человеком, также стоящим у могилы своего отца, соединяет с историей и судьбой нации прочнее любой теории.

Товарищество воинов приводит также к дружбе сыновей. Поэтому почитание героев имеет неизмеримую политическую ценность.

Никогда не следует стирать все следы войны. Подобно существующим заповедникам по понятным причинам следует сохранить особенно отмеченные войной ландшафты.

В варварстве военной действительности есть и своя красота! Но ее стоит любить не только из-за этой красоты, а ради ее великого, воспитывающего душу потенциала. Изнеженному роскошью утонченной цивилизации человеку отвратительна мысль о суровой солдатской жизни. Картины дружелюбного и безвредного мира, зрелище размеренной череды дней действуют успокаивающе.

Понятия красоты и мирного времени представляются равнозначными.

Чем более цивилизованным и инертным становится человек, тем больше теряет свою притягательную силу воинственный идеал. Именно в буржуазные времена солдат считается прежде всего варваром, некультурным человеком, разрушителем. Ему попросту отказывают в любой душевной и духовной силе.

Однако история учит, что любой предающийся буржуазной роскоши и наслаждению народ, длительно подвергающийся опасностям излишеств — в том числе духовных и душевных — ив итоге неспособный к дисциплинированной жизни закончит слабостью и беспомощностью.

Гибель неизбежна, даже если стараться создать видимость процветания мнимой культуры посредством уродования и коверкания естественного биологического организма народа

«Варварство» вследствие своей самобытности, нерастраченной юношеской силы, отсутствия проблем и упоения битвой настолько превосходит тотальный пацифизм вырождающегося человечества, что способно почти без усилий само преодолевать препятствия, которые цивилизованный человек, напрягая все силы ума, сумел возвести с целью защиты.

Варвары всегда получают наследство погубленных своей усталой цивилизацией народов.

Однако было бы совершенно неверно прославлять варварство как состояние: история учит, что зараженных трупным ядом цивилизации варваров через некоторое время губило полученное ими наследство.

Спор между духом и кровью должен привести либо к переоценке духа и тем самым к его абсолютизации — то есть к упадку, либо к пренебрежению духом в угоду необузданному варварству.

На великом историческом поле битвы одерживает верх лишь тот народ, который признает единство крови и духа, сохраняет свои инстинкты и остается верным заповедям расы, но при этом не только не пренебрегает мышлением, а пропитывает всю свою систему мышления кровью.

Враждебность

Книга VI

Камрад!

Фридрих Ницше, самый храбрый мыслитель нашей расы, был первым, у кого хватило смелости додумать до конца те мужественные и воинственные мысли, которые волнуют наши сердца.

В буржуазно-пацифистской среде одиночка восхвалял опасную жизнь и требовал принять решение вести себя воинственно.

Национал-социалистическая революция полностью изменила немецкого человека, и нам, участвовавшим в войне 1939 года, было позволено ощутить, каких беспрецедентных побед удалось добиться воинственному немецкому человеку под руководством Адольфа Гитлера.

Мы знаем, что наше сокрушительное нападение на массы и машины, на бункеры и линии обороны из стали и бетона было победоносным восстанием воли против якобы непобедимой материи.

Нам было позволено доказать, что душа нашей расы, исполненная стремления к свободе, была в состоянии восторжествовать над тиранами и рабовладельцами старого света.

Мы восстали, чтобы установить в Европе новый порядок: порядок реальности, правдивости. Эта небольшая публикация также служит духовной мобилизации. Она призвана обращаться к камрадам, чьи сердца больше не привязаны ко вчерашнему дню, а с энтузиазмом устремлены в будущее, к Рейху.

Мы хотим обратиться к честным и правдивым, к тем, чья душа больше не отягощена балластом сомнений.

Мы хотим вступить в решающую битву с ликующей уверенностью в том, что нас призовут в качестве первых, кто внесет вклад в развитие немецкого законодательства.

Мы - солдаты фюрера!

Мы поклялись служить фюреру! Фюрер - это Германия, он олицетворяет нашу веру и нашу волю!

Для нас ценнее любого настроения осознание своего долга.
Однако этот долг проистекает из глубокого знания нашей природы и нашей цели.

Здесь растет наша преданность, которая привязывает нас к Фюреру и Рейху. Благодаря этой мысли мы становимся выше самих себя, выше жизненных страхов и выше мелкие заботы - в царство немецких идей, которое является нашей духовной родиной.

Каким ничтожным кажется нам вчерашний день перед величием того, что лежит перед нами.

Эта война хочет возвысить наши сердца и души. Мы утверждаем это по необходимости!

Нам это нравится, потому что это позволяет нам продемонстрировать наше величие, искренность нашей готовности и нашей благодарности.

Да здравствует фюрер!
Берлин, 20 апреля 1941 года.

Наш Мир

На протяжении веков было сказано много слов о любви. И спето много песен о любви.

Безусловно, настоящая любовь способна на многое. Она приносит жертвы, борется и побуждает человека к великим деяниям.

Она заставляет сердце биться чаще, а глаза сиять радостью и осознанностью.

И мы, солдаты, достаточно часто говорим о любви и вкладываем в этот мир всю свою тоску по невесте, по жене, по детям.

Любовь!

В избытке чувств мы иногда думали, что в мире нет ничего более высокого, что можно было бы дать, чем любовь, и радостное настроение хотело вознести нас ввысь к звездам.

Были часы восторга, которые вселяли такие мысли в сердце, часы отстраненности от мира, полного забвения, погружения в мечты.

Когда мы затем снова вернулись в реальность этого мира, мы поняли, что заповедь долга наполняла нас действительно более сурово, но и более честно, и что необходимость могла требовать от нас гораздо больше поступков, чем настроений.

Мы также испытали еще одну любовь, отличную от любви к невесте, к жене, к детям: любовь к нашему народу.

И эта любовь соединилась с желанием видеть народ свободным, сильным, воинственным и счастливым.

Любовь к немцам, любовь к Германии!

Мы включили в её все, что когда-то отражало в нас Родину и честь, готовность к самопожертвованию и стремление к подвигу в сердце и душе, которое мы чувствовали давящим и требовательным. И когда на Германию в очередной раз обрушились бедствие и страдания, стыд и позорище бесчестья, мы страдали эмоционально и физически вместе с нашим народом, потому что мы были связаны с ним любовью и судьбой.

Я думаю, нам, немцам, не нужно слишком много говорить о любви.

Но, наконец, следует избавить нас от слов и понятий “любви”, которые не проистекают из этого мира реальности. Что мы, солдаты, чья любовь к оружию родилась из осознания судьбоносного стремления нашей расы к власти, должны сказать о высказывании, требующем:

Любите своих врагов!?

Уже Бисмарк знал, что нельзя управлять государством, руководствуясь нагорной христианской проповедью, и что мир грез рассеивается перед требованиями реальности. Независимо от того, является ли этот мир грез красивым и дорогим или наполнен ужасом и лживый. Камрады, мы хотим говорить не о любви, а о реальности, из которой родилась наша борьба.

И эта реальность выглядит совершенно иначе, чем тот мир грез, из которого освобождается душа человека, когда раздаются сигналы к бою и когда нужно вооружиться для решающего поступка.

Мы, солдаты, знаем, что наша задача состоит в уничтожении врага. Мысль о необходимости победоносного уничтожения наполняет наши сердца и наделяет нас той безжалостностью, которая необходима для принятия окончательного решения.

* * * * *

Как бы красиво ни звучали речи о “вечном мире”, какими бы заманчивыми и лучезарными ни казались идеи всеобщего примирения нереалистичному мечтателю, столь губительный для реализации подобных теорий на практике.

Мы никогда не забудем осень 1918 года!

Наш народ голодал и страдал; затем сытые демократы “западного полушария” пообещали хлеб и мир во имя культуры, христианства, человечности. Но сначала предполагалось сложить оружие!

И в нашем народе было так много простаков, которые прислушивались к инсинуациям этих христианских масонов и были готовы заключить мир любой ценой.

Вы помните, камрады, как выглядел “мир”?

Вспомните Версаль.

Предполагалось, что диктат покончит с тем, чего не уничтожила война.

В 1918 году война на уничтожение, которую так заискивающе проповедовал враждебный мир, развязанная против нашего народа, всего лишь была поставлена на иную основу, на основу, которая пахла, возможно, еще более страшными опасностями.

Во время Версальского “мирного” соглашения Германия не получила ни дня передышки. Да, один немец, полный отчаяния, в конце концов восстал против другого.

Борьба всех против всех должна была привести к хаосу и окончательно погубить наш народ.

Мы, солдаты, научились внимательнее присматриваться к апостолам мира и снова и снова обнаруживали под овечьей шкурой разъяренного волка.

Мир никогда не станет раем!

Мы не ангелы, скорее люди. И мы также не хотим быть ангелами!

Быть справедливым и честным человеком кажется нам чем-то большим. Но именно поэтому мы готовы признать и увидеть мир таким, каков он есть, а не таким, каким он представляется в умах и сердцах мечтателей, глупцов и пророков.

Нравится нам это или нет, но мировая война - это реальность, от которой мы не можем уклониться, если не хотим затеряться в зарослях фантазий. И тот, кто не хочет отказываться от жизни, кто вместо этого хочет исполнять ее, тот обязан вступить в борьбу.

Этот камрад - наша воинственная жизненная мудрость, которую, на самом деле, ни один ангел не возвещает нам, но это то, чему научил нас сам мир.

* * * * *

Мы не ужаснемся, если признаем, что реальность этого мира не только не наполнена любовью, но и прямо-таки полна враждебности и препятствий.

Нам даже не грустно.

Воспринимать жизнь такой, какая она есть, без лжи, без лозунгов, без жалости - это требование правдивости.

Если знания, которые мы получаем, разрушают старые представления, разбивают идолов, становятся уязвимыми, то это ни в коей мере не вызывает сожаления.

В каждом развивающемся растении, по сути, также есть что-то разрушительное.

Только упадочное “чувство” эмоционально больного человечества могло придумать целые “теологии” по этому поводу, могло распространить толстые покровы “доктрины примирения” по неровным камням реальности – но только в заявлениях, в мыслях, в образах, в концепциях и обманах!

Мыслитель, способный додумать мысль до конца, всегда презирал эти завесы, и действительно, воин, живущий в мире военных действий, вопреки всему, всегда полагался на свой меч!

Уходить от реальности или утверждать ее - вот решающий вопрос нашего времени!

Ложь или правда: здесь мечтатели отделяются от воинов!

* * * * *

“Вы, маленькие дети, любите друг друга!”

Безусловно, красивое утверждение. Утверждение из мира, который, возможно, находится далеко от нашего, мира, которого никогда не видел человеческий глаз.

Если бы люди были “маленькими детьми”, то в этом смысле можно было бы создать по-детски милый мир.

Но людей, при всем их желании, нельзя заставить стать “похожими на детей”.

Во-первых, уже рассмотренное с точки зрения жизненной причинности, состояние детства является проявлением роста и чем угодно, только не жизненным идеалом. Но тогда осознающий человек решительно сопротивляется тому, чтобы приукрасить, обезопасить свою человечность. Не из-за, скажем, сатанинского неповиновения каким-либо “религиозным доктринам”, а просто из-за признания реальности этого мира и этой жизни.

* * * * *

Но как выглядит этот мир?

Является ли он раем, садом безопасности, оазисом, страной молока и меда?
Кто бы ни мечтал об этом, он уже пробудится от этого сна из-за сильного беспокойства.

Мир, каким он представляется нам в своей реальности, - это чередование нападения и сопротивления, упорства и преодоления.

Тот, кто подчиняется условиям, тот погиб!

Простой закон ужаснен только для слабаков.

Неслучайно, что люди – чем больше они приближаются к северным регионам земли – становятся более жесткими, агрессивными и воинственными: они вынуждены защищаться от грубой и негостеприимной окружающей среды, которая – если бы они одновременно не защищались, используя всю силу своих рук и чувств, – убила бы их.

Природа уничтожает человека, который не знает, как защитить себя.
Поэтому ли она жестока?

Дождь иногда надоедает нам, делает пребывание под открытым небом почти невыносимым.
Поэтому это бич человечества?

Или мороз? Буря?

Мы просто должны смириться с тем, что в природе уже присутствуют силы, которые вынуждают нас занять определенную позицию – дружественную или враждебную, – и игнорировать реальность которых было бы признаком неспособности жить, неспособности воспринимать природу такой, какая она есть!

Природа не является ни доброй, ни злой. Она стоит выше таких критериев, которые устанавливают люди, существа, ориентированные на себя. Управляющие им силы – закон – заставляют расти и погибать, прорастать и созревать, и вечный ритм Вселенной не слышит жалоб и стонов.

Человеку необходимо противостоять природе, прийти с ней к соглашению, если потребуется, вступить с ней в борьбу, а в идеале – постичь её тайны и сделать многие её проявления полезными для себя.

Природа тогда будет казаться человеку доброй, если она сможет дать ему не только питание, но и духовные ценности. Якобы “разрушительные” силы природы могут казаться ему “злыми”, теми силами, с которыми он не в состоянии справиться.

Чем бессильнее человек, тем больше “злых” сил природы будет существовать для него.

* * * * *

Мы думаем о борьбе человека с морем.

Является ли море “злом”, если оно разрушает плотины, затопляет плодородные пахотные земли, разрушает деревни и города и убивает людей?

Или человек стал слишком слаб, благодаря работе своих рук и мыслям своего интеллекта, чтобы эффективно и успешно оказывать сопротивление?

* * * * *

Человек оказался способен на беспрецедентное в своем сопротивлении этому состоянию. Он вырвал у природы бесчисленные секреты и использовал их для себя, своего прогресса, своей безопасности. Да, многие якобы враждебные и разрушительные силы, после признания их закона, стали союзниками человека.

Мы отвыкли говорить о “добре” и “зле” в природе. Мы презрительно или снисходительно улыбаемся, если слышим, как примитивные люди высказывают такие эгоистичные “оценочные суждения”.

Мы стали более уверенными в своих силах, следовательно, наша воля к сопротивлению возросла.

Мир как форма проявления природы - это вечное чередование жизни и упадка, а следовательно, нападения, упорства, гибели и становления заново.

Для слабого человека – просто для того, кто не способен мобилизовать волю к сопротивлению, – мир неизменно должен казаться “плохим”, жестоким. Он должен – с его точки зрения, – чувствовать себя постоянно преследуемым. Его планы проваливаются, поскольку они не исходят от сильного сердца и, следовательно, не основаны на страстном стремлении к действию.

Очень быстро слабый человек достигает предела своих сил, но очень быстро ли ослабевают и его мысли?

“Злой мир” сокрушает его!

Он не нуждается ни в его бессильном крике, ни в его безуспешной молитве.

Слабые люди во все века искали “замену” своей недостающей силе. Очень часто они искали и находили это в “религии”, апеллирующей к их слабости, которая обещала им “чудо” вместо дела и отсылала их к “вере” вместо реальности.

Эти слабаки всегда становились сильнее только в своем воображении. Они были не в состоянии изменить “плохой” мир, даже если бы сами говорили или позволяли уговорить себя на это. Но мир тоже никоим образом не “хорош”.

Он таков, каков он есть!

Даже самый сильный человек сам, при самом упорном
сопротивлении и самой страстной атаке, потерпит неудачу, получит раны.
Но он никогда не сложит оружие перед миром и не будет искать утешения во
сне, в чуде. Он никогда не попытается сбежать от реальности по лестнице, ведущей на небеса.

Мир не является ни добрым, ни злым.

В том виде, в каком он предстает перед нами, людьми, он является великим полем битвы,
местом вечной борьбы, вечного конфликта, местом постоянно подстерегающих опасностей.

И мы, носители жизни, должны вступить в эту вечную мировую войну.

Не потому, что мы спровоцировали эту войну, а скорее потому, что мир просто не
предстает перед нами по-другому.

В конце концов, мы также не можем изменить сущность силы природы. Мы не
можем отменить ни один элемент.

* * * * *

Исходя из утверждения этого мира, мы определяем наше местоположение на земле. Это позиция воина, всегда готового к бою, всегда с оружием в руках. Заповедь разума - это не “разоружаться”.

Если лиса в сказке хочет съесть ежа, она сначала убеждает его снять с себя "платье с шипами".

Это платье не пристало ежику, только лисе!

* * * * *

От Мольтке исходят услышанные и ясные слова:

Вечный мир - это мечта
И даже не очень симпатичная!

Это может показаться жестоким, но реальность просто не похожа на идиллию, она также не терпит романтической пасторальной жизни, которую пресыщенные изображают в своих желаниях.

Разве мы не испытали на себе, что судьба пресыщенных людей, которые больше не знают, как защитить себя, которые утратили свой воинственный инстинкт, печальна?

Их падение, их исчезновение с политической сцены никоим образом не вызывает сожаления. Мы, солдаты, считаем это справедливым, да, необходимым.

Мы благодарим творческую природу за то, что она наделила нас способностью к враждебности: благодаря ей мы можем развивать конструктивные энергии, которые формируют, организуют и дают закон.

Давайте просто задумаемся над тем, что буры [субэтническая группа в составе африканеров в ЮАР и Намибии] даже тогда, когда англичане – которые, как известно, снова и снова с упором ссылаются на свою христианскую мораль – нападали на них, едва осмеливались оторвать взгляд от Библии и надеялись на чудо. Когда самые активные из них поднялись на героическую борьбу, было уже слишком поздно! Они слишком многого ожидали от "любви". У них было слишком мало энергии враждебности. Поэтому им пришлось на собственном опыте убедиться, что англичане в безудержной жажде уничтожения не останавливались ни перед чем.

Освободительная война буров захлебнулась в море крови, и чувство реальности настолько утратилось у многих из них, что сегодня они на стороне своих угнетателей выступают против нас!

Но мы знаем, что единственная надежда на настоящий мир, на мир справедливости и чести, покоится исключительно на осознанной и сформированной силе, которая будет иметь влияние в созданном нами Рейхе.

Война формирует мощь государства нового порядка, которое испытывает враждебность по отношению к старому произволу и знает, как покончить с этим произволом.

Поскольку мы знаем об оправданности и необходимости нашей враждебности по отношению к угнетателям, мы сражаемся с фанатичной верой в нашу победу, которая гарантирована личностью Фюрера, безошибочно закрепленной в реальности!

* * * * *

Реальность этого мира наполнена борьбой и конфликтами, борьбой за самоутверждение. И эту реальность нельзя скрыть ни за какой доктриной, ни за какой теорией, ни за какой идеологией, ни за каким радостным посланием.

Сильные, воинственные люди, которые не утратили свой инстинкт, а, наоборот, сохранили его бодрым и острым, видят в мировой борьбе прекрасную возможность для развития своей натуры. Они ясно осознали, что сама жизнь - это не что иное, как воля к самоутверждению, и их мышление уже с ранних лет стало требовательной волей к жизни.

* * * * *

Наш фюрер однажды произнес ясные и недвусмысленные слова:

“Национал-социализм - это доктрина холодной реальности, основанная на самых четких научных выводах и их ментальном оформлении”.

Мы, национал-социалисты, знаем, что эти слова являются подтверждением реальности этой жизни и этого мира, от которой никуда не деться!

Тот, кто хочет жить, должен бороться!
Мирной жизни просто не существует. По крайней мере, не здоровая, творческая и, следовательно, благословенная жизнь!

Мы не хотим говорить о больной “жизни”, о прозябании.

* * * * *

Глупец тот, кто хочет получить что-то от жизни и при этом ждет когда сказочное счастье упадет ему на колени!

В нищих у ворот судьбы нет ничего трогательного. Мы можем только презирать их в глубине души.

Мы можем ничего не давать самим себе!

Мы должны все делать сами. Не только по принуждению!

Чтобы завоевать мир, необходимы решительные, безоговорочные действия. И мужество для честности!

Снова и снова появляются оправдания, они прямо-таки навязываются нам.

Для нас нет ничего проще, чем скрывать правду. Нам нужно только закрыть глаза, чтобы не видеть ее.

Просто человек, который закрывает глаза, чтобы не видеть правды, не должен винить “судьбу”, если он оступается.

Мир просто принадлежит бодрствующим, смелым, видящим. Нет “проблем”, которые лежат за пределами человеческого сердца. Сам мир не знает “вопросов”, которые нельзя было бы решить в нашей груди.

Нам нужно только набраться смелости, чтобы осмелиться на восстание. \

* * * * *

Мир не является “мирным”. Мы уже поняли это по бурям, которые проносятся над нашей землей. Но мы также знаем о бурях и потрясениях, которые приходится испытывать нашему сердцу, нашей душе.

Нам также не удается добиться мира. Даже монах, отшельник, анахорет – самый отъявленный душеубийца – все еще преследуется “искушениями”.

Мы должны противостоять судьбе. Наш опыт учит нас этому. Мы должны бороться с этим и формировать историю, так советует нам наше мужество. Но это же говорит нам и наш инстинкт, тот голос совести, который призывает нас сохранять жизнь, подниматься, становиться более плодородными, который советует нам идти правильными путями для развития жизни, для завершения.

Так называемые “совпадения”, те события, которые приближаются к нам из-за взаимосвязи процессов жизни и ее проявлений, удаленных от нашего разума и наших расчетов, - это не что иное, как задачи, которые мы должны решить.

Размышлять о них бесполезно. Их зачинщики никоим образом не имеют таинственного, оккультного происхождения. И уж тем более “небеса” не посылают их нам.

Единственный ответ, который мы можем им дать, - это действие.

* * * * *

Наш мир?
Мы видим его проявления!

Их загадки волнуют наш разум, являются причиной нападения. Не для порабощения!
Об унижении просто не может быть и речи.

Даже там, где разум стоит перед стенами и барьерами, которые, как ему кажется, он не в силах преодолеть, он не отказывается от этой атаки, а скорее занимает исходную точку, позицию, с которой он снова и снова готов в любое время рискнуть совершить смелый прыжок.

Боль

Есть люди, которые, подобно улитке, осторожно высовывают свои щупальца, чтобы прощупать реальность.

Сталкиваясь с трудностями, они поспешно прячутся в “безопасное место” и ждут “благоприятного момента”.

Считается, что благоприятный момент гарантирует успех без усилий, продвижение вперед.

Есть люди, которые всю свою жизнь так ждут благоприятного момента и никогда не приступают к действию, к решительному поступку. Это способно сделать жизнь бесплодной и, следовательно, разрушить ее.

* * * * *

Наверное, нет такого поступка, который – как в ментальном, так и в телесном плане – не был бы связан с болью. Как в смысле принятия, так и в смысле отдачи.

Каждое рождение мучительно своими родовыми муками.

* * * * *

Но боль - это переходная форма жизни.
Над болью сияет солнце подвига.
Последний ответ на боль - это не стон!

В борьбе за реальность, в борьбе за то, чтобы определять судьбу, нападающие на людей существа уже богаты болью. Просто именно эти люди отличаются тем, что они не останавливаются на жалобах, а, скорее, вопреки боли, включаются в победную песнь своего поступка. “Счастье” заключается не в достижении цели, а скорее в преодолении препятствий, которые возвышаются перед великой целью.

“Я осмелился на это!” - это не гимн благодарности человека, который завоевал крепость и теперь устанавливает на ее зубчатых стенах свои знаки победы. Это вместо того, чтобы бросать жребий тому, кто находится в эпицентре атаки и не обладает никакой другой уверенностью, кроме своего непоколебимого неповиновения, своего титанического, ликующего мужества.

Смелость - это все. Но не завоевание!

* * * * *

Боль не обязательно должна быть нашим врагом. Жизнь, полная боли, безусловно, еще не означает, что жизнь потеряна.

Камрад, она может быть даже плодотворной, наполненной делами и благословенной работой.

Боль – какой бы сильной она ни была – может и не привести к разочарованию.

Люди, которые были не в состоянии познать реальность жизни, уже часто после первых болезненных переживаний чувствовали, что все их существование омрачено болью, и позволяли себе так много, что это придавало их жизни негативный оттенок.

Их пессимизм, их “мировая боль” часто по-прежнему воспринимались и восхвалялись как проявление “благородной души”.

Чувствительность – более того, ее часто путают с обидчивостью – еще ни в коем случае не является доказательством открытости сердца, точно так же, как способность страдать еще не является критерием качества характера. Отдаться боли может быть для слабаков сладостным утешением покориться судьбе. Однако, несмотря на боль, утверждение жизни - это первый признак пробужденной жизненной воли.

* * * * *

Именно те, кто нападает на людей, созидающие и формирующие их, никогда не стыдились своей чувствительности, они также никогда не отрицали ее. Только они просто
не поддавались ей.

Герои немецкой истории всегда были самыми чувствительными людьми своего времени.

Чем тяжелее давались решения, тем сильнее была их боль, которая привела к рождению идеи. Если мы заглянем в сердца великих революционеров и мыслителей, самых могущественных государственных деятелей и глашатаев нашего народа, то нас встревожит боль, которая стоит на пороге восстания, формируя среду и судьбу.

Давайте просто вспомним таких людей, как Гуттен, Фридрих Великий, Клейст, Бисмарк, Ницше.

* * * * *

Боль не враждебна действию. Она способна отпугнуть только трусливых и ленивых. Какая женщина-мать из страха перед родовыми муками также отказалась бы от рождения ребенка?

Созидание начинается с боли!

Путь к завершению любой работы лежит через боль!

Осознанный, мыслящий, творческий человек презирает любые наркотики. Он хочет пережить акт творения, а не только страдать от него.

* * * * *

Пессимист с беспокойством констатирует, что у розы есть шипы, и все равно может воспринимать ее красоту только с грустью, если он – просто из–за шипов - даже не отрицает всей красоты.

Оптимист хочет видеть только красоту розы, пока не убедит себя в существовании шипов, испытывая боль, которую он должен испытывать вдвойне сильнее именно из–за восхищения красотой.

Конечно, тогда его восхищение красотой будет уже не таким сильным!

Только человек, обладающий инстинктом, видит розу во всей ее полноте. Его знание о шипах не позволяет испортить его радость от красоты.

Он знает, что нет красоты, отделенной от цели, которая существует сама по себе.

Он также не знает о существовании “красоты”, отделенной от цели. Он не требует никаких действий - полноценной жизни без боли! Из любви к своей работе он не просит пощады!

* * * * *

Оценка жизни и реальности в соответствии с болью утратила силу: именно мы, солдаты, видели боль и страдали от нее. Терпя и жертвуя, мы испытали больше, чем казалось возможным буржуазному поколению до нас. И, тем не менее, благодаря этому жизнь не потеряла для нас своего смысла.

Даже в самых глубоких страданиях и в самых горьких разочарованиях мы не предавались отчаянию. Но на самом деле боль, когда раны зарубцевались, укрепила броню вокруг нашего сердца.

Так что мы можем быть благодарны боли, потому что она закаляет наше сердце, позволяя ему биться еще горячее и страстнее под броней.

* * * * *

Шрамы обладают свойством укреплять ткани, и там, где перелом однажды зажил, кость больше не ломается.

В конечном счете, каждая совершенная нами ошибка причиняет боль. Но осознание, которое мы – поскольку учимся на своих ошибках, если мы не упрямы и не глупы – получаем , преодолевая их, помогает нашему интеллектуальному и духовному росту.

Мы можем не бояться ошибок и не отшатываться от душевных мук.

Мужество для преодоления - это благородное достижение.

Не приходит осознание, которое не разрушает вчерашнюю идею, возможно, даже пережиток прошлого.

Однако боль разрушения затмевается рождением будущего.

Бесстрашная мысль, направленная к великой цели, просто не имеет отношения к устаревшим реликтам. Она обрастает ими, инкрустирует их, сортирует в той мере, в какой им удалось закрепиться в жизненной сфере идеи.

Тогда может возникнуть двойная боль - боль разрушения и боль рождения.

Однако в обмен на это выгода в два раза больше: создание новой идеи.

* * * * *

Так мы, солдаты, стоим в наше время: время падения старого мира и час рождения нового.

Мы испытали боль, когда старый мир, к которому также была привязана часть нашего сердца, большая часть нашей любви, наших идей, нашего стремления к красоте, нашей надежды, нашей духовной родины, рухнул. И мы были первыми, кто принял на себя боль за то новое, что стремительно росло и по безошибочному внутреннему закону толкало к развитию.

Мы сделали это добровольно и с радостью, потому что услышали веление долга.

И это требование требует обратить внимание на судьбу такого часа рождения. Чтобы не допустить, чтобы совпадение и произвол узурпировали новое.

Мы пожертвовали столь многим, чем дорожили, чтобы иметь возможность шагать в будущее без обременения.

Великий Александр Македонский, ступая на новую землю, чтобы завоевать ее, не смотрел назад, в прошлое. Он посвятил себя будущему, что превратило победу в необходимость.

Мы - солдаты национал-социалистической революции. Мы хотим, чтобы у нас за спиной не было мостов, ведущих в прошлое, мостов, которые хотят заставить нас отвернуться от страданий.

* * * * *

Час солдата, несмотря на боль, знает только одну заповедь:

Вперед!

Этот сигнал к атаке ярче, требовательнее, неотразимее, чем шепот мыслей о страхе, которые хотят сообщить парализующую весть о боли и смерти. А атака - это самое победоносное средство изгнать мысли и страх.

* * * * *

Мы боремся с болью и смертью: это бунтарство нашей жизни! Спектакль, который знает, как придать поступку форму мужества и воли, - это наш вклад в вечность в реальности этого мира.

Мы, солдаты, знаем, что если мы храбро пройдем через врата боли и смерть – это залог вечности нашего народа.
Ведь бреши, которые мы проделываем в стенах врагов, открывают нашим детям и внукам путь в будущее. Наша мудрость заключается в том, что мы не должны страдать от боли настоящего, а должны формировать настоящее.

* * * * *

Таким образом, мы выросли из буржуазного мира, который из любви к своей безопасности, из–за оговорок и соображений возвел для себя стены, которые, как предполагалось, должны были отгородить его от тотальных требований реальности, потому что мы стали более последовательными в мыслях и действиях.

В конце нашей мысли стоит воинственный поступок, который выводит из рутины повседневной жизни в творческую сферу идеи, формирующей реальность.

Боль и смерть больше не являются для нас призраками. Даже если они так зловеще сопровождают наш путь, который ведет к совершенному согласию между волей и делом.

* * * * *

Еще вчера – в окружении отчаявшихся, мелочно мыслящих буржуа – мы были одиноки в своем народе.

Последовательные военные люди, воины, как мы их называем, были так же редки, как вообще редки великие идеи.

Наш Фюрер впервые создал в национал-социализме холодную доктрину реальности, которая, возвышаясь над страхом и болью, позволяла видеть мир таким, каков он есть.

Таким образом, мы, солдаты, приобрели нечто большее, чем мировоззрение; мы научились видеть мир насквозь, видеть предысторию, распознавать враждебные и дружественные силы и тем самым занимать свою собственную позицию, свою отправную точку для атаки!

* * * * *

Хладнокровная доктрина реальности, которую дал нам Фюрер, придает нашему положению твердую, каменистую основу, на которую мы способны опереться, когда необходимо отодвинуть горы препятствий в сторону.

Итак, мы знаем, что война и враждебность, боль и смерть - это нечто естественное. И “избавление” от этого естественного – вопреки всем религиям и пророчествам – не увенчалось успехом!

Ибо мир не хочет, чтобы его искупали, а скорее формировали!

Мы также знаем, что жизнь ставит нас перед решением задач, от которых мы действительно страдаем, от которых мы также можем погибнуть.

Но жизнь никогда не будет для нас более или менее успешным общим испытанием для “загробного мира”.

Наш долг обязывает нас формировать эту землю, выполнять нашу миссию, которая служит вечности нашего народа.

Уметь Быть Врагом!

Уже защита от нападения враждебной нам среды требует от нас мобилизации воли, готовности.

Но тот, кто хочет быть хозяином своей жизни и вершителем своей судьбы, для него недостаточно, чтобы его энергия использовалась только для обороны. Помимо этого, он должен решиться на агрессивный поступок.

Но каждый шаг сопряжен с опасностью, вызывает враждебность окружающих, приводит к приключениям и огорчениям, встречает препятствия.

Неудивительно, что слабые не готовы к такому поступательному движению и предпочитают безопасность, от безопасности отдыха к неопределенности и авантюрности странствий.

Но тот, кто отдыхает, не достигает цели жизни, исполнения великого долга, а просто шагает вперед, растет, становится сильнее благодаря преодолению. \

* * * * *

Осознание того, что мир полон врагов и препятствий, обязывает нас самих стать врагами препятствий.

Желание быть врагом - это плод осознания.
Способность быть врагом - это цель мобилизации нашей воли.

* * * * *

Мы хотим набраться смелости, чтобы до конца осмыслить идею враждебности. Безусловно, враждебность по своей сути является чем-то разрушительным. Поскольку мы принадлежим к этому, а не к тому миру, мы не любим врага, скорее чувствуем в себе инстинктивное желание уничтожить врага, который, в конце концов, не только оказывает сопротивление, но и сам переходит в контратаку.

Ты или я!

Это древний пароль враждебности.

* * * * *

Конечно, евангельское "ты и я!" звучит приятнее.

Но сначала мы с тобой должны подняться на уровень, лежащий за пределами жизненной реальности!

Только в общности судьбы народа присутствует единство воли и стремления, творчества и поступков многих людей. Здесь объединяет общая кровь, раса, цель, страдания.

* * * * *

Счастлив тот, чьи тело и душа вооружены для борьбы! Счастлив тот, кто может быть врагом!

* * * * *

Мы знаем законы симпатии и антипатии, привязанности и отвращения.

Хотеть отрицать эти законы - значит закрывать глаза на правду и реальность.

И только люди, рожденные страхом, ложью или глупостью, закрывают глаза, чтобы не видеть.

* * * * *

Тот, кто может быть врагом, понимает, что такое ненависть.

Ненависть несправедливо презиралась как нечто низменное, демоническое.

И тем не менее, ненависть - это проявление нашего инстинкта, выражение воли нашей души. Если мы не способны ненавидеть рабство, мы также не можем любить свободу!

Не бывает враждебности без ненависти, если только мы не защищаемся инстинктивно, только по привычке, возможно, также только из-за протеста против неудобств.

Мы должны уметь ненавидеть врагов свободы нашего народа, чтобы мобилизовать волю к их уничтожению.

* * * * *

Только “прирученный” человек – стадное “животное привычки”, человек, утративший инстинкт и душу, больше не способен ненавидеть.

Но он также не способен и любить.
Ибо подлинная любовь стремится к созиданию и активности. Однако действие и созидание всегда наталкиваются на препятствия!

* * * * *

Если мы будем логически мыслить до конца, мы больше не будем избегать ненависти, скорее, мы утвердим ее, как все великие и благородные страсти, из которых рождаются поступки.

* * * * *

Чтобы стать полноценными людьми, человеческими существами, чья воля и поступки образуют единое целое, мы должны испытывать ненависть и враждебность по отношению к попыткам внушить сердцу трусость или искушение тщеславия, желание покоя или склонность к комфорту. Мы должны не только сами быть начеку, но и жестко и безжалостно ненавидеть все, что делает нас меньше, менее воинственными, смиренными.

* * * * *

Борьба с самоуничижением создает предпосылки для свободного развития наших энергий, для роста, для восхождения.

Реальность жизни не признает “возвышения”, которое происходит от унижения.

Если мы смиренно падаем, то судьба не поднимает нас, утешая, а скорее ставит свою ногу нам на затылок.

* * * * *

Камрады, вы все еще помните “политику худа без добра” периода системы?

Предполагалось, что положение Германии “улучшится” с помощью переговоров и обмена очаровательными, но пустыми фразами.

И представители Веймарской Республики умело пытались сохранить прежнее положение. Версальский диктат держится в секрете от народа. Кто тогда был знаком с этим “договором”?

Никто не любил говорить о нем публично, предпочитая хвастаться предполагаемым прогрессом “конституции”!

Мы научились ненавидеть противников, предателей и разрушителей нашего народа до глубины души. И только эта ненависть сделала нас способными на освободительный поступок, дала нам ясное осознание того, что только восстание против “Версаля” - за которым скрывались все явные и тайные враги нашей нации – могло сделать нас свободными, без “примирения”, без признания, без урегулирования.

Мы научились выявлять вражеские идеи досконально и исследовать мозги и сердца, из которых они возникли.

Мы также узнали, что должны уничтожать носителей этих враждебных идей, если не хотим быть уничтоженными сами.

Мы знаем, что бывают схватки не на жизнь, а на смерть, борьба духов, которая не может закончиться компромиссом, а может закончиться только полной победой более сильного и полным уничтожением побежденной идеи!

* * * * *

В борьбе с искушениями внутри нас растет осознание всех слабостей и преодолевается стремление к целостности, к подлинности, к совершенству.

Тот, кто побеждает свои несовершенства в великой жизненной борьбе, тот способен быть врагом.

Он больше не поддается искушениям, которые ослабляют его, которые делают его неверным по отношению к своей цели.

С неослабевающей силой, которая усиливается благодаря страсти, он приближается к цели, уничтожая все, что осмеливается встать на пути формирования идеи.

* * * * *

Но кто наш враг?

Кто обладает силой, которая предназначена для нашей вражды?

Препятствие, достойное ненависти, - это не случайное препятствие, а намеренное.

Мы не испытываем ненависти к народам, которые находятся в состоянии войны с нами. Но мы действительно ненавидим силы, враждебные свободе нашего народа, которые втягивают этих людей в войну, целью которых является наше уничтожение. И не будет мира, пока эти силы не будут уничтожены.

Но люди, которые позволяют этим силам подталкивать себя к войне против нас, должны понимать, что они будут вовлечены в падение, которое обрушится на эти силы.

Иоганн Готлиб Фихте, философ освободительных войн Германии, – тот честный мыслитель, у которого хватило смелости свергнуть с трона библейского личного бога и заменить его немецкой концепцией, которая провозгласила божественность синонимом морального миропорядка, а следовательно, и закона, - смелое решение, которое привело философа к судебному иску от мракобесов, так называемые "дебаты об атеизме" - он произнес смелые слова:

"Любой призрак исчезает, если посмотреть ему прямо в глаза".

Это послание непоколебимой воинственной осанки, которая не уклоняется от препятствий, а с вызовом приближается к ним.

Реальность хочет, чтобы ее признали, она не терпит, чтобы перед ней прятали голову в песок.

Истина по-прежнему сохраняет свою актуальность, даже если трус хочет закрыть на это глаза и думает, что неспособность видеть - это синоним отсутствия присутствия!

Мы, солдаты, знаем слова Шиллера:

"Тот, кто может смотреть смерти в лицо,
только солдат является свободным человеком".

Величие воина состоит именно в том, что он презирает любое бегство от реальности, даже по лестницам, ведущим на небеса.

Фихте решительно отверг эту недостойную "религиозную" позицию Библии, которая требует надежды на награду в загробном мире, что терпеливый человек все равно подставляет и другую щеку, если пощечина пришлась по первой!

Фихте также требовал враждебности порядочных к угнетателям, восстания порабощенных против тиранов, возмущения стойких против рабства трусов.

Свергнутая с трона свобода, как хорошо знал Фихте, все еще могла сохранять свою жизнеспособность только в мысли, а именно в мысли о враждебности, чтобы в определенный момент вырваться наружу, отомстив и спасая нацию. И именно мы, современные люди, мы, солдаты немецкой революции, понимаем слова Фихте во всей их глубине:

"Превыше всего является религиозный смысл, заключающийся в том, что человек сопротивляется рабству".

* * * * *

Осознание собственной силы дает нам превосходство над опасностью и заставляет нас гордиться тем, что мы можем быть врагами. Нам, солдатам, было позволено доказать на этой войне, что страстная воля, направленная на уничтожение врага, способна достичь невообразимой силы.

Поскольку мы вступили в войну, вдохновленные идеей свободы нашего народа, доктриной национал-социализма, мы одержали победу. Враждебность старого мира встретила нас. Мы ответили на это нашей враждебностью.

Ненависть сил, отрицающих справедливость, встретила нас. Мы ответили на это своей ненавистью.

* * * * *

Враждебность никогда не покинет мир. Это основополагающий принцип, заставляющий нас отстаивать свою позицию, который мы должны отстаивать со страстным сердцем, если мы утверждаем реальность и осмысленность жизни.

* * * * *

Наша великая любовь принадлежит нации, которая решила построить Рейх.
И эта возвышенная песня, которая делает нас способными на высшую жертву, утверждает ненависть, которая позволяет нам использовать оружие смерти против всего, что не принадлежит этой любви.

* * * * *

Мы - новое поколение, которое больше не стыдится своих страстей, которое больше не пытается прикрыть их глупыми и обманчивыми лозунгами.

Мы хотим быть немцами, которые, разговаривая с Гуттеном, остаются такими, какие они есть. Мы отвечаем на любовь любовью. Отвечайте ненавистью на ненависть, враждебностью на враждебность.

И только правдивый способен устоять перед историей!

Немецкое Утверждение

Книга VII

Немецкая вера

Когда наши вопросы
Разносятся эхом по ветру,
Когда наши жалобы
Становятся ничем перед лицом судьбы,
Тогда наша вера устремляется на ощупь
К облакам.
Когда наши глаза устают
От страданий и сомнений,
Когда на земле
Бушуют бури и рушатся дома,
Вера подобна твердой земле в бушующем море.
Тот, кто в бедственном положении настоящего
Может верить в красоту будущего,
Этот человек сильнее даже самых глубоких страданий
своего сердца.
Тот, кто силен верой, становится победителем в будущем,
И только сильные достигают земли будущего,
Смысл всех поисков и желаний в том, чтобы быть сильными.
Тот, кто верит в свою силу, верит и в силу других людей
Из своего народа.
И из этой веры возникает вечный Рейх.

Врата свободы

Мы идем по каменистым дорогам
Навстречу великому призванию.
Наши закаленные кулаки сжимают
Крепче флагшток.
Наши странствия длятся уже много лет.
В сумерках наши виски поседели.
В ритме этого шага мы чувствуем чудесную силу
Нашей крови.
Священное стремление сердца устремлено на север
И оно надеется на откровение света.
Кроме зова нашего мужества
Мы ничего не слышим.

Этот зов подобен сигналу трубы и
Божьему облаку.
Он ведет нас сквозь хаос и приказ навстречу судьбе.
Мы - затерянная группа в народе,
Мы - группы будущего.
Мы не беспокоимся о дне битвы,
Мы не боимся долины смерти.
Мы шагаем сквозь ночную тишину
К вратам свершения.
Там мы опускаем штурмовые флаги
И вдыхаем утренний воздух.
В нашем сердце предчувствие перерастает в уверенность
Что за воротами лежит свобода.
Кулаками мы сносим балки.
Так, чтобы лучи света проникали сквозь ночь.
И когда чистое солнце приветствует наши флаги
Наш путь в вечность завершен.
Когда наши братья поют песни о свободе
Наша судьба свершилась сама собой.

Немецкая Душа

Из серых туманов севера, страны мечтательной тоски по скудному
солнцу, по редкой зеленой листве, по ароматной, дымящейся, коричневой земле, приходит немецкий человек, приходит немецкая душа.

Проклятие и благодать лежат на душе немецкого человека: проклятие для слабого, который в соответствии с непостижимыми законами крови погибает от невозможности исполнить свое желание, благодать для сильного, который благодаря борьбе и опыту может
воплотите его стремление к триумфу в победе. Борьба, дарованная немцу судьбой, - это подлинный миф нордической души; в сумерках заката и рассвета возникает "песнь Эдды", борьба и вера Нибелунгов, в балладе формируется нордическая литература.

В душе немецкого человека нордическое восприятие вещей и взаимоотношений превратилось в кровно обусловленную формацию. Форма немецкой души в ее двойственности непонятна иностранцу; полный страха и растерянности, он воспринимает немца почти одновременно как по-детски мечтательного, чистого дурака и воинственный и любящий войну варвар. Не-немец никогда не сможет понять взаимосвязь между светом и туманом, солнцем и серостью в немецкой душе. Возможно, сам немец вряд ли осознает свое удивительное единство. Лишь очень немногим талантливым северянам удалось - с точки зрения художественного творчества или пророческого взгляда — передать сияние немецкой души, мерцающее в яркой тьме; немецкий язык в глубочайшем переживании и предчувствии взаимоотношений - это живопись Рембрандта, немецкий язык неописуемо сладок. Немецкий язык - это сочетание серого и светлого в музыке Бетховена и Баха, немецкий язык - это переживание и поиск Бога Экхартом и Лютером вплоть до Якоба Беме, мечтателя и искателя, скрывающегося за таинственной и стремительно мерцающей водяной лампой.

Это необъяснимо по-немецки, что при переживании самой прекрасной красоты и глубочайшего блаженства нордический человек становится непостижимо печальным, точно так же, как он столь же непостижимо сурово слышит далеко на небесах нежные аккорды.

Немец - это человек страстей, но никогда не стремящийся к самореализации, к борьбе, никогда не стремящийся к миру, к голоду, никогда не стремящийся к насыщению. Тысячи немецких стремлений всегда находятся в опасности быть преданными и проданными, нигде борьба мировоззрений не ведется так ожесточенно, как в немецком регионе. Действие - это немецкая душа.

Немец это дитя и воин.

В мирное время, которое служит подготовкой к войне, немец — со сверхъестественно счастливыми, сияющими глазами — прогуливается по цветущим, зеленеющим полям, по шелестящему, шепчущемуся лесу, вдоль блестящего, овеваемого ветром озера и мечтает о подвиге. Тайные мысли рождаются в темных жилах его крови.
Повинуясь необъяснимому побуждению, он дает плугу отдохнуть и размышляет о том, что несет с собой опасность и приключения, страдания и жертвы, победы и раны. Задумчиво глядя на жену и ребенка, он тоскует по мечу.

Одно и то же воинственное стремление наполняет мальчика и мужчину.

И горе тому немцу, чей меч сломается, а воинственная рука устанет: он умрет от предательства своей души.

Нежность и суровость сливаются в немце воедино, в этом его талант, в этом победа его души. Борьба - это его жизнь, мир, скудость немецкой растительности, облачность немецкого неба: все это благодать и дар. Ничто не дается немцу без усилий, все, что он получает, приходит в результате борьбы и победы, добытой кровью и самопожертвованием. Тяжким бременем является двойственность его опыта, божественно велико стремление к единству. — Час, когда немецкая душа пробудится к ясному сознанию, к действию, еще не настал, но он приближается. Обретение жизненного пространства наступит после пробуждения немецкой души к действию. Правление в Германии вырастет из преодоления разделения и неопределенности, из зарождения единства.

Это час сумерек, сумрак между ночью и днем. Он полон ужаса для слабых, полон надежды и веры для сильных.

Это час сумерек перед рассветом. И когда немецкая душа празднует свое воскрешение, солнце сияет над чудесной и таинственной немецкой землей.

Мы, немцы.

Наше сердцебиение
Подобно морскому прибою.
Подобно реву волн
Пульсирует наша кровь.
Подобно ветру и облакам
Наши мысли,
Пересекают просторы миров.
И наше стремление
Подобно пенящемуся морю
Что бушует буря.
Наша вера
Подобна солнечному свету,
Согревающему и сияющему
Который исходит от божества
И переходит к нему.
Где стихии, обузданные,
Правят миром
Там есть и частичка нашего света
Мы, которые стремимся к целому,
Мы, немцы.

О Войне

Когда произносится слово "война", между людьми открывается непреодолимая пропасть, пропасть, которая оставляет по одну сторону всех тех, чья душа возвышается от слов о борьбе и радости с оружием в руках, а по другую - тех, чье сердце сжимается при мысли о смерти и ранах.

Люди способны спорить о мировоззрениях и теориях, а также взаимно убеждать друг друга в правильности своих взглядов, но их пути расходятся в одном вопросе: войне. Здесь воинственная, готовая к действию, отважная каста мастеров непримиримо противостоит меркантильной, стремящейся к выгоде касте, касте трусливых рабов. Вне зависимости от положения и степени, от высокомерия и класса, война делит людей на героев и трусов, а радикализм войны не знает середины, компромиссов.

Подобно штормовому ветру, грозовая туча войны бушует над землями и народами, сдувает все, что является шелухой, сбивает с ног все гнилое, ленивое и пустое, что все еще живет в мире людей.

Война подобна раскаленному добела огню горнила. Шлаки превращаются в древесный уголь и покрываются коркой, дымятся и блестят, и остается только настоящий, неподдельный и чистый металл.

Война подобна воде гигантской волны. То, что раздуто, рыхлое и тяжелое, должно утонуть и погибнуть, а то, что прочно и надежно, плавает на воде, как рыбацкая лодка.

Война раскрывает подлинные ценности, ценности, которые не зависят от ежедневных колебаний псевдоценностей на фондовом рынке. Мужественность, дисциплина, преодоление, служение и самопожертвование, преданность и величие - вот ценности, о которых говорит война, которыми измеряются, утверждаются или отвергаются человеческие сердца.

Неправда, что война делает людей грубыми, в лучшем случае она срывает маску с их лиц, и трусы признаются трусливыми, грубияны - грубыми, а благородные - благородными.

Конечно, война обладает ужасом и мощью, она убивает невинных и опустошает мирных людей. Но ход природы также ужасен своими необъяснимыми законами, ужасен даже Бог-Творец, без чьей помощи ни один воробей не упадет с крыши и ни один волос не пострадает. Но там, где разрушаются ценности, возникают новые ценности, такова таинственная судьба, стоящая за разрушениями войны.

Есть народы, склонные к войне, и народы, не склонные к войне. Первые - это те, кто идет в бой из радости борьбы и риска, а не ради добычи, - они обречены быть хозяевами земли. Те, кто не любит войны, - это те, кто в большинстве своем стремятся сохранить свое имущество и только для защиты вытаскивают ржавый меч из ножен, — они обречены ждать, пока воинственный народ не придет и не займет их место.

Горе тем людям, которые, пресытившись добычей, начинают жить в свое удовольствие без борьбы: в них закладывается семя разложения, и их ждет долгая болезнь и мучительная смерть.

Быть вооруженным - это мудрость человека. Не бояться смерти - в этом его сила.

Действительно, для воина тоже наступают спокойные времена. В это время он собирает свои силы, залечивает раны, приводит в порядок оружие, следит за хозяйством и домашним очагом, радуется жизни жены и детей. Спокойные времена - это времена готовности.

Когда наступает эра войны, когда народы маршируют и проливают кровь ради формирования своей сущности, тогда также начинается время героизма, той духовной стойкости, которая безоговорочно утверждает войну и подкрепляет это утверждение поступком.

Есть профессия, связанная с работой и образованием, которой можно научиться и овладеть в совершенстве; есть также профессия, связанная с оружием и борьбой. Но те, кто всего лишь ремесленники борьбы, никогда не станут воинами, потому что воинственность приходит не от знания и выучки, скорее, это отбор и изящество, это определяется решимостью крови и мужественным духом.

Эпоха миролюбия пыталась опорочить воинственность, отлучила воинский дух от церкви и выставила его на продажу за блестящие безделушки того времени.

Но голос суда над народом принял решение, он призвал дух войны, чтобы собрать хозяев и слуг, чтобы одни остались живы, а другие погибли.

Авангард

Мы идем впереди своих людей
И проводим разведку.
Мы выходим навстречу буре
И видим
Как враг разворачивается на переднем плане
Как облако, нависшее над спелыми полями
Чтобы уничтожить их молнией и градом.
Мы молча заряжаем карабины.
В сумерках наши щеки бледнеют.
Мы, молодые люди, седеем и помним о битвах стариков.
И наше сердце переполнено мыслями.
Мы ждем столкновения
И приготовьте ручные гранаты к броску.
Над нами возвышается огромный
Флаг службы.
Мы встаем
И шагаем навстречу судьбе.
Мы смотрим смерти в ее суровое лицо
И не боимся.

Этот Термин Напрасен

Во Фландрии и на реке Изонцо, в Румынии и Палестине, в Аргоннском лесу и на болотах России все еще шли бои, когда впервые в ряды воинов, героев и трусов, как чума, вполз термин "напрасно"...

Этот термин пришел из какого-то негероического сердца. Возможно, от отчаявшегося человека, возможно, от предателя, но, возможно, и от кого-то, кого купили. Несомненно, это прозвучало из уст человека, который никогда не понимал сути войны, который никогда не исследовал священный смысл борьбы. Этот термин парализовал.
Он лишал смысла и убивал надежду. Немцы на родине сомневались в смысле и целесообразности жертвы, которую они принесли в страданиях и лишениях, в отказе от радости и в молчаливом ожидании раннего утреннего света прекрасного, солнечного мирного дня после ночи и бурь наполненной болью войны.
Рука с мечом у многих воинов, попавших под влияние этого термина, подвергалась испытаниям, и их боевой дух становился усталым и несчастным. Термин стал более смертоносным, чем огонь пулемета, который обстреливал атакующие волны сражающихся солдат, более смертоносным, чем отравляющий газ, от которого задыхались солдаты в траншеях и окопах, в воронках от снарядов и блиндажах. Женщины, которым пришлось пожертвовать своими мужьями, а детям - отцами ради спасения нации, и которые находили утешение в святости этой жертвы, так что их сердца наполняла тихая, гордая меланхолия, были ужасно растеряны, услышав второе сообщение о смерти, которое звучало совсем не так, как первое. Больше не было разговоров о жребии воина и героической смерти. Бледные слова хотели сбить кресты героев. Сердца одиноких женщин и детей истекали кровью, а едва залеченные раны были открыты. Термин, напрасный термин, оплевавший самое святое.

И что же тогда означает этот термин? Он означает: весь тот энтузиазм, с которым народ брался за оружие, вся та серьезность, с которой решительные люди выходили на поле боя, были обманом и ложью.

Он означает: все мужество, с которым солдат бросался на вражеское железо, все мужество, с которым он держался в грязных траншеях и защищал позиции от вражеской атаки, было ничем.

При слове "напрасно" все те, кто сражался плечом к плечу с павшими в Великой войне и был спасен смертью, должны поднять кулаки и крикнуть "нет".
При слове "напрасно" все те, у кого есть близкие люди в теневой армии тех, кто пожертвовал собой ради нации, должны воскликнуть и защитить свою святыню. Около термин "напрасно" сами мертвые должны встать и засвидетельствовать свою идею, и дух нации скажет свое "да". Жестокий термин "напрасно" противопоставляет мертвых и живых, нацию и идею, прошлое и будущее.

Сами мертвые дают нам ответ, когда мы кричим "почему" в ночи непонимания, когда наше сердце молится о познании смысла самопожертвования и преданности:

Вот почему немецкие солдаты умирали смертью храбрых на поле боя, чтобы из их крови и дыхания, из их любви и их души был воздвигнут Рейх немецкого духа, который был бы сильнее всех бурь и невзгод, страхов и страшных вопросов. Рейх освободителей. Рейх вечности, основанный на вере и Идее.

Смерть немецких воинов за свободу - это предостережение и призыв к борющимся и не спасенным, это огненный знак, который освещает и согревает холодную ночь рабства.

Все немецкие солдаты, которые своей смертью подтвердили свою клятву верности Германии, они на востоке и на западе своей кровью и своими могилами завоевали маленький кусочек немецкой земли, ровно настолько большой, чтобы однажды на нем могла стоять колыбель немецкого ребенка. Перед Богом и всем миром они приобрели новое пространство для немецкой нации и заплатили за это самым ценным, что может дать человеческая жизнь: обширной немецкой землей, землей будущего и свободы, землей, которую защищают, благословляют и за которой наблюдают, которую приобретают и освященной погибшими немецкими воинами. Так говорит с нами дух нации, когда мы просим его. Так говорят с нами мертвые солдаты, когда мы призываем их.

В нас живет священное наследие, наследие, которое обязывает нас. Провозглашение и откровение нации, столь восторженно священное и тяжелое, что у нас нет мира и отдохновения, что мы должны идти по немецким землям, чтобы проповедовать о Рейхе и о свободе. Ничто не напрасно, пока немцы — в часы и дни памяти о величии и самопожертвовании немецких героев — позволяют своим душам странствовать по городам и деревням, лугам и полям, другим высотам и просторам немецкой земли и далеких империй к местам, где покоятся воины. До тех пор, пока они могут молиться и благодарить в этих местах, до тех пор, пока они ищут и находят там силы для борьбы, которая ведется во имя свободы и будущего.

Ничто не бывает напрасным, пока восторженная немецкая молодежь в память о павших в немецких войнах стремится вырваться из оков и невзгод в бой. Пока они могут верить в благородство воинства. Пока они уважают оружие.

Ничто не бывает напрасным до тех пор, пока свобода нации является высшим законом, определяющим чувства и действия немцев.

И все немецкие солдаты, которые погибли, чтобы созидать и сохранять жизнь, являются вехами на пути, ведущем к свободе Германии. Весь народ молится у креста, который возвышается над их могилой. Новая Германия, которая возводит алтари идее самопожертвования.

Новая Германия, которая провозгласила мучеников этой Идеи святыми. Народ, который нашел ответ на свой вопрос о причинах жертвенной смерти.

И еще: **Нет ничего напрасного!**

Добровольцы

Если богатые счастливы
И стонут от удовольствия
Вечерний ветер приносит нам
Далекую тоску.
У нас нет флага
Мы разворачиваемся в бурю.
На нас нет знаков отличия
Наш приказ - раскаты грома
Отдаленные выстрелы.
Мы объединимся
Когда стемнеет.
И когда железо ударяется о железо
Это наша боевая песня.
Мы поднимаемся с фабрик
И идём тяжелым шагом
От плуга.
Мы, неизвестные солдаты,
Мы безымянная армия.
Мы держимся за потерянные окопы
И крепко вцепимся в бедную почву,
Никто не знает о наших деяниях
Кроме нас самих.
Но наши уста хранят молчание
И наши губы тверды.
Мы другого рода
Мы воины, испытывающие радость.
Мы не знаем ответа на ваши вопросы
О том, почему.
Мы не знаем, что сказать
И молчим.
Но наша кровь заговорит
Когда наши глаза закроются
В бою.

Созидательная сила бедности

С древних времен стремление к богатству, к сытости, к хорошей жизни было для людей как грех. И все люди, которые не были спасены от этого греха пророческими и энергичными лидерами и государственными деятелями, погибли от него, погибли от разложения, как дуб, укоренившийся в бедной почве, должен был сгнить и умереть в условиях перенасыщенного тропического климата. Пророческие государственные деятели, такие как Цезарь и Тацит, были теми в Древнем Риме, которые с завистью и болью смотрели на молодую Германию, которая с ее полнотой сил, проистекающих из бедности, грозила сокрушить Римскую империю, изъеденную и прогнившую от роскоши и цивилизации. Аналогичные ноты жалобы на губительное стремление к богатству и сытости звучат у Платона, а также в философиях и религиях всех стран и времен.

Обещание и благодать лежат на Германии, потому что она получила свое пространство на севере мира, где туман и дождь чаще, чем солнце и голубое небо, где шотландских сосен и дубов больше, чем плодоносящих деревьев, где песчаные равнины и вереск, песок и камни покрывают большую часть земли, как марш и глина, а не тучные луга и золотые поля зерновых. В нищете своего мира немец стал борцом и мыслителем, тружеником с раннего утра до позднего вечера.

Немец креативен в своей бедности. С начала немецкой истории вплоть до самого недавнего прошлого звучит песнь немецкой бедности. Она ревёт в волнах, которые мчатся вдоль носа корабля викингов, она звенит в оружии немецкого воина, который отправляется в путь, чтобы завоевать свободу и пространство для своей нации, она тяжестью давит на плуг крестьянина, который вспахивает бедную почву, она гремит в наковальне рабочего, который придает железу форму и судьбу. Там, где богатый проживает свое пресыщение и удовольствие как берущий, а не как дающий, где в своем пресыщении и достатке он становится ленивым и сонным, человек, благословлённый бедностью, сидит в своей сырой комнате и размышляет о создании и формировании великих идей и концепций, дел и работ.

Немец с его недостатком имущества свободен для героического, потому что это может быть сделано только из свободы и для свободы. Свободный, он в тысячу раз свободнее, чем богатый человек, который скован заботой о своем имуществе и не может следовать за смелыми странствиями героя из-за страха потерять свои сокровища. Тот, кто провозглашает борьбу за свободу, должен сначала проповедовать бедность. И никто не достигает свободы, если на его пути не лежит жертва. Чья рука все еще защищает сокровища, не может владеть мечом. И есть видимые и невидимые сокровища, которые могут препятствовать руке немца на мече!

Это первая великая победа на пути нации, что бы все идолы были разбиты, которые довольные люди воздвигли как радость жизни во времена, которые как выражение ценности создали чеканное золото и на этой основе создали касты высокие и низкие, выдающиеся и мелкие. А крест жертвоприношения и меч борьбы стали символом первой великой победы. Золото и имущество больше не составляют ценность человека для нации, а его страстное сердце, его воинственная кровь, его готовность к жертве.

Когда огонь, очищающий огонь суда, стоит над нацией, золотые стены расплавляют невежественные и безответственные времена, воздвигнутые между братьями одной крови, и они утекают в ничто. Это милосердие суда.

Это переоценка ценностей, так что человек в народе больше не говорит: «Смотри, у меня тысяча монет в кармане» и тем самым возвышается над своим братом, а говорит: «Я ношу тысячу ран на своей груди за свободу нации», и он благодарен за благословение носить раны за Германию.

Люди, которые не знают других ценностей, кроме тех, что носят в карманах и прячут в сундуках, являются, по мнению суда нации, деревом без корней и кроны, которое должно засохнуть и упасть. Но чья сила - любовь к нации, его вены питаются вечной рекой крови его народа. Мы, воинственные люди молодой Германии, у которых нет ничего, кроме крови и веры, сияющих глаз и твердых кулаков, мы видим в нищете, которая стоит над нами, призыв и благодать. Мы страстно, как едва ли поколение до нас и, возможно, после нас, жаждем жизни, полной борьбы и жертв. Поэтому мы утверждаем дух нашего времени и благодарны за то, что живем сейчас, именно сейчас. Мы благодарны за призыв к борьбе за свободу, благодарны за ответственность, которой мы украшены, мы, носители идеи немецкой бедности.

Ибо мы знаем, что вокруг нас люди умирают смертью сытых и трусливых, и мы, немцы, мы, люди бедности и ее ценностей, мы получим и будем управлять великим наследием; управлять так, чтобы мы не стали сытыми и сонными, а бодрствовали и оставались готовыми через нашу тоску, нашу немецкую тоску, которая зовет нас жертвовать собой, жертвовать снова и снова. Мы, в конце концов — ради нашей идеи — народ будущего, мы, немцы!

Великое Желание

Иногда мои руки, что стали узкими, чешутся,
И я задумчиво смотрю на ладони:
В них, много лет назад,
Еще лежал ствол карабина,
Это оружие, которое я когда-то носил для атаки,
Которое, когда в бою я открывал затвор, чтобы выстрелить,
Посылало смерть в ряды врага.
Это были времена гордой мужественности,
Когда я, со своими многочисленными седыми камрадами,
Держал оружие
В руках, что стали сталью.
Настал день, когда мы
Сложили оружие ради трусливого мира:
С тех пор мои руки стали узкими.

Материнство

Благословенная мягкость, выражение исполненной тоски и предельной сокровенной гармонии лежали в чертах молодой женщины, на руках которой дремал первенец.

Священная дрожь неизмеримого чувства радости время от времени проходила через ее тело и заставляла ее губы дрожать. Дрожь, которая передавалась крошечному телу маленького мальчика, как будто его тело все еще было частью тела матери.

В далеких мирах, в далеком царстве блаженства, в котором пребывают будущие и недавно ставшие матери, покоилась мечтательная душа женщины. По лугам божественной радости, под высокими деревьями победоносной славы она шагала, и все парение и звучание, все ликование имели свою основу в опыте ребенка, в вечном чуде творческой любви, утверждении радостного становления единством.

Тогда душа молодой матери увидела образ, чей вид ужаснул ее до самых дней ее существования, чья жесткость снизошла на нее, как ночной мороз на молодые цветы. И душа матери совершила свою первую прогулку через страдания молодых женщин, которые боятся за жизнь своего ребенка.

Это был образ ухода, который увидела молодая мать. Уход, который сын, выросший в юношу, принял от нее, она, которая дрожала в страданиях. Плача, она увидела, как ласкает светлые волосы своего храброго и сильного сына, ищет его дерзкий рот и дарит ему меланхоличные поцелуи. Она увидела, как ее сын тихо и нежно покинул ее объятия, увидела, как он взял свое оружие и, как воин с уверенными, прямыми вратами, пошел на битву, поле которой, словно покрытое грозовыми тучами, было окутано глубочайшей тьмой.

Внезапно начавшийся хаос грома и молнии, шторма и града заставил ее отчаянно предположить, что ворота ее сына ведут его в туманную серость Ничейной Земли, где смерть установила свое царство в сумерках между ночью и днем.

В страданиях души материнского существа, в кровотечение ее сердца раздался мягкий, спокойный звук, капнуло, как мазь, заживляющая раны, откровение, которое пришло к ней из света, который, как солнце, сиял над царством блаженства.

Откровение от света звучало так:

«Твой сын, первенец твоей творческой любви, был избран и призван посвятить свою жизнь нации. Не игривая радость молодых людей, не нежная склонность к дорогой девушке наполнит его мужественное сердце, но великая воля борьбы.

Он родился в эпоху войны, и по благодати он станет воплощением мужественности в эту эпоху. Снова и снова он будет шагать по полю смерти и ужаса и потеряет страх конца своей жизни. За пределами бессмысленности разрушения он поймет смысл войны и будет одинок на высоте, к которой это знание приведет его. Его вера и действие будут благородны, когда призыв нации к войне пошлет его. Его кулак достигнет жизни врагов жестко и безжалостно, без милосердия и без щадства.

Но в конце концов для него наступит день, который не знает вечера. Тогда твой сын будет убит посреди поля трупов, покрытого телами врагов, которых поразил его меч.

Его мужественная жизнь и его радостная смерть будут подобны вехе на пути нации, ведущем из глубины рабства к вершине свободы. Его жизнь даст направление действиям целого поколения, которое ради жертвы откажется от всего своего, что делает жизнь приятной и беззаботной, которое сознательно и добровольно примет на себя участь нищеты, чтобы полностью раствориться в судьбе нации.

Лучшие люди народа придут к могиле вашего сына, чтобы поклясться в храброй борьбе и священной жертве, и памятник, который воздвигнет ему народ, переживет эпоху войны.

Ты должна найти утешение, дорогая женщина, в знании тайны, которая стоит над жертвой за нацию. Ты должна знать, что с древних времен лучшие из людей были выбраны, чтобы отдать свое тело и свою душу за ее жизнь, ее честь и ее пространство, и что реки жертвенной крови текут из тысячелетия в тысячелетие, скрытые для трусливых и слабых, никогда не признаваемые теми, кто позволяет только своему холодному, расчетливому разуму быть мерой всех вещей. Эти таинственные, древние реки открываются только благословенным матерям и избранным героям, которые хранят это откровение как святую реликвию и своим молчанием о последних вещах защищают его от осквернения нечистыми и негероическими.

Ты еще родишь много сыновей и дочерей, но первенец твоего тела и твоей жертвы всегда будет самым близким к тебе и твоей любви. Через него вы будете приведены к истокам вечных рек крови, через которые нация получает и продолжает формировать свою жизнь. Здесь вы должны осознать, что только героическая женственность способна рожать героических сыновей, и через это осознание вы должны стать сильными и добрыми, чистыми и храбрыми и получить венец героизма пожертвования материнством».

Молодая женщина-материнка получила это откровение в свою почву из света, который сияет и греет, как солнце, над царством блаженства, в котором пребывают беременные и новоиспеченные матери. Звук и ликование души стали глубже и полнее, ее сияние ярче и чище, когда она вернулась из страны откровенных мечтаний в настоящее чувств и телесной жизни.

Страстное чувство благодарности и счастья, наполненное радостью, которое всегда останется чуждым всем бездумным случайным матерям, которое только намеренные матери могут чувствовать в той мере, что перетекает в бесконечность, пробежало по ее телу и передалось маленькому ребенку, спящему в ее сердце, как счастливое и сильное жизненное тепло, так что он открыл свои маленькие глазки и взглянул на мать.

Нежная и заботливая, полная священной робости и благочестивого поклонения, мать взяла ребенка и вскормила его своей грудью. Маленький мальчик принял от груди матери в себя таинственные истины откровения из царства блаженных, всю силу и освящение судьбы через кровь и все благословение благодати. И пока она кормила грудью своего ребенка, на лице женщины лежало то неописуемо прекрасное мерцание, священная серьезность и глубокая любовь к ребенку, которая иногда лежит на лице матери, гораздо более прекрасном, чем нимб.

Отец Размышляет Над Колыбелью

Когда я смотрю на тебя в колыбели
Ты смеешься надо мной,
Я и ты, мы одной крови,
Мой мальчик.
Ты чувствуешь это, и я знаю это.
Позже ты можешь проклинать меня
Или благодарить меня за твое имя:
Тебе не избежать своей крови,
Мой мальчик.
И у тебя есть боевая кровь.
Ты будешь искать битвы ради ее красоты,
И ради чести ты никогда не дрогнешь.
Кто знает, будешь ли ты когда-нибудь шагать, сражаясь, по полям,
Что пили кровь твоего отца.
Если тогда ты подумаешь обо мне
И молча украсишь мое имя цветами
Тебе не придется стыдиться этих слез
Что ты, застенчиво оглядываясь, быстро вытрешь.
Возможно, камрад также похоронит тебя рядом со мной
Мы, в конце концов, оба звенья одной цепи,
Что связывает нас от серой предыстории к будущему.
Поэтому, мой мальчик, будь таким, как я,
Чтобы тот, кто однажды найдет тебя на поле битвы,
Тот человек знал, что ты также был достоин.

Ты сжимаешь кулаки, мой мальчик?
Правильно!
Рука открытая
Роняет меч.
Открытая рука, мой мальчик, не многого стоит
В бурные времена.
Меч и поводья выскальзывают
Из открытой руки.
Поэтому сожми кулак, мой мальчик!

Борьба За Знание

Для нас очевидно, что не может быть окончательного знания Бога и его «закона» внутри нас. Поэтому мы убеждены, что никогда не должно быть «догмы». Ценность человека определяется тем, насколько он ищет и борется. Единственное, что движет нас, людей, вперед, — это, в конце концов, поиск и незнание! Твердое, даже доктринерски закрепленное утверждение ведет через возрастающее безразличие к безбожию! Тот, кто вместо духовной жизни обретает религиозную доктрину, может действительно жить в мире со своей совестью, но он отказывает себе в подлинной жизни. Дух Божий веет там, где он хочет. Религиозные исповедания для него максимум как трубы, в которых хочется поймать и удержать это дуновение, тогда как на самом деле свободное дуновение этого ветра становится невозможным именно в этих трубах. Даже искусственный воздушный насос не может заменить свободное дуновение духа, даже если давление иногда производит непропорционально громкий шум.

Наше первое утверждение: Поскольку мы относимся к нашему поиску Бога серьезно и идея Бога священна для нас, мы отвергаем оправдание догматических утверждений; поскольку мы заботимся о свободе нации, мы боремся с абсолютным требованием определенных доктрин. Мы хотим воспитывать наш народ в свободной и бесстрашной вере, а не в слепых приверженцев! Нас могут упрекнуть в том, что через нашу бездогматическую веру мы идем к риску постоянного заблуждения! Как это больно? Не намного ли опаснее и вреднее окаменеть в доктрине и умереть духовно? Дух Божий не требует теологического образования, а скорее настоящей веры. Однако вера, которая может только руководствоваться словами, написанными людьми, чужда жизни, если уже не мертва. Истинная вера, однако, превосходит все формы и больше их.

Когда мы утверждаем, что догмат разрушает веру, мы подразумеваем под этим, что люди воспитываются в отсутствии почтения к настоящему духу Бога, если они, вместо того, чтобы жить долгами настоящего, заботятся об историческом развитии догматов прошлого. Мы не можем сказать людям: «Верьте в это, тогда вы священны!» Мы также не можем предложить никому спасительную трапезу как спасение для его души. Мы можем просто всегда протягивать свою руку тем, кто приходит к нам в странствии к свету. Вместе мы хотим искать великолепие закона Божьего; вместе мы хотим наслаждаться красотой его творения; вместе мы содрогаемся перед силой настоящего духа, вместе погружаемся в вечную реку жизни, которая исходит от Бога и ведет обратно к нему, и помогаем себе примером и словом совершенствовать наш образ мира.

Мы знаем, что каждый день мы должны отвергать некоторые знания как обман, когда в нашем поиске мы сталкиваемся с большими истинами. Этот поиск более священен для нас, чем все религиозные писания мира вместе взятые. Ничто не может заменить личный опыт, личное осознание и личное решение.

Когда мы, следовательно, из любви к нашим ищущим братьям в народе подходим к ним о самых священных вещах, это делается не из высокомерия образованного всезнайки или самонадеянной неисправимости, а из ответственности перед теми, кто идет с нами. Мы не можем поддаваться схоластическому мелочному богословскому спекулятивному созерцанию, потому что нам не хватает слов и понятий перед величием духа, потому что вера слишком священна для нас и потому что любые дебаты просто производят больше человеческого высокомерия и священнической мании величия. Именно потому что мы борцы за истину, мы не ждем пассивного озарения, как так называемые святые, а идем в бурлящий хаос мнений, полные уверенности, что благодаря божественной искре внутри нас мы не собьемся с пути к истине. Мы не хотим обсуждать идею Бога, потому что ее невозможно облечь в слова. Кто может определить чувство, которое дает нам тепло вечного света, к которому мы протягиваем руки так же бессознательно, как ребенок к матери?

Понятие Бога: Бог здесь и Бог там. Это единство его вечности, что он всегда был, всегда есть и всегда будет. Мы отвергаем Бога как личность. Бог как дух не имеет ничего телесного, и бессмысленно объяснять его как человекоподобный дух. Бог здесь и Бог там, это значит, что он далек и близок одновременно; он вне нас и он внутри нас. Мы не верим в небеса, которые образовались или образуются вдали от нас. Вместо этого мы верим, что мы присутствуем в царстве света, поскольку мы не похоронили божественное сияние внутри себя. Что же тогда такое слово Бог? Это концепция «хорошего», учитывая мужской артикль. Бог есть больше. Он — облака и ветер, он — камень и звезда, он — лес и поле, он — небо и ад, он — том и вечность, он — земля и космос, он — бытие, он — жизнь, он бесконечен, он — свет!

Души, которые мы, люди, получили, — это искры божественного света, которые мы носим в сосудах наших тел. Нам суждено получить эту искру в горении и сиянии, чтобы со временем позволить ей вернуться в орбиту вечного света. Все, что сильно, есть Бог. Все, что подлинно, исходит от него и есть он. Это закон Бога внутри нас, что мы развиваем сильное внутри себя и умерщвляем слабое. Бог хочет, чтобы его творение развивалось, поэтому он дает семена, а не выращенные плоды!

Если наша вера в вечность Божьего духа, в вечно сияющий свет, в вечно греющее солнце, должна быть язычеством, мы берем этот «порок» на себя. Мы верим, что тем самым мы честнее людей, которые, вероятно, являются «благочестивыми стадными животными», но не искателями. Бог не открывает себя нам, когда мы молим о милосердии, он не дает нам ничего, чего бы мы сами не обрели. Религиозное служение - это слушание звука голоса Бога внутри нас, и приведение в гармонию вечного закона внутри нас, вечного закона Бога, к которому мы привязаны нашей душой. Бог не знает «жертв», с которыми он позволяет себе примириться. Звук нашей души должен звучать чисто. И если человек не удалит шлаки из своей души, гармония никогда не будет достигнута, несмотря на все молитвы о милосердии.

Бог не отец, который жалеет детей, у него нет человеческих черт, никакое «аминь, дорогой отец» не помогает нам. Нам также не помогает никакой бунт! Бог не проклял нас, людей, на грех, чтобы затем даровать нам спасение через милосердие, но Бог вкладывает искание в души людей, чтобы они были воинственными людьми. Он требует от них дела, которое ведет к единству: Единство, однако, может быть завоевано только в ежедневной борьбе со всякой слабостью. Закон Божьего духа хочет, чтобы степень искания и знания была разной, так же, как и вся природа разная. Это невозможно и противоречит Божьей воле сводить знание к общему знаменателю. Великое единство бытия Божьего духа заключается в этом различии. Там, где есть «грех», есть разделение между требованием закона внутри нас и законом вокруг нас. Грешить, значит удаляться от великого потока единства.

«Желание быть как Бог» для нас не грехопадение, а именно высшая цель нашего существования. Дух Божий создал нас как искры, а искра всегда часть большего огня. Тот, кто восстает против Бога в своей груди, тот человек становится разрушителем закона Божьего. Кто не верит в Бога внутри себя, как он может верить в Бога вокруг себя?

Зов

Куда зовет Германия
Наш путь лежит
Через ужас неизвестности.
Куда зовет Германия
Борьба ведет нас
К далеким местам.
И те, кто тысячелетиями
Падали за Германию
С нами, вокруг нас, во всех нас.
Куда зовет Германия
Наш путь лежит
Через сумерки в молодой свет нового дня.

Рождение Тысячелетия

Книга VIII

В своей книге «Живи смело и умри мужественно» я предпринял попытку написать катехизис всеобщей немецкой этики.

В этом томе я хочу в общих чертах представить борьбу немецкой души за свободу и рассказать о зарождении народного ядра желания, которое, несмотря на всю волю к разрушению и все систематические преследования со стороны властных групп предыдущего тысячелетия, оставалось живым даже под руинами Рейха.

Наше время в мощных потрясениях создало предпосылки для рождения нового тысячелетия; оно также породило новую веру!

Муки каждого рождения болезненны, но было бы преступно предотвращать рождение ради мук, и было бы столь же бессмысленно откладывать рождение любыми средствами.

Я не стеснялся упрекать определенные круги в требовании наркоза:
кто не может вынести тяжести причинности творческих событий, тому не будет дана родина в новом тысячелетии.

Я надеюсь, что в не столь отдаленном будущем смогу высказаться в третьем томе о лице нового тысячелетия, о тысячелетии, которое является родиной сильных и неподкупных.

Курт Эггерс

Пояс застегнут
Мечом
И зовет в поход
В область деяния.
Штормовой ветер ревет,
Настало время.
Счастлив тот,
Кто теперь
В победе и страдании
Имеет жизнь, чтобы рисковать.
Горе тому
Кто трепещет.
Судьба толкает его
В руины –
Руины выступают
Из тысячелетних стен.
Мировой пожар пылает
К тверди.
И от смертных стонов
От догадок, полных ужаса скорбящих
Уже рождается
Новый мир.
Счастлив тот,
Кто не колебался в смерти
И дерзко вонзил свой меч.
Счастлив тот, кто не жаловался на гибель
И не просил у судьбы
Чуда.
Счастлив тот,
Кто оставался сильным.
Сильнее он воскреснет.
Но кто был там робок,
Падает в глубочайшую ночь.
Горе тому,
Чье сердце дрогнуло в борьбе,
Оно разобьется
В последней битве.
Только когда последний камень
Разрушится,
Восстанет
Из почерневших от дыма руин

Живого духа яростные муки.
Последний предсмертный крик
Звучит
В жизни хныча
Новорожденной вечности
И жизненная песня тянется, ликуя.
К облакам и звездам,
Брачится с гармонией сфер
И, освященная законом,
Возвращается
Чтобы, беременная жизнью, родить тысячелетие.

Пришло время, когда сильным будет дана вся власть!

Так умирает «грех» этого мира, ибо грех есть нерешительность и слабость.

Силен тот, кто признал свой закон, свою сущность, со всеми просторами, но также и со всеми ограничениями, и работает в реализации.

Силен тот, кто как хозяин самого себя способен жить в обществе.

Тоскающие встали и стремятся к выполнению требований своего долга.

Религия спасения [Erlösungsreligionen] слабых мертва; рождается религия исполнения сильных: это закон.

Предисловие:
Утраченный закон

Мы окидываем взглядом земли, и куда бы мы ни посмотрели, нам открывается пугающе возрастающая неопределенность, старательно скрываемая спешка, судороги, возбужденные поиски, громко восхваляемые универсальные панацеи от кризисов всех сфер жизни.

Короче говоря: воздух, которым мы должны дышать, нагружен энергиями, которые вырывают жизнь из спокойствия и ставят ее перед вопросами, ответ на которые вызывает беспокойство и страх.

* * * * *

Происходят крахи в ранее неожиданных масштабах, но лишь нерешительно люди идут к новому построению своих форм существования. Рухнувшие ценности оказались пустыми.

Возможно, великое разочарование является причиной колебаний людей, возможно, в этом и кроется объяснение всеобщего недоверия.

* * * * *

Сумерки нигилизма обосновались по всему миру. Это затрудняет дыхание.
Эти сумерки рождают людей-теней.

* * * * *

Искусственный свет оптимизма оказывается слишком слабым, чтобы осветить эти сумерки.

Наступило новое время пришествия над миром. Оно несет в себе опасности пророчества и восхищения.

Народам земли придется быть начеку, чтобы их не увели в пустыню быстро появляющимися пророкам.

* * * * *

Пророчество — естественный враг лидерства.
Мечтатель, исходящий от него, — враг толкования.

* * * * *

Настанут времена, когда люди земли будут взывать об интерпретации и руководстве.

Растущее бедствие времени ускорит развитие.

* * * * *

Маловероятно, что мир придет к осознанию ответственности через серьезные размышления. И тем ужаснее будут последствия сумерек.

* * * * *

Тысячелетие ожидания и мечты подходит к концу.

Его заменяет тысячелетие воли и сознания.

* * * * *

Анонимные силы заставили предыдущее тысячелетие подчиниться своей произвольной системе ценностей.

Новое тысячелетие отличается своим героическим реализмом.

* * * * *

Еще вчера дешевые повседневные ценности были возложены на плечи добровольной массы. Сегодня люди несут мир.

* * * * *

Закон был утерян! Поэтому в мире воцарилась неопределенность.

* * * * *

Во времена псевдоцветения беззаконие было в лучшем случае кошмаром прощенных отшельников. Широкие массы — искусственно усыпленные — продолжали спать, и их полусон казался им тем приятнее, чем лучше эксплуататоры управляли администрацией вкусных наркотиков.
Когда на людей обрушились великие бедствия, пробуждающиеся люди взывали о поддержке. Только тогда они узнали о внутренней пустоте и содрогнулись перед ней.
У пророков была легкая игра.

* * * * *

История утраченного закона коротка: народы северного региона принесли неписаный закон в города-государства юга, устали и прозябали в богатстве, которое отказалось от крови и рождаемости в ранней демократии.

Люди северного региона — когда они увидели последствия демократии и исследовали ее причины — предстали перед откровением закона, когда доктрина креста сошла на них.

* * * * *

Яснее: северный регион собирался дать новую структуру миру, пошатнувшемуся из-за восточного испорченного эллинизма.

Старый мир был образован и — устал. Пророки упадка
проповедовали страх. В результате этого последняя субстанция была растрачена.

Конец времени провозгласил свои ужасные учения.
Громоподобный шаг молодых людей все еще почти неизвестного северного региона отразился в великом умирании.

* * * * *

Действительно, тела юношей все еще могли сражаться под чужим солнцем, но их души были беззащитны перед ядовитыми учениями Востока.

* * * * *

Северный регион омолодил мир, но его кровь стала отравленной.

* * * * *

Крест вооружился для атаки. Упадок стал евангелием, которое проклинало силу и волю и восхваляло сдачу.

* * * * *

Дух северного региона был слишком ребячлив, его воля слишком малоцелеустремленна, его деяния слишком мало систематичны, поэтому старый мир высосал молодую кровь.

* * * * *

Тогда народы северного региона потеряли закон.

* * * * *

С расчетливым опытом тех, кто стал старым и с поспешностью боялся смерти, пророки упадка противостояли глашатаям жизни и носителям воли.

* * * * *

Доброта и почтение мешали молодежи убивать противостоящих стариков.
Чтобы они могли жить среди них и – учить.

* * * * *

Доктрина заняла место дела.

* * * * *

Молодых вели в пустыню чуждой духовности.
Пророки упадка следили, чтобы обман мечты застрял.
Они были совершенно неистощимы в изобретении новых наркотиков.

* * * * *

Где бы в мире ни просыпался юноша, толпа мечтателей, ведомая и возбуждаемая пророками, набрасывалась на него и не знала покоя, пока он не находил последнего сна.

* * * * *

Человек хотел мечты, потому что боялся реальности.

Так закон был утерян, а вместе с ним и меч северного региона.

* * * * *

Насколько несомненно, бдительность и истина неразрывно связаны, настолько несомненно, что ложь — сестра мечтателя.

* * * * *

Неправдивость стала признаком смертельно уставшей, больной духовности.

* * * * *

Время от времени тысячелетие мечты отзывалось громом великих событий.
Но пробуждение тогда начиналось подавляться.

Ожидание, дремлющее в душе юношей, было направлено на окончательный упадок.

* * * * *

Упадок был возведен в культ: убей себя, и ты будешь благословен!
Блаженная хвала уничтожению стала словами евангелия, а слабость стала его символом.

* * * * *

По мере того, как тысячелетие ожидания и мечты приближалось к своему концу, гром событий становился все громче и чаще.

* * * * *

Мы смотрим по всему миру и по всей Земле: едва ли есть земля, в которой юноша не поднимает головы.
Вряд ли есть народ, в котором юноша не отправляется на поиски утраченного закона. И едва ли найдется страна, в которой пророки уходящего тысячелетия не призывают к войне против пробуждения.

* * * * *

И снова воздвигнут крест. На этот раз в самом сердце северного региона.

* * * * *

Но молодежь уже достаточно проснулась, чтобы позволить своим голосам-интерпретаторам отразиться в нарастающем громе событий.

* * * * *

Мир вооружается для борьбы.

Это становится самой тяжелой борьбой, которую видел этот земной шар. Это уже не борьба земель и наций, это борьба тысячелетий, борьба между мечтой и волей.

* * * * *

Это становится борьбой между делом и обманом, между мусором и видимостью, между жизнью и смертью.

* * * * *

Сумерки содержат в себе ночь и день.
Его теневые люди с превосходящей силой нападают на немногих, на молодых носителей света.

* * * * *

Если закон будет найден, а с ним и меч северного региона, то эта земля будет переделана снизу вверх.
Пророки знают это, и поэтому они ведут толпы своих теневых людей вперед в атаку.

* * * * *

Ни один Бог не распределяет жизнь и смерть. Народы сами несут ответственность.
Это первая мысль пробуждения.

Лицо Мира

Поскольку закон был утерян, народы утратили чувство пути и цели, жизни, истины и величия.

* * * * *

Вместо ровных маршевых шагов, которыми народы северного региона прошагали путь к новому формированию мира, начавшийся после краха восстания, начались падения на кресте, танца экстаза.

* * * * *

Люди начали вращаться по кругу и думать, что их вращение вокруг собственной оси было «прогрессом».

* * * * *

На самом деле, в тысячелетии ожиданий и мечтаний был только один «прогресс», а именно продолжающееся отход от закона.

Дальнейшего развития воли и выдержки не произошло.
Как раз наоборот. Воля и выдержка молодых людей северного региона являются сегодня целью и стремлением всего пробуждения.

* * * * *

Тысячелетие ожиданий и мечтаний было «изобретательным». Но этот «интеллект» был всего лишь — отчасти длиннее, отчасти короче — веревкой, которая вела кажущихся движущихся вперед людей по кругу. Пространство между колом и шеей — отсюда длина веревки — было превозносимой «свободой» этого тысячелетия.

Он был изобретателен, он изобретал умные машины и искал в них спасения от утомительного вращения.

* * * * *

Крест Востока выдавался и затенялся. Куда бы ни падала его тень, жизнь везде угасала.
Крест создал — странное привидение — свой «дух» и назвал его носителей и распространителей «священнослужителями».

* * * * *

Эти «священнослужители» создали теории и теологии [Телеология = учение о том, что развитие изначально установлено целенаправленно] и думали, что смогут посредством этого увековечить циркуляцию псевдодуха.

* * * * *

Крест убил единственное подлинное движение, движение марша вперед.

Пробуждение в тысячелетнем веке мечты достигло прошлого времени, которое до восстания северян дало миру его лицо, и застыло потрясенным перед видом величия затонувшего язычества.

Но поскольку закон был утерян, пробуждение не нашло пути из прошлого в сегодня и завтра.

* * * * *

"Царство Мое не от мира сего", в этом утверждении враждебная жизни ориентация креста закреплена на все времена.

Все «священнослужители» в мире не могут теологизировать это утверждение. Через это утверждение жизненная воля всех людей и наций, осененных крестом, была отравлена.

* * * * *

Пробуждение времени гуманизма также не могло перепрыгнуть через тень креста. Язычество не стало для них опытом, скорее, в лучшем случае интеллектуальным взглядом, взглядом сквозь завесу христианской зараженной философии.
Укоренение в язычестве античности было невозможно, также не могло состояться, потому что гуманизм не признавал и не знал самой важной основы язычества, выдержки, единства мысли, воли и дела. Жизненный взгляд возрождения родился из духа либертина, а не из духа борца за свободу. Во времена Возрождения не встречается понятие свободы, но есть понятие либерализма.

Борцы за свободу, такие как Гуттен, не были «истинными» гуманистами.

Из древнего язычества заимствовали великолепие и преобразовали его в пышность. Брали власть и вырождали ее в произвол, тирания античности стала тиранией правителей эпохи Возрождения.

* * * * *

Гуманизм как интеллектуальное воспитание был столь же нереален, как и возрождение как взгляд на жизнь было бесплодным. Действительно, освобожденные чувства прорастали семенами и почками во всех областях, цветы или даже плоды не производились. Богатство того времени не следует путать с урожайностью.

* * * * *

Поскольку пробуждающийся народ во времена гуманизма не нашел свой собственный мир подходящим для своей природы, он поддался новой мечте, мечте об «образовании». И эта страна грез была столь же далека от жизни, как крест Голгофы. Но в стране грез росли цветы прекраснее, чем на Масличной горе.

* * * * *

Гуманизм принес новое разделение. Если раньше крест разделял человечество на «верующих» и неверующих», то гуманизм разделил на «образованных» и «необразованных».

Он сформулировал предпосылку «образование делает свободным» и воздал лавры образовательным знаниям. Тот, кто владел несколькими мертвыми языками, был замечен, почитаем и становился правителем в стране интеллекта. То, что беспринципное существо, подобное Меланхтону, было почитаемо как «ученый», полностью соответствовало «порядку» гуманизма.

Началось время ученого, сидящего в своей комнате, в очках и рисующего компендиумы. Сама «жизнь» осталась презираемой.

* * * * *

Нельзя отрицать, что в гуманизме филология одержала победу.
Великие открытия, которые приходятся на это время, не являются результатом гуманизма, а сопутствующими проявлениями.

Открыватели были людьми дела, а не мечтательными натурами.

* * * * *

Хорошо подмечено: жизнь античности была подлинной и истинной, была «тотальной». Гуманизм заслуживает похвалы за то, что указал на реальность жизни, несмотря на волю креста к смерти.

* * * * *

Крест предлагает испуганным духам сбивающий с толку тезис:

Ты рожден, чтобы умереть!

Язычество исходит из осознания:

Ты рожден, чтобы жить!

Здесь лежит фундаментальное разделение между потусторонним миром креста и сознательной мирской жизнью язычества.

Здесь также лежат взаимоисключающие импульсы характера: крест равен смирению, а язычество равно выдержке!

* * * * *

Гуманизм как предмет образования, однако, не нашел своего пути к выносу, не мог найти его. Это было тепличное растение интеллекта, которое не могло выдержать открытого воздуха реальной жизни.

Гуманизм построил для античности в полном восхищении и почитании сакральный музей и совершил ошибку, представив этот музей как источник энергии.

* * * * *

Неудивительно осознавать бездомность гуманистического, хотя если учесть, что главные представители гуманизма, которым сыновья Гомера казались светлыми, даже не предприняли как само собой разумеющееся дело отделения от креста, но вместо этого – например, Эразм! – в решающий час встали от него, защищая.

* * * * *

Народ, почти во всех своих слоях, остался нетронутым образовательным движением гуманизма.

Во время родовых мук Реформации она в темной тоске встала на сторону воинствующих мечтателей. Не для того, чтобы, скажем, завоевать свободу Евангелия, а скорее для того, чтобы вернуть себе жизнь, движение и, следовательно, смысл существования в себе. В борьбе эпохи Реформации народ был наиболее глубоко обеспокоен свободой Евангелия.

* * * * *

Не вина народа, что тогда вместо опасной формулировки «свобода от чего» не было найдено утверждение понятия «свобода для чего».

Христианство не только обесценило понятия «жизнь», «долг», «ответственность» своим учением о грехопадении человека, но и вовсе похоронило их.
Поэтому душа народа ослабела. Народ следовал своему инстинкту, и он погнал его к нигилистическому бунту мечтателя как к особенно зримому потрясению существующей системы произвола.

* * * * *

Где были люди, которые могли бы повести за собой народ?

Эразм и его группа приобрели право гражданства земли, которая возникла за пределами требований дня. Они были гражданами в стране "интеллекта".

Обскуранты, такие как Меланхтон и его друзья-розенкрейцеры, перепутали фронты.

«Реформаторы», такие как Лютер, не имели родины ни в тени креста, ни в стране интеллекта. Толпы, которые следовали за ними, должны были блуждать в безлюдной пустыне.

Люди, такие как Зикинген, пытались спасти свой класс в хаосе и избегали угрозы классу от притязаний нации на тотальность. Они заканчивали — как и все попытки омоложения, которые исходят от класса — неизменно восстанием.

Люди, такие как Гуттен, которые не посвятили себя ни «кресту», ни «интеллекту», а скорее идее нации, умерли в величайшей изоляции как мятежники против «креста» и «интеллекта».

* * * * *

Так воля пробуждающихся людей блуждала в пространстве между крестом и интеллектом и искала великое третье, единицу, целое. После поражения доктрины, после преодоления «знания», они боролись за третье: за вынос.

* * * * *

Лютер однажды умолял своего Бога о «dos moi pou sto», о конечной точке зрения.
Он отправился на своем маленьком корабле доверия в предательское море «веры». Он увидел в своем путешествии многочисленные трупы тех, кто потерпел кораблекрушение в этом море. Его рулем было «может быть» теологии, его компасом была действительность «писания». Но он очень скоро потерял безоговорочное доверие к этому компасу, когда он заметил, что его корабль поворачивается по кругу.

Он проплыл сквозь скалы, применив свою теорию двух богов, прозрачного и скрытого Бога.

Так что он мог, даже налетев на скалы, все еще применять дешевое утешение. Как это и получается, это правильно!

Этим тезисом он снимает с человека окончательную ответственность.

Поиски Лютера не следует умалять. Его находка была в основном несущественной.

Шаг за шагом Лютер оставил поле своего революционного продвижения ради «мирского священства» — что фактически означало конец видимого колодца как невидимой церкви! — и закончил в государственной церкви.

С ним все его протестанты повернули по кругу.

Аугсбургское Утверждение замкнуло кольцо. С тех пор «евангелическая церковь» застаивается. Она, которая когда-то носила в себе взрывающееся семя язычества ответственное мирскому, с тех пор как Аугсбург снова непрерывно вращается вокруг креста!

* * * * *

Некогда революционный протестант, который настаивал на ношении, снова взял на себя крест отречения. И, конечно, отречения от характера, который они — уже Лютер знал «rabies theologorum» — только двое часто приравнивали к сварливости и упрямству. Павел стал евангельским «святым», именно Павел, который хотел быть греком для греков и римлянином для римлян. Короче говоря, кто был архииудеем!

С признанием власти в целом евангелисты сдались одной из первых предпосылок пробуждения к свободе: политике.

* * * * *

С большим высокомерием однажды характеризируют «Реформацию», застрявшую в песке, как начало современной эры.
На самом деле, в Реформации мир не получил другого лица, даже не был дан другой знак мысли.

* * * * *

С тех пор, как Петра сменил Павел, наступил период отсутствия идей.
У Петра в его папстве была идея, идея тотального правления над всем миром.

* * * * *

Павел принес «и то, и это».
Петр действительно принес обман, но это все еще направление.
Павел принес отсутствие цели.

* * * * *

(Эта линия мысли важна, потому что необходимо найти причину истощения, безразличия, скуки «мира».)

* * * * *

Тезис:
Современная эпоха начинается с преодоления креста!

* * * * *

Отсюда впервые становится понятным огромное значение Ницше.

Он стоит на пороге современной эпохи как глашатай упадка Средних веков, как провидец зарождающейся эры целостного человеческого существа.

Поскольку Ницше стоял в сумерках, ему неизменно приходилось видеть многие вещи искаженными, которые стали яснее для наших глаз. Для тонущего тысячелетия Ницше был на самом деле динамитом, которым он себя представлял.

Он разрубил мечом своего интеллекта узлы путаницы, в которых души лежали, и ниспроверг крест.
Он стал глашатаем эпохи правдивости. Его поведение основало новый героический реализм.

* * * * *

«Pia fraus», благочестивый обман повседневного христианства, был разоблачен им.
Ницше стал первым лидером в мире сильных мира сего.

* * * * *

Воздух, который дует в этом царстве, был суровым и холодным.
Героическая серьезность была ничем для жажды масс к ощущениям.

* * * * *

Ницше в эпоху либерализма проповедовал свободу и провозгласил против массового безумия идею изоляции.

Он был начинающим, но не завершающим нового тысячелетия.
Он остается окруженным трагедией предтечи.

* * * * *

Немецкое лицо получило через деяние Ницше свои первые своевольные черты.

* * * * *

Среди народов северного региона Германия была первой, кто начал новое мышление о законе и порядке.

Возможно, прорыв к новому мышлению был легче в Германии, чем в других странах, потому что Германия, в своей основной земле, Пруссии, воплощала идею воинства.

Поведение воина быстрее всего отвечает требованиям закона и порядка.

* * * * *

Лицо внегерманского мира совершенно неоднородно.
В большинстве стран вокруг нас ницшеанская борьба еще не произошла.

* * * * *

Высокомерное утверждение:

Из немецкой сущности
Мир снова исцелится!

Из немецкой сущности исцелиться может только Германия, никакая другая страна.
Но люди мира однажды поблагодарят Германию за Ницше, потому что они соизмерят с его деянием свою собственную волю и, возможно, также свою собственную дистанцию от закона.

* * * * *

Люди, которые не достигли своей собственной причинности и поэтому стоят вне порядка, не уверены, пугливы и поэтому склонны к хитрости и насилию. Недостаток уверенности в себе компенсируется бряцанием оружием.

Такие люди склонны к империализму.
Война становится для них желанным отвлечением от внутреннего брожения.
С помощью набегов и атак на более слабые народы они пытаются отсрочить неминуемые крахи.

* * * * *

История Европы характеризуется главным образом последствиями беззакония.
Жизненная воля европейских народов, введенных в заблуждение заинтересованными силами, выражалась в набегах худшего рода.
Европа — в тысячелетие креста — занималась систематическим убийством и резней.
Самую печальную картину представляет история германского региона.
Самое позорное членовредительство началось здесь под умелым политическим руководством крестоносцев. В своей собственной земле север должен был получить смертельный удар креста.

Разросшийся закон прорывался снова и снова, несмотря на политику креста смерти – чтобы быть снова прикрытым в решающий момент.
Эта игра – взлеты и падения истории Европы.

* * * * *

Воинственные носители немецкого духа и германской воли к свободе, ради «мира». Это значит, ради беспрепятственного развития империалистического господства креста, не были допущены к работе в самом северном регионе.

* * * * *

Но политикам креста удалось увести воинственных людей из северного региона в отдаленные зоны, в которых затем воля борьбы была использована этими хитрыми политиками для достижения своих целей, установления окончательного господства креста.

* * * * *

Родина северного региона была уже «умиротворена». Тоска по борьбе систематически подавлялась обещанием приключений. Воина намеренно низводили до наемника, грабителя.

* * * * *

Полное мировое господство было военной целью креста с самого начала христианской политики.

Следует помнить, что крест никогда не довольствовался частичной политикой, что он никогда не занимался исключительно «религиозной» пропагандой.

Именно в политике креста духовное наследие еврейства, которое христианство приняло, особенно отчетливо видно.
Еврейство со времен Моисея, с момента провозглашения «государства Бога» на Синае, является просто полностью империалистической силой. Народ должен преклониться перед «честью Бога», они могут быть разграблены. Чего еврейство не достигло, так это полной власти.

Христианство планирует осуществить как «духовную» силу. «Пастух и его стадо» — вот венец властных амбиций Моисея, который вывел детей Израиля из рабства на свободу пустыни, чтобы превратить их в народ со стальной волей, стремящийся к тотальному господству.

«*Мы — духовный Израиль*», — говорит Павел.

«*Я пришел не для того, чтобы искупить закон (это означает всю совокупность Израиля, образованного Моисеем), а чтобы исполнить его*», — провозглашает Иисус.

* * * * *

Всеобщее господство креста над миром является предпосылкой для «царства Божьего на земле». Требование обуславливает господство над всем человечеством.

Тактика креста действительно может время от времени меняться. Но цель и воля креста фиксированы. Попытки, если возникнет случай, возможно, установить в определенных местах народные христианства относятся к тактике креста.

* * * * *

Эти черты глубоко вырезаны на лице мира. Это черты ужасных страданий!

* * * * *

Поскольку здоровый народ никогда добровольно не подчинялся политике креста, концепция «священной войны» была придумана политиками креста, укоренившимися в пацифизме через свои религиозные теории.

* * * * *

Народная война, которая не способствовала стремлению креста к власти, была пренебрежительно воспринята как дьявольская. Но воину креста воздали высшую хвалу, награды для мира и для загробной жизни.

* * * * *

Гротескны оправдания, которые искали политики креста, если речь шла о решении восхвалять войну как святую или проклинать ее как языческую.
Только в тот момент, когда у креста появилась перспектива обрести власть, ситуация прояснилась.
Такова была картина, которая представлялась во времена, когда крест не вел своих войн, а ограничивался извлечением прибыли из войн народов.

* * * * *

Двойственность христианства позволяла проводить любые преобразования тактики.

Никогда не следует забывать, что для христиан Иисус — это и кроткий агнец Божий, готовый к унижению, требующий и достигающий смирения, несущий на себе грехи мира, н одновременно и верящий и восхваляемый как царь, который придет в конце этих дней, чтобы судить живых и мертвых!

Сам Иисус — если с большой осторожностью взвесить несколько «подлинных» отрывков Нового Завета — никогда не требовал от себя роли мстящего господина. По всей видимости, он хотел, служа и даря любовь, искупить мир, сделав его «подобным детям». Для него это искупление состояло главным образом в освобождении от всех уз этой земли. Его царство за пределами мира должно было стать родиной для третьего рода [Geschlecht], пола всех детей Божьих – по форме, в самом прямом смысле этого слова, «благородного коммунистического», по содержанию совершенно нигилистической (не сеять, не жать и все же быть вскормленным! Священство с радостью приняло это обещание!).

Древняя община в Иерусалиме жила полностью в этом древнехристианском смысле нигилистического ожидания конца. Вероятно, она бы жалко погибла в пустыне вскоре разразившегося разочарования и отчаяния из-за невозвращения «возвышенного Христа», если бы после изначально очень тяжелой борьбы христианство через Павла за стенами Иерусалима не перешло в наступление на мир.

С этого момента агнец все больше превращался в мстящего хозяина мира.

Нигилистическая община организовалась в церковь. Идея спасения была дополнена тотальной претензией на власть.

В то же время так называемый порядок миссии был фальсифицирован в писании.
(Идите в мир!)

Борьба за власть, которая разразилась между Римом и Византией, должна была закончиться победой Рима.

Христианство стало законным порядком. Это могло произойти только на почве Рима.

Восточная мечтательность (к которой относится, прежде всего, восторженное ожидание конца) была освобождена римской канцелярией.
Пророчество, говорение на языках древнего христианства было освобождено канонизацией Библии, из которой многочисленные апокалипсисы, «откровения», за исключением Иоаннова, были поражены из-за опасностей фанатизма, подспудно маячащих в них.

Кабинет систематически вытеснял христианский «дух».

С этим развитием христианство внутренне отделилось от чуда. Оно создало вместо этого порядок милосердия [Gnadenordnung].

* * * * *

Эти вопросы получают особое значение с точки зрения христианства как духовной силы, формирующей мир.
Снова и снова мечтатели внутри христианства пытались заменить церковный порядок милосердия верой в чудо, направленной на Бога. История церкви наполнена этой борьбой.

Но организация канцелярии всегда торжествовала. Если бы направленный на Бога фанатизм успешно действовал в течение длительного периода хотя бы один раз, церковь, а следовательно, и само христианство, были бы уничтожены.

Даже в неустойчивой и бесцветной евангельской «церкви» — это «ни — ни» — эта борьба разыгралась. Примером являются антиподы Меланхтон и Мюнцер!

Декларация непогрешимости Папы является лишь логическим результатом развития порядка милосердия, который самым решительным образом исправляет даже «священный порядок Бога»
[«Heilsordnung Gottes»]!

Кальвинизм оставался более открытым для фанатизма, чем лютеранство, которое в Аугсбургском утверждении оставило для себя открытым возвращение в Рим. Поэтому существенно больше сект возникло из кальвинизма, чем из лютеранства, очень скоро снова догматически окаменевшего и, следовательно, внутренне католизующегося.

* * * * *

Лицо мира глубоко пострадало от борьбы.
Порядок милосердия наиболее решительно подорвал справедливость, искупление и концепции закона и порядка.

* * * * *

Нельзя — как это с удовольствием любят делать здесь и там — игнорировать существование креста. Он не позволяет себя заглушить, его тень теперь вытесняет свет.
Вместо этого нужно спорить с крестом не на жизнь, а на смерть, чтобы освободить его порядком закона.

* * * * *

Итак, деяние Ницше снова и снова оказывается решающим. У Ницше Антихрист впервые появился сознательно и намеренно, это полностью языческий человек, который смог противостоять в качестве оппонента Папе, главе организованного христианства, обладающего мировой властью.

* * * * *

Борьба наступающего тысячелетия будет вестись за народное становление наций.

* * * * *

И Германия шагает вперед в этой борьбе! Это гордость, которая наполняет
молодую воинственную команду Германии.
Снова раздастся маршевый шаг людей северного региона, на этот раз в бескрайней стране тотальной внутренней революции.

* * * * *

Антихрист в понимании Ницше восстает – как несущий свет Прометей – чтобы
шагать против тени.
Уже сумерки проясняются сквозь сияние, которое исходит от солнечного колеса.

* * * * *

Папство и народное руководство — вот фронты, которые вооружаются для решающей борьбы.

Если руководство победит, то начнется правление всего народного человека.
Если руководство проиграет, то правление Средневековья снизойдет с огнем и
мечом на северный регион. Война на уничтожение очистит германского немецкого человека с лица земли. Осознание ответственности закаляет боевую волю носителей духовного северного региона к героическому подвигу.

* * * * *

Людей, прежде всего, северного региона, нужно научить узнавать лицо мира. Иначе смерть придет в их сон.

* * * * *

Особенно воинство [Kriegertum], однако, должно быть снова возвышено до идеи.
Оно было введено в заблуждение слишком долго.

Мужчины северного региона слишком долго проливали свою кровь на всех континентах в качестве «наемников» креста. [«Reisläufer»]

Пора им начать сражаться за свой Рейх, за свою нацию.

* * * * *

Политике креста всегда было свойственно после уничтожения воина, создавшего предпосылку для власти, быть «греком среди греков» для народов, покоренных кресту.

Носители креста спешили стать «народными» в покоренной стране, восхвалять мир, презирать войну, воздвигать крест и крушить меч.
Политика креста всегда умудрялась в решающий момент, когда напряженность грозила привести к взрывам – и, следовательно, к «шуму, нарушающему сон», – выпускать военные лозунги, которые призывали готовых к действию, воинственных людей от внутренних народных решений к приключениям чужой земли.

* * * * *

Нет континента, который не пил бы крови севера.
Нет континента, на который бы не была принесена тень креста с севера.
Так что народная субстанция севера систематически калечилась.

* * * * *

История не знает «совпадений». Она знает только закон и беззаконие, а отсюда и связанные с этим последствия.

* * * * *

«Христианский мир» не был мирным до сих пор, также не должен стать мирным ради конечной цели – уничтожения сильных.
Политики креста слишком хорошо знают, что сначала должен пасть последний воин, прежде чем наступит «Судный день» – это означает день, в который «избранные» согласно учению креста придут править.
Каждая мировая война, которая служит уничтожению сильной жизни, не только терпится крестом, но порой даже поощряется, да, требуется.

* * * * *

Раньше не было «рассвета нового времени», в который не был бы пронесен замаскированный крест.

Но закутанные крестоносцы, следовательно, также вошли в ряды носителей рассвета.

Прошло совсем немного времени, прежде чем крест был явлен, и носители креста заявили о своих претензиях на власть.
«Рассвет нового времени», провозглашенный с большим криком, затем регулярно откладывался на более позднюю дату.

* * * * *

Частичное осознание недостаточно для наступления нового времени.
Поэтому невероятно ошибочно считать духовные факты видимыми в реформе Лютера началом современной эпохи.

* * * * *

Только тогда начинается новое время, время новой жизни, если люди сознательно освобождаются от нигилистической орбиты вокруг креста и продвигаются к народной сущности, к жизни в истинном признании своей собственной причинности.

* * * * *

Из этого признания становится понятной ненависть крестоносцев к новой Германии.

Германия рискнула продвинуться в Новое время. Поэтому — совершенно помимо враждебности, с которой подчиненный ей мир с подозрением относится к укреплению немецкой нации — Германия стала одинокой.

Она вошла в одиночество величия.
Не столько деяние Германии, сколько пример этого деяния пугает мир.

* * * * *

Так что требование тотального германизма приобретает беспрецедентное значение.

* * * * *

Лицо мира полностью меняется благодаря пробуждению народов к тотальной сущности.

Народы северного региона и те, кто являются духом этого духа и волей этой воли, отвернутся от империализма, а также от нигилизма.

Путь к освобождению мира тем самым открыт.

* * * * *

Это будет содержанием политики нового тысячелетия, политики правдивости.

Значение Политики

Во времена уходящего тысячелетия крестоносцы стремились подавить политическое значение осененных людей и перенаправить все возникающие вопросы о справедливом формировании этого мира, соответствующем закону, на заботу о возделывании запредельного, смерти.

Смысл Лютера также вращался вокруг одного полюса «Как мне получить милосердного Бога?»

Из этой орбиты Лютер, несмотря на первоначальные усилия, несмотря на вопросы, которые снова и снова всплывали, беспокоя его, не мог освободиться.

* * * * *

Одной из важнейших задач носителей политики креста является сворачивание вопросов формирования жизни «со стороны Бога». Следовательно, заниматься посредником, как путем, как проводником судьбы, чтобы сохранить господство над овцами стада.

Больная ненависть к жизни взращивалась и лечилась крестоносцами, используя все мыслимые средства и усилия.

* * * * *

Скованная жизнь формировала свои стремления в титанических зданиях готической архитектуры.

* * * * *

Крест брал даже мелодии жизни и давал им эскапистские слова.

* * * * *

Весь груз власти был перемещен и сохранен в Риме. Сокровища мира также, желанные средства для расширения власти, для покупки людей и «идей», текли — великолепное исполнение старых еврейских обещаний — туда, в духовный Иерусалим.

* * * * *

Короли и князья мира очень скоро стали жалкими пешками на мировой игровой доске Великого Политика в Риме. Рим даровал и отбирал короны и королевства самым щедрым образом.

Умно и искусно хозяин мира, Папа Римский, сумел в данный момент бросить яблоко раздора среди своих администраторов власти, предполагаемых королей, если они угрожали стать слишком независимыми.

И война всех против всех началась без промедления, пока хозяин мира — после достаточного кровопролития и после ослабления воинственной субстанции — не положил конец убийствам взмахом руки, который по необходимости был усилен папским указом.

Папа Римский был в своей политике умнее и дальновиднее всех мировых правителей до него. Его «разделяй и властвуй» был более расчетливым и, следовательно, более последовательным. У него были тысячи лет, чтобы собрать урожай.

Но другие мировые правители, которые не могли посылать длинные тени креста, скорее должны были полагаться на свой короткий меч, умерли после двадцати лет своей власти и следовательно хотели - поскольку они не были дома в безвременье - собрать урожай при своей жизни!

Римский империализм пережил однодневные империализмы.

* * * * *

У мирового правителя в Риме было достаточно времени, чтобы истребить политическую жизнь народа снизу вверх и отправить народы наций в загон безыдейного прозябания.

* * * * *

Путем систематического ограничения материального простора народов северного региона, высокий полет духа также систематически подавлялся.
Народ под крестом должен был «ползать в пыли», в то время как церковь окружала себя богатством.

* * * * *

Первоначально свободное крестьянское население было, с помощью и подстрекательством крестоносцев, обращено в крепостное право. Рим является истинным основателем нигилистического коллективизма. Хозяин мира распределил «вотчины» и принял одну десятую часть как единственное, что имеет право перед Богом и от Бога.

Одна десятая служила не, скажем, справедливому распределению сокровищ и облегчению бедствия, а скорее «призу господина», это означает политической пропаганде церкви.

* * * * *

Ситуация не может быть очерчена достаточно резко.
Принцип политического Рима максимально радикален.
Даже если тактика стремилась размыть резкие контуры, тактика тем не менее ничего не меняет в основной позиции!

* * * * *

Помимо политики Рима, не может быть никакой другой политики. Прежде всего, не может быть политизированных или даже политических людей. Любая попытка народной политики вызывала немедленную и непримиримую враждебность Рима.

* * * * *

Из осознания этого становится более понятной причина враждебности, которую политический Рим питает к любому народу, к любому государству, которое — даже не будучи само враждебным Риму — идет своими собственными путями.

Рим воплощает здесь тот же принцип, который представляет любое надгосударственное и, следовательно, антинародное движение.
Всякий империализм, который стремится по пути мировой политики к мировому господству, идет по тому же пути. Только, как уже предполагалось, быстрее, поскольку, как правило, ему не хватает времени, которым обладает Рим.

* * * * *

Первоначальный туман креста — это была религия любви, которую носили как приманку народам, которых нужно было обратить, — очень скоро затвердел в ночь, которая сама собой парализовала волю, кровь и дух народа.

* * * * *

Восстания за свободу стремящихся людей, попытки восстания отдельных амбициозных или добросовестных королей и принцев, возмущенных из-за все еще здоровых чувств народа, озлобленного стольким предательством, были быстро подавлены.

С обесчещением мятежников — следует вспомнить историю еретиков — был сделан решительный шаг к очищению даже памяти об этих восстаниях.

Гиены очень скоро начинают питаться падалью павших, которые все еще были благодарны за то, что они могли увеличить свое состояние, свою базу власти таким дешевым способом.

* * * * *

Так возникла «всемирная история», которая не является историей фактов, а, скорее, историей тактики.
В этой «истории» были тысячи поездок в Каноссу.

* * * * *

Все грубее, чем с крестьянством, политика Рима обращалась со свободным рыцарством.
Судьба этой элиты немецкой воли, которая сталкивалась вниз ступень за ступенью, движется. Эпоха, в которой Вальтер фон Фогельвейде все еще встречался при рыцарских дворах, очень скоро уступила место беспринципному черни-рыцарству, к которому политически бесправный и, следовательно, народно оторванный от корней рыцарь был вынужден.

* * * * *

Путь, полный позора и ужаса, характеризует падение героического борца за правду, право и свободу к этому презираемому рыцарю печального облика.
Здесь раскрывается судьба любого, кто заражен «bacillus romanus».

* * * * *

Сомневающийся в себе рыцарь, который чувствует, как грязь унижения прилипает к его телу, может принять «очистительную ванну спасения». Для него был открыт великий указ, который предвещал ему участие в одном из крестовых походов, убивающих людей!
Тем самым рыцарство лишилось даже последней опоры — Родины!

Тот, кто когда-либо напишет историю упадка рыцарства, не должен забывать рассказывать о том, что рыцарская молодежь, принявшая крест, сражалась насмерть в бою, чтобы избежать отчаяния и позора, которые ждали их на родине, стала безутешной.

Он также не должен забыть написать историю нескольких ветеранов, пожираемых болезнями и желаниями Востока, которые обнаружили свои замки разрушенными, своих женщин разоренными, своих детей отчужденными, а свое имущество в руках церкви.

* * * * *

Некогда цветущая и гордая земля северного региона — словно тронутая чумой — превратилась в место ужаса и лжи.

Толпы одержимых бродили по земле, бичуя себя и крича к небесам, волоча за собой болезни, пороки и страдания, в которых — из-за отсутствия политического влияния — царили беззаконие и, следовательно, неопределенность.
Когда-то эту историю напишут люди, люди, которые стали политическими, которые научились из одиночества видеть и изображать всецело.

* * * * *

Германский человек [Germanentum] был политически тотальным. Каждый был связан долгом и ответственностью перед обществом. Предательство уже было затруднено осознанием взаимозависимости.
В германском мире также почти не было никого, кто вознаграждал бы предательство иначе, как веревкой для предателя.

Система общинного землевладения [Allmende] и сельскохозяйственного права [Ackerrecht] защищала общество от грабительских инстинктов отдельных лиц, отклоняющихся от рода.
Аристократическая структура германского общества обязывала человека к деянию и воспитанию общинного духа, это тоже политика.

* * * * *

Образ германского господствующего народа [Herrenvolk] был намеренно затемнен крестом и его политиками.
Важно знать о правлении [Herrentum] германских народов, чтобы понять атаку масс, развязанную крестом против концепции аристократии.

Важно знать о наследии, которое пробуждается в германских народах как тоска по родному происхождению.

* * * * *

Аристократическая политическая стратификация германских народов постепенно заменялась олигархией политиков креста.

* * * * *

Субъектом стал свободный воинственный человек.

* * * * *

Наше мышление никогда не поднимется на одинокую высоту знания и видения, если не пройдет всеми путями, ведущими через унижение уходящего тысячелетия.

Пропасть слишком велика, чтобы ее можно было перепрыгнуть бегом.
Нет дела без сознания, нет сознания без знания!

* * * * *

Трудно проследить и пройти мысленно пути, по которым политический германский человек стал овцой большого стада.

Но пути реализации полны значения.

* * * * *

Поскольку люди северного региона все еще находились на первом марше к власти, когда крест Азии был воздвигнут против них, нельзя считать слишком большим унижением по отношению к ним то, что они все еще не знали государственного мышления.
Государственное мышление впервые начинается после окончания марша, только когда вбиты колья палатки и разграничены владения.
Но, как мы знаем, северный регион до этого не дошел.

* * * * *

Это признак предвзятого политического взгляда - восхвалять Франка Карла Великого [Карла] как государственного деятеля северного региона или даже почитать его как государственного учителя германских народов.

Карл Великий был империалистом. Он подчинил северный регион своей воле.

Если смотреть с точки зрения Рима и креста, эта воля могла быть политически согласованной.

Однако, если смотреть с северного региона, он был одним из величайших препятствий для общего развития Севера.

* * * * *

Политики креста обесценивали северный регион до тех пор, пока голая жизнь людей не стала единственной «ценностью».

Политика обесценивания, «экспроприации» действительно успешно применялась в решающие моменты.
Таким образом, народ был систематически прикован к самому примитивному, к питанию от одного дня до другого.
Народ, обедневший из-за «экспроприации», принципиально отличается своим положением от народа, обедневшего из-за преднамеренной жертвы:

Добровольно обедневший народ отделяет себя от своей собственности ради великой цели. Он растет через жертву.

В добровольной бедности заключается величие убеждения [Gesinnung], которое стремится проявить себя в преданности.

Экспроприация повергает народ в глубочайшее отчаяние, поскольку он видит только ночь нищеты, которая не освещена сиянием идеи. Во времена такой нищеты в народе развиваются худшие инстинкты: борьба всех против всех, которая рождается из жадности и страха.

Склонность к добровольной бедности готового к жертвам народа в 1813 и 1914 годах в сравнении с склонностью к освобожденной импульсивности в годы инфляции с 1919 по 1923 год являются убедительными примерами.

* * * * *

Все ценности, возвышающиеся над повседневными потребностями, были конфискованы политиком креста: землевладение, экономика, товары на интеллектуальном и материальном рынке.
Но в дополнение к этому также все всплывающие «идеи». Типичной для этого является линия от католического капитализма Средних веков через католическую политику поселений в годы после войны к озлобленной политике образования и брака церкви в наши дни. Рядом с этим идет интеллектуальная [ideeliche] линия католического консерватизма к католическому социализму.

* * * * *

История рабства [Unfreiheit] северного региона изложена несколькими штрихами.
Крестьянин, становясь порабощенным, ставил себя под «защиту» и следовательно, в рабство рыцарю, который, в свою очередь, как субъект был политическим объектом носителей креста и правителей, подчиненных им.

* * * * *

Тоскующие сыновья порабощенных истекали кровью как наемные солдаты, как наемники, как ландскнехты во всех землях земли.

* * * * *

В городах собралась ценная прослойка недовольных сыновей.

Профессии расцвели здесь на короткое время. Они стали источниками денег, из которых великие политики Рима черпали средства для власти.
Но профессии также не должны были стать слишком могущественными. В нужное время их выдавали своим противникам, властолюбивым правителям и рыцарям.
В определенные промежутки времени следовали великие кровопролития, пытки и погребальные костры инквизиции.

* * * * *

История городских федераций, их возникновение и, тем более, их упадок, еще должна быть написана!

* * * * *

Жажда знаний и образования могла быть утолена только на интеллектуальных рынках, на которых исключительно политики крест торговали своими товарами и ревниво следили, чтобы немаркированные товары не попадали в оборот.
Политика Рима всегда и везде была исключительной.

* * * * *

Когда гуманизм зародился и воздвиг свой собственный товарный стенд на рынке интеллекта, эта конкуренция была очень быстро выкуплена Римом.

Первоначально революционный Эразм присягнул Риму. Начинающаяся война между «Аристотелем и Платоном» закончилась согласием между обеими сторонами.

Эразму было легко утверждать Рим в виду того, что Виттенберг терпел неудачу и рушился на всех фронтах.
Но Эразм, тем не менее, не смог скрыть неудавшийся рывок на новую территорию. В конфликте Эразм-Гуттен, неподкупный Гуттен, стремящийся к тотальности, одержал победу

* * * * *

С мужественным утверждением жизни все больше и больше одиноких и отшельников продвигались, несмотря ни на что, на новую территорию света и призывали молодежь народов северного региона следовать за ними.
Одинокие и отшельники с самого начала своего протеста имели верную смерть перед глазами. То, что они, тем не менее, продвигались вперед, их подвиг к героизму.
Языки были вырваны у немногих утверждающих, которые прославляли мир и жизнь и тем самым «хулили Бога»!

* * * * *

На полях сражений духа и воли пали братья и сыновья тех, кто пролил свою кровь в крестовых походах церкви.
Это характерно для Средних веков: политика была привилегией мирового правителя в Риме. Политическая деятельность была зарезервирована исключительно для его креатур в той степени, которую он желал и терпел.

* * * * *

Тот, кто провозглашал и жил политикой как выражением своей натуры, своей причинности, вне этих рамок, мог сделать это только с последним мужеством умирающего.

* * * * *

«Хороший подданный» был аполитичен. Вплоть до 20-го века спокойствие было признаком «хорошего нрава».

* * * * *

Великий политик в Риме мог тем самым все туже натягивать сетку своей сети вокруг мира.

* * * * *

Только единственное мужественное несение мужественной смерти оставалось для, в основе все еще воинственного, человека северного региона как выражение и заключение доблестной жизни.

Героическая жизнь, однако, не нашла никаких задач на земле. На протяжении веков, вплоть до настоящего времени, молодой экипаж тосковал по войне, следовательно, по смерти.
Война рассматривалась как утверждение единственно достойного жизни, полной жизни.
Только на войне внутринародные ценности, наложенные и затменные крестом, могут снова засиять.

Отсутствие политики в жизни и как жизнь делает «жизнь» бессмысленной даже для народного человека, ищущего содержания.
Судьба Генриха фон Клейста не «интересна», она, напротив, симптоматична.

* * * * *

Заслуга Пруссии, в ее всемирно-историческом значении, которое не поддается измерению, прожить политическую жизнь как пример для северного региона.

Пруссия знала – это было предпосылкой ее свободы – никаких размышлений, никаких оглядок на путь ее становления.

Она была настолько бедна, насколько это можно себе представить. Бедна во всех отношениях. Настолько бедна, что в глазах мира она была бесполезна.

Не стоило класть Пруссию на весы Великого Политика.

* * * * *

Провинция потребовала от первого Гогенцоллерна, который среди презрительного смеха мира перешел в «банку с песком» [«Streusandbüchse»], использования силы тотальной воли к жизни. Ее поставили перед решением либо полностью восторжествовать, либо погибнуть в нелепости. Уклонения не существовало с начала прусского мира.

* * * * *

Пруссия стала федерацией людей, которыми вождь ордена правил как король.

Общая нищета полной изоляции сформировала население в сообщество судьбы и, сверх того, в государство.
Нищета, которая знала только утверждение «тем не менее», вперед и вверх, выковала оружие тотальной воли.

* * * * *

Великий курфюрст приобрел посредством этих усилий власть, которая до тех пор была зарезервирована и достижима только для довольно крупных властителей.

Секрет его успеха заключается в мобилизации внутренних народных ценностей, в устранении наемничества и в призыве к жертвенности и готовности к действию воинственного потенциала.
Так он мог вести войско, нагруженное динамитом концентрированной воли, к победе над превосходящим врагом.

* * * * *

Фридрих Вильгельм I привнес новый существенный импульс в прусское право: честь.
И действительно честь служения, сознательной жертвы, желаемого лишения, бедности, освященной волей.

Он создал чиновничество, стоящее в чести служить, плохо оплачиваемое, но фанатично преданное.
Только благодаря его очень детальной подготовительной работе стало возможным полное развитие прусского права при Фридрихе Великом.

* * * * *

Великий политик в Риме был совершенно удивлен, когда заметил развитие внеримского права.
Когда он нанес удар, было уже слишком поздно:
закон жил, сиял и работал!

* * * * *

Фридрих Вильгельм считал себя христианином-кальвинистом. Он боролся наиболее серьезно с искушениями пиетизма и квиетизма.
Фридрих Великий всегда сознательно жил в великом порядке закона.
Он вырос за пределы своих предшественников в необъятности. Он стал мифом.

* * * * *

Культуры государств столкнулись с «варварской» Пруссией ошеломленно. Они не могли понять, что Пруссия начала жить политикой своей сущности.

* * * * *

Южные германские государства жили великолепной жизнью вассалов, чья пышность заменяла недостающее содержание жизни. Они вращались вокруг света чужого солнца.

Пруссия пережила беспрецедентные жертвы в силу своего собственного закона. Она жила тотально!

* * * * *

Пруссию упрекали в том, что она требовала в своей политике, чтобы иметь возможность вообще не иметь политического эффекта, трупного послушания.

Этот упрек несправедлив.
Трупное послушание - полностью христианский продукт, оно устраняет собственную, основанную на законе сущность.

Пруссия требовала солдатской дисциплины от всего народа. Тем самым она облагородила народ. Пруссия намеренно исходила из ценности сущности, основанной на законе, и интегрировала в высшее понимание лидера.
«Трупное послушание» — это то, чего требует «пастух» от своих «овец», которые могут пастись в стаде, но даже этот выпас допускается только для того, чтобы пастух имел от этого пользу.

Более ясно: Крест требует покорности, «потому что я — агнец Иисуса». Дисциплина вытекает из признания собственной ценности и вливается в сообщество ценных людей, которые сознательно доверяют лидеру.

Крест так же далек от закона, как «агнец» от мыслящего и сущностно сознательного человека.

* * * * *

В то время работали фальшивомонетчики, чтобы превратить дисциплину в трупное послушание и пустить эту фальшивую монету в обращение.

* * * * *

Между дисциплиной, основанной на характере, и нигилистическим смирением христианского трупа есть пространство, через которое невозможно пройти.

* * * * *

Только так следует понимать, что духи в истине свободны, чтобы иметь возможность связать себя прусским законом.

* * * * *

Выше, нельзя игнорировать, что народ Пруссии — как и все народы народов северного региона — пришел из состояния тысячелетнего истощения под сенью креста. Не следовало требовать, чтобы все пруссаки — рожденные и те, кто был связан по выбору — теперь внезапно немедленно стали едиными и пробужденными сами по себе.
Дисциплина была необходима как руководство на пути к пробуждению. Даже то, не исключалось, что поддерживалось тростью Фридриха Вильгельма.

* * * * *

Если бы Пруссия осталась в рамках закона, она бы превратила северный регион в государство силой твердости своей воли.
Слабаки на троне Фридриха растратили наследие.

* * * * *

Враждебная закону толерантность, рожденная равнодушием (она не имеет ничего общего с высшей щедростью и дальновидным воспитанием внутренних ценностей) — результат интеллектуальной неуверенности и физической слабости — истощила и истощила солдатский дух рядового.

Западные «идеи» лишили прусскую выправку и обесценили прусский порядок.

* * * * *

Когда Наполеон, великий империалист запада, далекий от порядка, двинулся через Рейн на восток, прусский закон уже давно был предан.

* * * * *

Космополитизм, образование, интеллект, «свобода» были лозунгами, которые предшествовали империалисту, распахивающему ворота.

Империалист нисколько не заботился о лозунгах, которые он — прикрывая собственную неуверенность — вешал на своем имени. Он наложил печать своей искорененной воли на достижимый для него мир.

* * * * *

Жизнеподдерживающей и жизнепроизводящей политики больше нет в северном регионе и даже в центральной части Пруссии после восстания воли к свободе, которое привело к деяниям 1813 года.
Такие люди, как Ницше и Бисмарк, оставались одиночками, чьи крики затихали на ветру.

* * * * *

«Народ» был отчужден от закона в те века, когда ищущего прибыли мелкого бюргера прославляли как храброго «предпринимателя». Умело руководимый «потусторонними» силами, он также больше не находил пути обратно к закону, а скорее растрачивал себя в потоках.

Когда Бисмарк, в своем начале к тотальной политике, стал опасен для
великого политика в Риме - Бисмарк был единственным, у кого
хватило смелости, знаний и воли, чтобы противостоять шахматному ходу хозяина мира возведенному в непогрешимость - и разгорелась «культурная борьба» [«Kulturkampf»] (на самом деле, это была борьба за главенство политики), «народ» понятия не имел, что она на самом деле. Знаменосцы креста сумели распространить в мире слух, что прусское варварство пыталось атаковать римско-западную культуру.

С этого момента великий политик в Риме изгнал Германию, только что трудолюбиво и кое-как собранную во время войны 1817 года, с Запада и определил ее в пространство «культурно лишенного» востока.

Сам Бисмарк логично перенес акцент своей политики с запада на восток.
После Фридриха Великого он является основателем политики северо-восточного региона.

Империя, с другой стороны, цеплялась за Запад и растрачивала свою энергию в
усилиях, чтобы иметь возможность существовать как западная держава. Эти усилия выражались прежде всего в колониальной политике и в пренебрежении возможностями, которые предлагались на востоке.

Благодаря далеким от закона блужданиям Германия оказалась в изоляции,
которую она сама не осознавала. Не в изоляции сильных! Она попала в ту ловушку, которую расставил хозяин мира.

Мировая война шла по плану с колоссальной потерей субстанции для всего северного региона и закончилась расчленением и порабощением Германии, продуманным до мельчайших деталей. Настало время «партий».

Партий, частей! Можно ли точнее охарактеризовать восстание против целостности, против единственно оправданного жизнью целого?

* * * * *

Важно знать разницу между демократической партией и аристократическим отбором.

Партия — в соответствии с ее демократическим значением — анонимна. Она движется в одной плоскости со своими конкурирующими партиями.

Отбор стоит в другой плоскости. Он стоит над партиями и независим от них.
Он далеко виден и сознательно несет ответственность.
Но взамен он также правит!
Партии работают для большинства, отбор борется за сообщество. Партия должна принимать во внимание соображения и заканчивать компромиссом, выбор является перспективным и формирующим, она не связывает себя никакими «соображениями».

Партия без популярности немыслима. Отбор имеет мужество к одиночеству и
берет на себя одиозность непопулярности.
Партия поэтому неизменно обращается к массовым инстинктам, отбор апеллирует к героизму и чести.
Партия должна скрывать правду вследствие своей зависимости от масс, отбор, наоборот, имеет мужество к правдивости взгляда и требования.

* * * * *

Тот, кто мыслит в партии, может мыслить только частями.

Следовательно: тот, кто хочет расчленить народ, дает ему партии.
Только отбор может мыслить в целом.

* * * * *

«Конституции», которые даются народу через компромиссы партий, ведут без исключения в пустыню отчаяния.

* * * * *

Имперской Германии не хватало плана, чтобы позволить партиям возникнуть и, следовательно, распознать партикуляризм – даже духовный.

* * * * *

В результате этого рост чистой суеты стал заметен повсюду.
Это полная противоположность творческому беспокойству.

Его можно охарактеризовать как разбухание пресыщенного, ленивого времени, которое не имеет ничего общего с муками нового становления.
«Суета» – это жизненное выражение массы.

* * * * *

Суета изобретает идеи дня и опьяняется ими, она живет удовольствиями дня.

Она путает политику с лозунгом.
Она прикрывает пустоту настоящего лозунгом и не ленится хвалить себя.

* * * * *

Средства массовой информации имперской Германии были заполнены суетой и ее ответвлениями.

* * * * *

Только гром мировой войны заглушил крик.

Лозунг упал, и пустота разверзлась.

Лозунг меркнет перед величием смерти. И прежде всего религиозной.
Ни византийские патриотические круги, ни лозунги ненависти нигилистических групп не оказались способными пережить даже один день ужаса.

* * * * *

Воля по терпению росла. Степень воли стала мерой, по которой измерялся воин.

Ужас был слишком велик, чтобы Библия могла дать солдату утешение.
Вместо этого мужество воина возвысилось благодаря могущественным требованиям Ницше.

* * * * *

Сначала потребовались беспрецедентные потрясения Мировой войны, чтобы полностью разрушить псевдомир уходящего века и обнажить убогость псевдоудобства, которое с готовностью принималось в качестве замены отсутствующей опоры.

* * * * *

В заполненных газом кратерах ничейных земель было разбито «мировоззрение» христианской буржуазии и прекрасных субъектов (также военных!).

Воины, нашедшие опору, выросли над тенью креста в новый, жесткий и правдивый мир.
Все несущественное отпало от них.
Тот, кто не смог стать целым, рухнул от своей неполноты.

* * * * *

Никакое утешение небесное и земное не может заменить существенности.

* * * * *

Непреодолимая пропасть разверзлась между воинами и ошеломленными бюргерами родины.
Это была пропасть между двумя тысячелетиями.

Буржуазная родина должна была разбиться.

Даже когда она — ведомая замаскированными, враждебными силами — нанесла удар по воинству и выбила оружие из его рук, она сделала это в заблуждении, с лозунгом. Она сделала это без своей собственной идеи и, конечно, без своего собственного положения.

* * * * *

Идея нации воплотилась в воинстве, она еще не родилась на родине.

* * * * *

Новому тысячелетию суждено дать народу знание его души и, следовательно, предпосылку для положения.

* * * * *.

* * * * *

Куда они также пришли: тень креста бледнела под их шагом.

Они несли в ночь хаоса, нестабильности, отчаяния и ненависти поток веры в причинность. Эта вера сделала их сильными, чтобы противостоять нападению развязанного преступного мира и написать, тем не менее, направление на развевающиеся флаги, с которыми они пересекли границу порог тысячелетия.

* * * * *

Никогда не следует забывать, что в Германии после 1918 года в первую очередь группы хвастались тем, что нанесли смертельный удар сообществу воинов.

Группы международной экономики, обрекавшие Германию на голод (то есть еврейство).

Группы безродного интеллектуализма (это масонство с его короной в большевизме, которое также получало питание от обеих других групп).

Эти группы, преследуя свой план уничтожения, тянули за одну веревку. И эта веревка была накинута на шею воинственного германского северного региона.

* * * * *

Меньшие группы и группки, участвовавшие в смертельном ударе по воинственному сердцу Германии, были без исключения в духовном или материальном отношении связаны с вышеперечисленными основным группам.

* * * * *

В уничтожении народных ценностей эти группы были союзниками. Этот союз затем распался после достижения первой фазы великой цели. С тех пор они стали самыми яростными конкурентами. Это проявляется в последующий период.

* * * * *

Никогда не следует забывать, что имперская Германия, когда она хотела воспользоваться лицемерно предложенным посредничеством Папы, как предпосылкой для переговоров, должна была открыть свои границы для штурмовых войск Рима, иезуитов! «Христианский» мир не состоялся, но иезуиты были в Германии!

* * * * *

Никогда не следует забывать, что иезуиты (Эрцбергеры) на востоке Германии открыли границы евреям для разграбления немецкого региона.

* * * * *

Но прежде всего не следует забывать имена тех, кто подписал смертный приговор Германии. Не следует забывать имена ради групп, которые стояли за ними.

Забыта была глупость тысячелетнего царства мечты. Напрасна и забыта была «добродетель» бездумной буржуазии.

Эти имена неугасимо стоят в книге немецкого позора:

Эрцбергер,
Ратернау,
Каас,
Вильсон,
Дауэс.

Многие другие имена не так важны, потому что их носители были более или менее лакеями.

* * * * *

Тот, кто однажды напишет книгу немецкого позора, его сердце обльется кровью при изображении пропасти, в которую был загнан немецкий народ:
В то время как Германия, ведомая послушными партиями, калечила себя, расчленение немецкого региона началось на границах.

* * * * *

Тот, кто следует великому плану искоренения немецкого имени, снова и снова сталкивается с пятью именами.

* * * * *

Всеми путями позора и отчаяния должен был пройти немецкий народ, пока он, став бедным как нищий, не встал перед отказом от конечного, своей голой жизни.

Тогда он, наконец, открыл свое ухо зову причинности.

Затем, к ужасу врагов, уверенных в победе, он сорвал повязку с глаз и стал зрячим, стал политическим.

Затем он осознал, что потерял, но также и то, что вернул.

* * * * *

Понятие стало таким же обесцененным, как и сама жизнь.
Политик?

В лучшем случае, в позорной профессии, которую «почетный гражданин», «порядочный военный», выдающийся «ученый» старательно избегали.

«Профессиональный политик», в лучшем случае «умный человек» мог стать таковым.

В лучшем случае, политика была хобби определенных безответственных феодальных кругов. Человек, который держал что-то от себя, оставался далеким от политической сферы и погруженным в свою «частную сферу».

* * * * *

В бедствиях войны и послевоенного периода ранее столь восхваляемая частная сфера оказала себя ненадежной в буржуазном смысле. Пришло осознание необходимости работать вместе.

Границы, отделявшие частную сферу от общественной, начали падать.
Группы, вынесшие смертный приговор Германии, заметили опасность, которую таила в себе их собственные планы в немецкой реализации.

Они стремились сохранить для немецкого народа частную сферу народной незаинтересованности.

Они знали, что ничто не может стать столь неприятным, как немецкое пробуждение, поэтому они пытались до конца сохранить свои верные вспомогательные войска, партии. Болезнь немецкого тела, которое несло в себе смертоносное семя разложения, казалась им менее заметной, чем публичная казнь. Политические партии должны были оставаться, чтобы не позволить политическому единству стать реальностью.

* * * * *

Важность требования тотальности следует понимать из этого мышления.

Кто идет по этому пути мышления, тот понимает ненависть «мира» к Германии, которая провозглашает послание наступающего тысячелетия, тысячелетия, которое принесет смерть трем империалистическим группам.

Германия провозглашает послание национального, послание исконной причинности всех народов.
Германия хочет жить реальностью тотального государства.

* * * * *

В этом смысл политики нового тысячелетия.

* * * * *

Политический человек, человек тысячелетий воли и сознания, вкладывает всю свою сущность в сообщество, с величием и унижением которого он неразрывно связан, за силу или слабость которого он лично ответственен.
Здесь больше нет никаких частичных регионов, здесь воцарилось требование тотальности.

* * * * *

Политический человек превзошел политика, парламентария.

* * * * *

Понимание смысла политики впервые начинается там, где возникает осознание того, что политика является высшим венцом народной воли, консолидированной в сообществе.

Народная воля, однако, является жизненным выражением избранных, пробужденных людей и растущих людей народа.

* * * * *

Буржуазный политик, парламентарий умирает при рождении нового тысячелетия, и с ним в тот же час умирает священник.

Они оба являются проявлениями несвободного и неуверенного века.

Они являются признаками несовершеннолетия народа.

* * * * *

Со смертью парламентария и священника умирают и все обещания блаженства в этом мире и в загробном, умирают эгоистичные желания недостижимых золотых замков.

* * * * *

Тотальная политика нового тысячелетия не дает никаких обещаний, она не направляет никаких соблазнов на аппетит любых жадных людей.

Она смертельный враг буржуазного комфорта.
Прикованность к общности судьбы нации кладет конец всем предпосылкам для упоения восторгом, надмирной безопасностью.

Политический человек не чувствует себя «гостем на земле», он знает, что призван как ее формирователь.

* * * * *

Начинается время тотальной сущности, и, таким образом, начинается время воинственной, опасной жизни — Ницше!

* * * * *

Военная жизнь требует не только жизни под ружьем, она требует большего: постоянной готовности всего человеческого существа, прежде всего духовной, волевой готовности, полного использования всех ценностей, использования даже последних резервов, использования без оговорок.

* * * * *

Идея и реальность объединяются в союз в тотальной жизни. Следовательно, наступил конец буржуазному дуализму, следовательно, частная сфера умирает, индивидуалистическая, эгоцентрическая сфера, но одновременно являясь временем признания ценности личности.

* * * * *

Это должно звучать в ушах защитников резерваций.
Нет никаких особых интересов, так же как и островов «веры», на которых слабый, сломанный под жизнью, требованиями, может спасти себя.

Поток жизни, тотальной сущностности, переполняет все, сносит все преграды, воздвигнутые на особом мышлении.

И он выдвигает вперед человека, готового к действию и решительного на подвиг, к солнцу нового тысячелетия.

Рождение тысячелетия - это час суда:

Руль их жизни будет выбит из рук неустойчивых, нестабильных людей, они погибнут.

* * * * *

Мировой правитель в Риме слишком раскрыл себя в эпоху, сформированную им, чтобы иметь перспективу успеха в маскировке себя под «старика со склонностью к милосердию во имя Святой Троицы».

Его магические заклинания, как и его папские указы, становятся ничем перед решимостью политического человека.
Даже группы, которые прячутся за другими названиями, тщетно пытаются замаскировать свои империалистические желания за красивыми лозунгами: из рядов политических людей выросли их коллеги, которые имеют три преимущества перед ними:

Личное мужество, которое венчает полную реализацию решительным поступком.

Бесстрашие, которое характеризует жизнестойкость героического реализма.

Якорь в сообществе избранных по крови, который гарантирует вечную жизнь нации.

* * * * *

Так начинает политическое человеческое существо — далекое от однодневных империализмов, далекое от всех надмирных идей и интеллектуальных структур — мыслить в тысячелетнем царстве.
Это политическое мышление будет систематически преодолевать хаос и посредством закона возвращать порядок миру, естественный порядок и, следовательно, самый глубоко «божественный» порядок, который должен был быть отменен крестом во имя демиурического частичного бога.

* * * * *

Смысл тотальной политики требует, чтобы каждый индивид нации был подведен к решению.

Государство должно донести до людей осознание, показать им пути из старого в новое тысячелетие: решение лежит в самом человеке, в его характере.

Государство формирует: только человек является творцом.

Но государство должно, следовательно, ради жизни нации, чьим временным наследием она является, постоянно апеллировать к народной жизненосной субстанции, поэтому оно не должно, в логике реализаций, избегать сокрушения низших.

* * * * *

Лидеры наций должны пахать и боронить поля своих народов, заросшие сорняками в прошлом тысячелетии, пока чистая и здоровая почва снова не покажется, материнская почва, которая может принять семена вечности плодов.

* * * * *

Чтобы поддерживать напряжение, государство должно предъявлять все новые, все более глубокие, все более шокирующие требования, которые стимулируют сильных и отталкивают слабых.
Слабое и, следовательно, произвольное государство устраняет подлинные и творческие напряжения.
Тем самым он создает воздух теплицы, в которой настоящее гниет, а слабое, после быстрого псевдоцветения, все же отмирает.

* * * * *

Политика никогда не является исключительно планированием для выполнения достижимого. «Достижимое» — очень гибкое понятие.
Политика — это систематическое, разумное использование всех ценностей для формирования и выполнения закона.
Политика никогда не является исключительно средством для достижения цели, скорее тотальным формированием подлинного, самой сущности.

* * * * *

Так политика становится высшим этическим выражением жизни. Так политика вырастает из низменностей и путаницы повседневной жизни в чистую высоту тотальной идеи, в область жизни сильных.
Так политика становится откровением сущности нации, так в ней раскрывается глубочайший смысл жизни: воля к действию.

* * * * *

Ношение героического реализма «неприятно» в буржуазном смысле, не скрываемо в своей подлинности.
Поэтому тотальное государство привлекает ненависть империалистических, анонимных и темных сил, потому что в целом оно больше не предлагает никакой лазейки для частной сферы, в которой вненародные и внеобщинные планы могут достичь своей цели.

* * * * *

Смысл политики направлен на тотальность, как на всю нацию: это первый тезис нового века, это первая веха на пути, ведущем в тысячелетие воли и сознания.

Дипломатия

Предыдущее тысячелетие отвергало политику как вредную для характера.

Новое тысячелетие исходит из характера как предпосылки для тотальной политики.
В этом и заключается одно из решающих различий между двумя тысячелетиями.

* * * * *

Политика, рассматриваемая в буржуазном смысле как частичная область, существовала в первую очередь для смягчения разрушений, таких как войны или торговые санкции, или, возможно, для того, чтобы переложить вину за эти неприятные инциденты на противника.

Выражение политики стало нечестным, но приятным жестом, поскольку оно выходило за пределы народных границ.
Политика стала лозунгом для граждан народа, которые ради своего крепкого сна не хотели и не должны были знать ничего о правде, чтобы быть в повиновении.

* * * * *

Доверие «политику» было признаком безграничного оптимизма, детской доверчивости.

Поведение политика было направлено на сокрытие его плана. Для этого он использовал «дипломатию».
«Дипломатический человек» должен был быть совершенно хитрым, коварным, коварным, бесцветным, чтобы заслужить это прозвище.
Чтобы быть дипломатичным, он должен был уметь маскироваться до такой степени, чтобы его невозможно было узнать.
Эту «дипломатическую манеру поведения» скопировал торговец, который начал обманывать своего партнера.

* * * * *

Предыдущее тысячелетие создало для себя дипломатию, которая, рассматриваемая как в целом, была крайне ненадежной и распространяла вокруг себя атмосферу недоверия.

* * * * *

Государства и народы мира противостояли друг другу как торговцы, чьи дела зависели от переговорщиков.

Тот, кто умудрялся особенно «выгодно» торговаться на большом мировом рынке, был лучшим дипломатом.

Что кредит наций тем самым все больше и больше падал до нуля, понятно.

* * * * *

Соответственно, в первую очередь были обмануты честные и примитивные народы.
Империалистические государства использовали дипломатию, чтобы организовать в союзе с духовно родственными им государствами грабежи честных и примитивных.
Ценности лояльности, чести и доверия терпели убытки при этом, порой девальвация принимала формы инфляции.

* * * * *

И все же, наконец, в «большой политике» взвешивались и бросались на весы политического мышления — частичного мышления — другие, действительные ценности наций, ценности, которые предыдущее тысячелетие игнорировало как «невесомые».

* * * * *

Новое тысячелетие основано на правдивости.

Тотальная политическая мысль избегает любого камуфляжа, любой вуали.
«Мир» поначалу будет улыбаться правдивости политической мысли и действия и будет радоваться «примитивно-варварской глупости».

Но однажды мир придет к убеждению, что правдивость тотального политического человека — это высшая умность.

* * * * *

Хитрый человек использует лозунг и ложь, чтобы как можно легче погрузить себя в наслаждение желаемыми ценностями.

Умный человек — не бросаясь на ложь — идет к своей цели ясно и логично, которая, поскольку она состоит из истины, не нуждается в завесе лозунга.

* * * * *

Ум жаждет и не делает ничего, что могло бы быть противозаконным вне закона.

Поэтому ум не является ни осторожным, ни внимательным, ни расчетливым в буржуазном смысле.

* * * * *

Ложь, как только ее замечают, вызывает как минимум пренебрежение, а часто и презрение.

Ложь, чтобы не быть увиденной насквозь, должна прикрываться целой сетью побочных лжи и тем самым претендует на большее количество средств, чем на ум. Ум, даже если его деятельность встречает сопротивление, в любом случае будет уверен в молчаливом уважении.

* * * * *

Политическое действие тотальной нации, несмотря на гневный рев мира, лишенного понимания, в конечном счете через свою причинность и, следовательно, логику достигнет своей цели.

Есть только одно средство для мира сделать достижение цели невозможным для тотальной нации: попытка искоренить тотальную нацию.

* * * * *

Но мир однажды должен будет признать превосходство жизни.

* * * * *

Ложь и зверская пропаганда мира распадаются без эффекта, как только тотальная нация помогает своему закону осуществить свой естественный прорыв.

* * * * *

Тезис:

Народ, который выступает перед миром и ради своей жизни заявляет о своем праве на пространство, возможно, столкнется с яростью и ненавистью среди этнических групп, возглавляемых державами, далекими от закона и всегда чувствующими угрозу, но в вердикте неподкупной истории он найдет признание.

С другой стороны, народ, который под лозунгом защиты «священного блага» любой конфессии или культуры нападает на слабых людей, разграбляя их, в конечном счете падет под презрение.

* * * * *

Чтобы подтвердить причинность своих собственных желаний и действий, вся нация посылает эмиссаров к народам мира.
Убедительно и бесповоротно провозгласить права наций и сравнить со справедливыми требованиями народов земли — одна из главных задач новой дипломатии.

* * * * *

Дипломат в новом тысячелетии будет мерами правдивости – это значит, своим характером, своим умом, своим достоинством.
Тот, кто сумеет наиболее чисто провозгласить жизненную волю своей нации со знанием ее причинности, должен быть эмиссаром.

* * * * *

А не тот, кто умеет так же бесшумно и без «обиды» двигаться по международному паркетному полю лозунга.

* * * * *

Такой цельный характер, как Бисмарк, вызвал много «обиды», и все же Бисмарк был одним из лучших дипломатов своего времени.
В глазах мира он был «невозможным человеком», и все же мир должен был серьезно отнестись и признать этого невозможного человека.

* * * * *

Это признак беззакония, а значит, и лжи, что большевизм, долгое время стоявший перед запертыми дверями борющихся с ним буржуазных государств, сегодня может передвигаться по паркету дипломатов.
Из этого следует, какова в сущности цена этого паркета!

* * * * *

Германия докажет в своей внешней политике, что именно своей правдивостью она устраняет предпосылки для «международных запутанностей».

Если против воли Германии народы мира будут втянуты в новые мировые войны, то Германия предоставит доказательства того, что анонимные, империалистические, сверхправительственные силы являются теми, кто превращает свою волю к разрушению в дело и в процессе использует далеких от закона людей в качестве инструментов.

Пример Германии будет способствовать пробуждению народов, он будет иметь разрушительный эффект для анонимных сил.
Даже люди, ослабленные в своей жизненной воле и порабощенные подчинением, в конечном счете не склонятся перед лживым лозунгом, который разносится перед ними, что толкает их на все новые войны на уничтожение.

* * * * *

Германия, в отличие от других народов, находится в определенном преимуществе, поскольку она так далеко продвинулась в осознании своей причинности и постоянно продвигается дальше.

* * * * *

Лихорадка, с которой мир влечён анонимными империалистическими державами в следующий мир уничтожения, доказывает, что эти державы знают об опасности примера полной правдивости Германии, и что они чувствуют себя угрожаемыми в своих империалистических планах и целях, да, в своём существовании.

* * * * *

Каждый год работы и осуществления немецкого примера способствует пробуждению всё ещё спящих наций.

* * * * *

Поэтому анонимные державы боятся ранее всё ещё с определённым беспокойством сохраняемого «состояния мира» и подталкивают к войне. После того, как отравленная стрела бойкота отскочила от стойкости немецкого народа, державы открыто проповедуют истребительный поход против Германии как «священную войну» и утверждают любую, даже самую далекую войну, в надежде, что северный регион и тем самым, прежде всего, ненавистная им Германия будут втянуты в нее и будут истреблены.

* * * * *

Итак, положение Германии стало смертельно серьезным.

Но это ничуть не сложнее, чем если бы Германия все еще сегодня была подчинена политику креста или другой надгосударственной власти или одной из групп, поддерживающих их.

Ибо Германия, как известно, не имела мира даже во время своего подчинения, а скорее должна была предпринимать крестовые походы и военные кампании по заданию иностранных правителей.

Итак, Германия сегодня ведет решающую борьбу в высшей ответственности перед вечностью своей нации.

* * * * *

Поскольку Германия пробудилась, прозрела и осознала, она снова обрела страсть к делу, и эта страсть выросла из признания сути.

Первый шаг к самоосвобождению Германии привел к утверждению права. С этим утверждением Германия стала исполнителем своего закона.

Но воля, которая формируется из признания и утверждения к мужественному делу, бессмертна. Если бы Германия, по приказу анонимных империалистических держав, была убита и истреблена палачами из подчиненных народов, то она с часа своей смерти вознеслась бы как миф к звездам и сияла бы как препоясанная мечом идея для пробуждающихся людей к свободе.

* * * * *

Ульрих фон Гуттен однажды произнес гордые слова.

Кто хочет сражаться безуспешно, должен сражаться с немцами!

Когда он произносил эти слова, он никоим образом не верил в неуязвимость Германии, ибо Рейх истекал кровью от тысячи ран.

Но он знал, что немецкая идея будет жить, пока светит солнце.

И немецкая идея свободы и закона, дела и порядка даже в смерти окажется бессмертной, это было основополагающим осуществлением его веры.

Гуттен умер с этой сияющей верой в своем сердце, и его дух вознесся над туманом всех бедствий в открытое небо вечности его нации.

* * * * *

Но Германия живет, и каждый час ее жизни гарантирует столетие ее существования.

Тот, кто осмелился бы напасть на крепнущий немецкий Рейх, чтобы уничтожить его, сегодня должен был бы считаться с тем, что его втянут в немецкую смерть.

Эта определенная перспектива до сих пор удерживала от натиска самых ненавистных из подчиненных людей и, будем надеяться, будет иметь отвлекающий эффект так долго, пока пример Германии не приведет большинство ценных людей к размышлению и пробуждению, и, следовательно, хаос на земле, запланированный анонимными империалистами, будет предотвращен.

* * * * *

Час судьбы — в хорошем и плохом смысле — в который решится жизнь или смерть Германии, будет часом суда над этой землей.

* * * * *

С этим осознанием ответственности, которую Германия, в истинной вере в свой закон, с радостью взяла на себя, начнется новая эра дипломатии, торговли и связей людей между собой.

* * * * *

В своей истории Германия относилась к каждой возложенной на нее задаче серьезно, до самых крайних последствий и стремилась выполнить ее, мобилизовав все энергии.

Германия всегда была «набожной» в хорошем и почти еще больше в плохом смысле.

В этом и заключаются причины ее поражений и подъемов.

Она — признак ее внутренней молодости — очень часто была также наивной.
Иногда она дружила со смертью, приносящей идеи, и — к радости ее смертельных врагов — присоединялась к ней как фанатичный защитник и поборник таких идей.
В немецком регионе родились самые важные духовные и светские спасители креста — теологи и крестоносцы, в немецком регионе выросли первые свидетели еврейского марксизма. Немецкое благочестие иногда перерастало через фанатизм в аскетизм.

Нигде в мире не умерло столько честных людей смертью убеждения за чужие идеи, как в Германии.

* * * * *

Было бы совершенно неправильно хотеть вырвать набожность из сердца немцев.
Это набожность — божественный огонь, без которого немец, а вместе с ним и северный регион должны были бы замерзнуть насмерть.

Немецкий монетный двор просто находит набожность, единственно подходящую для него, а именно связь, рожденную из веры с законом.
Немец, чье самое священное наследие — воля, должен сначала блуждать по пути в свое собственное сердце и стремиться к исканию осуществления своей сущности.

* * * * *

Освобожденный немец — верующий в новое тысячелетие, которое могут принять только «благочестивые люди», то есть непоколебимые глашатаи идеи закона и порядка.

На пороге, освященном законом, нового тысячелетия призраки креста также отшатнутся, как призраки советской звезды, ибо новое тысячелетие, тысячелетие священного утверждения жизни, закрыто для обеих нигилистических групп.

* * * * *

Изобразить эту освобожденную и жизнеутверждающую Германию — одна из задач дипломатии, представители которой будут послами и свидетелями новой немецкой жизненной страсти.

* * * * *

Точно так же, как беззаконные группы внутри всего человечества — это означает: недочеловеки, масса людей, скованная инстинктами и жадностью низин и подстрекаемая и ведомая к актам насилия и кампаниям грабежа анонимными империалистическими силами посредством обещаний и угроз — сталкиваются с выбором пробужденных групп в непримиримой враждебности, так же истинно и то, что все еще подчиненный мир также не будет любить Германию.

Германия знает, что она пришла в мир не для того, чтобы ее любили, а, верная себе, чтобы жить по закону и провозглашать его действительность.

Поскольку жизнь и работа исходят не из «любви», а из закона, который вызывает порядок, пробужденная Германия знает себя далекой от этих глупых и опасных лозунгов «миссии» и «миссионирования».

Более великой, более ответственной и, следовательно, более благородной, чем задача «заниматься миссией», является готовность формировать свой собственный закон.

Люди белой расы, оторванные крестом от почвы своей причинности, в презренной миссии убили души, действительно привязанные к примитивной сущности, но тем не менее привязанные к праву и порядку, людей природы и посадили ложь беззакония в их сердца.

Германии также когда-то предстоит узнать, что значит быть «миссионированной».
Ужасная память об этом защищает его навечно от навязывания миру своей собственной причинности в качестве универсального лекарства.

Миру никогда не будет угрожать немецкий империализм, пока Германия подтверждает свой порядок.

Только Германия, ведомая за нос силами анонимного империализма, будет опасна для мира.

* * * * *

Немецкая дипломатия провозгласит миру, что Германия хочет жить сама по себе.

Послание направлено в первую очередь на «Запад», не урегулированный враждебными державами через предательство.

Германия не хочет падения Запада и также никогда не выдвигала взрывных обвинений против Запада.
Но Германия действительно признала семя смерти Запада, которое было посажено разрушительными державами.
Никто не может сердиться на Германию, если она не хочет участвовать в великом умирании с Европой, которое было и все еще движимо, и в которое Германия ищет и находит спасение.

* * * * *
Географический Запад четко очерчен. Он не имеет значения как произвольный фактор.
Но он всегда играл роль поля битвы и места рождения великих духов.
Важна концепция политического Запада, даже если она все еще ментально размыта.

* * * * *

Политический Запад был с того момента, когда крест не мог набросить свою тень на регион мировой миссии, следовательно, полем битвы.

Как регион миссии, он был — в соответствии с термином «ex oriente lux» — фактором второго порядка по сравнению с Востоком. Культуры северного региона, Запада, были, с точки зрения притязаний на крест, низшими.

Из этого мышления восточный дух — взяв за основу фальсифицированный христианский миссионерский порядок — разрушил великое единство северного региона.

* * * * *

Северный регион тем не менее остался идентичным с концепцией политического запада.

Политический Запад был полностью разорван крестом.

* * * * *

Когда-то Запад был жизненным пространством Белой господствующей расы [Herrenrasse].

После ее систематического ослабления и фальсификации крестом, после многих лет открытий началась эмиграция части господствующей расы в «Новый Свет».

Реки низшей и испорченной крови, в свою очередь, хлынули в «Старый Свет».

На протяжении первых столетий — решающего периода — опьянение освобождением доминировало над Белыми хозяевами Нового Света.

Белая раса растратила свою кровь и смешалась до угрожающей степени с цветными людьми.

«Самостоятельный человек», отчужденный от закона и порядка и деградировавший, появился. Мастерство было смешано с хитростью, дерзость с бездумностью (до границы беспринципности). Цивилизация должна была заменить культуру.

Так Новый Свет вырос как гигантское тело без лица.
Новый Свет действительно пытался с помощью макияжа и пудры подделать лицо, но требовалось только движение, ветер, чтобы обнаружить безликость.

Новый Свет действительно породил элиту, которая, однако, оставалась ограниченной внешними факторами. Возникла плутократия, которая произвольно увеличивалась путем добавления новых «самостоятельных людей», и которая также уменьшалась путем изгнания случайно обедневших.

* * * * *

Духовное воспитание, ориентация Белой расы не были взяты с собой в Новый Свет, они остались как балласт в Старом Свете, на Западе.

Характеристика Нового Света является результатом его необузданной демократии, которая препятствует формированию личности почти до невозможности.

Новый Свет действительно стал миром безграничных возможностей, только возможность была проигнорирована, единственная возможность, которая является приданием лица и формированием народа, возможность духовного воспитания. Так смертоносное семя анонимности было перенесено в Новый Свет.

Те силы империализма нашли в сумерках анонимности, которые уже купили Старый Свет на грани гибели, далеко идущие возможности для развития.

В свободе Нового Света низшие и расово-низшие инстинкты также распространились как сорняки.

Белая раса когда-то имела бы, ступив в Новый Свет, возможность, вдали от шахматных ходов анонимных сил, вдали от тотальной политики мирового хозяина в Риме, развивать новую жизнь закона.

Она упустила эту возможность.

Сомнительно, сможет ли Новый Свет когда-либо освободиться от своей роковой демократии и смертоносной анонимности.

Расовые инстинкты, которые действительно иногда могут просыпаться в линчевании или в конкурентной войне с цветными, почти безнадежно забиты чисто цивилизационными предпосылками, которые не имеют ничего общего с причинностью.

Если еще десятилетие назад казалось, что акцент Белой расы перенесен в Новый Свет, то показательные события немецкого деяния доказали, что судьба Белой расы будет решаться на земле Старого Света.

* * * * *

Белая раса в Новом Свете, прежде всего, в годы Мировой войны взяла на себя вину участия, бок о бок с цветными людьми и подчиненными лакеями анонимных империалистических держав, в разрушении северного региона, который дал Новому Свету лучших из своих людей.

Горькой иронии было не занимать, когда белокурые полки Нового Света под лозунгом «За культуру, против немецкого варварства» нападали на немецкие компании.

* * * * *

Новый Свет участвовал в разрушении Запада.

Сам Запад показал себя совершенно неустойчивым, без идей и внутренне разделенным.

Здесь начинается необходимость обсуждения концепции политического запада. Так начинается оценка запада с точки зрения правительства Белой расы.

* * * * *

О правлении Белой расы можно говорить только там, где воля развитию, к законному труду присутствует, по крайней мере, в дремлющем состоянии.
Наличие этой воли само по себе дает основание говорить о западной культуре Белой расы.

* * * * *

Воля к закону не только была в значительной степени похоронена систематической яростью империалистических анонимных сил против сущности Белой расы, физической и психической, скорее даже истреблена.

Процесс всеобщего упадка запада последовал за процессом истребления.

* * * * *

«Культурная высота» современного Запада — величина относительная! Белая раса сама по себе настолько разложилась и разорвалась, что изнашивается в постоянном круговороте между Римом и Москвой.

Кровь Белой расы систематически обесценивалась путем добавления крови цветных.

Этот факт имел особенно разрушительные последствия в романских землях Запада.

* * * * *

Англосаксонский господствующий народ поддался соблазнам империализма, он перенес акцент своей политики на приобретение колоний и их сохранение.

* * * * *

Имперская Германия также поддалась искушению поставить свое существование в зависимость от обладания колониями.

Германия должна была постоянно быть начеку, чтобы не позволить себе быть закованной в цепи, например, в недавно приобретенные колонии, которые должны были бы затруднить, если не предотвратить, ее движение к свободе!

Колонии действительно могут рассматриваться как ценные дополнения к субстанции, но не как сама субстанция.

Было легко для анонимных пэров задушить жизненную волю народа и навязать ему закон своей воли, если этот народ, из-за соображений его торговли, открытой для любого вмешательства, вынужден шагать медленнее.

Народ, который основывает и поддерживает свою власть прежде всего на колониях, должен неизменно выпадать из политического Запада, должен неизменно становиться двуличным.

Двуличие европейских народов оказалось одним из величайших ущербов Запада.

Политика альянса такого народа подталкивала к системе коллективной безопасности и тем самым рискует превратиться в систему взаимной угрозы, эксплуатации и получения краденого.

* * * * *

Пока народы северного региона будут направлять свой взор в частности на отдаленные колонии и должны будут использовать большую часть своей власти для «умиротворения» этих колоний, не будет европейской политики, политики запада.
Пока народы северного региона не освободят полностью свою мысль от империализма, не будет и политики Белой расы.

* * * * *

Потрясения в мире также дали цветным народам предпосылки для пробуждения.\

* * * * *

Так что народы, которые сегодня все еще имеют власть над многочисленными колониями, однажды должны будут осознать, что господство Белой расы в долгосрочной перспективе не может утвердиться ни с помощью кнута для бегемота, ни с помощью пулеметов.

Сегодня колониальные народы требуют самоуправления, завтра они будут призывать к свободе, чтобы на следующий день обрушиться на своих рабовладельцев.

* * * * *

Крест подорвал притязания Белой расы на власть в мире, как он подрывает любые притязания на власть, которые не провозглашаются самим крестом.
Крест потребовал расового равенства и, следовательно, смешения рас и расового осквернения.

Однажды крест захочет повести цветных людей в крестовый поход против остатков Белой расы.

Когда наступит этот день, неподготовленный Запад будет безвозвратно потерян.

* * * * *

Задача дипломатии северного региона — но особенно сердца северного региона, Германии — должна заключаться в том, чтобы говорить об ответственности Белой расы, предупреждать о раздробленности и призывать к единству еще неразбавленных людей Белой расы.

* * * * *

Культуры, которые когда-то были созданы в далеких странах носителями Белой расы, без исключения рухнули. Те немногие руины, которые выставлены в музеях и являются памятниками смертности, наполняют нас, потомков, гордой скорбью и учат нас, что любая раздробленность, даже если она приносит миру благословение на короткое время, ведет к смерти.

* * * * *

У белой расы Запада осталось совсем немного времени для размышлений, ибо Рим и Москва — сегодня самые сильные и амбициозные лидеры расы, враждебные анонимные, империалистические державы — вооружаются и подталкивают к последней войне на уничтожение.

* * * * *

В последний час, в час великого умирания, Германия возвысила голос предупреждения.
Зов действительно достиг ушей людей Белой расы, угрожающих гибелью, но эхо не вернулось.

Было слышно только презрение.

* * * * *

Так жизненная воля Белой расы Запада переносится вперед Германией.

Взамен Запад мобилизовал Черную расу и Желтую против носителей воли Белой расы.

* * * * *

Германии поначалу придется опасаться только нападения тех цветных рас, которые руководимы предателями против закона Белой расы.

Время, когда пробуждающиеся цветные расы по собственной воле предпримут поход мести и грабежа против белой расы Запада, еще далеко.

* * * * *

Только с помощью умной расовой политики северного региона можно избежать того, что цветные народы никогда не предпримут этот поход мести на севере, который никогда не сможет стать их жизненным пространством.

* * * * *

Отбор среди людей белой расы должен происходить с этой точки зрения жизненной воли.

Одна белая кожа этого не делает.

Расположение Запада должно быть очерчено мерками ответственности и народного сознания.

Дело не в квадратных километрах поверхности земли, населенной белой кожей:

там, где заканчиваются ответственность и сознание, заканчивается пространство Запада.

* * * * *

Новая дипломатия имеет задачу, внутри народов северного региона, указать
не только на общность крови, но также на долг и обязанность закона.

У народов других рас нет причин чувствовать угрозу со стороны людей Белой расы, осознавших свою ответственность.

Часть Белой расы, ставшая зрячей, никогда не позволит себе соблазниться империализмом, который на самом деле ведет только к смерти.

Бодрствующий Белый народ никогда не нарушит причинность цветного народа.

И пробужденная часть Белой расы действительно, в соответствии со своими жизненными требованиями, сумеет договориться с людьми земли о справедливом распределении пространства.

В этом соглашении не будет определяющим никакой произвол или жадность, а воля к закону, ожившая у всех вовлеченных людей.

* * * * *

Рабовладельцы не будут доминировать на этой земле, а свободные и сильные люди будут жить по своему закону и его развитию.

* * * * *

Так что умиротворение мира никогда не придет от спасения от крови, скорее совсем наоборот: через власть крови и через утверждение закона крови.

В кресте искупления и, следовательно, смерти, порядок сохраняется для беззакония.

В власти крови, однако, мир возвращается к значению своего закона и своего порядка.

* * * * *

Как и всякий фанатизм, расовый фанатизм также приведет к империализму, несправедливости, произволу и, следовательно, к гибели.
Расовое сознание, однако, ведет к размышлению, заботе, дисциплине и порядку.

* * * * *

При этом предварительном условии на новую дипломатию возлагается одна из важнейших задач: вновь придать уверенность и полюс выравнивания миру, распущенному, соблазненному империализмом, сбитому с толку далекими от закона силами произвола.

Война Против Идолов!

Понятие тотального народа, нации, возвышается в мир вечности, в мир идеи.

Реальное присутствие понятия народа, населения, сегодня все еще в основном далеко от идеала.

И все же есть группы людей в населении, которые через дело и веру — отсюда единство — воплощают саму идею.

Эти носители идеи в настоящем, которые формируют лицо государства, которые дают решающее выражение проявлению идеи народа, образуют в своей совокупности ядро народа, через существование и деятельность которого формируется судьба, история нации.

* * * * *

Ядро народа, которое в предыдущем тысячелетии жило в наибольшей возможной изоляции и разбросано почти до бездорожья, даже сегодня, на пороге нового тысячелетия, представляет собой лишь меньшинство, которое, однако, осознает свое положение и задачу.
Проснувшаяся Германия утверждает это меньшинство.

Однако в мире демократия поднимает необузданную массу против меньшинства.

* * * * *

Не только для защиты знающего меньшинства, элиты, ядра народа, скорее для того, чтобы совершенно очевидно проложить путь для его формирования, то есть, путь к правлению, в этом умность полностью народного государства.

* * * * *

В отличие от буржуазно-демократического государства, которое в лучшем случае использует ядро народа, к которому оно, однако, относится с глубоким недоверием, это полная противоположность нигилистически-коммунистическому государству, которое стремится истребить ядро народа, враждебного уравниловке, - тотальное государство сознательно строится на ядре народа.

* * * * *

Советская система, растворяясь в произволе, по той же причине, что и христианство, враждебна ядру народа: крест и советская звезда возвещают искупление мира. Ее возвещение направлено исключительно на стадные инстинкты, которые совершенно непримиримо противостоят господству ядру народа.

Как группы креста, так и группы советской звезды обнаруживают в своем несении ярость неспособного и, следовательно, требующего искупления преисподней против власти господ.

Тотальное государство в глубочайшем смысле аристократично, оно, в отличие от любого массового государства, является исключительно господствующим государством. Поэтому оно сталкивается с ненавистью мира, желающего сна.

* * * * *

Власть — благороднейший плод германской сущности — была оттеснена деспотизмом, взращенным на чужой почве.

Позднейшие времена смешали понятия власти и деспотизма.
Необходимо снова установить линию разделения:

Власть реализует себя в причинности, в развитии, в действии.

Деспотизм выражает себя в произволе, в разделении, в фанатичной потребности во власти.

Правление немыслимо без сообщества, которое придает ему форму, содержание, лидерство, опору и надежду.

Деспотизм использует сообщество как средство власти и в конечном итоге оставляет после себя в высохшем и измученном сообществе пустоту, страх и ужас.

Правление не зависит от какой-либо внешней силы, оно является излиянием духовного носителя и требует ориентации сердца.

Деспотизм связан с властью и пышностью и без этих атрибутов немыслим.

Для него наличие духовного склада или даже сердца — излишняя роскошь и досадный балласт.

Власть основывается на преданности тех, для кого она идет впереди, ведя за собой.

Деспотизм не знает понятия преданности, он требует от своих подчиненных существ слепого повиновения.

Власть нуждается в характере.

Деспотизм может восторжествовать только над сломленными людьми.

* * * * *

Власть вырастает из союза знания собственной причинности и дела утверждения порядка. Поэтому каждый является хозяином, который стоит как целое в своем законе, независимо от того, какое «социальное положение» он занимает.

Власти принадлежит непоколебимая вера в закон, непоколебимое стояние в порядке.

* * * * *

Новое тысячелетие будет тысячелетием власти.

* * * * *

Чтобы понять идею власти как предпосылку для понимания целостной нации и ее выражения в целостном государстве, чтобы вообще иметь возможность провозгласить целостность чистой и незапятнанной, требуется беспощадная война с идолами.

* * * * *

Идол — смертельный враг веры.

* * * * *

Вера власти проистекает из знания союза идеи и целостной реальности.
Этот союз люди называли многими именами. Одно из имен:
божество.

Божественность — это закон, в котором все вращается, в котором все имеет свое начало и свой конец.

Благочестивый означает: сознательно исполняющий закон.

* * * * *

Не существует «слепой» веры, если только это не суеверие.

Самый большой грех против веры — слова: credo, quia absurdum!

* * * * *

Первоначальное знание союза, благочестие, преследовалось крестоносцами и зависящими от них группами. Носители союза были загнаны в угол в прямой охоте, убиты, истреблены.

С их смертью проявление благочестия, знание закона, также было утрачено.

Осталось только подозрение, пожирающая тоска.

Люди предыдущего тысячелетия мечтали о божестве, от которого для них все еще осталось только имя.

* * * * *

Когда божество умерло для человека — или, скорее: когда умерли люди божества — в мир пришли идолы.

* * * * *

В тени креста ночь идолов смешалась с полной тьмой.

Крест однажды потребовал конца идолам, именно тогда, в свой ранний период, он провозгласил конец света.

Но когда конец света – вопреки пророчеству человека из Назарета – не наступил и началась политика крестоносцев по мировому господству, крест разорвал мир на части своей магией чуда и милосердия и позволил числу идолов вырасти до огромного числа посредством растущего суеверия и страха, растущего вместе с ним.

* * * * *

Сильный и верующий в закон не знает идолов, как он также не знает «Бога» как деспота.

Сильный человек укоренен в законе, который есть сама божественность.

Его «связь с Богом», его «взгляд на Бога» не находится в отношениях господина и слуги, а скорее укоренен в братстве. Поскольку сильный человек не знает страха, он также не знает ни идолопоклонства, ни «религиозного служения».

* * * * *

У сильного человека нет «нужды в искуплении». Он потерян для послания креста, так как он также справедливо характеризуется и оценивается крестом как «потерянный человек».

Он потерян для креста и, прежде всего, для политиков креста, потому что он не приносит с собой предпосылок слабости и отречения, соответствующих его причинности, которые он вообще не может принести с собой.

Он бы избегал креста с равнодушием или презрением, если бы крестоносцы не хотели заставить его преклонить голову и колени перед крестным деревом унижения.

* * * * *

В древние времена креста крестоносцы восхваляли презрение как предпосылку для получения милосердия и достоинство быть принятым в тайны креста.

Здесь можно не разбирать, насколько известное тщеславие больных заключается в этом стремлении быть презираемым.

Но в тот самый момент, когда крест обрел силу, потребность быть презираемым была облегчена истерической чувствительностью даже против этого равнодушия тех, кто стоял в стороне.

Здесь крест проявил свой деспотический характер.

* * * * *

Сильный человек должен отвергнуть как неумеренное требование креста, которое ставит его в ряды слабых, тех, кто нуждается в искуплении, и отвергнуть втискивание в средную форму, скроенную для маленьких людей, выравнивающую массу, уничтожающую великого человека, возвышающегося человека.

* * * * *

Для сильного человека, для креста, который хочет прорваться через причинность и упразднить порядок, тем, что он возвышает слабых и унижает сильных, становится идолом. Для сильного человека крест есть и остается – как некогда для греков, безумием.

* * * * *

Сильный человек видит, как поклоняющиеся кресту делают магические знаки, и слышит, как они произносят магические формулы.

Сильный человек читает учения, исходящие от креста, и узнает, что они проповедуют чудо – то есть нарушают закон.

* * * * *

Человек на кресте, который возвестил конец света, сильному человеку представляется вовсе не героем.

Сильный человек не исследует, была ли у человека, чье время пригвоздило его к проклятому дереву креста, «воля к лучшему».

Он видит только, что воля к добру, а именно к закону и порядку, отсутствовала.
Он также видит — в том, что следует требование «по плодам их, вы должны распознать их» — сомнительное следование, которое написало притязание этого человека на своем флаге, неся ягненка в качестве герба.

* * * * *

Это следование кажется сильному человеку гнилым. Он видит в нем экстатических самокастрированных мужчин, он видит истеричных, больных, одержимых чудесами женщин, он видит кающихся и бичующихся, мечтателей, отрекающихся, отчаявшихся, он слышит желанные крики о преодолении мира, он слышит гимны убогости, он слышит «толкования» и «теории» и знает, что они не из его мира, мира сильных.

* * * * *

Везде, где религии спасения предпринимали свое продвижение к власти, они тонут после короткого разбега — если только они были провозглашены их экстатическими основателями или фанатичными учениками из первого поколения последователей и воплощали захватывающую идею или идею безусловного исправления мира — из изначально духовного мира веры в низину идолопоклонства.

В этой низине торговля начинается с многочисленных, постоянно повторяющихся атрибутов идолопоклонства: с порций безнравственности, чудесных изображений и реликвий, молитвенных формул, сертификатов отпущения грехов, четок, амулетов и другой магии.

* * * * *

Раньше каждая великая религия спасения начиналась в духовном и заканчивалась полной претензией на власть.

Так было среди преемников Иисуса Христа, Мухаммеда, Будды, и так будет всегда, если когда-нибудь в самом отдаленном будущем тысячелетие религий спасения вернется к людям, которые слишком устали и оторвались от своих корней.

* * * * *

Опасности идолопоклонства таятся в каждой религии спасения, потому что каждая, даже если только в семени, обещает «освобождение от закона».

Но каждое спасение неразрывно связано с физическими и духовными упражнениями, которые далеки от причинности.

Да, эти религии должны требовать беззакония, чуда как предпосылки, чтобы привести своих последователей в ту землю, в которой, как империалистический единоличный правитель, как деспот, правит основатель религии или его преемник, провозвестник религии: в далекий закон «веры».

Эта воображаемая земля должна находиться за пределами реальности. В ней дремлют опасности для сообщества, потому что неконтролируемые силы могут практиковать свою деятельность и вред там беспрепятственно.

* * * * *

Сильный, который из высшей ответственности отказывается от «спасения», следовательно, достигает такого положения мысли, из которого он вообще отрицает право на существование религий спасения.

Отвержение коренится в том же чувстве, из которого здоровый человек отказывается использование костылей.

Эти религии — обещают ли они «возвышение» человека (в случае принятия «священного послания» получателем) или требуют его «преодоления» — оказываются (эффект в частной сфере должен быть оставлен неопределенным) неспособными улучшить мир даже в малейшей степени. Ни одна из этих религий — даже христианство, которое постоянно эмпатически выставляет напоказ свой характер откровения, чтобы тем самым принципиально отличаться от других религий, да, чтобы наиболее удобно в качестве «откровения» стоять вне любого обсуждения и, следовательно, любого соревнования — не может отрицать, что является религией для определенной цели [Zweckreligion].

* * * * *

Чтобы быть более ясным в отношении креста: Иисус из Назарета провозгласил «Царство Мое не от мира сего». И все же он обещал мирской-материалистический «рай»!

Когда, вопреки ожиданиям своих более чем терпеливых первоначальных последователей, он не вернулся, из отчаяния, вспыхнувшего повсюду, возникла теология, которая провозгласила «воскресшего» как грядущего судью над живыми и мертвыми.

Здесь было посеяно семя империализма креста, которое в последующий период полностью ориентировалось вокруг цели.

* * * * *

Сильный человек не понимает путей религий спасения, которые в конечном итоге все ведут из мира.
Сильный человек не хочет спасения, а скорее исполнения. Его вера вращается вокруг жизни, а не смерти, вокруг мирского, а не «запредельного».
Он видит путь в биении сердца жизни, поэтому он оставляет путь религии спасения и шагает по пути этоса.

* * * * *

Религии спасения, поскольку их теория обладает вымышленными средствами милосердия и сверх того чуда и магии, могут даровать столько, сколько хотят.

В этом и заключается опасность развязывания, да, взращивания враждебных сообществу влечений.

Этос не подвержен этой опасности, потому что без закона и его воздействия он немыслимы.

Этос требует справедливости и не знает милосердия, которое в чуде хочет прорваться сквозь закон.

* * * * *

Религии спасения своими претензиями на абсолютизм изнасиловали «религиозное чувство», то есть стремление людей к осознанию ценности себя и мира, а значит, и к совершенству. Тем самым общее понятие «религия» было обесценено, так что именно среди сильных возникла противодействие этому термину.

«Религия» человека — это его стремление к совершенству посредством соответствия закону.

В этом смысле сильные мира сего во все века были «религиозными».

* * * * *

Освобождение интеллекта было настолько полным, что вскоре наступило время его несдержанности.

После невоздержанности интеллекта упадок культуры стал возможен в широчайших масштабах.

Интеллект был использован для самых диких ментальных оргий.

Без хозяина он блуждал, подвергаясь любым попыткам захвата со стороны нигилистов, оптимистов и пессимистов.

«Враждебность к интеллекту» как защита, в основе своей здоровых, групп понятна с этой точки зрения.

* * * * *

Новое тысячелетие будет рассматривать как насущную задачу снова привязать освобожденный интеллект от религии спасения униженной и отчасти уже систематически фальсифицированной крови и в этом союзе — это больше, чем симбиоз — привести его к цветению и плодам.

* * * * *

Всеобщее государство строится на этосе.

* * * * *

Оно противостоит религиям спасения в лучшем случае как терпимое, но никогда как поборник и покровитель.

Но в любом случае тотальное государство сумеет стряхнуть с себя любую религию, которая верит, что может спасти себя в новом тысячелетии на подхвате государства требуя власти.

Тотальное государство знает сказку о воробье, который, спрятавшись в перьях орла, хотел взлететь к солнцу!

* * * * *

Фанатики религий спасения знают тотальное государство как своего смертельного врага. Они знают, что только это государство может серьезно положить конец их империализму, поэтому они отчаянно защищаются от веры нового тысячелетия и упрекают — какая ирония! — в быстром осознании ситуации, со своей стороны, в идолопоклонстве и нетерпимости.

* * * * *

Однако при разъяснении понятия «идолопоклонство» речь идет уже не о субъективных точках зрения. Речь идет исключительно об оценке тотального государства.

* * * * *

Тотальное государство, однако, рассматривает как идолопоклонство все те проявления, которые выброшены из вымышленной страны «веры» (в смысле религий спасения) как препятствие на пути к тотальным целям нации.

* * * * *

Тотальное государство ради своей цели считает себя вынужденным продвигаться шаг за шагом, расчищая, ибо если останется хотя бы один идол, то существует опасность путы веры и, следовательно, искажения целевого образа.

* * * * *

За каждым идолом, который воздвигается на пути к цели, скрываются группы, готовые защищать своего идола, рискуя своей жизнью.

Однако готовность умереть за дело не всегда является доказательством ценности дела!

* * * * *

Идолы нередко оказываются гораздо более достойными любви, более обязательными, более красивыми, чем идеи.

Идол имеет не всегда маловажное преимущество быть материей, которая может перейти во владение индивидуума или группы.

Идея, с другой стороны, всегда остается спросом.

* * * * *

В момент выбора между идолом и идеей группы массы отделяются от групп элиты.

* * * * *

Масса цепляется с предпочтением за идола. Она получает в общности этого следования силу упорства.

Группы, которые из-за врожденного упрямства остаются в упорстве, в большинстве своем безвредны. Их можно внешними средствами, например, посредством страха и бедствия, привести в движение, которое, однако, обычно распространяется только на следующую станцию, на следующего идола.

Однако опасны те группы, которые остаются в упорстве из расчета.

Это, как правило, те, которые нашли фиксированное пастбище, заполненный ясли, от которого они никоим образом не планируют добровольно отделяться. После достижения своей цели они ни за какие деньги не позволяют снова впрягаться в маршевый ритм нации.

В тот момент, когда они нашли пастбище, сообщество, которому они обязаны предпосылкой для своей находки, стало для них всем тем же.

Они умело маскируют свое эгоистичное требование упорства благозвучными лозунгами, они создают видимость того, будто внезапная воля к упорству проистекает из железного чувства ответственности за сохранение «порядка», а именно «порядка» своего тогдашнего состояния.

* * * * *

Понятие «традиция» играет определенную роль в кругах, послушных идолу упорства.

Традиция, обычай сами по себе еще не священны.

Священным, нерушимым и расторжимым только при величайшей опасности для основы является только то, что доказало себя как законное и сущностно обусловленное в традиции.

Принцип «Это должно быть хорошо, потому что это старо» достаточно часто имел разрушительный эффект.

Традиция как осязаемое выражение существенности должна в любом случае быть основой для ценностно-постоянного критерия.
Но ни в коем случае традиция не является заменой отсутствия собственного поведения или купона, который мог бы повысить ценность собственной внутренней нищеты.

* * * * *

Революционные люди, как правило, не признаются людьми, связанными традициями, или отвергаются и подвергаются борьбе.

Пока существует естественное напряжение между революцией и традицией, законное развитие только поощряется, поскольку порядку угрожает безграничное революционирование ради революции.

Но если революция перерастает традицию, летаргия охватывает такое буржуазно-застойное государство.

* * * * *

Умение государственных деятелей, борющихся за тотальность, проявляется прежде всего в уравновешивании рождающих ценностей революции с сохраняющими и подпитывающими ценностями традиции.

То, что в этой оценке революция должна цениться и соблюдаться как первичная вещь, самоочевидно.

Другими словами: тотальное государство не только будет терпеть все революционные идеи - поскольку они не вызывают хаос - скорее даже насколько это в его силах даже продвигать их, но и в применении на практике, следовательно, в форме, учитывать традиционалистские импульсы.

Идея и форма поэтому скорее всего станут союзом: ни идея не разорвет форму, ни жесткая форма не задушит идею.

* * * * *

Напряжение между идеей и реальностью оказывает вредное воздействие только на ограниченное буржуазно-традиционалистское государство.

* * * * *

Тотальное государство знает, что секрет молодости народа и сохранения его заключается в революционных идеях. Щедрость государства проявляется в том, что оно не уклоняется от стремления молодых людей вперед, а скорее подталкивает именно молодых людей к все новым творческим волнениям.

Это беспокойство — пульс крови, которому она не дает застаиваться. Общее состояниеследовательно, вневременно, это значит: вечно!

Оно всегда «современно», всегда «своевременно».

Закон движения как предпосылка бессмертия действует внутри него.

Не существует права на какую-либо революцию против тотального государства, потому что оно само по себе является революцией по своей сути. В лучшем случае существуют разногласия относительно темпа и ритма движения.

Тот, кто выступает против тотального государства, в любом случае «реакционер», независимо от того, где находится его точка зрения.

* * * * *

Реакции — измеряемые волнениями революции — возможно, приятны, поскольку мы оцениваем их внешне.

Но они оказывают самое широкое влияние, если мы оцениваем их по эффекту в глубине их пассивности. Пассивность лежит, как медленно текущая асфальтовая масса на здоровой почве, и душит любое семя жизни.

Власти, враждебные тотальному государству, с удовольствием используют пассивные группы, потому что благодаря их существованию присутствует предпосылка для враждебной государству «политики с дальней перспективой».

* * * * *

Реакция — смертельный враг закона.

Закон стремился к развитию, к движению, к тотальности.
Реакция не хочет выходить за рамки частичной цели, поставленной ею самой. Она хочет остаться застрявшей на любой стадии развития и, следовательно, неизменно заканчивается стерилизацией жизненной воли.

Группы, цепляющиеся за реакцию, стали кастрированными по воле и духу.

* * * * *

Конечно, не «совпадение», что реакция в начале нового тысячелетия встала на защиту креста.

Крест — после своего изначально нигилистически-революционного нападения на в положительном смысле укорененный в традициях мир — столь проникновенно проповедовал подчинение божественной воле, отказ от жизни, отказ от разума, что воля к движению фактически оказалась широко парализованной в мире, если не убитой.

Лозунг «престол и алтарь» стал девизом упорствующих.

* * * * *

Традиция связывала людей (в смысле буржуазной упорности) с поднятым перстом, почитанием старого, переданного.

Они восхваляют возраст уже как сам по себе кредит.

Ну, возраст — с точки зрения закона — это все, что угодно, кроме кредита, это даже не преимущество.

Возраст является образцовым и, следовательно, имеет право принимать почитание только там, где нет пролома, никакого отречения, никакого неверия между идеей и реальностью, между требованием и жизнью.

Но если эта пропасть существует, то возраст так же бесполезен, как крушение.

Но если возраст отличается совершенством по отношению к общей цели, то он освящается волей к странствию, тогда он богат и ценен примером.

Перед седой головой в одиночку никто не должен вставать, но перед волей оставшейся молодой старика.

* * * * *

Конечно, комедия не лишена того, что крест, который в эпоху своего возвышения к власти проявил себя как непобедимо непочтительный, который презрительно разбил все чужие святыни и не допускал никаких «чувств», сегодня, на пороге нового тысячелетия, жалуется на недостаток почтения к себе!

* * * * *

Если возраст не имеет эффекта через убеждение, он также не может утверждать себя через требование дисциплины. Если крест ссылается на действительность своей «истории», он все еще не имеет тем самым оправдания для настоящего или даже будущего.

Легко построить «историю», в которой все темные стороны будут выставлены на свет, так что останется только сияющая чистота, а затем представить эту «историю» как уникальную и вечную.

Легко, через этот сияющий, но, к сожалению, полностью фальсифицированный и лживый образ, найти «веру» упорствующих кругов.

Эта вера оказывается не только умственной ленью, но и просто попыткой оправдания слабовольных.

* * * * *

Группы слабовольных действительно воздвигли себе несколько затемненного и потому скрытного, но все же приятного идола: идола судьбы.

Судьба когда-то играла значительную роль в мире идей северного региона.

Судьба стояла как закон над бытием, но она не стояла вне причинности.

В судьбе был заключен жизненный цикл индивидуума, его клана, его народа. Верить в судьбу означает верить в действительность, в ценность и в смысл жизни.

Кто бы ни был набожен, его смерть больше не имела никаких ужасов. Его деяние основывалось на знании действительности закона, который не только переживает индивидуальную жизнь, а просто через деяние выковывает его как звено в великую цепь, которая тянется из времени в вечность народа.

Тот, кто верил в судьбу, знал об ответственности своей собственной жизни, следовательно, знал, что цепь всегда лишь настолько прочна, насколько прочно самое слабое из ее звеньев. Судьба, следовательно, была не тайно-угрожающей силой, а скорее первопричиной причинности, скрытой от глаз.

* * * * *

Тот, кто с верой в судьбу вступал на путь осознанной жизни, не уставал от постоянной борьбы за существование. Знание действительности закона защищало верующего от неуверенности и отчаяния и даровало ему достоинство, уникальное, достойное восхищения поведение язычества, которое казалось таким далеким по своей природе и в то же время таким желанным и – недостижимым – для потомков, отчужденных от закона религиями спасения.

Вера в обоснованность и обязательность этой судьбы повелела людям, несмотря на все разочарования и кажущиеся парадоксы повседневной жизни, сказать счастливое «Да» жизни и смерти и позволить им, несмотря на ночь, туман, лед и снег, восхвалять живительный свет солнца.

Благочестие перед судьбой когда-то означало: жить героически Тем не менее!

Мы, современные люди, узнаем это отношение из саг и баллад, поскольку мы способны увидеть суть песен сквозь беспорядок позднейшей фальсификации и наложения.

* * * * *

Благочестивые судьбой были связаны со всеми проявлениями закона для союза: они знали о законах природы звезд и смотрели на открывающуюся и очевидную жизнь окружающего мира.

Эти люди могли по праву утверждать, что понимают язык животных, а также шелест лесов, пение лугов и рев грома: они знали о всеобъемлющем законе.

* * * * *

Судьба держала победу и судьбу, жизнь и падение. Но каждый, кто сознательно шагал по своему жизненному пути, был полностью ответственен за эту жизнь. Никакой спаситель не вел уставшего слабака назад на оставленный путь.

Предатель против закона погиб от предательства.

Никакое милосердие не исцеляло предательство и не прикрывало подлость.

* * * * *

Поскольку сильный провозглашал судьбу, провозглашение было победным. Так появились героические песни, которые восхваляли борьбу как миссию жизни.

Что было трудом повседневной жизни в сравнении? Что было определенностью умереть в сравнении? Они стали пустяками, неважными вещами, которые не стоили обсуждения.

* * * * *

Тяжесть бремени измеряется слабостью плеч, которые должны её нести.

В восстании масс под знаком креста сильные и их учения были преследуемы и истреблены. Серость сумерек, которая накрыла последние тайны закона, судьбы, стала ужасом для слабых и уродливых.

* * * * *

Понятие судьбы было полностью пересмотрено.

Судьба стала идолом.

Люди больше не выходили на арену жизни, бросая вызов смерти и благочестиво относясь к жизни, но «человеческие существа», униженные до детских созданий, брали на себя проклятие жизни и несли его невольно до того дня, когда они были искуплены Богом из своего греховно-слабого тела.

«Авва, дорогой Отче!» В этом и заключается погибель.

Вместо веры людей, которая есть само дело, выступила «вера детей», предельная зависимость, неспособность к себе, которая учила рабству воли и требовала этого как предварительного условия для отношений отца и ребенка.

* * * * *

«Оставьте Господу пути ваши и уповайте на Него, что Он делает это хорошо!»

В этом и заключается самое жалкое отречение.

Это признание неспособности, которое делают поклоняющиеся.

Таким образом, время делающего сократилось за счет времени поклоняющегося.

Детский лепет и молитвы привели к отсутствию забот у оптимистов, которых за руку вели по желанию анонимные силы под предлогом того, что это была воля Бога или судьбы.

«Услышанные молитвы», внушения или рассказы о сбывшихся пророчествах внесли свою долю в уничтожение последнего остатка свободы.

* * * * *

Вопреки закону гравитации основатели религии ходили по морским волнам.

Вопреки закону деторождения основатели религии были помещены в утробу девственниц сверхъестественным путем.

Вопреки закону движения, солнце остановилось в своем «ходе» по причине желаний семитского племени. Вопреки закону вещества, вода была превращена в вино. Вопреки закону смерти, трупы, уже находящиеся в процессе разложения, должны были быть воскрешены. Тогда это называлось чудом!

Насилие было нанесено закону ударами дубинок.

В насмешку над великим порядком начался пересмотр под крестной мерой веры в чудеса. Тем, кто был достаточно беден интеллектом, чтобы принять без противоречий учения религий спасения, были обещаны небеса и все небесные радости.

Но сильным, оставшимся в законе, среди воя аплодисментов развязанных масс грозили вечные муки и адские муки, порожденные извращенным воображением.

Еретический смех сильных над лихорадочным бредом слабых рассматривался как языческое упрямство.

* * * * *

Судьба была низведена до игрушки произвольного, иногда милосердного, а иногда тиранического «Бога», за которым скрывались как бенефициары страха, исходящего от него, жрецы и маги.

Этот «Бог» действительно правил как деспот по праву над миром, который стал долиной горя.

* * * * *

Пройдет много времени, пока человечество оправится от духовного опустошения от религий спасения.

Но тогда призрак «чудес» и молитв, магии и той «веры», задохнувшейся в зависимости, исчезнет.

* * * * *

«Бесполезно что-либо предпринимать, судьба явно против меня».

Этот пессимизм понятен среди людей, которые ведут жизнь в зависимости, ищущих награды, но не получающих ее в конце.

* * * * *

Началось безумие вокруг судьбы идола.

С помощью суеверных обрядов она должна была «примириться», то есть склониться к просящему. Никакая жертва не казалась достаточно большой. С помощью все новых «идей» жадность пыталась подкупить идола, чтобы настроить его на «милосердное» настроение.

Эта история суеверий имеет ту же величину, что и история религий!

* * * * *

Идол судьбы рушится в тот момент, когда сильный человек мужественно сам исполняет свою судьбу, когда он ищет и находит судьбу внутри себя, а не вне себя. Тот, кто мужественно ведет тотальную жизнь, никогда не может бояться своей «судьбы».

Трус перед каждой задачей спрашивает о «Почему» судьбы, которая требует именно от него решения задачи и заканчивается тупой покорностью.

Сильный человек догадывается о связях закона, но не может распознать его первопричину. Но он не просит и не умоляет «темную силу», а смело идет на формирование своей жизни.

* * * * *

«Удары судьбы» слабые воспринимают с жалобами и стонами.

Основной тон не восстание против судьбы, а эгоцентрически обусловленное ворчание «за что именно мне это несчастье?»

В этой фразе и в этом вопросе заключено безграничное тщеславие, приведшее к вымыслу, что личный Бог слепо распределяет судьбы и склонен обсуждать с людьми каким-то образом степень ударов. Для этого в человеке требуется как предпосылка для получения милости полное раскаяние и сокрушение, отказ хотя бы от последней искры собственной воли. (Не как я хочу, а как ты хочешь!)

* * * * *

Легко приписать растраченную жизнь счету неприятной судьбы, которой управляет скрытый и жуткий, отчасти милосердный, отчасти жестокий до жестокости и извращенности Бог.

Человек, подчиненный судьбе как желанное оправдание любого порока, любой низости, любой гнилости.

* * * * *

Воля сильного человека восстает против идола судьбы. Не то чтобы человек воли был «счастливее» идолослужения, «искупленного» через религию.

Конечно, «спасённый человек» живёт более комфортно в своей «безопасности», чем человек воли в своём мире, наполненном борьбой.

Воля, однако, дарует человеку силу не избегать судьбы и не убегать от последствий жизни, а бесстрашно, закалённо знанием вечной действительности и нерушимости закона, идти своим путём и стремиться решать задачи, которые ставит жизнь в многообразии своих проявлений.

Воля, своим стремлением к исполнению, отказывается от милосердного освобождения от ответственности.

* * * * *

Человек, зависящий от идола судьбы, ищет удовлетворения, которое искусно замаскированное отречение изображает.

Человек, обладающий счастьем жизненной воли, доволен своей силой, которую он может использовать для преодоления возникающих трудностей.

Сила растет в работе: так человек с жизненной волей возносится в конце своего воинственного существования к Титану.

Удовлетворенный человек в конце концов оказывается в маленьком саду бездеятельного созерцания.

* * * * *

«Спасенный человек» имеет основное настроение: квиетизм. (Я теперь нашел дно, которое вечно держит мой якорь!)

Он кончает тем, что погибает без следа. Нирвана и небеса — это лишь оттенки отречения.

Человек с жизненной волей, с другой стороны, возводит свою жизнь в могучий монумент, который выступает в вечность как пример.

«Судьба» — это утешение, которое можно подсластить напитком религий спасения для мечтателей.

Воля же живых людей, с другой стороны, отказывается от любого утешения. Она освещает даже самую глубокую ночь огнем своего непокорного тем не менее!

* * * * *

Те, кто подчинен судьбе, придумали систему, чтобы защитить мир своего удовлетворения от беспорядков и, сверх того, пресечь в зародыше возможности любого беспорядка.

Появился новый идол.

Он получил название «мораль».

* * * * *

Вокруг этого идола скапливалось прямо-таки бесчисленное множество людей. Это масса тех, кто ищет «опоры», потому что сами не нашли опоры.

* * * * *

Идолопоклонники морали обладают священными заповедями и законами, указами и параграфами, концепциями и теориями, которые в своей совокупности производят почти непрерывную сеть.

Эта сеть преимущественно забрасывается на сильных, с намерением, чтобы сильные, свободные, независимые запутались в ней, чтобы затем в «запутывании» быть заклейменными как преступники.

* * * * *

Моралисты чувствуют себя совершенно комфортно в узости своей сети, да, они даже благодарны и счастливы, что на каждый случай у них есть направляющий канат, ориентир.

А в экстренной ситуации они способны проскользнуть сквозь ячейки сети и расширить ее посредством любого расширения и толкования. Против и снова, однако, моралисты — после максимально возможных скрытых экскурсий в страну, запрещенную для них — возвращаются в царство сети.

* * * * *

Моралисты далеки от закона и порядка.

Ибо закон и порядок могут быть признаны и выполнены только сильными, которые в свободе принимают на себя знание и выполнение. Сильные укоренены в подлинном бытии. Моралисты маскируются внешностью.

* * * * *

Правило морали начинается там, где закон вытесняется.

Мораль принесла с собой норму.

Однако норма установила меру, по которой измерялись «умеренные люди».

Все, что осмеливалось шевелиться и проявлять активность, думать и действовать вне нормы, проклиналось как «опасное».

Другими словами: моралисты создали форму, в которую человек должен был вписаться навсегда. При необходимости он должен был заставлять себя, посредством чего приходилось мириться с опасностью покалечиться.

* * * * *

Моралисты — поскольку они рассматривали только часть, внешнюю сторону, на предмет ее «пристойности» — не могли вызвать никакого понимания для целостности, для целостного человека.

* * * * *

Предыдущее тысячелетие было веком морали и правления моралистов.
Целостному человеку в нем нет места.

* * * * *

Последствия правления моралистов шокируют.

Пример: воля и потребность в ребенке — естественное стремление женщины к исполнению своего закона — подавлялось моралистическим требованием, чтобы брачные узы были исключительной предпосылкой для зачатия ребенка.

Незамужняя мать, как проклинаемая моралистами как «безнравственная».

* * * * *

Неправдивость любой морали очевидна в том, что на самом деле предпосылка для брачных уз, вследствие избытка женщин, особенно во времена после больших войн, не всегда присутствует и что ради морали бесчисленное множество женщин, именно в критические для нации времена, обрекаются на бездетность или даже доводятся до детоубийства.

* * * * *

Таким образом, нация лишается невосполнимых активов.

* * * * *

Из этого примера становится ясно, что закон в некоторых случаях находится в непреодолимом противоречии с моралью.

Закон ради жизни народа требует неограниченного рождения врожденно здоровых детей.

Нравственность при определенных предварительных условиях без колебаний убивает нерожденных.

* * * * *

Самоочевидно, что государство в целом рассматривает брак как основу семьи и со всем упорством занимается защитой брака.

Но оно требует столь же сочувственно уважения к жизненной воле нации и, следовательно, уважения к воле к ребенку у каждой врожденно здоровой женщины.

* * * * *

Другими словами: для нации здоровый от рождения ребенок незамужней женщины несравненно ценнее кретина, рожденного в браке, «благословленном» всеми церквями.

Для нации незамужняя мать, которая вопреки всем моральным и буржуазным социальным запретам с радостью утверждает своего ребенка, предпочтительнее замужней женщины, намеренно исключающей себя из благословения детей или даже просто без вины бесплодной.

* * * * *

Тотальное государство, также и в своей демографической политике, смотрит на целое, тогда как мораль видит только часть, внешнюю сторону.

* * * * *

Моралисты видят в этом осознании и требовании тотального государства опасность расшатывания нравов, вырождения, может быть, даже преднамеренной безнравственности.

Но то, что они в своей морали, например, прямо требуют абортов, они не хотят признавать.

Но вместо этого они любят проповедовать «воздержание». Тем самым они ставят себя под сень креста, который борется с самой волей жизни и в своем радикализме требует угасания «греховного» влечения к жизни.

Никогда не следует забывать, что учение о кресте провозглашает сосудом «Сына Божьего» девственницу, которая была «непорочной». Естественное зачатие, согласно этой логике, является пороком. Несмотря на всю теологию, это провозглашение не могло быть закрыто, и сегодня оно соблазняет монахинь в «лучшую» жизнь монастыря.

И сегодня враждебная по отношению к воле жизни позиция крестоносцев против не только сексуальности, но и любой вне-небесной любви вообще, основана на тезисе о «непорочном зачатии».

Вера в непорочное зачатие является одной из основных предпосылок для «истинной веры», для ортодоксальности конфессий, вращающихся вокруг креста.

Даже протестантизм эпохи Просвещения, несмотря на самые суровые усилия, не смог освободиться от этой орбиты.

Не следует также забывать, что в древнем христианском мире присутствовала очень сильная направленность к несексуальности, и что эта направленность, даже после времен тяжелейшей борьбы, в которой, даже после преодоления духа, не связанного с формой, формальным служением, появлялась видимая организация церкви, снова и снова — не в последнюю очередь и в евангелических сектах — прорывалась в аскетизм, враждебный сексу.

* * * * *

Тотальное государство, поскольку оно видит, что существование нации находится под угрозой из-за существования моралистов, должно настаивать на решении.

Это решение никогда не может быть приказано, оно должно происходить в сфере воли, следовательно, через личность.

* * * * *

Неверно, что только посредством морали устанавливаются необходимые ограничения против произвола, даже сексуального.

Вместо этого дисциплина, определяемая развитием права, обеспечивает защиту от любого произвола.

* * * * *

Негодяй может быть больше, но никогда законным.

Законный человек может быть «безнравственным», но никогда не негодяем!

* * * * *

Новое тысячелетие разбивает идола морали.

Сомневающиеся, полные страха, будут бояться рассвета времени произвола, излишеств и безнравственности и поднимут свои предостерегающие голоса, чтобы добиться спасения идола.

Следует сказать им, что верующие тысячелетия стоят в законе и следовательно, в подлинной морали. Однако эта мораль есть нечто могущественное, непреодолимое, нечто иное, чем «моральный клуб», посвященный кресту воображает.

* * * * *

Нравственность — это осознанная жизнь в рамках закона.

Выражение морали направлено на вечную жизнь нации. Это моральное слышание сильных.

«Частная мораль» того, что мотивирует нарушенную естественной жизнью, даже не «интересна» для всего государства, пока эта мораль ограничивает себя частной сферой моралистов.

Но если она попытается прорваться в пределы сообщества и судить или даже править там, то она будет отвергнута.

* * * * *

Мораль нового тысячелетия одновременно является и высшей практичностью.
Тотальное государство следит за тем, чтобы знание практичности фундаментально влияло и формировало действия сообщества.

* * * * *

Слабые и больные будут видеть в этом постоянную угрозу. На самом деле, требование тотального государства также несет опасности для мира слабых!

* * * * *

Мораль тотального государства может быть беспощадной до беспощадности. Ее позиция против носителей врожденных болезней доказывает это.

Стерилизация, преследующая цель истребления всего низшего, всегда будет бичом для слабых и уродливых. Сильные же стороны видят в стерилизации очевидное требование беспрепятственного развития достойных.

Поэтому тотальное государство, которое во исполнение закона должно, если необходимо, действовать беспощадно, отвергает любые дискуссии с низшими о какой бы то ни было «жесткости».

* * * * *

В предыдущем тысячелетии возводились дома и институты для слабоумных и уродливых — характерно, что этим местам часто давали еврейские христианские названия, такие как «Вефиль» и «Вифезда», — и поддерживали жизнь низших за счет огромных сумм, оплачиваемых вполне достойными и изымаемых из вполне достойных.

Это была общественная мораль слабых!

* * * * *

В новом ты сячелетии будут построены образовательные центры для детей сильных и предоставлены средства для ухода и сохранения достойных.

Это мораль тотального государства!

* * * * *

Моралисты упрекают тотальное государство в том, что оно способствует «человеческому разведению» на том же уровне, что и разведению животных. В ходе этого процесса духовные ценности, особенно любовь и доброта, должны неизбежно прийти в упадок и умереть!

Тотальное государство обращается к осознанию, к разуму, к здоровым инстинктам сильных и знает, что долг и сознание ответственности достаточно велики в сильных, что любовь не следует путать с опьянением чувств романтическим мечтанием, но что и здесь следует следовать высшей практичности. Только через осознание этой практичности любовь облагораживается и защищается от всякого последующего осквернения — это и есть отрезвление, следующее за опьянением.

Сильный мужчина никогда не сможет полюбить нездоровую женщину ради ее красоты, а именно при выборе жены думать о будущем нации.

Сильный мужчина не упивается развязанными чувствами, а именно чувство связывает с ответственностью!

* * * * *

Пример: атмосфера «волшебной горы» Томаса Манна для сильного мужчины не только не немыслима, но и в высшей степени отталкивающа.

Не «чувство» там сфера, а необузданная извращенность, награда больных и слабых!

Сильный мужчина знает, что эмоциональный подъем возможен только в благородном, совершенном, здоровом.

* * * * *

Тотальное состояние не несет никакой опасности для духовных ценностей, а наоборот, питает и способствует семени подлинной жизненной радости и тем самым создает предпосылку для жизненной страсти.

Он выполняет для народа страны работу по уходу и воспитанию, как садовник.

Он устраняет засохшие ветви и больные побеги и следит за тем, чтобы жизненные условия солнца, воздуха и дождя доходили до всех сильных, здоровых и способных к росту ветвей.

* * * * *

Глашатаи креста однажды призвали уставших и обремененных собраться.

Так началось нападение на сильных.

Тотальное государство в последний момент призывает остатки сильных, чтобы предотвратить надвигающуюся гибель, вызванную тысячелетием креста. Так начинается после преодоления мира низших тысячелетие сильных.

Нравственность, одеяние лжи невзрачной, в основе гнилой эпохи, рушится, как трут.

Убогость этого морального выражения «Не попадись», анонимность обманутых масс уступает место утверждению моральных личностей.

Высшая практичность, укорененная в морали, не требует одежды. Ее подлинность не должна стыдиться наготы, отсутствия украшений.

* * * * *

Моралисты ходят на костылях и останавливаются на пути, жалуясь, если эти костыли убогости ломаются.

Сильные идут прямо и гордо по пути своей причинности и не знают отклонений от своего пути, не знают бесцельности и безумия.

* * * * *

Требование нового тысячелетия звучит так:

Заставьте идола морали умереть!
Да здравствует закон и его мораль!

* * * * *

Предыдущее тысячелетие очень хорошо сумело облечь гнилые вещи и идеи в лживую мишуру лозунга.

Он изобрел свою собственную индустрию одежды лжи, он изобрел системы анонимности, чтобы злоупотреблять голосом народа, который должен был быть голосом «Бога», как эхо любых намёков.

* * * * *

«Голос Божий» имел вполне конкретных создателей, которые, опять же, преследовали вполне конкретные намерения.

В интересах этих создателей было, чтобы масса воздвигала себе идолов. Ибо если даже «Бог» больше не находил послушания, то, по крайней мере, идол держал массы в зависимости.

* * * * *

Империалист в Риме с самого начала своего тысячелетнего правления одновременно играл в свою политику и Бога, и идола.

Он знал, что, если вера отсутствует, он все еще может рассчитывать на суеверие.

Поэтому он создал в своей религии раздел для “образованных”, для “просвещенных” – и в этом разделе он высмеял глупость добрых людей, которых так легко водить за нос, несмотря на страх и надежду, – и раздел для суеверных масс.

На этой мессе должно было быть подано самое страшное суеверие, чтобы оно могло быть духовно полностью сковано!

Политики в Риме крепко сжимали тиски суеверий, особенно в те исторические моменты, когда “общие условия того времени” были неблагоприятны для римского империализма.

Таким образом, папский эдикт о непогрешимости приходится как раз на 1870 год, что поставило Европу перед лицом величайших политических решений. Рим видел, как пробуждается народный национализм, и, следовательно, именно по этой причине подкрепил свои притязания на тотальность притязаниями на непогрешимость!

* * * * *

Церковная история римского империализма - это одновременно информативный исторический труд о силе суеверий и влиянии идолопоклонства.

* * * * *

Однодневные империалисты - в той мере, в какой они не подчиняли себя римской империи. конечная цель тысячелетнего римского империализма, скорее, заключалась в достижении своих собственных целей – более или менее искусно разыграть своего Бога против идолов или своих идолов против Бога.

Так что “просвещение”, которое проповедовали империалисты-однодневки, состояло прежде всего в прославлении продвигаемых ими идолов и в требовании впредь служить этому идолу.

Борьба религий друг с другом также регулярно заканчивалась победой старого Бога над новым, который господствовал так долго, пока еще более молодой не сверг его с престола.

Эти конфликты по свержению власти занесены в историю религии как “священные войны”.

* * * * *

Процесс возрождения нации начнется только в том случае, если исчезнет неразбериха, искусно спровоцированная в духовной сфере правопорядка.

Это означает, что сознательное развитие народа начинается с конца религий спасения.

* * * * *

Есть много духов, на которых это утверждение оказывает пугающее воздействие.

Снова и снова из этих рядов всплывает вопрос о “заменителях религий”.

* * * * *

Заменитель?
Следует ли тогда заменить одну мечту другой, старый ложный мираж - новым?

* * * * *

Вместо этого речь идет о том, чтобы бодрствование заменило сон, а истина закона - мираж.

* * * * *

На самом деле, внутри наций есть только несколько групп, которые осознанно религиозны. У них следует брать то, что они “имеют”. Любая попытка нарушить это условие столкнется с известными инстинктами тщеславного мученика и потерпит неудачу.

Следовательно, большая часть людей в странах просто позволяет причислять себя к последователям религий спасения, потому что они поддались лозунгам “У народа должна быть религия” или “Дети должны воспитываться в религии” и другим подобным бездумным и вымученным лозунгам.

Люди в целом – в первую очередь все еще здоровые жители севера – стали религиозно “безразличными”. Безразличие распространилось на всю духовную сферу.

В области духа зияет пустота.

* * * * *

Именно религии спасения с их богами и идолами породили после подчинения равнодушие, а после равнодушия пустоту, «безбожие».

В предыдущем тысячелетии мечтатели не осознали вакуум.
С пробуждением в новом тысячелетии также наступает осознание духовной пустоты.

Поэтому всеобщее государство борется за реализацию закона, чтобы пробуждающийся народ продвигался к несению, всеобщему выражению законного.

Надо сказать, что из-за разрушительных последствий безразличия и духовной пустоты больше людей погибает внутренне, чем из-за сомнений в действительности религий.

* * * * *

Далее надо сказать, что новое тысячелетие не мыслит ни материалистически и, скажем, не просветляет в смысле бесчувственного и духовного снобизма.

Поведение нового тысячелетия, формирующееся вдали от мечтаний о религиях спасения, так же мало похоже на безбожие большевизма.

Если свести это осознание к тезису: большевизм необуздан, произволен, неверующий, новое тысячелетие глубочайшим образом связано через осознание и волю с законом и, следовательно, благочестиво!

* * * * *

Война с идолами должна вестись с высшей ответственностью: речь идет о расчистке пути к цели, о видении самой цели!

И даже если идолы на пути будут такими любезными, ради чистоты идеи их следует разбить.

* * * * *

Никогда не следует забывать, что каждый идол воплощает стадию эгоизма, и что каждый идол выводит отдельные группы из сообщества, чтобы собрать их в своей сфере.

Чем многочисленнее идолы, тем многочисленнее отдельные группы, которые препятствуют или мешают движению к общей цели.

* * * * *

Каждый идол требует определенной формы поклонения и, следовательно, определенного духовного изгиба, который должен привести к прогибу.

Каждая молитва, следовательно, исходит из эгоистических мотивов. Неважно, осознает ли молящийся этот мотив. Общая идея требует тотальности, и эта тотальность имеет что-то жуткое для эгоистичных и слабых духов.

Идол более достоин любви, он позволяет человеку, подчиненному ему, в молитве, требовать быть услышанным и полученным.

Человек, стоящий в законе, не нуждается в молитве и не понимает ее.

Он говорит – как ему любят приписывать – из «упрямства», а скорее из сознательного стремления исполнить именно там, где молящийся силой своей молитвы стремится уклониться от исполнения.

Законный человек ведет диалог с самим собой, диалог в смысле «обращения к себе за советом» или «оценивания себя». Это диалог между идеей и реальностью, между долгом и «соображением».

И этот диалог заканчивается торжественной готовностью к возобновлению действия для исполнения всего закона. Этот диалог совершенно отличен по своей природе от молитвы, в которой, как известно, «милые дети просят своего милого отца».

* * * * *

Насколько молящийся находится в ловушке индивидуализма, настолько мало законный человек рискует скатиться в коллективизм.

* * * * *

В отличие от закона, крест мыслит коллективно относительно своей общей цели: стадо и пастырь!

Коллективизм — это неустойчивое состояние однородных масс.

С другой стороны, тотальное государство есть сумма личностей, развивающихся в законе.

В этом и заключается принципиальное различие между вчерашним марксизмом и доктриной нового тысячелетия.

* * * * *

Однако, как и в случае с марксизмом, доктрина нового тысячелетия так же мало связана со вчерашним патриотизмом. Патриотизм умер почти одновременно со странной доктриной «любви» к кресту в воронках от снарядов Первой мировой войны.

* * * * *

Любовь к отечеству — одно из выражений причинности. Человек, стоящий в этом законе, естественно, любит свое отечество, но он борется прежде всего за тотальное развитие права своей нации.

Отечества во времена великих перестроек могут быть изуродованы до такой степени, что их не узнать, но нация неуязвима.

Патриот стоит или падает вместе со своим отечеством, законный человек вечно является исполнителем общей воли нации.

Это осознание будет важно в отношении мировых войн будущего и политического переустройства земного шара!

* * * * *

Армия, которая находится на марше в решающую битву, может ради окончательной победы не обращать внимания ни на одного «хромого». Командир армии знает, что такое внимание может иметь результатом потерю всей армии.

Кроме того, он знает, что — в случае, если бы он принял требуемое соображение — уставшие части, волочащиеся по полю боя, не имели бы боевой ценности, совсем наоборот, они могли бы оказать только деморализующее воздействие на готовые к бою войска. «Хромому» придется просто смириться с тем, что его оставят позади на тропе.

* * * * *

Полевой командир закроет уши от болезненного крика о «внимании». Он знает, что «внимательные» военачальники чаще проигрывали войны, чем «невнимательные». Он не может оглядываться назад, потому что он должен направить свой взгляд на решение.

Как бы очевидно это осознание ни было с солдатской точки зрения, оно тем не менее, применительно ко всему государству, сталкивается с трудностями, о которых снова и снова утверждается, что они непреодолимы.

* * * * *

Сторонники его притязаний собрались вокруг идола внимания.

* * * * *

Идол внимания имеет добрую, приятную, нежную внешность. Он оказывает особенно притягательное воздействие на романтические души, склонные к «лучшему миру».

Очарование этого идола способно преобразить даже самые уродливые черты, которые только можно себе представить у его последователей, сиянием редкой красоты.

* * * * *

Недостаточная смелость, нерешительность, настойчивость, страх, трусость, даже всякое несчастие могло бы быть не только оправдано, но даже восхвалено как образцовое, посредством ссылки.

* * * * *

Закон беспощаден в своем развитии. Он отбрасывает препятствия и не спрашивает, скажем, об их «жизненном оправдании».

Тотальное государство как исполнитель закона нации также беспощадно на пути к своей цели.

Тотальное государство поэтому время от времени берет на себя одиозность «непопулярности».

У него есть мужество бросить вызов ненависти тех, кто далек от закона и следовательно неверующих, и исполнить закон над своими телами.

Тотальное государство знает, что нападение на его развитие - это то же самое, что нападение на жизненный нерв нации, поэтому, ради любви к вечности народа, оно не может колебаться ни минуты, чтобы полностью уничтожить семена сопротивления, которые по своим последствиям являются семенами смерти.

* * * * *

Закон существует вне всякого обсуждения и, следовательно, всех соображений.
Он не существует ради любви к этому и во вред другим, а живет из себя. И его жизнь — это развитие, это означает преодоление препятствий и окончательную победу.

Поскольку этот рост связан с болью, боль естественна и, следовательно, в любом случае в пределах терпимого.

Это означало бы отрицание жизни, если бы кто-то хотел остановить рост, чтобы избежать естественной боли.

* * * * *

Любое соображение должно неизменно корректироваться в соответствии с неспособностью части.

Один только закон ориентирован исключительно на тотальность цели.

* * * * *

Партикуляристы, те, кто довольствуется частью во всех областях, находятся в тени идола рассмотрения.

Предыдущее тысячелетие видело одну из своих особых политических задач в том, чтобы в определенной степени уступить требованиям партикуляризма, чтобы затем сохранить хотя бы остаток для «общности».

В этом процессе было все равно, шла ли речь о духовном или «реальном» партикуляризме.

Результатом этой политики было то, что части не интегрировались в целое, а скорее вели свою собственную жизнь.

Эта анонимная власть тем самым имела достаточную возможность для достижения своих особых интересов.

Анонимные власти использовали все средства, чтобы максимально усилить части и помешать им срастись в целое.

* * * * *

«Особенности» плодотворны в конечном успехе и, следовательно, оправданы только там, где они вытекают из их собственной причинности.

Это означает: «Особенность» может быть оправдана только в смысле уникальной причинности сообщества тотального государства.

Не следует говорить, что тем самым тотальное государство формирует своих людей в шаблон. Для тотального государства речь идет о сознательном выравнивании людей его сообщества к внутренней цели их закона и, следовательно, одновременно к внешней цели исполнения обязанностей перед вечной нацией.

Любая опасность формирования шаблонов уже избегается благодаря разнообразию процесса развития в личности.

* * * * *

Поскольку тотальное государство обусловлено личностью, формирующей историю, оно является врагом идола анонимности.

* * * * *

Идол анонимности характеризуется особенно широкой и глубокой тенью, которая способна полностью покрыть своих подданных. Из его тени слышны только бесцветные голоса подданных.

* * * * *

Анонимность была в предыдущем тысячелетии желательным условием, потому что анонимность была синонимом неприступности, безопасности.

Помимо масс, прежде всего, бенефициары масс также настаивали на анонимности.

Индивидуум не должен был и не должен был появляться.

* * * * *

Демократия зашла так далеко в своей связи с анонимностью, что отвергает как отталкивающие не только высокие фигуры, но и неплебейские имена.

В революции на Западе и Востоке, в первую очередь, светловолосые господа были убиты развязанной массой, умело руководимой анонимными силами. Толпа воспринимала любое «аристократическое» лицо и любую достойную или даже благородную осанку как провокацию.

* * * * *

Человеческое существо должно было быть низведено до числа, до бездушной оболочки, которую правители могли собрать и использовать в любое время с любым знаком.

Границы нации должны были быть уничтожены, различие крови должно было быть размыто посредством расовой бастардизации, так что земной шар отныне будет заполнен только числом-людьми, которые могли быть добавлены рукой империалистов по желанию и, прежде всего, вычтены.

* * * * *

Только так можно понять, что анонимные силы стремились устранить любую личность ради нее самой, независимо от того, сталкивалась ли она с ними как враждебная, дружественная или нейтральная.

* * * * *

Анонимность превозносилась перед подданными как великое преимущество.

* * * * *

Свойство анонимности, коллективизм, превозносились как идеал.

Бегство от земли, то есть бегство от порога, поощряющего личность, в мегаполис, убивающий личность, восхвалялось как шаг к свободе.

(Связи бегства с земли, начавшегося во времена либерализма, еще ждут своего изучения. Но уже сегодня можно с уверенностью сказать, что популяризация бегства с земли принадлежит к плану истребления анонимных сил.)

* * * * *

С обезличиванием человека фактически началось время безымянного несчастья.

Анонимные силы позаботились о том, чтобы безымянное несчастье не стало глашатаем вырванной с корнем массы, и посредством искусной политики разделили страдающую массу на многочисленные лагеря анонимных групп с личностями, лишенными глашатаев.

* * * * *

Безымянная армия начала свое блуждание в пустоте хаоса и сохранялась в подчинении идолу анонимности.

* * * * *

Бенефициары убедились, что через контрольные часы, через номера на сборочной линии и количество карточек социального обеспечения, безымянность была указана «также официально»

* * * * *

Псевдонимность была оценена так же, как и анонимность.

* * * * *

Если где-то в прошлом тысячелетии всплывало имя, то оно обычно было привязано к группе, стоящей за ним.

* * * * *

Воинственные группы креста полностью стерли имена своих людей и дали им взамен чужие имена своего мира, чье трупное послушание было концом даже чувства личности. Анонимность праздновала оргии среди мракобесов.

* * * * *

Через систематическое унижение человека, его стадность, его помещение в стадо, происходило.

«Жить из личности» — в ограниченном смысле — было возможно только в частной сфере, так сказать, за закрытыми занавесками.

* * * * *

Так личность умерла в предыдущем тысячелетии под сенью креста, так труп безымянной массы возвышался до крайности.

* * * * *

Были и такие люди, которые отступили от священной ответственности, чтобы спасти личность.

Слова Гуттена:

Я хочу полностью выделиться, каков я есть! Но немногие свидетели и исполнители закона всегда умирали в величайшей изоляции, обычно также в великой нищете.

* * * * *

Новое тысячелетие измеряет свои требования к заметности как выражению личности по яркому примеру немногих.

* * * * *

Да умрет идол анонимности,
Дабы заметность жила!

* * * * *

Путь к тотальности открыт только тогда, если эти идолы будут разбиты. Все новые идолы будут поднимать головы, чтобы затемнить идею. Но одно несомненно: тот, кто первым преодолеет этих идолов, станет достаточно сильным в борьбе, чтобы также распознать и преодолеть любого другого восходящего или скрывающегося идола.

* * * * *

Воля к тысячелетию впервые начинает формироваться там, где пробуждается воля к преодолению и остается бодрствующей вплоть до победного завершения борьбы.

Не тот или иной герой призван убить драконов и идолов и тем самым открыть путь для всей нации. Однократные поступки здесь ничего не дадут.

Каждый, кто стремится принадлежать к вечности всей нации, должен выжить в борьбе с мечом в руке.

* * * * *

Тотальное государство не строится на отдельном герое, а на сообществе личных завоевателей.

* * * * *

Поскольку тотальное государство воплощает закон, оно не знает страха перед провалом его плана формирования. Велика его надежда на бескровный успех его плана, ибо потрясения в мире показали падение идолов и уже через это заложили семена реализации в сердца здоровых, видящих, сильных.

Велика его вера в видимое исполнение закона, ибо добрые, воинственные, бескорыстные признали свою честь как честь сообщества своей нации.

Долг тотальной борьбы за формирование закона вытекает из этого осознания.

* * * * *

Итак, тотальное государство приветствует рассвет нового времени как рассвет своего тысячелетия.

Вывод

Предыдущее тысячелетие было наполнено сумраком неизвестности.

Неопределенность распространяла атмосферу ужаса, недоверия и безграничного запустения.

Неопределенность парализовала готовность к действию и истребляла радость в деянии.

* * * * *

Неопределенность была результатом выкорчевывания людей в том тысячелетии. Она произвела, прежде всего, бесцельность, которая, в свою очередь, имела своим результатом полную девитализацию, рассеивание воли.

* * * * *

Из нищеты отчаяния тоска по опоре поднялась к звездам.

Но эта тоска была изуродована. Идолы не могли оказать никакой поддержки, потому что сами были всего лишь дрейфующим бревном. Так же мало была способна положить конец бреду «уверенность веры» религий спасения. Уже нет, потому что эти религии впервые обрели свое существование из факта этого бреда.

* * * * *

Религии спасения обещали создать острова и веру, спасая острова среди бушующих наводнений.

Но эти религии не имели сил остановить разрушительные наводнения.

* * * * *

Неопределенность принесла сомнение в истинности самой жизни.

Сомнение изобрело тезис о том, что жизнь внутри мира видимости является сатанинской. Этот тезис имел в результате большую усталость, отсутствие желания, отречение от жизни и деятельности внутри жизненного периода.

* * * * *

Предыдущее тысячелетие стояло под крестообразной тенью умирания.

В неопределенности самой жизни все еще был только один полюс уверенности, полюс умирания. Вокруг этого полюса кружились усталые мысли тех, кто отчаялся в жизни.

Грустная уверенность, полюс печали стояли в упадке жизни!

* * * * *

Растущее равнодушие к вещам этого мира и жизни, обусловленное определенностью смерти, внесло свой вклад в ускорение распада семени жизни, воли к жизни.

* * * * *

Следует признать, что и предыдущее тысячелетие, несмотря на свой смертельный паралич, было творческим во многих областях.

Эти творения родились из сильных сердец тех, кто был способен противостоять этому смертельному параличу с часто неосознанной страстью к жизни.

* * * * *

Но следует также отметить, что предыдущее тысячелетие никоим образом, как это снова и снова утверждали пропагандисты креста, не породило свою собственную культуру под сенью креста.

Не под крестом, а вопреки кресту, творения рождались через жизнь страстных и, следовательно, способных к культуре людей.

В большинстве случаев одержимые крестом оказывали самое ожесточенное сопротивление творениям, которые не только не отрицали униженную жизнь, но даже украшали ее, восхваляя.

* * * * *

Возрастающая усталость предыдущего тысячелетия все больше и больше вытесняла жизненную страсть естественного человека, а значит, и самого естественного человека.

Отрыв от корней, отчуждение от закона вызвали потерю опоры, потерю готовности к жизни.

* * * * *

Побег, который технология попыталась осуществить посредством эскалации темпа, граничащего с нереальным, должен был доказать свою ошибочность.

Именно посредством темпа технологии внутренняя пустота, неустойчивость людей, только стали еще более очевидными.

Предыдущее тысячелетие неизменно заканчивалось попыткой создать «заменитель» для фактически утраченных ценностей. Заменитель оказался обманчивым.

Предыдущее тысячелетие верило, что нашло Гомункула, и потеряло человека.

* * * * *

Новое тысячелетие начинается с мужественного блуждания в определенности.

Именно определенность закона наполняет человека нового тысячелетия силой и уверенностью. Определенность нового тысячелетия основана на знании собственного закона и, таким образом, закона сообщества.

* * * * *

Эта уверенность дарует целому человеку ум, чтобы размещать ценности в соответствии с законом и тем самым формировать сам закон.

Умный человек знает об условиях, которые ведут к формированию.

Он размышляет о возможности использования условий формирования.

* * * * *

Человек, не стоящий в законе, ждет милости, которая должна поставить его в положение уверенности веры, стоящей далеко от закона, что представляет собой замену терпения.

«Уверенность веры» и уверенность в законе являются решающими чертами терпения обоих тысячелетий.

* * * * *

Уверенность в законе идет по пути к совершенству.
Совершенство означает: полное исполнение закона.

«Уверенность веры» хочет совершенствоваться через милосердие.

Ее совершенство состоит в полном погружении в милосердие, в искуплении от жизненной страсти, запутавшейся в «грехе» и, следовательно, от самого мира.

Здесь закон равен исполнению, а милосердие равно искуплению, противостоят друг другу.

* * * * *

Путь сильных — это путь закона.

* * * * *

Странствие в уверенности одновременно является странствием в страну реализации.

Только из реализации порядка, обусловленного законом, вырастает уверенность, которая является основой жизненной страсти.

Уверенность веры, с другой стороны, не имеет этой прочной почвы под своими ногами, а скорее шатается в поле напряжения между небом и землей.

Жизненная страсть имеет в качестве предпосылки реализацию собственного.

Вписать это собственное в ритм закона сообщества — вот в чем заключается мудрость целостного человеческого существа, которое, выходя за рамки смерти и прошлого, стремится вырасти в вечность нации.

* * * * *

Старое требование к человеку стать существенным получает новое, углубленное значение и обоснование с точки зрения целостности государства и нации.

* * * * *

Существенным людям противостоят имитаторы, которые стремятся имитировать проявление закона, но сами не обладают знанием и силой, чтобы стать исполнителями закона.

Инициаторы заканчивают в отношении государства диктатурой и дрессировкой, существенные люди утверждают пробуждение воли к формированию и образованию в знании ценностей.

* * * * *

Хитрость тотального государства состоит в отделении существенных людей от подражателей и передаче тех, кого признают существенными людьми, в правление элиты.

* * * * *

Существенные люди, всеобщие люди нового тысячелетия, не знают разделения между своей жизнью, своим стремлением и своим законом, между своей реальностью идеалом и своим требованием.

Таким образом, они становятся носителями выноса, этнического требования нового тысячелетия.

* * * * *

Новый звон сердец принимает наступающее тысячелетие.

Больше нет никакого раздора.

Гармония, величайшее единство, наполняет мир, где мысль сочетается с действием, чувство с желанием, в тотальность.

* * * * *

Наступает время честности. Пробивает час правдивости.

* * * * *

Иметь носительство означает: больше не разделять сущность и истину, реализацию и утверждение и даже, посредством религий и систем мысли, намеренно и непреодолимо разделять их, а скорее сливаться в личности в союзе и развивать себя в состоянии тотальной жизни.

* * * * *

Это послание нового тысячелетия: закон жизни должен быть исполнен через вынашивание.

* * * * *

Сокрытие и темный уголок человеческого сердца освещаются правдой законного вынашивания. Это конец той «частной сферы», в которой темное быстро распространяется со всеми признаками распада.

* * * * *

То, что вчера было еще глупостью в глазах мира, ставя бытие выше внешности, сегодня становится знаком элиты тысячелетия.

* * * * *

Гордыня, изгнанная в предыдущем тысячелетии как греховная, тем самым возвращается как главная черта свободного и, следовательно, тотального человечества.

Тень смирения, которую предыдущее тысячелетие, затемняя свет носства, бросало на мир под крестом, одновременно отступает от мира с тенью креста.

Гордыня, сознающая себя носителем закона и свидетелем правдивости, передает это уважение всем людям, развивающим себя подобно ей к свободе и истине закона.

Гордые люди нового тысячелетия образуют братство элиты.

* * * * *

Это братство стоит далеко от империалистических и анонимных групп. Он отделен от них пропастью тысячелетий.

Свободный и гордый человек, укорененный в законе и ответственный перед правдой, уважает правду закона в каждой нации.

* * * * *

Между гордыми и свободными нациями, между народами, которые несут волю к целому и развиваются к тотальному государству, преобладает готовность к соглашению и дружбе, основанной на уважении.

Так несущие правдивые нации толкают в новом тысячелетии к свободе, потому что только в мире возможно сохранение, взращивание и увеличение субстанции.

Тотальное государство нации, укорененной в законе, никогда не предпримет попытку навязать свой собственный закон чужому народу.

Такая попытка несет с собой опасность фальсификации собственного закона.

Но если собственный закон и сущность нации подвергаются угрозе со стороны империалистических держав, то тотальное государство вынуждено обнажить меч. Оно делает это из осознания того, что любая нить закона является угрозой самой жизни.

Поэтому готовность тотального государства к миру не следует путать с демократическим проявлением права, далеким пацифизмом.

* * * * *

Провозгласить эту наиболее внутренне обусловленную готовность к миру законом, является выходящей за пределы границ, пробуждающей задачей немецкой нации в новом тысячелетии.

* * * * *

Немецкий пример оказывает на них, в основном, еще не испорченных наций земли, историко-образующее воздействие. Это надежда тотального государства немцев в новом тысячелетии.

* * * * *

Сообщество сильных, сознающих закон наций подвержено меньшему количеству неопределенностей и вариаций, чем коллектив беззаконных людей, которые стремятся выжить посредством концентрации и, сверх того, также предпринимают попытку осуществления империалистических кампаний грабежа посредством гарантий.

* * * * *

Истинным хранителем развития закона, действующего внутри народа, является воин.

* * * * *

Поведение воина направлено не на разрушение, а на обеспечение.

Поведение воина укоренено в сельской изначальной субстанции, в субстанции коренности, укорененности.

Воинство — это совокупность крови, души и духа, выросших из сельской изначальной субстанции.

Гармония этой троицы не могла бы возникнуть без укоренения в сельской почве, вырывание из которой является началом бесцельности и бессистемности, а следовательно, и падения в руины.

* * * * *\

Воинственная выправка, выправка всего человечества, содержит в себе – где бы носитель выправки ни развивал себя – священную почву истинной Родины.

Эта часть родины защищает носителя общей выправки от гибели в чужой среде.

* * * * *

Человек предыдущего тысячелетия был «продуктом своей среды».

Человек нового тысячелетия – продукт своего закона, своей внутренней Родины.

* * * * *

Иметь выправку означает: уметь достичь этой внутренней родины, рожденной из целостности в любом месте.

Это осознание оказывается неизмеримо важным в случае, если целостное государство вынуждено предпринимать региональные сдвиги.

* * * * *

Везде, где жив дух общности, есть Родина вечной нации.

* * * * *

Все человечество в своем законе проявилось в ношении своего надежного меча. Все человеческое существо становится тем самым неуязвимым и даже в величайшей изоляции, даже под проклятием и изгнанием беззаконных фанатиков, непобедимым.

* * * * *

Всеобщность — это доспехи рогатого Зигфрида.

Везде, где даже крошечная щель препятствует закрытию всеобщности, есть уязвимое место для смерти и разрушения.

* * * * *

Благодаря воле к терпению чувства человека обостряются, чтобы следить за несовершенством, обнаруживать недостатки и помогать смягчать их и стремиться к совершенству.

* * * * *

Смысл всякого образования соответственно заключается в том, чтобы пробудить понимание закона и способствовать в человеке, который будет образован, осознанию как предпосылке для развития.

* * * * *

Само терпение не является продуктом образования, а скорее заключением развития в сторону причинности.

Пример как стимул для развития имеет плодотворное значение. Следовательно, это заповедь разумности всего государства - сделать подающих пример людей своей нации широко видимыми.

Для того чтобы пример давал эффект, необходимо, чтобы он был наполнен жизненной страстью.

* * * * *

Жизненная страсть - это гармония внутреннего как подготовка и готовность к делу как исполнение законного развития.

Жизненная страсть обуславливает гармонию души и духа, единство воли и крови.

* * * * *

В предыдущем тысячелетии гармония была намеренно разрушена, чтобы сделать внутренне раздираемое человеческое существо требующим искупления и, следовательно, созревшим для подчинения религии.

* * * * *

Дисгармония предыдущего тысячелетия ввергла людей, которые не сокрушались в лепетных молитвах, не опускались перед крестом или перед идолами и не искали забытья в наркозе, в глубочайшие страдания.

* * * * *

Фанатики креста называли эти страдания, производимые ими, «греховными муками».

* * * * *

Они провозглашали и требовали бедствие греха как необходимое условие для «беседы», то есть для отречения от жизни.

* * * * *

Они проповедовали, что величайшее страдание греха, глубочайшая жизненная ночь будут освещены всепрощающей любовью Божьей, и прямо требовали, чтобы страдания стали знаком того, что они достойны милости.

* * * * *

Гармония и единство были изгнаны как упрямство и слепота в "реальности дьявола".

Безумие извращений, в которое перетекла дисгармония, завершилось крахом жизненной страсти.

* * * * *

Новое тысячелетие возносит ослабленного безумием человека к новой силе, в том, что оно делает для него возможной веру в саму жизнь и в совершенство закона, который требует исполнения.

* * * * *

Человек, вырванный с корнем «страданием греха», обретает через жизненную страсть новое основание, основание закона, которое люди обретают в вечности жизни, в ритме вселенной.

* * * * *

Лютер однажды тщетно молился скрытому Богу об основании возможности жизни.

Исполнение требования «dos moi pou sto» обеспечивается ссылкой на жизненную страсть как на источник, который питает рождение.

* * * * *

Выдержка вырастает из ответственности, в которой реализация противостоит закону.

Иметь ответственность означает: давать ответ посредством реализации на требование закона.

В этом ответе лежит утверждение ответственности.

В утверждении, в свою очередь, лежит вызов и тем не менее разумного перед лицом неразумного, навязанного, скрытого.

* * * * *

Выдержка проявляет себя везде, где она противостоит равнодушию, привычке, слепоте, произволу и беззаконию.

* * * * *

Сохранение выдержки обнаруживает себя в достоинстве человека. Достоинство вырастает из осознания превосходства лучшего знания и более глубокого понимания закона и его раскрытия над неопределенностью шатания и произвола оторванных от корней. Основа достоинства - самоуважение человека, который знает себя как носителя и исполнителя своего закона

* * * * *

Достоинство - одна из главных черт элиты. Достоинство — это одновременно знание великой определенности цели и пути, определенности, которая дарует героический реализм.

* * * * *

Позиция нового тысячелетия в подлинном смысле «оригинальна». Она закреплена исключительно в истоках закона и не обусловлена ограничивающей и губительной сферой компромисса и недостойной гражданина дипломатии.

* * * * *

Идеал красоты нового тысячелетия — это реальность, закрепленная в реализации и сформированная в правдивости.

* * * * *

Послание, обращенное к новому тысячелетию, гласит:

Жизнь наций зависит от их воли к закону.

Воля к закону формирует тотальное государство как выражение вечной нации.

Носители идеи тотального государства в своем росте разрушают границы религий спасения и разбивают в своем созревании скрижали заповедей морали, связанной словами и заключенной в ловушку видимости.

Тот, кто освободился от путаницы и идолопоклонства и связал себя законом и его порядком, тот живет в раскрытии своей сущности как часть вечной нации. Тот, кто пробивался к рождению, должен был оставить пути безопасности.

Народ, который в тотальном государстве утверждает рождение, призван положить конец мировому хаосу посредством нового порядка и наложить на этот мир печать закона.

Носители рождения будут ненавидимы.

Они будут преследоваться как глашатаи нового порядка, но их имя будет связано с историей нового тысячелетия.

Путь Свободного Человека

Высокий и прямой
Стоял свободный человек
На утесе
И смотрел на равнину
Широкой земли.
Его взгляд терялся
В дымке
Далекого неизвестного.
Сердце его билось быстрее
В предчувствии
Внезапно сосредоточенной
Там опасности.
Одинокий, готовый.
Так свободный человек бросал вызов.
Уста суровы,
Сжатая челюсть
Определяла волю к битве.
Кулак крепко
Сжимал меч.
Так ждал свободный человек.
За пределами страха.
Его глаза излучали презрение
К трусливой неопределенности
В сумерках.
И потом взгляд
На яркий свет
Непобедимого солнца –
Затем он шагнул с твердым сердцем
В равнину широкой земли.
Вечный закон солнца
Возвестить победой в бою
Или – жертвой ночи –
Погибнуть, умирая в тени.

Погребальный Костёр

Книга IX

Огненное Слово

Вы, мои братья,
Возьмите факелы
И озарите тьму!
Бросьте в гнилой мир лжи
Пламя энтузиазма!
Прогоните светом и огнём
Тех фантомов,
Магов и шарлатанов,
Что творят заклинания в тенях,
Чтобы пугать
Души отчаявшихся!

Бросьте огонь на балки,
Где цепляются летучие мыши!
Яркий свет истины
Возвещает юный день свободы.
И в раннем сиянии зари
Рассеются все тени,
Что мучают сердце ложью.
Луч солнца
Гасит любое колдовство.

Вы, мои братья,
Пойте песни
О нашей отважной вере,
Что выросла из самой жизни!
Пойте о знаках нашей уверенности,
Что мы избраны для победы!
Тянитесь вверх,
Вы, мои братья,
И дерзайте в бунте,
Что разрывает цепи!

К чёрту литанию грехов!
К чёрту страх ада!
К чёрту самого дьявола!

Сильные сердца
Не дрожат перед судьбой.
Пламенно-красные языки костров
Не сжигают лишь
Жизни тех,
Кто пал в стремительном рывке вперёд.
Они сияют ярко даже глубоко
В тёмных комнатах
Суеверия.

Вы, мои братья,
Бросьте взрывной заряд
В тупые стены,
Чтобы солнце
Снова стало видимо!
Слушайте сигналы
Нашей битвы,
Что превращают нашу судьбу
В историю!
Слушайте фанфары
Нашей революции,
Что ведёт нас к Германии!
К чёрту палачей
Нашей души!

Отметьте крепости
Красным петухом!
Вы, мои братья,
Вперёд!
Взор направлен к цели,
К священному отечеству
Нашей свободы!
Вы, мои братья, в атаку!

В День памяти героев 1941 г.
Курт Эггерс.

И все же она движется!

Что солнце стоит,
А земля движется –
Сегодня знают все,
Несколько лет назад даже
Папа римский узнал,
Что земля движется, движется, движется,
А солнце стоит.

Галилео должен был,
Потому что только так он знал,
Перед Святейшим Отцом
Извиниться за это, но потом он встал
И закричал: «Она движется, движется, движется,
А солнце стоит!»

И с нашим конфликтом
Все идет, как века назад,
Так же даже и теперь.

Если даже считают преступлением
То, что мы говорим сегодня,
Тем не менее, это правда, правда, правда
Сегодня и всегда.

Хоффман фон Фаллерслебен

Только народ с оружием
Говорит слово, имеющее вес,
Может создать Германию
Без братоубийства.

Оружие, оружие, оружие –
В кулаке народа,
Чтобы все священники
И все помещики содрогнулись!

Оружие, никаких увёрток!
Мужское решение!
Распахните свои крылья!
Немецкий гений!

Георг Гервег

Вы, немцы, выровняйте горы и долины
Для ваших огненных вагонов.
На бесчисленных дорогах
Видно, как вы мчитесь по странам;
Этот пар – тоже жертвенный пар –
Не думайте, что я его ненавижу, –
Но сначала проложите в борьбе и битве
Путь к свободе!

Если весь мир потерял мужество
Начать вражду,
Выступи вперед, мой народ,
Пусть прольется кровь твоего сердца!
Дайте нам человека, который возьмет
Знамя нового времени,
И мы прорвем через Европу
Путь к свободе!

Плохое Утешение

Ты увидишь прекрасную жизнь,
И вечно, вечно она будет твоей.
Тебе построят золотые замки,
Только – сперва ты должен умереть!

Ты проникнешь к звездам,
И встанешь с ними в один ряд,
Будешь летать от мира к миру,
Только – сперва ты должен умереть!

Ты, свободный Брут, будешь странствовать,
Соединяясь с другими Брутами,
Все твои цепи падут,
Только – сперва ты должен умереть!

Если грехи горят в аду,
Войди же в рай;
Нас будут целовать, не предавая,
Только – сперва ты должен умереть!

Когда восточный ветер надует паруса,
Что это даст гнилой, дырявой лодке?
Что близость солнца даст птице,
Которую мертвую орел несет ввысь?

Георг Гервег

Выбор священника

Король Константин
Даровал так много Святому Престолу:
Копье, корону и крест – пусть вам о том будет доложено.
Ангел громко вскричал: «О горе,
Дважды горе, трижды горе!
Так прекрасно христианство процветало:
Но теперь хватка ослабла,
Мёд стал желчью:
Это однажды будет горько оплакано».
Все князья теперь живут в чести,
Но высший уже не имеет власти:
Выбор священников привел к этому.
Жалуйтесь об этом, милый Бог!
Священник хотел перевернуть мирской закон:
Ангел сказал нам истину.

Вальтер фон Фогельвейде.

Плохая преемственность

Мы все жалуемся и не знаем, в чем наша ошибка,
Ещё со времён наших отцов, Папа путает нас ужасно.
Теперь он идет вперед, словно отец:
Мы следуем за ним и не отклоняемся ни на шаг от его курса.
Теперь заметь, мир, что так сильно меня возмущает:
Если он скуп, все скупятся вместе с ним,
Если он лжет, все лгут его ложью,
А если он обманывает, то и они обманывают, как он обманывает.
Кто же вправе укорить меня за эти слова?
Так новый Иуда, как старый, идет в ловушку.

Вальтер фон Фогельвейде

Вы откровенно объявили войну
Всем немецким мирам,
Что верно немецкому Рейху:
Что ж, война будет!
Я принимаю вызов,
Я всегда здесь, подходите!
Пока солнце Божье светит для меня,
Друг Рейха, враг священников!
Я рад, что без перерыва
Вы дарите мне свою ярость и ненависть,
Поскольку, как вы злились и угрожали мне,
Так и не стесняетесь заявить.
Я остаюсь в своем веселом спокойствии
И больше ничего не скажу по этому поводу:
Пока солнце Божье светит для меня,
Друг Рейха, враг священников!
Враг Рейха – это также мой враг:
Проклятие вам, вы не говорите этого искренне!
Я остаюсь верен сердцем и руками,
Я остаюсь верен своей Родине.
Как вы также запрещаете, проклинаете меня,
Я говорю это всем вам, священники.

Пока солнце Божье светит для меня,
Друг Рейха, враг священников!

Всякое отделение научного учения от осознания света, всякое расколо жизни с универсальной природой способствует путанице и гибели и фальсифицирует мерки. Только в единстве учения и жизни, жизни и природы вы стоите на фундаменте истины, своей жизни и остаетесь уверенными в человеческом достоинстве и великолепии воли.

Так что никто не нападает на вашу совесть, никто не обманывает вас красноречием и ослепляющими учеными трудами, никто не затуманивает вас чужой дымкой, никто не водит вас на чужие пути, никто не обесценивает вашу родную почву — будьте начеку!

Ничто не истинно, что противоречит смыслу вашей жизни, ничто не страшно, что борется с вашей собственной природой, ничто не нравственно — позвольте этому слову злоупотреблять таким богоубийственным образом всеми ищущими подавления и лицемерами — что требует исключений из естественности и причинности. Нет двух видов истины, ибо нет двух видов природы.

Силой единства порази их, тех, кто хочет прийти к тебе с дуализмом, правилами и статуями запредельного, кинжал убийцы против рациональности и свободы духа в лицемерных одеждах.

Силой единства. Тот, кто разделяется на эту сторону и за ее пределами, хочет властвовать над этой стороной, тот, кто разделяет божественное и естественное, хочет ослабеть, чтобы его собственная сила имела преимущество. Все до сих пор основывалось на этом в истории: воля к власти, но воля в этом избытке: миллионы приобретений и страданий для тысячи обладания и наслаждения, миллионы подданных для сотни господ, все христианство стадо для одного пастуха, вице-Бог в Ватикане.

Михаэль Георг Конрад

Христианское Милосердие

Мы просим божественного Всемогущего, чтобы он уничтожил безумие Людвига Баварского, разбил его гордость на землю, сокрушил его силой его правых и предал его в руки его врагов. Он должен упасть в бездну, когда он меньше всего ожидает этого. Когда он выйдет или войдёт, за ним последует проклятие. Господь должен поразить его слабоумием, слепотой и яростью. Небо должно пролить на него молнию. Гнев всемогущего Бога и его Святейшего должен гореть над ним, сейчас и вечно. Весь мир должен вооружиться против него, земля разверзнется и поглотит его заживо. Его имя должно умереть в первом поколении. Память о нем должна исчезнуть. Все элементы должны быть враждебны ему. Его жилище должно стать пустыней.

Папский указ папы Иоганна против кайзера Людвига IV, Баварского.
(13 апреля 1346 г.)

Доктрины христианской религии могут быть такими, какими они хотят, народ придерживается них просто по привычке, также как и определенных внешних практик; кто нападает на них с яростью, тот оскорбляет ее. Что же нужно делать? Сохранять нравственность и, что необходимо, улучшать ее, просвещать людей в государственных учреждениях, которые имеют влияние на правительства, изливать из полных рук презрение и насмешки над суевериями, презирать религиозные доктрины, искоренять ложное рвение и таким образом вести духов к всеобщей терпимости. Как же тогда все еще важно, какого культа придерживается народ?

Изучая историю, приходишь к убеждению, что со времен Константина Великого весь мир был безумным.

Фридрих Великий

Я не принадлежу к тем, кто также подставляет другую щеку, если им дали пощечину. Наивностью я называю эту склонность верить в магию, пророков и даже в сны. Так думают эти жреческие негодяи, которые почти всегда берут верх над Богом, королями и людьми. Эти хитрые мошенники всегда готовы пожертвовать всем ради своих интересов, они такие презренные льстецы, что, если у них есть ухо короля, они шьют края пропастей цветами и прячут глаза от печальной истины.

Фридрих Великий

Боги!

Я не хочу, чтобы все христиане были убиты и подвергнуты жестокому обращению. Но я нахожу это предпочтительным и настоящим повелеваю: чтобы всем, кто остался верен вере отцов, было отдано предпочтение.

Христианство не способно ни воспитывать государственных деятелей, ни прививать мужество или патриотический настрой. - Оно так же мало подходит для этого, как и его мать, еврейство!

Покажите мне полевого командира, подобного Александру или Цезарю, среди евреев; не говоря уже о христианах!

Император Юлиан

Выберите среди своих мальчиков и научите их «Священному Писанию». Когда они, став мужчинами, покажут себя хотя бы немного более способными, чем рабы, тогда можете считать меня глупцом и сумасшедшим.

Из-за глупости христиан почти все было разрушено. Только милосердие богов все еще может принести нам спасение.

Христианство, вследствие своих презренных жизненных принципов, является религией для трактирщиков, сборщиков пошлин, танцоров и подобного сброда!

Надо справедливо ненавидеть интеллигентных среди вас, но жалеть простаков, которые, будучи вашими последователями, так глубоко опустились в руины, что предали вечных богов и перешли к мертвому еврею.

Император Юлиан

Из-за чего мы боремся с христианством? Из-за того, что оно стремится разрушить сильных, разбить их дух, использовать минуты усталости и слабости, превратить их гордую уверенность в беспокойство и тревогу; из-за того, что оно знает, как отравлять благороднейшие инстинкты и заражать их болезнью, пока их сила, их воля к власти не обернется против них, до тех пор пока сильные не погибнут из-за чрезмерного самопрезрения и принесения себя в жертву.

Пока кто-то не воспринимает мораль христианства как тяжкое преступление против жизни, у его защитников есть хорошая игра.

Новый Завет — это евангелие совершенно низменного рода человеческого существа; его притязание на большую ценность, да, на всю ценность, на самом деле имеет что-то возмутительное — даже сегодня.

Наступает время, когда нам придется платить за то, что мы были христианами в течение двух тысячелетий.

Ницше

Весь мир все еще верит в писание «Святого Духа» или находится под последствием этой веры: когда человек открывает Библию, это происходит для того, чтобы «укрепить» себя, чтобы найти в своем выигранном, личном, большом или малом горе намек на утешение, короче говоря, он читает себя в ней и из нее. Что в ней также стоит описанная история одной из самых амбициозных и самых навязчивых душ столь же суеверного, сколь и коварного ума, история апостола Павла, кто знает что, кроме нескольких ученых? Однако без этой странной истории, с смятением и бурями такого ума, такой души, не было бы христианства, вряд ли мы узнали бы о небольшой еврейской секте, чей учитель умер на кресте.

Кого же тогда отрицает христианство? Что означает «мир»? Тот — солдат, тот — судья, тот — патриот, тот — защищает себя; тот — хранит свою честь, тот — хочет своей выгоды, тот — гордый...

Ницше

Христианин есть тот же еврей, только «более свободного» исповедания.

Нужно ли говорить еще, что во всем Новом Завете встречается только единственная фигура, достойная уважения? Пилат, римский правитель. Он не может принудить себя к тому, чтобы принять всерьез спор иудеев. Одним евреем больше или меньше — что за важность?.. Благородная насмешка римлянина, перед которым происходит бесстыдное злоупотребление словом «истина», обогатила Новый Завет новым выражением, которое имеет цену, которое само по себе есть его критика, его отрицание: «что есть истина!..»

«Верой» называется нежелание знать истину.

Язычники — это все те из относящихся к жизни положительно, для которых Бог служит выражением великого Да по отношению ко всем вещам.

Христианство есть восстание всего по-земле-пресмыкающегося против того, что над ней возвышается: Евангелие «низших» унижает…

Я не понимаю, как немец мог когда-либо чувствовать себя христианином.

Ницше

Освободить кого-либо от заблуждения не значит что-то отнять у него, скорее отдать: ибо осознание того, что что-то ложно, есть просто истина. Однако ни одно заблуждение не является
безвредным, скорее каждое рано или поздно принесет несчастье тому, кто его таит.

Это было бы действительно весьма полезное исследование, если бы кто-то попытался взвесить с величайшей беспристрастностью и холодностью, беспристрастно, точно и правильно, преимущества, полученные через религии, и недостатки, вызванные тем же.

Религиозные документы содержат чудеса для проверки их содержания; но приближается время, когда они будут иметь противоположный эффект.

Шопенгауэр

Я хочу посоветовать господам откровения не говорить так много об откровении в наши дни, иначе однажды им легко откроется, что такое откровение на самом деле. - Счастливая жизнь невозможна; ***самое высокое, чего может достичь человек, - это героический личный рекорд.***

Человек любым способом и материей борется с огромными трудностями за то, что так или иначе приносит пользу всем, и в конце концов побеждает, но в процессе вознаграждается плохо или вообще не вознаграждается.

Врач видит человека во всей его слабости; юрист во всей его плохости; теолог во всей его глупости.

Шопенгауэр

Занятие идеями бессмертия — удел «благородных» слоев, и особенно женщин, которым нечего делать. Но способный человек, который планирует сделать что-то приличное уже здесь, и поэтому должен ежедневно стремиться, бороться и трудиться, дает будущему миру отдохнуть и активен и полезен в этом.

Чем старше я становлюсь, тем больше я доверяю закону, по которому цветут роза и лилия. Католики не уживаются друг с другом, но всегда держатся вместе, когда речь идет о противостоянии протестанту. Они как стая лягушек, которые кусаются.

Гёте

Сказка о Христе — причина того, что мир может простоять еще 10 000 лет, и никто так правильно не приходит к рассуждению, потому что для его защиты требуется столько энергии воли, разума, концепции, чем для его оспаривания.

Если бы только все учение Христа не было такой дрянной вещью, которая делает меня как человека таким ограниченным, нуждающимся существом, тогда этот объект также был бы дорог мне.

В статуях церкви много глупостей. Но она хочет править, и там у нее должна быть упрямая масса, которая уклоняется и склонна позволять себе править. Высокое, обильно одурманенное духовенство не боится ничего больше, чем просвещения среди масс.

Гёте

Порок приносит церкви миллионы.

Для амбиций священников было крайне важно, чтобы термины ересь и бунт были смешаны. То, что настало время что-то сделать для искусства, чувствуют немногие, но то, что так оставаться не может с религией, как она есть, можно сделать понятным для всех.

Я занимался святым Бернардом в эти последние дни и был очень доволен его знакомством; может быть, трудно откопать в истории второго столь знающего мир церковного негодяя.

Шиллер

Смерть догматов — это рождение морали.

Кант

Языческое мировоззрение — это мировоззрение природы, поэтому я предпочитаю его поэзии. Христианское мировоззрение сопротивляется предположениям. Следовательно, оно по своей природе обусловлено и ограничено. Кто знает, будет ли оно еще актуально через триста лет.

Языческое будет актуально, пока мир стоит, а люди остаются людьми.

Грильпарце

Протестантский священник, как только он чувствует себя достаточно сильным, так же склонен к теократии, как и католический; и в процессе с ним труднее иметь дело, потому что над ними нет Папы.

Бисмарк

Новое время нуждается в большем, чем старые имена, титулы и пергаменты:

Нужны свежие дела и энергия.

Гнейзенау

У нас, поскольку гармония между наукой и церковью никогда не может существовать, как это было в Индии: Между основанной на хрониках и абсолютистской религиозной системой, заимствованной у еврейства, и вопрошающим, исследовательским инстинктом германской личности, это дело невозможное.

Г. Сент-Чемберлен

Если вы верите и утверждаете, что отечество должно быть славной, свободной и бессмертной Германией; если вы верите и утверждаете, что немцы должны всегда быть благочестивыми, свободными, храбрыми и справедливыми людьми – тогда вера даст начало новой эре, и наши внуки и правнуки будут благословлять как своих спасителей и хранителей тех, кто даже в самые темные дни не сомневался, что немецкий рассвет снова взойдет. И мы теперь увидели рассвет и хотели бы усомниться в тумане раннего утра, что солнце пробьется?

Эрнст Мориц Арндт

Под оболочкой христианского рвения скрывается пошлая гордость, пресмыкающееся самомнение, постыдная похоть, глупое безумие.

Гердер

Воззвания к Немецкой Нации

Доколе мы, никогда не побежденные доблестными и сильными людьми, хотим преклоняться перед бесстыдной волей и лживыми баснями мракобесов?

* * * * *

Разве не невыносимый стыд, что наша Германия, королева наций, должна подчиняться кому бы то ни было, не говоря уже о грязных священниках?

* * * * *

Огромное количество преступных существ в Риме живет в роскоши и радости на наши деньги.

* * * * *

Если мы хотим ломать себе голову, как мы будем растрачивать свои деньги, то у нас поблизости достаточно морей и рек, например, Майн, также Рейн, а там Эльба и другие реки, мы можем в них бросить наши деньги, в конце концов, чтобы они совсем исчезли, чем чтобы они стали причиной падения стольких людей во всем мире, ибо мы тем самым питаем бесстыдство в
Риме настолько, что оно становится все больше и выливается сюда.

* * * * *

Я не думаю ни о чем другом, кроме как об уничтожении всей монашеской нечисти.

* * * * *

Никогда, пока я в ясном уме, я не хочу отступать даже на ширину пальца от того, в чем я поклялся.

* * * * *

Я останусь свободным, потому что я не боюсь смерти!

Ульрих фон Гуттен

Немецкой Нации

Кто осмелится во всей стране рядом с Гуттеном пасть за свободу народа?

* * * * *

Я никогда не перестану бороться, пока отечество не освободится от заточения под безбожными священниками, самыми суровыми и презренными из всех; и Германия постепенно не придет в себя и не осознает обман, которым ее усыпляли.

* * * * *

Все остальные грабители, которыми страдает Германия, становятся ничтожными, когда только что осознаешь, насколько велико грабеж священников.

* * * * *

Я не перестаю призывать к борьбе за свободу и постоянно упрекаю своих соотечественников в их немужественном терпении, даже рискуя вызвать у них ненависть.

* * * * *

Обскуранты, которые причинили столько бед, также должны погибнуть с катастрофой.

* * * * *

Никогда не было более честной и более убедительной причины, чем война против священников.

* * * * *

Если что-то их оскорбило, они морщат лоб, разевают губы и задирают нос и кричат: «В огонь, в огонь!» Ужасная стая людей, привыкших говорить обо всем, но ничего не делать!

Ульрих фон Гуттен

Могила Барда

Насыпьте курган для меня вокруг одного, что там, во дворе,
Выберите самый высокий, может быть, тогда буря
Посвятит мне некролог гордо, как и подобает,
Мне, наследнику и сыну древнегерманской земли.
Терн пусть охраняет мою могилу, ежевика и розы,
Непроходимые для сегодня, для завтрашнего дня, для времени грядущего,
Чтоб не была она осквернена ногами этих апостолов.

Христиан Вагнер

О священниках

Как труп они планировали жить, они разложили свой труп черный; от их речей я все еще чувствовал злые специи покоев смерти.

Ницше

Пока жрец, этот отрицатель, клеветник, отравитель жизни по призванию, считается еще человеком высшей породы,— нет ответа на вопрос: что есть истина? Раз сознательный защитник отрицания жизни является заступником «истины», тем самым истина ставится вверх ногами…

Все, что ощущает теолог как истинное, то должно быть ложным: в этом мы почти имеем критерий истины.

Теолог, все равно в Берлине или Риме, толкует ли он «Писание» или переживание, как, например, победу отечественного войска в высшем освещении псалмов Давида, всегда настолько смел, что филолог при этом готов лезть па стену. Да и что ему делать, когда ханжи и иные коровы из Швабии свою жалкую серую жизнь, свое затхлое существование с помощью «перста Божия» обращают в «чудо милости», «промысел», «спасение»! Самая скромная доза ума, чтобы не сказать приличия, должна была бы привести этих толкователей к тому, чтобы они убедились, сколько вполне ребяческого и недостойного в подобном злоупотреблении божественным перстом.

Ницше

Крестьянин не снял шляпу,
Когда народ благословляли.
Но вот архиерей его заметил
И наказанием его поразил.
Тот вскричал: «Если благословение истинно,
То оно и через шляпу пройдет!»

Христиан Вернике

Приор велел нам идти дальше
К шкафу,
И показал нам там кусок лестницы,
Которую Иаков когда-то видел во сне.

Христиан Вернике

О, маленькая монахиня, ты остаешься чистой,
Несмотря на множество поклонников,
Так громко благодарь Господа,
А молча — решетки обители!

Христос стоит у небесных врат.
Святой Петр не пускает Его,
А когорта крещеных иудеев
Как раз врывается внутрь!

Грильпарцер

Какой это пастух,
Кто силой и предательством
Часть овец стрижет,
А часть овец ест?!
Юристы, врачи, священники,
Все трое ревностны,
Чтобы очистить народ
От сундуков, тел и совести!

Фридр фон Логау

Абсурдный священник! Разве ты не
Задохнулся от своей неестественности,
Кто бы сам заградил свой взгляд
От первозданного света?
Осел, хочешь наставить меня
На высочайшее смирение!
Но послушай, как вокруг тебя
Глупцы гордятся собой
И священники гаданиями занимаются!

Гёте

Зачем же вы берете с собой холодного священника,
Вы, глупцы, если хотите творить добро?
И избрали примирителем
Бога, покинутого, который не умеет любить!

Гельдерлин

Я никогда не спорил с вами,
Филистимляне-священники, порождение завистливых!
Вы капризны, как британцы,
Но уж платите куда меньше.

Гёте

«Отче наш» против маркиза Санта-Кроче в Брюсселе

«Отче наш», которого ищут в Брюсселе,
«Да будет имя твое» проклято среди нас,
«Да будет воля твоя» ничтожна,
Ни на небесах, ни на земле.
Ты крадешь у нас наш насущный хлеб,
Наши женщины и дети страдают от бед.
Никто не сможет простить тебе твоих грехов,
Ведь жизнь твоя полна ненависти и зависти.
«Отче наш», на твоем небесном престоле,
Избавь нас от этого демона из ада,
Пусть бежит он в Испанию,
И там пусть жжет погребальные костры.

Из Нидерландов 1633 г.

Новая песенка против священников

Папа, отец всех отцов,
Избран для нас самим Богом.
Он искупает нас, грешников,
Никто не останется потерянным.
Ты столь свободно избран,
Ты, народ, невредимый,
Ад теряет свою силу,
Если всё перевернуть с ног на голову.

У него очень много рук,
У монахов и священников,
Они проворно выпрашивают,
Чтоб не петь и не зевать.
Они всегда хотят спать,
Пока солнце снова не встанет,
Их работа – это Божий промысел,
Если всё перевернуть с ног на голову.

Они не собирают горы денег,
Ни золотые гульдены, ни короны,
И совсем не хотят пить,
Они едят жирные бобы.
Я рад их пощадить,
Таково было моё желание.
Господь их вознаградит,
Если всё перевернуть с ног на голову.

У них нет бенефициев,
Ни здесь, ни в других местах.
Их держат свободными от греха,
Ни одно пятно их не пугает.
Я хочу воспеть их хвалу,
Ведь вы никого не делаете неправильно,
Никто не сможет их опорочить,
Если всё перевернуть с ног на голову.

Папа, красная вавилонская блудница
Вызывает волнения во всем мире,
Серебром и золотом, дабы
Принуждать великих владык. -
Всех войн он причина,
Дитя дьявола, Конец Христа.

* * * * *

Вздохи многих бедняков,
Сосунок груди матери,
И на сиротах пусть Бог сжалится.
Их убийства он не желает.
Папа с католиками,
Думает, что у него есть удача на веревке
Убивать своих христиан,
Красная вавилонская блудница.

* * * * *

Если кто-то назовет тебя отцом,
Ты - жадный до крови пес,
Так кто-то должен сначала узнать тебя!
Вечный мир вреден для тебя.
Ваша святость шевелится,
Ваша жажда убийства не утихает,
Мира вы не хотите обрести,
Вы не знаете долга добродетели.

* * * * *

Прощение грехов выдумали,
На весь мир для чистого обмана,
Германию вы обосрали,
Теперь нет милосердия к вам,
Пороки содомитов,
Вы занимаетесь ими, Папа, легкомысленно,
Извращенцы и амореи
Радуйте свое сердце хорошо.

Если бы мы были действительно такими,
Мы бы имели с вами милосердие и благосклонность,
Если бы мы следовали вашим учениям!
Вы живете адским искусством.

Германия, ты должна идти в ряды,
Не занимай другой позиции по этому вопросу,
Если ты позволишь Папе разъединить тебя,
Тогда он пойдет за тобой, как корова,
Которая никогда не хочет давать молока,
Золота, зерна и провизии.

...
У мясника в стойле
Есть четыреста овец.
Все они были обмануты,
Снабжены умными словами,
Но все было ложью,
Мясник только зарезал их.

Из военной песни около 1546 года

Как долго вы позволите себя обманывать,
Вы, немецкая нация,
Если вы не хотите учить иностранца
Чтобы ускользнуть от священников,
Это накладывает на вас
Кровавую монархию,
Все должны преклониться,
Все слуги, и никто не свободен.

Не позволяйте погибнуть так скоро
Мужественному немецкому делу,
Вы должны искать чести,
У которого так много дел.
То, что никто не мог преодолеть,
Немец сделал это
Не позволяйте себя связать ярмом,
Вы имеете награду волов.

Вы, немецкие псы, хотите укусить
Свою Родину?
Свое гнездо вы хотите осквернить
Для неизвестных священников?
Хотите помочь им в этом
Вопреки чести и праву Бога?
Примите во внимание вы, молодые щенки
И вы, вы, немецкий слуга.

Из военной песни около 1546 года

Десять заповедей земного Бога

1.
Слушайте, люди, будьте внимательны,
Вы, люди, будьте теперь готовы.
Папа Римский скажет, как это сделать.
Что вы слуги его.
2.
Я, говорит он, высший христианин,
Кому все существа подчинены,
Небесный князь на земле здесь,
Нет другого Бога после меня.
3.
Вы должны делать картины для меня одного,
Из золота, серебра и камня,
Вы должны поклоняться в суеверии,
И больше не верить в Бога.
4.
Мое имя вы должны чтить,
Иначе огонь и меч поглотят вас.
Тогда вы можете спокойно проклинать во имя Бога,
Никто не должен считать это против вас злом.
5.
Шесть дней не нужно работать,
Поэтому священники предлагают праздник,
Вы можете почитать меня в церквях,
Весь народ не будет противиться этому.
6.
Отца, мать вы должны проклинать,
Чтобы искать моего папского королевства,
Большое богатство вы должны потреблять.
Жену и ребенка вам не нужно кормить.
7.
Убийство, непредумышленное убийство, блуд,
Ложь и воровство, какое это имеет значение,
Не имеет значения, я могу простить тебе все,
Тебе просто нужно быть добрым католиком.

8.
И если ты возжелаешь
Дом соседа, его жену, его имущество:
Принеси деньги, я объявляю тебя освобожденным и свободным,
Ибо деньги делают твои души новыми.
9.
О человек, ты видишь мой мир
Сохраняющий себя таким хорошим и христианским.
И кто будет править так в будущем,
Тот, как я, не указан.

Из Нидерландов около 1600 г.

Рим

Дважды ты правил народами:
Твой орел вылетел из Капитолия
И ты пронёс свой приказ власти от полюса к полюсу,
Сопровождаемый маршем твоих легионов.

Затем увидели твой святой отцовский престол,
В его груди монополия истины,
В его устах боль и благополучие душ,
В его руке — короны земли и небес.

В третий раз ты не покоришь мир,
Даже если тщеславный старик в соборе Петра потянется
Безумно к вечным правам божества;

То, что когда-то ослепляло, сегодня — призрак,
Это день и остаётся им вопреки всем тёмным силам,
Но ты стал городом мёртвых, о Рим!

Карл Герок

Наша жизнь ведет нас быстрыми шагами от рождения к смерти. За этот короткий промежуток времени судьба человека — трудиться на благо общества, членом которого он является. С того дня, как мне досталось управление страной, моим серьезным стремлением, со всей энергией, которой наделила меня природа, и согласно мерке моего слабого понимания, было сделать государство, которым мне пришлось управлять, счастливым и процветающим. Я помогал правлению права и законов, наводил порядок и ясность в финансах и сохранял в армии мужественного ученика, что дало ей превосходство над другими войсками Европы.

После того, как я выполнил эти обязанности по отношению к государству, мне пришлось бы вечно упрекать себя, если бы я пренебрег делами своей семьи. Во избежание ссор между членами моей семьи, которые могли бы возникнуть из-за моего наследства, я объявляю в этом торжественном документе свою последнюю волю.

Радостно и без жалоб я возвращаю свое жизненное дыхание благосклонной природе, которая любезно одолжила его мне, а свое тело — стихиям, из которых оно состоит. Я жил как философ и хочу быть похороненным как таковой, без пышности, без торжественной помпы. Я не хочу, чтобы меня ни вскрывали, ни бальзамировали. Меня следует похоронить в Сан-Суси на высоте террас в склепе, который я построил для себя. Принца Морица фон Нассаи следует похоронить таким же образом в маленьком лесу близ Клеве. Если я умру во время войны или во время путешествия, меня следует похоронить в первом лучшем попавшемся месте и зимой привезти в Сан-Суси в указанное место. Моему племяннику Фридриху Вильгельму, наследнику престола, я оставляю королевство Пруссия, провинции, государства, замки, крепости, боеприпасы, оружейные склады, земли, завоеванные или унаследованные мной, все драгоценности короны (которые находятся в руках королевы и моей жены), золотой и серебряный сервиз, которые находятся в Берлине, мои загородные дома, библиотеку, монетный двор, картинную галерею, сады и т. д.

Я также оставляю ему государственную казну, какой он ее найдет в день моей смерти, как государственную собственность, и она предназначена исключительно для защиты людей, чтобы оказывать им помощь.

Королеве, моей жене, я оставляю доход, которым она пользуется и который должен увеличиваться ежегодно на 10 000 талеров, две тонны вина ежегодно, бесплатную древесину и дичь для ее стола. При этом условии королева обязалась назвать моего племянника своим наследником. Поскольку, кроме того, для нее не существует вдовьего места, я удовлетворяю себя, ради формы, тем, что укажу Штеттин. В то же время я требую от моего племянника, чтобы он оставил ей подходящую резиденцию в Берлинском замке, которая причитается ей как вдове его дяди и как принцессе, чья добродетель никогда не отрицал себя.

Давайте перейдем к аллодиальному поместью. Я никогда не был жадным или богатым; следовательно, я также не владею многим. Доход государства я всегда рассматривал как Ковчег Завета, к которому не смеет прикоснуться ни одна нечестивая рука. Общественный доход никогда не использовался для моих собственных нужд. Мои личные расходы никогда не превышали 220 000 талеров в год. Поэтому мое управление оставляет мне чистую совесть, и я могу дать отчет об этом общественности без страха. Я нанимаю моего племянника Фридриха Вильгельма в качестве всеобщего наследника аллодиального состояния, при условии, что он выплатит следующие завещания.

Если я оставлю после себя какие-либо долги, уплатить которые мне помешает смерть, то мой племянник должен будет их уплатить: такова моя воля.

Я горячо рекомендую своему наследнику офицеров, которые под моим командованием участвовали в войне. Я прошу его особенно заботиться об офицерах моего окружения. Он не должен никого отсылать и не должен позволять никому из них, когда они будут стары и слабы, умирать в нищете. Он будет иметь в них опытных военных и людей, которые предоставили доказательства своего ума, храбрости и преданности.
Я рекомендую ему моих личных секретарей, также работавших в моем кабинете. Они имеют практику в бизнесе и в начале его правления могут просветить его о многих вещах, которые им известны и которых даже министры не знают.

Я также рекомендую ему всех, кто состоял у меня на службе, также моих камер-слуг. Я завещаю Цейзингу 2000 талеров за его большую преданность и 500 талеров каждому из моих слуг гардероба, я, конечно, надеюсь, что мой наследник оставит им их жалованье, пока они не будут надлежащим образом обеспечены.

Каждому штабному офицеру моего полка, батальона Лествица и гвардейского корпуса я завещаю золотую памятную монету, на которой отчеканены успехи и победы, одержанные войсками под моим руководством. Каждому из этих четырех батальонов я завещаю по два талера на человека и столько же каждому гвардейскому корпусу.

Если перед смертью я добавлю к этому завещанию кодицилл, написанный моей собственной рукой и подписанный, то он будет иметь ту же силу, что и этот торжественный документ.

Если кто-либо из тех, кого я считал, умрет раньше меня, то завещание будет недействительным. Если я умру во время войны, мое общее наследство должно быть сохранено, а мое наследство будет выплачено только после восстановления мира. Однако во время войны никто не должен иметь права предъявлять требования к наследству.

Я рекомендую моему преемнику уважать свою собственную кровь в своих дядях, тетях и всех кровных родственниках. Совпадение, которое правит человеческой судьбой, решает первородение. Но то, что кто-то является королем, еще не означает, что он лучше других. Я рекомендую всем моим родственникам жить в мире друг с другом. Пусть они поймут, когда это необходимо, пожертвовать своими личными интересами ради благополучия отечества и пользы государства.

До последнего вздоха я желаю процветания государства. Пусть оно всегда управляется справедливо, мудро и сильно! Пусть оно через мягкость своих законов будет самым счастливым, в своих финансах наилучшим образом управляемым и через армию, которая стремится только к чести и благородной вооруженной славе, будет защищаться наиболее доблестно! Пусть оно процветает до конца времен!

Берлин, 8 января 1769 г.
Фридрих

Конец.